

З. И. ПЕРЕГУДОВА

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ
СЫСК РОССИИ
1880 — 1917**



-
- [ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК РОССИИ \(1880-1917 ГГ.\)](#)

<i>Зинаида Ивановна Перегудова</i>

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК РОССИИ (1880-1917 ГГ.)

Москва: РОССПЭН, 2000.



Автор - сотрудница ЦГАОР (Архив Октябрьской революции), д-р ист. наук, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации, Москва

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Раздел 1. СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА

Глава 1. ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ: ЕГО СОЗДАНИЕ, ФУНКЦИИ, СТРУКТУРА

Глава 2. ОСОБЫЙ ОТДЕЛ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Глава 3. МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА

Глава 4. ЗАГРАНИЧНАЯ ОХРАНКА

Раздел 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА

Глава 5. СЛУЖБА НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ

Глава 6. ОРГАНИЗАЦИЯ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ И ПРОБЛЕМЫ
РАСКРЫТИЯ

§ 1. Секретная агентура § 2. Комиссии Временного правительства и
работа советских архивов по раскрытию секретной агентуры

§ 3. Сталин и охранка (слухи, версии, документы)

Глава 7. ПЕРЛЮСТРАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ И БИБЛИОТЕКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ИЗДАНИЙ

Глава 8. ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Раздел 3. В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ?

Глава 9. КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Глава 10. НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕФОРМА ПОЛИЦИИ (по
материалам комиссии сенатора А.А.Макарова)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Примечания в печатном издании после каждой главы

Приложение № 1. Список директоров Департамента полиции со
времени его образования до 1917 г. в хронологическом порядке

Приложение № 2 «ПОЛОЖЕНИЕ об устройстве секретной полиции в
Империи»

Приложение № 3. ИНСТРУКЦИЯ инспектору секретной полиции

Приложение № 4. ИНСТРУКЦИЯ филерам Летучего отряда и филерам
розыскных и охранных отделений

Приложение № 5. Проект. Инструкция чинам, состоящим в
распоряжении Директора Департамента Полиции по заведыванию
охранными пунктами

Приложение № 6. ПОЛОЖЕНИЕ о районных охранных отделениях

Приложение № 7. ПОЛОЖЕНИЕ об охранных отделениях

Приложение № 8. ИНСТРУКЦИЯ начальникам охранных отделений
по организации наружного наблюдения

Приложение № 9. Приложение № 10.

Приложение № 11.

Приложение № 12.

ВВЕДЕНИЕ

Среди множества тем отечественной истории, требующих более
основательного освещения, а где-то и переосмысления, далеко не
последнее место занимает проблематика правоохранительных органов и
политической полиции. Как известно, органы эти накладывали

исключительно серьезный отпечаток на всю общественно-политическую жизнь страны, причем не только в советские, но и в досоветские времена.

Несмотря на большое количество и популярных, и специальных работ по истории политического сыска дореволюционной России (обзор этих работ дается ниже), ряд вопросов и в том числе не второстепенных остаются слабо исследованными, а целый ряд важных и интересных источников — не введенными в научный оборот. Пожалуй, главный пробел состоит во все еще недостаточной изученности учреждений политического сыска, их организации, структуры, функций, практической деятельности и общественно-политической роли. Между тем, как раз через деятельность этих учреждений, главными из которых были Департамент полиции и его Особый отдел (которым в работе и уделяется основное внимание), и осуществлялась вся эта деятельность.

Учитывая данные обстоятельства, автор поставила в центр своего исследования именно эти органы, причем постаралась осветить и проанализировать их деятельность, начиная с реорганизации политической полиции, проведенной М.Т. Лорис-Меликовым в августе 1880 г., когда было ликвидировано Третье отделение с.е.и.в.к. и создан Департамент государственной полиции, и кончая ликвидацией их в марте 1917 г. Ввиду большого количества книг и статей, в которых дается подробный анализ политической ситуации, революционного и общественного движения, а также во избежание «общих мест», автор решила сосредоточиться на раскрытии взятой ею проблемы в «чистом виде», почти полностью абстрагируясь от того общественно-политического контекста, в котором учреждениям политического сыска приходилось действовать.

Изложение фактического материала и его анализ строятся в книге по историческому и системному принципам. Соответственно и разбивка по главам сделана таким образом, чтобы, с одной стороны, выявить структуру и функции органов политического сыска и те изменения, которые они претерпевали, а с другой — осветить по возможности полнее основные направления их деятельности. Материал внутри глав расположен, в основном, в хронологическом порядке. Такого рода построение книги позволило проследить основные этапы эволюции как Департамента в целом, так и его структурных частей и подразделений.

Первая глава, в которой прослеживаются обстоятельства создания Департамента и его общая история, носит отчасти вводный характер. Особенно это относится к периоду 1880 — 1904 гг., при анализе которого был использован наряду с материалами архива ряд появившихся в последние годы работ (см. ниже).

В центре исследования находится Особый отдел Департамента полиции и основные направления его деятельности — внешнее наблюдение (филерская служба), внутреннее наблюдение (секретная агентура), перлюстрация, контроль за общественными движениями и организациями, Заграничная агентура.

Хотя автор стремилась не отдавать предпочтения тому или иному из рассматриваемых сюжетов, все же это ей не удалось до конца. Вольно или, скорее, невольно, но из общего порядка глав несколько выбивается глава 6 (Департамент полиции и секретная агентура). Произошло это не только потому, что с ростом революционного движения внутреннее наблюдение превратилось в основное направление политического сыска, но и вследствие определенной сложности и «деликатности» темы, а также и тех продолжений, которые она имела уже после ликвидации Департамента. Учитывая важность проблемы «раскрытия» секретной агентуры как в период ее функционирования, так и после него, автор посвятила специальный параграф работе комиссий сначала Временного, а затем советского правительства по изучению данной стороны деятельности «охранки» (В данном случае автор применяет термин «охранка», имея в виду политическую полицию и политический сыск как собирательное понятие. Этот термин широко вошел в практику. К сожалению, некоторые исследователи распространяют это понятие на целый ряд конкретных учреждений: Охранное отделение (собственно, и есть «охранка»), губернские жандармские управления, розыскные пункты и т.д., не учитывая их специфики. См.: Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М, 1991. С. 21 — 22.)

Работа над документами и материалами этих комиссий позволила не только прояснить судьбу документальной базы Департамента и секретной агентуры после февраля 1917 г., вопрос о степени ее сохранности, но и определить с достаточной степенью точности общее количество секретных сотрудников, действовавших в партийных и иных организациях и объединениях. В то же время автор не считает, что вопрос этот исследован до конца. Она лишь надеется, что ее изыскания помогут перейти к следующему этапу и сконцентрироваться на выявлении более конкретных его аспектов.

За пределы рассматриваемого в книге периода в чем-то выходит и следующий параграф главы, в котором дискутируется вопрос о том, был ли Сталин агентом охранки. Как полагает автор, занимавшаяся данной проблемой не один год, включение данного сюжета в главу оправдано не только и не столько, самым этим вопросом, сколько тем, что его

рассмотрение выводит на освещение таких сюжетов, как правила «ведения» секретных сотрудников руководителями политического сыска, «тонкости» работы с документами, касающимися внутренней агентуры, влияние агентов на деятельность партийных организаций.

Что касается наружного наблюдения, то хотелось бы отметить, что ни одно из направлений розыскной деятельности Департамента полиции не привлекало такого пристального внимания историков, писателей, журналистов, кинематографистов, как филерская служба. Учитывая это, автор сосредоточилась, во-первых, на одном из главных и сравнительно мало освещенных вопросов этой службы — деятельности «Летучего отряда» и, во-вторых, постаралась дать характеристику личности и деятельности такой по-своему примечательной фигуры, как Медников, который не только заложил основы этой службы, но и был в течение ряда лет ее руководителем.

В главе о «Заграничной охране» главный упор сделан на характеристике ее руководителей и агентов, что, с точки зрения автора, позволяет глубже проникнуть в «кухню» розыскной деятельности Департамента.

Впрочем, интерес к руководителям политического сыска не ограничился лишь одной и ли. двумя фигурами. Учитывая большую, а зачастую и решающую роль ряда руководителей Департамента и его основного подразделения — Особого отдела, автор попыталась в ходе изложения выявить эту роль как в преобразованиях, имевших место в самом Департаменте, так и в совершенствовании основных направлений его деятельности. Особое внимание в работе уделено таким неординарным личностям, как Л.А.Ратаев, М.И.Трусевиц, С.В.Зубатов, Е.К.Климович, В.Ф.Джунковский, С.П.Белецкий, А.М.Еремин и некоторым другим. С этими именами связаны основные вехи в истории Департамента, они же, по существу, определяли и его политическое лицо.

Определенную сложность представляло освещение деятельности Департамента полиции по наблюдению за общественными организациями, деятелями культуры, средствами досуга и развлечения и т.п. Обширность, неисчерпаемость этой темы побудили остановиться на наблюдении за двумя, в чем-то полярными видами деятельности: профсоюзами и профсоюзным движением, с одной стороны, и кинематографом и грамзаписями, — с другой. На этих примерах появилась возможность показать широкий диапазон методов наблюдения и контроля, знакомство с которыми дает читателю возможность составить в какой-то мере и более общее представление об этих методах. В этом выборе имело значение и то,

что, в отличие от ряда других видов и направлений общественной деятельности, политика Департамента полиции в отношении данных ее направлений практически не изучалась. Наконец, анализ политики Департамента в отношении профсоюзов дал возможность автору выявить прямую связь между отношением властей к Зубатову и «зубатовщине» и линией в рабочем вопросе накануне событий 1917 г.

Представилось необходимым включить в книгу специальные главы о кадрах политического сыска, их подготовке и попытке реформы полиции, связанной с деятельностью Комиссии сенатора Макарова.

Материал этих глав позволил выявить, в какой мере удалось и удалось ли вообще Департаменту полиции, его структурам и персоналу «идти в ногу со временем» и в каком состоянии они оказались в конце революционных событий 1917 г.

Работая многие годы с материалами Департамента полиции, все глубже вникая в систему его делопроизводства и сознавая определенную сложность работы с фондом, автор не могла победить искушения познакомить читателя со структурой делопроизводства и номенклатурой дел фонда Департамента полиции. При этом она надеется, что сведения эти представят интерес не только для специалистов, но и для более широкого круга читателей, интересующихся источниковой базой отечественной истории. В этом плане хотелось бы отметить своеобразие материалов перлюстрации и библиотеки революционных изданий, которые одновременно были и результатом розыскной деятельности и своего рода пособиями для углубления профессиональных знаний организаторов политического сыска.

Источники и литература

Что касается источников, то главными из них явились фонды Департамента полиции и Штаба отдельного корпуса жандармов, личные фонды, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), и документы, опубликованные в разное время в отечественных и зарубежных изданиях. Подробная характеристика этих документов и материалов содержится в тексте. Некоторые из наиболее важных документов приводятся в Приложении к книге.

Стоит отметить, что фонд Департамента полиции — это богатейший источник по истории революционного и оппозиционного движения в России конца XIX — начала XX в. В его материалах сохранилась не только переписка между жандармско-полицейскими учреждениями того времени за наблюдаемыми организациями и движениями, но в копиях, а иногда и в подлинниках — материалы этих организаций, и они занимают довольно

большой процент в фонде.

Чрезвычайно богатым и интересным источником являются стенографические отчеты заседаний Государственной Думы, журналы заседаний ее комиссий в той части, где изложено обсуждение вопросов, связанных с реформой полиции, приведены запросы по поводу увольнения рабочих — участников забастовочного движения, о преследовании профессиональных союзов.

Важным источником, требующим, правда, критического отношения, являются мемуары и дневники государственных деятелей, воспоминания чиновников Департамента полиции, жандармерии, лиц, связанных с русским политическим сыском. Прежде всего, это мемуары П.Г. Курлова, П.П. Заварзина, А.И. Спиридовича, А.П. Мартынова, А.В. Герасимова, записки С.П. Белецкого 1.

При изучении вопроса о реформе полиции, подготовке законодательства об обществах и союзах, широко использованы материалы прессы. Периодика того времени содержит значительное количество критических материалов в адрес Департамента полиции, особенно в связи с запросами в Государственной Думе о тайне переписки и перлюстрационной деятельности Департамента. Довольно интересны материалы прессы, публиковавшиеся в период разоблачения провокаторской деятельности матерых секретных сотрудников Е.Ф. Азефа, А.М. Гартинга, З.Ф. Жученко-Гернгросс.

В дореволюционной историографии практически нет работ, посвященных деятельности учреждений политического сыска, если не считать ведомственных изданий к 100-летию Министерства внутренних дел, где очень поверхностно рассматривается начальный период деятельности Департамента полиции. Для изучаемой темы представляет определенный интерес брошюра бывшего директора Департамента полиции А.А.Лопухина «Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции»², в которой дается характеристика общей и политической полиции в период революции 1905—1907 гг. и делается попытка экскурса в историю, предлагаются меры, направленные на совершенствование форм и методов борьбы с революционным движением в интересах укрепления режима.

Комиссией сенатора Макарова по реформе полиции был подготовлен «Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России»³. Работа эта, как и брошюра Лопухина, касается больше вопросов самого полицейского аппарата в целом и в очень малой степени Департамента полиции. В непосредственной связи с реформой полиции

была написана работа Р.А.Арнольда и В.Д.Кайсарова⁴. В ней дается краткий очерк истории полиции в России, обосновывается необходимость реформы. Методы деятельности органов политического сыска, становления и развития провокаторских приемов рассматривались в работах, вышедших в 1912 г.: историка Б.Б. Глинского, юриста Н.А. Гредескула⁵. В них была предпринята попытка критики жандармско-полицейской системы России. Вопросам организации провокации посвящен сборник статей разных авторов (П. Рутенберг, Б. Савинков, В. Тучкин, Б. Ленуар и др.), вышедший в 1910 г. в Берлине. Составитель собрал воедино отдельные очерки, связанные с засылкой провокаторов в партийные организации (об Азефе, Гапоне, Петрове и др.)⁶. Имеются приложения в виде писем представителей политического сыска Герасимова, Карпова, Доброскока, Гартинга.

После Февральской революции 1917 г., когда был создан ряд комиссий по разбору документов Департамента полиции, охранных отделений, губернских жандармских управлений и появилась возможность ознакомиться с материалами этих учреждений, выходят очерки и книги, раскрывающие тайны жандармерии и полиции. В качестве их авторов часто являются члены этих комиссий: В.К. Агафонов, С.Г. Сватиков, М.А. Осоргин, С.Б. Членов. Эти работы посвящены заграничной агентуре, деятельности охранных отделений, секретной агентуре, анализу методов и приемов охраны, уделяется внимание провокаторской деятельности самих учреждений политического сыска, причем часть этих работ выходит уже в 1918 — 1922 гг.⁷.

Особенно усилился поток работ, связанных с деятельностью политической полиции, в 20 — 30-е годы, когда материалы полицейских фондов стали изучать специалисты-историки. В этих работах делаются первые попытки анализа деятельности учреждений политического сыска, методов их работы⁸. Надо отметить, однако, что их авторы, как правило, касались только определенных моментов деятельности данных учреждений, не пытаясь дать общей картины претерпеваемой ими эволюции.

Несколько выпадает из этого перечня работа П.А. Шуйского «Департамент полиции»⁹. По сути дела, эта единственная работа 30-х годов, непосредственно посвященная Департаменту полиции, начальному его этапу. В ней автор в популярной форме стремится рассказать о том, что представлял собой Департамент полиции, опираясь, в основном, на опубликованные материалы Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных действий бывших министров и других

должностных лиц, мемуарную литературу. Большая часть работы посвящена характеристике секретных сотрудников. Такие вопросы, как структура учреждения, место Департамента полиции в системе политического сыска России остались нераскрытыми.

Литература довоенного времени концентрировала внимание на методах борьбы царизма с революционным движением, на разоблачении реакционной сущности царской полиции и, в первую очередь, секретной агентуры.

Новый этап в изучении вопроса об учреждениях политического сыска начинается в 60-70-е годы. В рамках общего курса истории государственных учреждений дореволюционной России выделяется работа Н.П.Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России»¹⁰. К этой теме обращаются не только историки, но и юристы: Р.С. Мулукаев, Л.В. Хохлов, Д.И. Шинджикашвили, С.В. Юшков¹¹ и др. Все эти работы дают адекватное представление о системе политических институтов царизма и тем самым помогают более глубокому пониманию роли и места Департамента полиции и подведомственных ему учреждений в данной системе. Наибольший интерес для исследуемой темы представляют работы Р.С. Мулукаева «Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России» и Д.И. Шинджикашвили «Сыскная полиция царской России в эпоху империализма», «Министерство внутренних дел царской России в период империализма». Авторы дают систематизированную историю полицейских учреждений, делая, однако, основной упор на уголовной полиции.

По мере изучения приемов и методов борьбы Департамента полиции с революционным движением усиливается внимание к провокаторской деятельности секретных сотрудников и борьбе с ними в революционных организациях. Этим вопросам посвящены работы Б.К. Эренфельда, М.Е. Соловьева, А.П. Кознова, Н.Н. Ансимова¹².

При отсутствии опубликованных работ по Департаменту полиции имеются диссертации, которые рассматривают эти вопросы¹³. Значительная их часть защищена в Историко-архивном институте и выполнена под руководством известного историка Государственных учреждений Н.П. Ерошкина и его ученика и коллеги А.Д. Степанского. Профессору Ерошкину удалось создать школу исследователей, многие из которых в настоящее время являются крупными учеными и продолжают активно разрабатывать данную проблематику.

Исследование роли Департамента полиции в борьбе с революционным движением, его места в системе карательных учреждений

дореволюционной России существенно облегчается наличием ряда работ, в которых рассматриваются общие вопросы внутренней политики России периода 1880 – 1917 гг. Авторы некоторых из этих работ рассматривают карательную деятельность в отношении рабочего класса, профсоюзов, кооперативного движения, общественных организаций. Это прежде всего коллективная работа ленинградских историков «Кризис самодержавия в России. 1885—1917 гг.» и работы А.Я. Авреха, А.М. Давидовича, В.Я. Лаверычева, О.Ф. Соловьева, А.Д. Степанского¹⁴.

За последнее десятилетие интерес к проблемам политического сыска царской России значительно возрос. Вышли монографии, в которых исследуется политический сыск России, начиная с XVI в. и кончая 1917 г. Это книги Ф. Лурье, Ч. Рууда и С. Степанова¹⁵. Предназначенные для широкого круга читателей, они в то же время снабжены профессионально составленным научно-справочным аппаратом. На широкий круг читателей, а также работников правоохранительных органов, слушателей учебных заведений системы МВД рассчитана книга А. Ярмышя¹⁶. Для массового читателя предназначена работа В. Жухрая¹⁷.

В серии «Энциклопедия тайн и сенсаций» вышел двухтомник «История сыска в России» (Минск, 1996. Авт.-сост. Кошель П.А.). Основываясь на публикациях, выбирая самые интересные сюжеты из истории политического сыска, составитель преподносит их в форме, рассчитанной на массового читателя.

В последние годы вышел ряд интересных работ, посвященных отдельным направлениям деятельности политического сыска: Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. (История криптографической службы России XVIII — начала XX в.); Розенталь И.С. Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. В качестве учебного пособия вышли: работа Мулукаева Р.С. Полиция в России (XIX в. — начало XX в.) Н-Новгород, 1993) и Романова В. В. Политическая полиция — государственный институт Российской Империи начала XX века (Ульяновск, 1996. 74 с). В работе рассматриваются учреждения, действовавшие в Поволжском регионе.

Появилось также несколько статей и публикаций А.А. Миролубова, Ю.Ф. Овченко, Л.И. Тютюнник, в их числе и ряд статей и публикаций автора¹⁸.

Альманах «Из глубины времен»¹⁹ начал публикацию формулярных списков директоров Департамента полиции в разделе «Во главе Департамента полиции».

По материалам Международной научной конференции «Политический

сыск России: история и современность», проходившей в Санкт-Петербурге в мае 1996 г., вышел сборник материалов конференции с таким же названием. В нем не все статьи равнозначны. Но сам факт проведения такой конференции был важным этапом в изучении поставленного вопроса.

В декабре 1997 г. в ФСБ прошла научно-теоретическая конференция «Российские спецслужбы»²⁰ — история и современность», на которую были приглашены специалисты, занимавшиеся историей государственных учреждений, и представители отечественных спецслужб. Материалы конференции подготовлены к изданию.

С середины 70-х годов деятельность общей и политической полиции дореволюционной России стала объектом внимания зарубежных историков. В 1976 г. была опубликована книга И.Шнейдермана «Сергей Зубатов и революционный марксизм: борьба за рабочий класс в царской России». Это первая и единственная монография как в российской, так и в зарубежной библиографии, посвященная Зубатову, хотя о самой «зубатовщине» имеется ряд работ²².

В последующие годы был опубликован ряд статей по конкретным вопросам организации и деятельности политического сыска и общей полиции²³.

В 1988 г. в Лондоне вышла книга Н. Шлейфмана «Секретные агенты в русском революционном движении: партия эсеров, 1902—1914 гг.». В 1996 г. в Нью-Йорке опубликована книга Ф. Цукермана «Царская секретная полиция в российском обществе, 1880-1917 гг.»²⁴.

Одним из наиболее крупных исследований зарубежных авторов в последние годы явилась монография профессора Иллинойского университета (США) Д. Дейли «Самодержавие в осаде (политическая полиция и оппозиция в России 1886 — 1905)», написанная на базе большого количества первоисточников, хранящихся как в зарубежных, так и в российских архивах. Автор анализирует историю создания политической полиции в России, личный состав, местные учреждения, а также методы розыскной деятельности. В монографии даются ссылки практически на все заслуживающие внимания работы российских и зарубежных историков по проблемам исследования²⁵.

Как видим, проблема политического сыска дореволюционной России не обделена вниманием историков и правоведов. Это позволило автору коснуться ряда сюжетов либо вскользь, либо не затронуть вовсе, сосредоточившись на тех главных направлениях своего исследования, о которых достаточно подробно было сказано в первой части введения.

Автор выражает свою признательность за содействие и помощь

коллегам — С.В. Мироненко, Е.Л. Луначарскому, Л.В. Добровской, Б.Ф. Додонову, М.В. Сидоровой, К.Г. Ляшенко, А.И. Цветковой, И.С. Тихонову, В.П. Хитровой, Е.А. Чирковой, И.Н. Засыпкиной, Л.В. Крячковой, А.С. Атапиной. Хочу также поблагодарить В.С. Глебова, благодаря опыту и стараниям которого был восстановлен ряд фотографий, опубликованных в книге.

Особую признательность автор выражает И.М. Пушкаревой, Л.И. Тютюнник, В.В. Шелохаеву, А.В. Островскому, Д.Б. Павлову, А.Д. Степанскому за ценные советы и поддержку на всех стадиях работы над рукописью.

Примечания

1 Курлов П. Г. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира Корпуса жандармов. М.; Пг., 1923; его же. Гибель императорской России. Берлин, 1923; Майский С. Черный кабинет. Из воспоминаний бывшего цензора / Былое. 1918. № 8. С. 185—197; Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. Прибой, 1929; Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928; Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. Воспоминания. Под ред. R.Wraga. Stanford, 1972; Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991.

2 Лопухин А.А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907.

3 Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913.

4 Арнольд Р.А., Кайсаров В.Д. Соображения о реформе полиции в Российском государстве. Харбин, 1919.

5 Глинский Б. Б. Отдельные эпизоды агентурной деятельности Департамента полиции в 80-е годы / Исторический вестник. 1912. Т. 127. № 2. С. 667-690; Гредескул Н.А. Террор и охрана. СПб., 1912.

6 За кулисами Охранного отделения. Берлин, 1910.

7 Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг., 1917; Красный А. Тайны охранки. М., 1917; Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. Б. м. издания, 1917; С.Ч. Охранные отделения в последние годы царствования Николая II. М., 1917; Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг., 1918; Сватиков С.Г. Русский политический сыск за границей (по документам Парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции). Ростов-на-Дону, 1918; Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти. Пг., 1918; Членов СБ. Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., 1919 и др.

8 Булкин Ф. Департамент полиции и союз металлистов / Красная

летопись. 1923. № 5, 8, 9; Кантор Р.К. К истории черных кабинетов / Каторга и ссылка. 1927. № 8, 37. С. 90-99; Лемке М.К. Наш заграничный сыск (1881 — 1883) / Красная летопись. 1923. № 5. С. 67 — 84; Щеголев П.Е. Жандармские откровения (зав. Особым отделом о провокации) / Каторга и ссылка. 1929. № 54. С. 90—105; Меньщиков Л.П. Охранка и революция. Ч. 1. М., 1925; Лонге Ж., Зильберт Г. Терроризм и охранка. М., 1924; Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. М., 1930 и др.

9 Шуйский П.А. Департамент полиции. 1880 г. — начало XX в. Харьков, 1930. На укр. яз.

10 Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983; См. также: Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха. Учебное пособие для учителей. М., 1975.

11 Юшков С.В. История государства и права СССР. М., 1961. С. 542 — 543; Мулукаев Р. С Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; его же. Организационно-правовые основы становления Советской милиции. Гл. 1. М., 1975; его же. Системы государственных учреждений дореволюционной России. М., 1974; его же. Общеуголовная полиция дореволюционной России. М., 1979; его же. История полиции дореволюционной России. М., 1981 г.; Мулукаев Р.С, Полубинский В.И. Сказ о сыске / Советская милиция. 1990. №. 1 — 12; Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция в царской России в эпоху империализма. Омск, 1973; его же. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974; Хохлов А.В. Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905 — 1907 гг. М., 1975; Ярмыш А.Н., Федоров К. Г. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976.

12 Эренфельд Б.К. Дело Малиновского / Вопросы истории. 1965. № 7. С. 106—116; его же. Из истории борьбы большевистской партии с подрывной деятельностью царской тайной полиции / Вопросы истории КПСС. 1979. № 12. С. 84 — 94. В статье ошибочно названа дата создания Департамента полиции. Более широко эта тема раскрывается в работах Эренфельд Б.К. Тяжелый фронт. М., 1963; Соловьева М.Е. Царские провокаторы и дело социал-демократической фракции 2-ой Государственной Думы / Вопросы истории. 1966. № 8. С. 124—129; Кознова А.П. Борьба большевиков с подрывной агентурой царизма в период реакции (1907-1910 гг.) / Вопросы истории КПСС. 1986. № 12. С. 66-70; его же. Борьба большевиков с подрывными акциями царской охранки в 1910-1914 гг. / Вопросы истории КПСС. 1983. № 9. С. 59-74; Ансимова Н.Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903—1917 гг.). Свердловск, 1989.

13 Начальный период деятельности (1881 — 1904 гг.) рассматривается в двух диссертационных работах: юриста Ярмыш А.Н. Политическая полиция Российской империи (1880—1904 гг.). Харьков, 1978, и историка Тютюнник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX-XX вв. (1880-1904 гг.) М., 1986. Последние годы отражены в диссертациях: Перегудова З.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (Годы реакции и нового революционного подъема). М., 1988; Миролюбов А.А. Политический сыск России в 1914 — 1917 гг. М., 1988; Овченко Ю.Ф. Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением в 1880— 1904 гг. М., 1989; Федоров СЕ. Политический розыск в царской России в начале XX в.: средства и методы. Харьков, 1992.

14 Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Дубенцов Б.В., Дякин В.С., Потолов СИ. Кризис самодержавия в России. 1895—1917 гг. М.; Л., 1984; Аврех А.Я. Столыпин и III Дума. М., 1968; его же. Царизм и IV Дума. М., 1981; его же. Распад Третьеиюньской системы. М., 1985; Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М., 1975; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978; Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861 — 1917). М., 1972; его же. По ту сторону баррикад. М., 1967; Соловьев О.Ф. Международный империализм — враг революции в России. М., 1982; Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX — XX веков. М., 1980; его же. Советская историография внутренней политики царизма в 1905—1907 гг. / Актуальные проблемы советской историографии Первой русской революции. М., 1978. С. 256 — 282; его же. Общественные организации в России на рубеже XIX—XX вв. М., 1982.

15 Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992; Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993.

16 Ярмыш А. Наблюдать неотступно. Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска на Украине в конце XIX - начале XX веков. Киев, 1992.

17 Жухрай В. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. М, 1991.

18 Тютюнник Л. И. Состояние политического сыска в России в 60 — 70 гг. XIX в.; Кризис III отделения / Государственные учреждения и общественные организации СССР: история и современность. М., 1985; Миролюбов А.А. Документы по истории Департамента полиции периода первой мировой войны / Советские архивы. 1988. № 3; Перегудова З.И.

Источник изучения социал-демократического движения в России (материалы фонда Департамента полиции) / Вопросы истории КПСС. М., 1988. № 9. С. 88—100; ее же. Деятельность комиссий Временного правительства и советских архивов по раскрытию секретной агентуры царской охраны / Отечественные архивы. 1998. № 5. С. 10 — 22; ее же. - Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением (кадры, курсы, программы) / Факел. Историко-революционный альманах. М., 1990; Лурье Ф.М., Перегудова З.И. Царская охранка и провокация /Из глубины времен. Вып. I. СПб., 1992; Овченко Ю.Ф. Московская охранка на рубеже веков / Отечественная история. 1993. № 3.

19 Из глубины времен. Вып. 4. СПб., 1995. С. 130-178 (И.О. Велио, В.К. Плеве, П.Н. Дурново, Н.И. Петров); Вып. 5, СПб., 1995. С. 173-192 (Н.Н. Сабуров, А.Ф. Добржинский, С.Э. Зволянский); Вып. 6. СПб., 1996. С. 176-190 (А.А. Лопухин, С.Г. Коваленский, П.И. Рачковский); Вып. 7, СПб., 1996. С. 196-209 (Н.П. Гарин, Э.И. Вуич); Вып. 8. СПб., 1997. С. 195-205 (М.И. Трусевич, Н.П. Зуев); Вып. 9. СПб., 1997. С. 184 — 206 (С.П. Белецкий). Публикации подготовлены Б.М. Витенбергом, А.В. Островским, З.И. Перегудовой.

20 Ж. Служба безопасности. № 3-4. 1998. С. 26-29.

21 Schneiderman J. Sergej Zubatov and Revolutionary Marxism: The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. N.Y., 1976.

22 Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928; Раковский М. Зубатов и московские граверы // История пролетариата СССР. 1930. № 2. С. 199 — 232; Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX —XX вв. М., 1980. С. 65 — 91; Карелин А.П. Русский «полицейский социализм» (зубатовщина) // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 41—58; его же. Крах идеологии «полицейского социализма» в царской России // Исторические записки. Т. 92. 1973. С. 109-152.

23 Lieven D. The Security Police, Civil Rights, and the Fate of the Russian Empire, 1855-1917 // Civil Rights in Imperial Russia, Oxford, 1989; Weiss-man N. Regular police in Tsarist Russia, 1900—1914 // The Russian Review. Vol. 44. 1985. P. 45-68; Ruud Ch. Lopukhin A.A. Police Insubordination, and the Rule of Law // Russian History 20. 1992. P. 147-162.

24 Schleifman N. Undercover Agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party, 1902-1914. London, 1988; Zukerman F. The Tsarist Secret Police in Russian Society, 1880-1917. New York, 1996.

25 Daly J. Autocracy under Siege, Security Police and Opposition in Russia 1866-1905. Dekalb, Illinois, 1998.

Раздел 1

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА

Глава 1

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ: ЕГО СОЗДАНИЕ, ФУНКЦИИ, СТРУКТУРА

§ 1. Верховная распорядительная комиссия (ВРК) и создание Департамента полиции.

Реформы второй половины XIX в., проведенные Александром II, носившие, несомненно, прогрессивный характер, далеко не решили назревших к тому времени общественных проблем. Будучи недостаточно последовательными, они не сняли того напряжения в общественно-политической жизни страны, которое заметно нарастало к концу столетия.

В течение 70 —80-х годов активизировалась деятельность студенческих кружков, интеллигенции. Все более важным фактором внутривластной жизни становилось набиравшее силу рабочее движение. Не внесла успокоения Великая реформа 1861 г. и в крестьянскую массу. В этот период организационно оформилась партия «Народная воля», взявшая на вооружение индивидуальный террор как главное средство борьбы. Росло число покушений на Александра II и других государственных деятелей.

Многие современники считали, что страна находится на грани общенационального кризиса, выход из которого видели в проведении дальнейших реформ.

Один из наиболее способных министров Александра II Д.А. Милютин в апреле 1879 г. записал в своем дневнике: «Действительно, нельзя не признать, что все наше государственное устройство требует коренной реформы, снизу доверху. Как устройство сельского самоуправления, земства, местной администрации, уездной и губернской, так и центральных и высших учреждений — все отжило свой век, все должно было бы получить новые формы, согласованные с великими реформами, совершенными в 60-х годах. К крайнему прискорбию, такая колоссальная работа не по плечу теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицмейстера или даже городского...» Далее в дневнике указывалось, что «правительство в своих

С. 18.

действиях ограничивается полицейскими мерами, вместо того, чтобы действовать против самого корня зла»¹.

О необходимости проведения реформ говорили и в ближайшем

окружении Александра II, который предполагал свое 25-летие на российском троне отметить важными преобразованиями. Однако проекты, которые предлагали П.А. Валуев, великий князь Константин Николаевич, не нашли поддержки у влиятельных сил двора. Больше того, к началу 80-х годов укрепляются позиции сил, требовавших более решительной борьбы с противоправительственными действиями и укреплением репрессивного аппарата самодержавия.

Событием, подтолкнувшим правительство к решительным действиям в этом направлении, явился сильнейший взрыв в Зимнем дворце, под царской столовой, организованный С. Халтуриным. Только по случайности никто из царской семьи не пострадал².

Не только дворец, но весь Петербург был охвачен паникой. Террористы в самом дворце! Куда смотрит III Отделение?! Оно не в состоянии организовать охрану царской семьи.

7 февраля 1880 г., два дня спустя после взрыва, великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике: «Мы переживаем время террора с той только разницей, что парижане в революции видели своих врагов в глаза, а мы их не только не видим и не знаем, но даже не имеем понятия об их численности ... всеобщая паника»³.

8 февраля Александр II собирает совещание из своих ближайших помощников, а на следующий день 9 февраля издает Указ о создании Верховной распорядительной комиссии и назначении ее председателем М.Т.Лорис-Меликова⁴.

В первой части Указа о создании ВРК говорилось о необходимости положить «предел беспрерывно повторяющимся покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок».

Указ состоял из одиннадцати пунктов. Первые пункты носили организационный характер (создание Комиссии, ее состав, назначение председателя). В следующих пунктах рассматривались функции ВРК. Как видно из Указа — основная задача Комиссии — организация борьбы с революционным движением. Председателю ВРК Лорис-Меликову давались широкие полномочия — права главноначальствующего в С.-Петербурге и его окрестностях, с непосредственным подчинением столичного градоначальника. Упразднялась должность петербургского генерал-губернатора. На Лорис-Меликова возлагалось «верховное направление» дел по государственным преступлениям. Все требования начальника Верховной распорядительной Комиссии подлежали немедленному исполнению всеми

С. 19.

должностными лицами и ведомствами, не исключая и военного. Руководитель ВРК имел право «делать все распоряжения и принимать все меры... для охранения государственного порядка и общественного спокойствия как в С.-Петербурге, так и в других местностях империи...»⁵.

Создание Комиссии и ее полномочия по существу ставили III Отделение собственной его императорского величества канцелярии в подчиненное Комиссии положение. Военный министр Д.А. Милютин, беседовавший с Лорис-Меликовым 10 февраля, т.е. на следующий день после создания ВРК, писал о своем впечатлении от этого разговора: «Граф Лорис-Меликов понял свою новую роль не в значении только председателя следственной Комиссии, а в смысле диктатора, которому как бы подчиняются все власти, все министры»⁶.

Как выяснилось в дальнейшем, Милютин был прав. В ходе работы комиссии, Лорис-Меликов понимал свои задачи весьма широко. Помимо непосредственной борьбы с противоправительственной деятельностью, он полагал, что Комиссия должна выработать систему мер, которые могли бы нормализовать положение в стране и успокоить общество. Что касается личности Лориса-Меликова, то она как нельзя более подходила для выполнения поставленных перед Комиссией задач.

Он отличался деловой активностью и умением искать компромиссы, он пользовался большим доверием императора, их общение в этот период было практически ежедневным⁷.

М.Т. Лорис-Меликов, генерал от инфантерии имел солидный стаж государственной службы, которая началась в 1843 г. Он принимал участие в экспедициях против кавказских горцев, был участником Крымской войны, в 1855 г. назначен начальником Карской области, а в 1860 г. военным начальником Южного Дагестана и градоначальником Дербента, 1863 г. — начальник Терской области, участвует в русско-турецкой войне. В течение 3-х месяцев в 1879 г. (со 2 февраля по 2 мая) был временным саратовским, астраханским генерал-губернатором в период эпидемии чумы. В мае 1879 г. был назначен харьковским генерал-губернатором ^{7а}.

Как видно из его послужного списка, он не раз привлекался властями в критических ситуациях и заслужил репутацию умелого и гибкого политического деятеля. Даже его враги вынуждены были признавать наличие в нем недюжинных качеств руководителя. Так газета «Народная воля» писала о нем: «...хитрая, двусмысленная политика Лорис-Меликова и несколько полулиберальных фраз, сказанных им, успокоили взволнованное общество и расположили к нему общественное мнение... Этот граф, как

щедринский герой: хочет и невинность соблюсти и капитал приобрести. Политика двусмысленности

С. 20.

и заискивания, стремления не идти слишком вразрез с духом времени, сохраняя свой высокий пост, в то же время возможно менее запятнать себя, как представителя крайних реакционных стремлений — вот задушевные мысли лица, претендующего быть вдохновителем современной правительственной системы»⁸.

Более объективная характеристика содержится в заметке, помещенной в прусской газете «Berliner Tageblatt» 18 декабря 1883 г. и хранящейся в его личном фонде: «... Графа Лорис-Меликова называют либеральным человеком даже в России, но не надо забывать, что он может быть назван либеральным только по сравнению с графом Толстым⁹. Россия может оставаться вполне консервативной под управлением этого человека, но она была бы удовлетворена сознанием, что во главе управления стоит симпатичный человек, добрая слава которого ничем решительно не запятнана...»¹⁰. Как пишет известный историк П.А. Зайончковский: «Создание верховной распорядительной Комиссии и назначение Лорис-Меликова были приняты в правительственных кругах весьма сочувственно как представителями крайней реакции типа Победоносцева и Каткова, так и либеральными бюрократами круга Милютина и вел. кн. Константина Николаевича»¹¹.

Через несколько дней после создания ВРК Лорис-Меликов опубликовал обращение «К жителям столицы»¹², в котором просил поддержки общества. Этот шаг Лорис-Меликова был весьма благожелательно встречен теми, кто был обеспокоен сложившейся ситуацией. 11 марта М.Н. Катков писал Александру II по поводу назначения Лорис-Меликова и его первых шагов: «Да поможет Бог доблестному генералу ... вывести наши дела из смуты. Зло, с которым ему прежде всего приходится бороться, имеет острый характер. Опасно медлить с раскрытием и искоренением этого зла, но столь же опасна ошибка в диагнозе о врачевании, которая поверхностный недуг может превратить в хронический. Мысль действовать в союзе с обществом — есть мудрая мысль...»¹³ Как впоследствии писал Лорис-Меликов, на свое обращение он получил со всех концов России массу «писем, проектов, записок», которые «указывали меры к исцелению недостатков нашего общественного строя»¹⁴.

В личном фонде Лорис-Меликова хранится часть присланных ему проектов с предложениями реформирования России. Довольно интересна

записка, озаглавленная «К реформе полиции». Она без подписи. Ее автор считает себя обязанным говорить всю правду о полиции и высказывает предложения по ее преобразованию с тем, чтобы она (полиция) приносила «действительную пользу и правительству, и обществу». О себе он

С. 21.

сообщает, что «прослужил Отечеству 35 лет, из них 23 года в полиции».

«Первое обстоятельство, которое всякому заметно, которое привлекает внимание каждого, — пишет он, — это худое состояние полиции ... устройство доброй полиции в Государстве нашем едва ли не первый предмет правительства составлять должно»... Далее в записке говорится: «Правительство не может быть довольно полицией, которая не знает, что надо знать, опаздывающая всегда и везде и розыски которой редко успешны. Печать глумится над полицией, народ боится ее, а люди побогаче не уважают ее»¹⁵.

Автор указывает на причины плохой работы полиции и предлагает меры к ее реформированию: 1) Уменьшить обязанности полиции, часть их передать обществу; 2) Создать полицейский устав; 3) Объединить полицию под одним руководством; 4) Полицейский чиновник должен быть другом и защитником каждого жителя и верным слугой правительству; 5) Нравственно возвысить полицию; 6) Слить жандармскую и общую полицию; 7) За фабричным населением устроить надзор «как нужно»; 8) Пересмотреть уставы¹⁶.

Как видим, основные меры, предлагаемые автором записки, сводятся к тому, чтобы сделать полицию более управляемой и централизованной структурой. Примечательно, что в том же направлении работает и мысль самого Лорис-Меликова.

Прошло немногим более двух недель (26 февраля 1880 г.), как Лорис-Меликов подает Александру II «Всепокорнейший доклад», основная мысль которого сводилась к необходимости объединения всех полицейских властей. Он считал это «единственным верным путем для достижения успехов в мерах против крамолы». Лорис-Меликов писал, что разрозненные действия правительственных лиц и учреждений — «одна из главнейших причин» неуспеха в борьбе с революционными силами»¹⁷. Царь выразил согласие с Лорис-Меликовым.

Указом 3 марта 1880 г. III Отделение собственной его императорского величества канцелярии было официально «временно» подчинено ВРК¹⁸. Это было большой победой Лорис-Меликова. III Отделение являлось высшим органом политической полиции в России и подчинялось

императору. Император назначал его главного начальника, который являлся одновременно и шефом жандармов. В обязанности III Отделения входила охрана государственного строя, надзор и контроль за всеми сторонами политической и общественной жизни России, а также за деятельностью государственного аппарата и выборных учреждений. Основной же функцией III Отделения являлась борьба со всеми проявлениями антиправительственной деятельности, будь то в области политики или идеологии.

С. 22.

Просуществовав более полувека, III Отделение все меньше и меньше справлялось с возложенными на него функциями, хотя его структура и методы работы претерпевали определенные изменения. Член ВРК И.И. Шамшин, проводя ревизию III Отделения, отмечал крайнюю неэффективность его деятельности, связанную с отсутствием притока свежих сил, запущенностью делопроизводства, общую атмосферу застоя, устаревшие методы сыска, волокиту, слабое знание положения дел в революционных организациях.

Материалы обследования III Отделения отсутствуют как в фонде Верховной следственной Комиссии, так и в личном фонде Лорис-Меликова, нет их следов и в фонде III Отделения. Краткие сведения о результатах проверки сохранились лишь в дневнике государственного секретаря Е.А. Перетца, с которым член Комиссии ВРК, сенатор И.И. Шамшин, проводивший ревизию, делился своими впечатлениями. «... Дела III отделения были в большом беспорядке, — говорится в дневнике. — Часто не находилось в них весьма важных бумаг, на которых основано было все производство. Когда он (Шамшин. — З.П.) требовал эти бумаги, отвечали обыкновенно, что их нет; при возобновлении же требования, особенно под угрозой пожаловаться графу Лорис-Меликову, производились розыски и часто находили было не достававшие листы; иногда оказывались они на дому у того или иного чиновника, иногда в ящиках столов канцелярии; раз случилось даже, что какое-то важное производство отыскано было за шкафом»¹⁹.

Шамшин утверждал, что «идеально» была поставлена деятельность по наблюдению за высокопоставленными лицами. В Дневнике же Перетца читаем: «Обо всем этом, не исключая анекдотов, случавшихся в частной жизни министров и других высокопоставленных лиц, докладывалось государю»²⁰. Примером может служить тщательно организованное наблюдение за великим князем Николаем Николаевичем (старшим), за его поездками к неофициальной жене балерине Е.Г. Числовой и их детям,

которые были высланы в Ригу. Наблюдение велось как в Риге, так и за всеми перемещениями великого князя. Велось наблюдение и за великим князем Константином Николаевичем²¹. По свидетельству многих современников, к 80-м годам III Отделение превратилось в глазах общественности в крайне непопулярное, жестокое, неразборчивое в средствах государственное учреждение. Как писал в своем дневнике народоволец Н.В. Клеточников, сумевший внедриться в III Отделение, его сотрудники «готовы за деньги отца родного продать, выдумать на человека какую угодно небылицу, лишь бы написать донос и получить награду»²².

С. 23.

Явно устаревшей была и система соподчиненности III Отделения и других полицейских учреждений, остававшаяся почти без изменений с момента создания III Отделения в 1826 г.

Для характеристики III Отделения и его руководства еще более авторитетным является высказывание Н.Д. Селивестрова, генерал-лейтенанта, товарища шефа жандармов. После убийства С.М. Кравчинским шефа жандармов Н.В. Мезенцева, он временно исполнял должность шефа жандармов. В качестве такового он писал в русское посольство в Лондоне письмо с просьбой помочь в подыскании в Англии агента для работы в революционной среде: «Его величеству угодно, чтобы я действовал как хозяин всего дела и приступил к некоторым преобразованиям. При существующей обстановке действовать успешно — дело невозможное, и я прошу Вашего содействия. Все то, что было заведено Шуваловым, запущено, а пресловутый Шульц, может быть, в свое время имевший способности, — теперь никуда не годится, — он только сплетничает, жалуется. Агентов у нас вовсе нет, ни единого добропорядочного, и я обращаюсь к Вам за помощью ... Не откажите для пользы родины помочь. Шульц уверяет, что агентов-сыщиков и вообще агентов в России вовсе нельзя найти, что до известной степени справедливо. Извините за лаконизм: со дня убийства Мезенцева я работаю по 18 часов в сутки и боюсь свалиться с ног; я совершенно изнемогаю и проклиная тот день, в который принял назначение товарища шефа жандармов. Ответ пришлите через Министерство внутренних дел, — иначе даже ко мне адресованные письма по почте приятель Шульца Шор все вскрывает»²³.

Созданное как одно из отделений собственной его императорского величества канцелярии, III Отделение, как упоминалось выше, подчинялось непосредственно императору. В то время существовало Министерство внутренних дел и внутри этого Министерства — Департамент полиции Исполнительной. Не было четкого разграничения

полномочий в деле руководства полицией на местах. Такое положение приводило к соперничеству между МВД и III Отделением, что также не могло не отражаться на эффективности и авторитете полицейских служб.

После проведения судебной реформы 60-х годов стали все более осложняться отношения между III Отделением и судебной властью, стремившейся следовать букве закона и в ряде случаев препятствовать полицейскому произволу. Разногласия между III Отделением и Министерством юстиции нарастали. Жандармы после введения временных правил 1 сентября 1878 г. все больше вмешивались в вопросы судебных властей.

С. 24.

За указом о временном подчинении III Отделения ВРК уже на следующий день (4 марта) последовало новое «высочайшее» повеление, в соответствии с которым и Отдельный корпус жандармов также был «временно» подчинен ВРК 24. Отдельный корпус жандармов был специальным воинским подразделением, чины которого составляли основу штата жандармско-полицейских учреждений Российской империи: Губернских жандармских управлений (ГЖУ), Петербургского охранного отделения, жандармско-полицейских управлений железных дорог, жандармских дивизионов, крепостных команд и т.д.

Корпус жандармов имел двойное подчинение. По инспекторской, строевой и хозяйственной части он входил в систему Военного министерства. По «наблюдательной части», организации и ведению политического розыска, дознаний подчинялся III Отделению.

Указами от 3 и 4 марта 1880 г. руководство всеми этими учреждениями перешло в руки Лорис-Меликова. Одновременно ему были представлены все права и «круг действий», присвоенные законом шефу жандармов.

11 апреля 1880 г. Лорис-Меликов передал Александру II всеподданнейший доклад, который был программой дальнейших мероприятий ВРК для решения поставленных перед ней задач. В первой части докладной записки говорилось о том, что успела сделать Комиссия (координация деятельности жандармских органов и полиции, ускорение процессов рассмотрения дознаний по политическим делам, урегулирование вопроса административной ссылки и т.д.). Далее в докладе отмечалось, что для вывода страны из кризиса необходимо провести реформы, касающиеся различных сторон общественной жизни России. В части, касающейся «охранения государственного порядка и общественного спокойствия», предлагаемая программа состояла из пяти пунктов.

Примечательно, что эта часть доклада была наиболее внимательно

прочитана Александром II, некоторые абзацы были отмечены карандашом с пометкой «да». В первом пункте Лорис-Меликов предлагал «идти твердо и решительно в деле преследования злоумышленников, но не смешивать с ними людей, виновных лишь в проступках, не имеющих прямого отношения к социально-революционным проявлениям».

Во втором пункте указывалось: «Всемерно стремиться к установлению полного единства действия всех органов правительственной власти, призванных к борьбе с преступными лжеучениями.., к объединению, сосредоточению и усилению деятельности разного рода полиций (городской, уездной, жандармской и сыскной)....»

С. 25.

В третьем пункте Лорис-Меликов особо подчеркивал, что необходимо «стремиться к возвращению от чрезвычайных мер к законному течению дела».

Два последних пункта содержали перечень предлагавшихся конкретных мер по нормализации общественных отношений, подчеркивалась необходимость «побудить правительственные учреждения и лица к более внимательному отношению к выразившимся насущным потребностям населения и его представителям». Говорилось также о пересмотре паспортной системы облегчении крестьянских переселений, преобразовании губернских административных учреждений, установлении отношений нанимателей к рабочим и т.д.²⁵

Хотя предложения Лорис-Меликова, на первый взгляд, имели ограниченный характер, но уже сама постановка вопроса о том, что в настоящий период нельзя ограничиваться только карательными и полицейскими мерами, а необходимо проводить определенные преобразования, указывала на серьезность, намерений председателя Комиссии.

В конце доклада Лорис-Меликов отмечал, что разработка предлагаемых мероприятий «будет составлять предмет заботливости подлежащих министров и других высших установлений», но «возбуждение вопросов», очерченных в программе и. обсуждение «своевременности предложенных с этой целью мер должно входить в круг деятельности Верховной распорядительной Комиссии»²⁶.

Доклад предполагал еще более широкое поле деятельности ВРК. Он был одобрен Александром II, наложившим весьма примечательную резолюцию:

«Благодарю за откровенное изложение твоих мыслей, которые почти во всем согласны с моими собственными.

Вижу с удовольствием, что ты вполне понял тяжелую обузу, которую я на тебя возложил. Да поможет тебе Бог оправдать мое доверие»²⁷.

Выполнить программу Лорис-Меликова ВРК однако не успела. Летом 1880 г. сам Лорис-Меликов поставил перед Александром II вопрос о целесообразности существования ВРК. 26 июля 1880 г. он представил Александру II новый всеподданнейший доклад, в котором подвел итоги проделанной Комиссией работы, отметил «некоторые благоприятные признаки, свидетельствующие о заметном успокоении умов», считая, однако, что «вредные для государственного строя проявления социальных учений... могут быть парализованы не в короткий срок...». Основная задача, подчеркивал он, — заключается в том, чтобы отнять у «крамолы» почву для развития революционных идей, что «возможно только в результате объединения усилий правительственной власти и общества».

С. 26.

В докладе указывалось, что Комиссия «не может быть тем постоянным, в государственном строе органом, который имел бы назначение не только создать, но и поддерживать прочное объединение правительственных сил для борьбы с крамолой... деятельность ее, как и всякой исключительной власти, не должна быть продолжительною...»²⁸.

М.Т. Лорис-Меликов считал «настоящую минуту наиболее удобным временем» для ликвидации ВРК. Он предлагал сосредоточить жандармско-полицейские функции в одном из центральных государственных учреждений.

«Создание прочного порядка, — писал он, — возможно, когда "заведование всей полицией в государстве, как общей, так и политической, земскими и городскими делами и печатью" будет сосредоточено в Министерстве внутренних дел в лице министра»²⁹.

Доклад Лорис-Меликова от 24 июля 1880 г. был одобрен императором. 6 августа был подписан Указ о ликвидации Верховной распорядительной комиссии. В нем говорилось, что «ближайшая цель учреждения Комиссии — объединение действий всех властей для борьбы с крамолой, настолько уже достигнута., что дальнейшие указания наши по охранению государственного порядка и общественного спокойствия могут быть проводимы в общеустановленном законом порядке, с некоторым расширением круга ведения Министерства внутренних дел». В связи с этим указом III Отделение упразднялось, а его функции переходили к новому учреждению, создаваемому этим указом — Департаменту государственной полиции в составе Министерства внутренних дел. «Впредь до возможности полного слияния высшего заведования полицией в одно учреждение

упомянутого Министерства»³⁰.

Примечания

- 1 Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. М., 1950. С. 139-140.
- 2 В связи с приездом в этот день брата императрицы Марии Александровны обед был перенесен на более позднее время. Динамит был заложен в комнате двумя этажами ниже, под столовой. При взрыве пострадала комната охраны. Из охраны было убито нижних чинов 11 человек и 56 ранено. Подробнее см.: Волк С.С. Народная Воля, 1879—1882. М.; Л., 1966. С. 100-103.
- 3 ГА РФ. Ф. 660 (Фонд вел. кн. Константина Константиновича). Оп. 3. Д. 16. Л. 101.
- 4 Полное собрание законов (далее ПСЗ), 2-е собрание. Т. LV. № 60492.
- 5 Там же. Более подробно о деятельности ВРК см.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964. С. 148 — 229. Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 168-185.
- 6 Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. М., 1950. С. 217.
- 7 См. ГА РФ. Ф. 678 (фонд императора Александра II). Оп. 1. Д. 334.
- 7а Борисов А. Руководители карательных органов дореволюционной России. Вып. I. М., 1979. С. 74 — 79. О личности Лорис-Меликова см. также: Данилов Д.Д. Лорис-Меликов: карьера «парадоксального диктатора» // Вопросы истории. 1998. № 11-12. С. 145-150.
- 8 «Народная воля». Социально-революционное обозрение. № 3. С. 17.
- 9 Имеется в виду Д.А. Толстой, министр народного просвещения, занимавший крайне реакционные позиции. ,
- 10 ГА РФ. Ф. 569 (Личный фонд М.Т. Лорис-Меликова). Оп. 1. Д. 114. Л. 2об.
- 11 Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964. Л. 159.
- 12 Правительственный вестник. 15 февраля 1880 г.
- 13 Цитируется по кн.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1965. Л. 159. Подлинник хранится в НИОР РГБ. Ф. 22. Белоголовый Н.А. Картон 6. Д. 43.
- 14 Былое. 1918. Н 4-5. С. 128-186.
- 15 ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 104. Л. 1-1об.
- 16 Там же. Л. 29-29об.
- 17 Там же. Д. 33. Л. 1-3.
- 18 ПСЗ. Т. LV. № 60609.
- 19 Перетц Е.А. Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря

(1880-1883). М.; Л., 1927. С. 3.

20 Там же. С. 4.

21 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1914. Д. 121 н.к.; 00. 1914. Д. 363. Ч. 6; Ф. 664. Оп. 1. Д. 56.

22 Былое. 1906. № 1. С. 290.

23 Шувалов П.А. — шеф жандармов в 1866—1847 гг. Шульц — управляющий III Отделением. См.: Голос минувшего. 1917. № 9—10. С. 111 — 112. Цит. по кн.: Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992. С. 146-147.

24 ПСЗ. 2-е собр. Т. LV. № 60617. 4 марта.

25 Былое. 1918. Кн. 4-5. С. 158-159. 2« Там же. С. 161.

2? ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 574. Л. 1.

28 Там же. Ф. 569. Оп. 1. Д. 64. Л. 8-10.

29 Там же. Л. 2-15.

30 ПСЗ. 2-е собр. Т. LV. № 61279.

32. Департамент полиции, его структура и функции (1880—1917 гг.)

6 августа 1880 г. в России образовалось новое учреждение — Департамент государственной полиции, ставший высшим органом политической полиции в Российской империи.

Первые месяцы существования Департамента были временем, когда создавалась его структура и определялись основные

С. 27.

2. Департамент полиции, его структура и функции (1880-1917 гг.)

6 августа 1880 г. в России образовалось новое учреждение — Департамент государственной полиции, ставший высшим органом политической полиции в Российской империи.

Первые месяцы существования Департамента были временами, когда создавалась его структура и определялись основные

С. 28.

функции. Активную роль в этом процессе играл сам Лорис-Меликов, теперь уже министр внутренних дел и шеф жандармов.

Первоначально Департамент полиции был создан в составе трех структурных частей, которые назывались делопроизводствами: 1-е делопроизводство — распорядительное, 2-е делопроизводство законодательное, 3-е делопроизводство секретное.

Во главе Департамента полиции стоял директор. По первоначальному штатному расписанию он имел одного вице-директора, в дальнейшем с расширением структуры и функций Департамента количество их доходило до 4-х. Тогда же, в августе 1880 г. был назначен директором Департамента

Иван Осипович Велио, барон, впоследствии (1891 г.) получивший чин действительного тайного советника. Велио родился 6 января 1830 г. в Царском Селе, в семье генерала, коменданта Царского Села. В 1847 г. он окончил Александровский лицей, дальнейшие 14 лет его жизни были связаны со службой в Министерстве иностранных дел, где он получал чины, был произведен в коллежские асессоры, надворные советники, был пожалован в звание камер-юнкера высочайшего двора.

23 сентября 1861 г. Велио был переведен на службу в Министерство внутренних дел. С ноября 1861 г. он — херсонский вице-губернатор; с декабря 1862 г. исправлял должность бессарабского гражданского губернатора и как губернатор в апреле 1863 г. был утвержден в звании вице-президента Бессарабского попечительного комитета о тюрьмах; в августе 1863 г. произведен в действительные статские советники и назначен одесским градоначальником, осенью 1863 г. пожалован в звание камергера Высочайшего двора, утвержден в качестве вице-президента Одесского тюремного комитета.

1 января 1865 г. Велио был назначен симбирским губернатором и утвержден в звании президента Симбирского тюремного комитета. В течение последующих лет его служебной деятельности он активно занимается тюремными вопросами, как президент комитета командировается в Москву, вникает в положение рабочих арестантских рот, находящихся на работе по устройству Южной ж.д. по линии от Курска до Харькова, изучает перевозку арестантов в Сибирь и знакомится на месте со знаменитой «Владимиркой». Он посещает также места заключения: тюрьмы, арестантские роты, смиренные рабочие дома, этапы. За эту работу ему была объявлена особая благодарность.

Особенно плодотворным и важным периодом его карьеры были годы на посту директора почтового департамента Министерства внутренних дел, на который он был назначен в июне 1868 г. В августе 1868 г. им было увеличено число почтовых

С. 29.

учреждений, созданы вспомогательные земские почты, налажена и преобразована почтовая сеть в Восточной Сибири и Средней Азии. На всей территории европейской России был введен ежедневный прием и выдача корреспонденции.

И.О. Велио был одним из составителей Закона 30 октября 1878 г., по которому запрещенная в 1868 г. перлюстрация корреспонденции разрешалась по решению окружных судов, следователей, по решению министра внутренних дел и юстиции при производстве дознания чинами

Отдельного корпуса жандармов о государственных преступлениях в отношении лиц, против которых возбуждено уголовное дело.

В должности директора Департамента государственной полиции Велио прослужил всего несколько месяцев. Очевидно, события 1 марта 1881 г. явились причиной его скорой отставки. 15 апреля Высочайшим повелением, в связи с «расстроенным здоровьем» (ему в это время был 51 год), он был зачислен в сенаторы и отрешен от должности директора Департамента.

Он занимал почетные, престижные должности, не обременявшие его необходимостью постоянного присутствия и активной деятельности¹.

Как видно из его послужного списка, Велио был человеком, мало связанным с политической и общей полицией, если не считать его небольшого опыта в 60-е годы². Он был не совсем удачной фигурой для руководства учреждением, главной задачей которого была борьба с революционным движением.

Судя по всему, при назначении Велио Лорис-Меликов руководствовался не столько профессиональными качествами последнего, сколько исходил из более широких политических соображений. Лорис-Меликов не любил жандармов, Велио же и своими взглядами, и своей карьерой был близок ему. Оба были не просто чиновниками, а чиновниками-политиками.

После создания Департамента государственной полиции работа по объединению полицейских учреждений продолжалась. 10 ноября Лорис-Меликов представил императору очередной доклад, который назывался «О полном слиянии высшего заведования полицией в одно учреждение — Министерство внутренних дел». В докладе предлагалось объединение Департамента государственной полиции и Департамента полиции исполнительной. Особо отмечалась необходимость передачи в Департамент государственной полиции только тех функций, которые носили «строго полицейский характер», остальные обязанности Департамента полиции исполнительной предлагалось передать в другие департаменты министерства и в Департамент общих дел³.

С. 30.

По поводу личного состава Лорис-Меликов писал: «...руководствуясь убеждением о необходимости возможного ограничения числа служащих... Я признавал бы соответственным образом Департамент из меньшего числа чиновников, даже сравнительно с действительным составом каждого из отдельных учреждений ныне соединяемых». В бывшем III Отделении число чиновников в последнее время доходило до 71, «в Департаменте

полиции исполнительной до 57 человек. В проектируемом штате число чиновников определяется 52 лицами, такое сокращение представляется возможным посредством сосредоточения делопроизводства в руках опытных и способных должностных лиц, доказавших усердие и знание дела»^{3а}.

М.Т. Лорис-Меликов считал возможным в результате исключительности нового учреждения «допустить в штате Департамента некоторые отступления от общих для других департаментов Министерства внутренних дел норм, как по классам должностей, так и содержанию»⁴.

Обосновывая свои предложения, Лорис-Меликов указывал, что «делопроизводство в оном (Департаменте госуд. полиции. — З.П..) может быть вверено только таким лицам, которые, обладая необходимыми для службы в высшем правительственном учреждении познаниями и способностями, вполне заслуживают доверия по своим нравственным качествам, выдержанности характера и политической благонадежности. Для таких лиц необходимо должно быть обеспечено приличное служебное положение»⁵.

Одновременно говорилось о том, что штаты Департамента и в качественном отношении должны соответствовать тем требованиям, которые были поставлены перед учреждением, призванным охранять безопасность существующего строя.

По существу деятельность нового учреждения начиналась едва ли не с нуля, ибо практически весь состав сотрудников III Отделения остался за «бортом». Правда, на этот счет среди историков есть различные мнения. Так Ф.М.Лурье считает, что все сотрудники III Отделения стали сотрудниками Департамента. В то же время Ч. Рууд, С. Степанов пишут, что «в момент управления III Отделение насчитывало 72 служащих, 21 из них изъявил желание перейти в новое учреждение. Департамент государственной полиции строго подошел к отбору кандидатов и принял лишь немногих, особо доверенных»⁷. Лишь единицы из них отвечали требованиям, предъявлявшимся к сотрудникам Департамента. М.В. Сидорова, исследовавшая специально этот вопрос, утверждает, что после упразднения III Отделения чиновники этого ведомства были уволены с пенсиями, соответствующими количеству проработанных ими лет, многие чиновники подали прошение о зачислении в Департамент

С. 31.

полиции. 21 прошение было удовлетворено. «Приоритет отдавался чиновникам особых поручений, архивистам и канцелярским служащим»⁸.

Формирование личного состава Департамента полиции было

затяжным. Старые кадры не подходили как по своим профессиональным качествам, так и в силу того, что часть из них были жандармами, людьми военными. Лорис-Меликов, министр внутренних дел, стремился к тому, чтобы новое учреждение состояло из «законников», лиц гражданских и с юридической подготовкой. По существу формирование кадрового состава Департамента полиции началось со времени подписания императором 15 ноября 1880 г. Указа о присоединении Департамента полиции исполнительной к Департаменту и государственной полиции.

В указе было определено штатное расписание Департамента государственной полиции: директор Департамента, вице-директор, чиновники особых поручений (3), секретарь (1), журналист (1), делопроизводители (3), старшие помощники делопроизводителей (10), младшие помощники делопроизводителей (9), казначей (1), помощник казначея (1), начальник архива (1), помощники начальника архива (2), чиновники для письма (18)⁹.

Штатное расписание Департамента периодически менялось сторону увеличения числа сотрудников. В действительности Департаменте их было значительно больше, чем предусматривалось штатным расписанием. Л.И.Тютюнник пишет: «... в Департаменте нашли способ «скрытого» увеличения личного состава за счет нештатных чиновников, в результате чего фактическое число служащих доходило, например, в 1899 г. до 1 человек (по штату — 42)¹⁰. Такое увеличение шло за счет сотрудников «для письма», потребность в которых всегда была большой. Указом от 5 января 1894 г. Департаменту определялось число чиновников для письма «по мере потребности».

Указом от 15 ноября 1880 г. на Департамент государственной полиции было возложено руководство органа как политической, так и общей полицией.

Согласно ст. 362 «Учреждения Министерства», Департамент обязан был заниматься вопросами: 1) предупреждение и пресечение преступлений и охранение общественной безопасности и порядка; 2) ведение дел о государственных преступлениях; 3) организация и наблюдение за деятельностью полицейских учреждений; 4) охранение государственных границ и пограничных сообщений; выдача паспортов русским подданным, видов на жительство в России иностранцам, высылка иностранцев из России; наблюдение за всеми видами культурно-просветительной деятельности и утверждение уставов различных

С. 32.

обществ 11. Закрепленные в своде законов Российской империи эти

функции более детально были разработаны в самом Департаменте и были распределены по его структурам.

Указ 15 ноября 1880 г. касался и самого Министерства внутренних дел. В результате упразднения юрисконсультских частей при МВД, для ведения дел по дознаниям о государственных преступлениях (которыми ранее занимались в судебно-политическом отделении ВРК) учреждался особый Судебный отдел при МВД.

Этот отдел был тесно связан по своей работе с Департаментом, в котором сосредоточивались сведения о действиях антиправительственного характера и данные о всех мероприятиях, направленных на борьбу с революционным движением. Такого рода связь обусловила последующее присоединение Судебного отдела к Департаменту. Первоначально (11 июня 1881 г.) Судебный отдел считался при Департаменте (не вливался в его структуру), а его управляющий был просто подчинен директору Департамента. Им был назначен П.Н. Дурново, который через несколько лет после В.К. Плеве встал во главе Департамента полиции.

Присоединение судебного отдела произошло уже при новом директоре Департамента Плеве, назначенном в апреле 1881 г. по рекомендации опять-таки Лорис-Меликова, еще сохранявшего свое уже не совсем устойчивое положение.

1 марта 1881 г. в результате террористического акта был убит Александр II. Последствия этого трагического события отразились на многих сторонах жизни России, в том числе на характере и направлении реформы полиции. С либерализмом Лорис-Меликова было покончено. Были положены под сукно и планы дальнейшего объединения всех полицейских служб в рамках единой управленческой структуры. Изменения происходили только по линии усовершенствования самой структуры Департамента полиции, и первое время это делалось уже под руководством нового директора Департамента Плеве. В российских политических верхах, как известно, возобладала жесткая репрессивная линия по отношению не только к революционному движению, но и к либеральным начинаниям и взглядам. Соответственно оценивалась и деятельность Лорис-Меликова. В этой связи показательна оценка, которую дал Лорис-Меликову и его реформам известный в полицейских кругах деятель и автор книг по истории революционного движения, заведующий агентурой дворцовой охраны А.И.Спиридович. И своих воспоминаниях он писал: «В упоении собственной славы, Лорис-Меликов в одном из своих всеподданнейших до кладов красиво изобразил государю то успокоение и благополучие, которого он достиг якобы в империи своими либеральными

С. 33.

мерами, смешав непозволительно для государственного человека в одну кучу народ, либеральное общество, политиканов и революционеров. За тот знаменитый доклад, образчик безграничного самомнения, легкомыслия и политического невежества со стороны министра внутренних дел, Россия заплатила, спустя немного времени, жизнью своего царя-освободителя»¹².

До перехода в Департамент Плеве занимал должность прокурора С.-Петербургской судебной палаты. После окончания Петербургского университета, он постоянно служил в судебном ведомстве, занимая должности тов. прокурора владимирского, тульского окружных судов, прокурора в Вологде, тов. прокурора судебной палаты в Варшаве, затем в Петербурге.

Министр внутренних дел дал высокую оценку деловым и профессиональным качествам Плеве: «Служебные и нравственные качества г. Плеве служат достаточным ручательством, что и в новую сферу деятельности он внесет ту же энергию и разумное отношение к делу, каким постоянно отличалось его служение по ведомству судебному»¹³.

В определенных кругах к этому назначению отнеслись положительно. Так, В.П. Мещерский в своих воспоминаниях отмечает, что личность Плеве была одобрена. То была фигура, «изображающая собой серьезного, погруженного в раздумье над делом умного, спокойного и ободряющего своим видом государственного человека, говорящего о том, что знает и знающего, чего он хочет»^{13а}.

Видный советский историк П.А. Зайончковский, посвятивший много лет изучению политики российского самодержавия этого периода, писал о Плеве: «Ум, энергия и деловые качества Плеве, его лошадиная работоспособность весьма положительно расценивались современниками. Но вместе с тем человек этот был крайнего честолюбия, типичный чиновник, лишенный твердых взглядов и убеждений»¹⁴.

Как глава Департамента Плеве был включен в созданную в мае 1881 г. Комиссию, которая была призвана подготовить «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»¹⁵. Из последующей переписки видно, что Плеве был одним из самых активных и деятельных членов Комиссии.

В письме к министру внутренних дел графу Игнатьеву 17 июля 1881 г. Плеве предлагал: «...с 1 сентября, по моему мнению, придется осуществить некоторые меры нового Положения, а следовательно, настанет крайняя надобность поторопиться с его утверждением...»¹⁶

В этом же письме он задает вопрос, в каких размерах его применять: «...следует ли остаться при тех предположениях,

С. 34.

которые я имел случай докладывать Вам лично и которые намечали для Петербурга принятие самых крайних мер. Чрезвычайное же положение второй степени (состояние нарушенного спокойствия) готовить для Московской, Харьковской, Полтавской, Курской, Киевской, Варшавской, Черниговской, Саратовской, Самарской, Херсонской с Одессой, Екатеринославской с Таганрогом и губерниями или же необходимо будет, по утверждении Положения в Комитете, вызвать генерал-губернаторов и решать дальнейшие меры по совещанию с ними»¹⁷.

Положение было утверждено 14 августа, а опубликовано 8 сентября¹⁸. Оно вводилось как временное, сроком на 3 года. Однако, действие его постоянно продлевалось и оно просуществовало до Февральской революции, оставаясь «одним из самых устойчивых основных законов Российской империи»¹⁹. Положение от 14 августа 1881 г. предусматривало возможность введения в некоторых губерниях России двух стадий исключительного положения: о состоянии усиленной охраны губернии и состоянии чрезвычайной охраны. Эти положения расширяли полномочия МВД, а министр наделялся неограниченными правами. Расширялись также полномочия местных властей на случай активных революционных выступлений. Положение о чрезвычайной охране вводилось в губерниях решением Комитета министров, утверждаемым императором. Объявления местности на Положении усиленной охраны мог осуществлять министр внутренних дел, если же губерния входила в состав генерал-губернаторств, то такие полномочия имел генерал-губернатор. Последним давалось право издавать обязательные постановления «по предметам, относящимся к предупреждению нарушения общественного порядка и государственной безопасности...»²⁰, чем порой генерал-губернаторы злоупотребляли (генерал-губернаторы или главноначальствующие в условиях чрезвычайного положения имели огромные полномочия) .

«Положение» давало им право запрещать «народные общественные и даже частные собрания», закрывать торговые и промышленные заведения, органы печати, обыскивать, арестовывать, учреждать особые военно-полицейские команды, передавать дела на рассмотрение военного суда.

Применение этого положения привело к тому, что в начале XX в. режим усиленной охраны распространялся более, чем на 1/3 населения страны ²¹. Положение 14 августа 1881 г. во многом определяло работу Департамента полиции и местных учреждений политического сыска.

В декабре 1881 г. Плеве утвердил распределение обязанностей в Департаменте по его структурам, которая выглядела следующим образом:
С. 35.

1-е делопроизводство — (распорядительное)²² — занималось делами личного состава Департамента, перепиской о продвижении по службе, наградами, финансами Департамента, перепиской с иностранными государствами о выдаче русских подданных, задержанных за границей, о нарушениях государственной границы. Почти все эти функции оставались в ведении 1 делопроизводства до 1907 г. .

2-е делопроизводство — (законодательное) — занималось вопросами организации полицейских учреждений во всех местностях империи, пересмотром штатов этих учреждений, разработкой законопроектов Министерства внутренних дел, наблюдением за точным исполнением законов на местах, разработкой законопроектов по рабочему вопросу в области урегулирования отношений между рабочими и фабрикантами, наблюдением за питейными заведениями, перевозкой пороха и взрывча-1ых веществ. Очень важным моментом было утверждение уставов общественных организаций, собраний, клубов²³. Это единственное делопроизводство, которое сохранило свои функции до 1917 г., правда, с небольшими изменениями.

3-е делопроизводство — (секретное) — занималось наблюдением за неблагонадежными элементами в России и за границей, их перепиской, связями, наблюдением за партиями, организациями, распространением нелегальной литературы, контролировало деятельность внутренней и заграничной агентуры, охраной царя, высокопоставленных лиц. В ведение 3-е делопроизводства несколько позднее перешла Библиотека революционных изданий, ранее находившаяся в III Отделении. С 1889 г. в этой структуре сосредоточивается переписка по негласному надзору полиции. Это был важный политический отдел в структуре Департамента и просуществовал он с такими обязанностями и функциями 17 лет. Свое политическое лицо это делопроизводство теряет в 1898 г., когда от него отпочковался входивший в его состав Особый отдел, ставший самой важной структурой Департамента полиции. К Особому отделу перешли все политические функции 3-го делопроизводства. С этого момента 3-е делопроизводство теряет статус секретного подразделения. До 1906 г. оно занимается вопросами дислокации войск на территории России, сбором материалов по аграрному движению. Кроме того, оно решало кадровые вопросы, связанные с перемещениями в Департаменте, жандармских управлениях, охранных отделениях. С 1906 г. был небольшой период в

деятельности делопроизводства, когда в его функции входило утверждение устава общественных организаций и союзов.

При реорганизации в 1907 г. 3-е делопроизводство становится финансовым: здесь сосредоточивается переписка по пенсионной части и кредитам. Практически с этого времени в нем формируются дела чисто полицейского характера: о назначениях С. 36. на полицейские должности, перемещениях и деятельности чинов полиции, нарушениях по службе, судимости чинов полиции, награждениях полицейских, а также дворников, швейцаров и других лиц, оказавших содействие полиции, материалы о поступлении на службу в Департамент.

Кроме того, в структуре Департамента полиции в 1880 г. имелся архив²⁴ созданный на базе III Отделения. В этом архиве хранились материалы ликвидированных учреждений — III Отделения, Следственной комиссии 1862 г., Верховной распорядительной комиссии, Особенной канцелярии МВД, которые в настоящее время хранятся в ГА РФ и составляют самостоятельные фонды. В задачу архива входило, в первую очередь, обеспечивать сохранность документальных материалов, осуществлять прием дел, законченных делопроизводством, определять срок их хранения, составлять внутренние реестры к делам, проводить техническое оформление дел. Кроме того, архивом исполнялись справки по запросам структурных подразделений Департамента и других ведомств, со временем стали допускаться в архив исследователи. Имеются списки лиц, получивших разрешение заниматься в архиве Департамента полиции с указанием темы занятий, справки о благонадежности этих лиц, листы выдачи дел.

Помимо описанных структур на декабрь 1881 г. в Департаменте существовала справочная часть, в которую входили две важные коллекции, перешедшие в Департамент из III Отделения: коллекция фотографий и коллекция нелегальных изданий.

В секретарской части при директорате Департамента находились журналы входящей и исходящей корреспонденции и личная переписка директора.

Имеются, в частности, листы выдачи дел профессорам Н.И. Стороженко, А.Е. Назимову, А.А. Цагарели; переписка о запрещении М.К. Лемке копировать дела о шестидесятниках (в 1906 г.), о разрешении В.И. Семевскому заниматься материалами декабристов. Имеется список лиц, просматривавших дела по Кирилло-Мефодиевскому обществу. Интересна переписка с другими ведомствами о выдаче копий документов, выписок из дел, справок, о выдаче дел во временное пользование. Имеется переписка с

председателем комитета Исторического музея Николаевского кавалерийского училища о передаче в Музей дел III Отделения о М.Ю. Лермонтове и с Комитетом Пушкинского лицейского общества о передаче дел об А.С. Пушкине в 1903 г. Довольно интересен факт, нашедший отражение в переписке архива с Департаментом общих дел МВД, когда это учреждение обратилось с просьбой сообщить сведения об организации делопроизводства архива итальянскому послу, который изучал по заданию своего правительства постановку делопроизводства архивов русских центральных учреждений. (См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 300; Сидорова М.В. Использование документов архивов органов политического сыска в середине XIX — нас. XX в. // Советские архивы 1991. № 6. С. 20-29).

С. 37. Как уже отмечалось, на началах автономии, в июне 1881 г. к Департаменту государственной полиции был присоединен Судебный отдел, который состоял, в свою очередь, из двух структур (1-го и 2-го делопроизводств).

1-е делопроизводство Судебного отдела осуществляло наблюдение за ходом политических дознаний и сосредоточивало в своих руках материалы дознаний, произведенных на основании закона от 15 мая 1871 г., которые передавались министром юстиции на предмет принятия административных мер и взысканий. Кроме того, оно занималось дознаниями, возникавшими по делам о революционной пропаганде, принадлежности к тайным обществам, также делами, присланными министром юстиции, которые требовали решения министра внутренних дел.

Во 2-ом делопроизводстве Судебного отдела в основном была сосредоточена переписка об административной высылке, об установлении наблюдения за политически неблагонадежными лицами как в центре России, так и в ссылке, переписка о розыске лиц, бежавших с места ссылки и т.п.

В составе Департамента государственной полиции было также организовано подразделение с названием «Делопроизводство по особой переписке директора Департамента». Здесь сосредоточивался материал по запросам правительственных учреждений о политической и нравственной благонадежности лиц, желающих открыть школы, мастерские, поступить на государственную службу, издавать газеты, журналы, читать лекции; наблюдение за выдачей паспортов лицам, отправляющимся за границу, переписка по доносам и заявлениям; распоряжения о розыске лиц. Все эти обязанности впоследствии были переданы в различные структуры Департамента.

Как было сказано выше, Департамент государственной полиции

входил в структуру Министерства внутренних дел и подчинялся непосредственно его министру. Однако, обремененный целым рядом обязанностей, министр не всегда мог уделять должное внимание новому учреждению. В связи с этим, указом от 25 июня 1882 г. 25 вводилась новая должность товарища министра внутренних дел, заведующего полицией. Этим же указом распределялись права и обязанности по руководству Департаментом полиции и Отдельным корпусом жандармов между министром внутренних дел и товарищем министра. Через несколько дней, 16 июля 1882 г., была высочайше утверждена и введена в действие «Инструкция товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией». На основании этой Инструкции ему были подчинены Департамент полиции, обер-полицмейстеры, губернаторы, градоначальники, ему же поручалось руководство их деятельностью по «предупреждению и пресечению преступлений». Товарищ министра председательствовал.

С. 38.

на Особом совещании, учрежденном на основании Положения об охране, разрешал вопросы, относящиеся к полицейскому надзору. Одновременно он являлся командиром Корпуса жандармов. По введившейся Инструкции товарищу министра были подчинены как жандармские чины, так и чины общей полиции. Таким образом, шла дальнейшая централизация власти, заведование полицией сосредоточивалось в руках одного лица, которое оставалось в подчинении министра внутренних дел как верховного руководителя.

В дальнейшем вопрос руководства Департаментом полиции и Корпусом жандармов ставился и решался в зависимости от личности министра внутренних дел и товарища министра, многое зависело от их взаимоотношений и понимания ими задач политического розыска. Бывший товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов по этому поводу писал: «На практике этот вопрос вызывал много недоразумений и обе эти должности (товарища министра внутренних дел, заведующего полицией и шефа жандармов. — З.П.), смотря по взгляду министра и по личности кандидата на этот пост, то соединялись вместе, то разъединялись»²⁶.

Местными органами, посредством которых Департамент полиции осуществлял свою охранительно розыскную работу, были губернские жандармские управления и областные жандармские управления (далее ГЖУ, ОЖУ), жандармско-полицейские управления железных дорог (далее ЖПУ ж.д.), розыскные пункты, охранные отделения, районные охранные отделения (далее РОО, 1907 — 1917 гг.). Эти учреждения в своей

оперативно-розыскной и наблюдательной деятельности подчинялись Департаменту, а по строевой, хозяйственной, инспекторской — Отдельному корпусу жандармов.

Департамент полиции просуществовал 35,5 лет. За это время происходили изменения в его структуре, постоянно росло количество делопроизводств и к февралю 1917 г. он работал в составе 10-ти основных структурных частей. Структура его постоянно совершенствовалась, менялись функции некоторых делопроизводств, часто функции одного делопроизводства передавались другому, делопроизводства сливались и разъединялись 27.

Побудительным мотивом к структурным изменениям в Департаменте являлось стремление сделать его работу более четкой, исключить дублирование, избавиться от лишних звеньев. Реорганизации и расширение функций призваны были сделать Департамент полиции органом, адекватно реагирующим на изменения в политической ситуации, рост общественного и революционного движения.

С. 39.

При создании Департамента полиции в 1881 г. была учреждена должность секретаря при директоре Департамента. 14 марта 1883 г. в Департаменте образуется «часть секретаря», которая сосредоточила в себе: 1) регистрацию сведений о выдающихся событиях в империи; 2) стол прессы; 3) личную переписку директора Департамента; 4) общий журнал. Впоследствии, 11 января 1895 г. «часть секретаря» была упразднена, а личный состав распределен по делопроизводствам вместе с передачей туда и дел секретарской части. При директоре остался только секретарь и журнал. В июле 1903 г. при секретаре была создана канцелярия 28.

18 февраля 1883 г. Александр III подписал Указ о ликвидации Судебного отдела МВД и создании на его базе в Департаменте полиции очередных структур — делопроизводств 28а. Одновременно Департамент государственной полиции переименовывается в Департамент полиции.

1-е делопроизводство Судебного отдела МВД становится 4-м делопроизводством Департамента и называется судебным, просуществовало оно до 1902 г., затем было переименовано в 7-е делопроизводство и получило название наблюдательного.

Из 2-го делопроизводства Судебного отдела было создано 5-е делопроизводство, которое получило название «исполнительного». Это одна из интереснейших структур Департамента полиции. Обязанностью 5-го делопроизводства было составление докладов к Особому совещанию, решавшему вопросы административной высылки лиц, на которых не было

достаточных улик для привлечения к судебной ответственности.

Особое совещание было создано на основании 34 статьи «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Оно состояло из 4-х членов: два от МВД, два от министерства юстиции.

Товарищ министра заведующий полицией возглавлял Особое совещание и был его председателем.

В 5-м делопроизводстве накапливались огромный материал, связанный с административной ссылкой, документы о деятельности различных революционных организаций, революционных дружин, стачечных комитетов, сведения о крестьянских волнениях, рабочих выступлениях в разных местностях империи.

С уходом из Департамента Плеве в 1887 г. структура Департамента вплоть до 1894 г. не претерпевала сколько-нибудь существенных изменений, хотя сменивший его на посту директора П.Н. Дурново (1887 — 1893) основное внимание уделял «отлаживанию» деятельности Департамента в том виде, в котором его оставил Плеве, а также приспособлению ее к решению новых задач, связанных с выходом на общественно-политическую арену новых социальных сил.

С. 40. В 1894 г. в составе Департамента создается 6-е делопроизводство, которое стало заниматься разработкой основ фабричного законодательства. Ранее этими вопросами занималось 2-е делопроизводство, но в силу его перегруженности и в связи с тем, что некоторые вопросы требовали более оперативного решения, было создано очередное делопроизводство. Кроме наблюдения за разработкой фабрично-заводского законодательства, в обязанности 6-го делопроизводства входили контроль за изготовлением, хранением, перевозкой взрывчатых веществ, за соблюдением постановлений, определяющих положение еврейского населения. Постепенно к новому делопроизводству добавляются функции контроля, связанные с такими явлениями, как бродяжничество, подделка денежных знаков (июнь 1900 г.). С января 1901 г. — контроль за применением уставов о частной золотопромышленности и частном нефтяном промысле.

С 1907 г. 6-е делопроизводство стало также заниматься подготовкой справок о политической благонадежности разных лиц, поступающих на государственную службу (по запросам соответствующих учреждений). В июне 1912 г. это делопроизводство объединяется с 5-м делопроизводством, к которому переходят все его функции. Но уже 30 октября того же года в структуре Департамента полиции происходят очередные изменения. 6-е

делопроизводство восстанавливается, но в виде Центрального справочного аппарата, куда вошла справочная часть всех структур, справочный стол и Центральный справочный алфавит. В 1915 г. эта структура объединяется с Особым отделом, а в сентябре 1916 г. вновь становится самостоятельным подразделением.

В 1898 г. был создан Особый отдел²⁹.

В 1902 г. ликвидируется 4-е делопроизводство. Его функции переходят к вновь созданному 7-му делопроизводству. На эту структуру были возложены обязанности контроля (наблюдения) за производящимися при ГЖУ формальными дознаниями. Кроме того, это делопроизводство составляет справки для следственных органов на лиц, ранее привлекавшихся к политическим делам, с мая 1905 г. оно ведет переписку по тюремному ведомству, составляет розыскные циркуляры.

Здесь сосредоточиваются материалы по политическим процессам, дела по которым передавались в судебные инстанции. После революции 1905—1907 гг. — пересматривалась масса дел и ужесточались решения по некоторым политическим процессам. Все это нашло отражение в делах 7-го делопроизводства. Здесь сосредоточены материалы о политических процессах, происходивших по всей России. Широка их география: дела об арестах Барнаульской, Красноярской, Костромской, Московской, Нижегородской и др. большевистских организаций, о

С. 41.

нелегальных партийных типографиях, об армянских партиях Гнчак, Дашнакцутюн, о Литовской социал-демократической организации, о Всероссийском учительском союзе, Всероссийском офицерском союзе, о Туркестанском комитете Всероссийского железнодорожного союза, о конференции представителей социал-демократических организаций в Риге, о съезде фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности и т.д.

Вплоть до 1905 г. никаких структурных изменений в Департаменте полиции практически не происходило. Меняется лишь внутренняя структура Особого отдела, что было связано с усилением рабочего и революционного движения и создается вновь 4-е делопроизводство, но совсем уже с другими функциями, чем прежде.

Революция 1905—1907 гг., ее сила, размах вскрыли слабость полицейской службы в России и вызвали замешательство в высоких сферах. О неустойчивости всего полицейского аппарата, растерянности властей перед поднявшейся волной революционного движения свидетельствует то, что с марта 1905 г. по июнь 1906 г., т.е. всего за

полтора года, сменилось пять директоров Департамента полиции (А.А.Лопухин, С.Г. Коваленский, Э.И. Вуич, Н.П. Гарин, М.И. Трусевич). Впоследствии, касаясь 1905 г., бывший директор Департамента полиции, а затем товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий писал: «События 1905 г. — результат неприятия своевременно решительных мер, что в свое время было результатом неосведомленности розыскных органов вследствие неудовлетворительной постановки политического розыска, почему все подготовительные работы революционеров прошли незамеченными или были учтены недостаточно серьезно местными розыскными органами»³⁰

Департамент полиции начинает спешно «исправляться» уже н ходе революции. Один за другим издаются циркуляры, которые вводят руководителей политического розыска на местах в суть создавшейся обстановки, знакомят с новыми организациями, их программами.

В сфере наблюдения Департамента полиции оказываются практически все партийные организации: пролетарские, мелкобуржуазные, крупной буржуазии, монархические, действовавшие в России и за границей. Велось наблюдение за деятельностью центральных, окружных, губернских комитетов политических партий, за подготовкой и проведением съездов, конференций, совещаний, за партийными изданиями, исполнением решений съездов. Были заведены специальные дела об отношении отдельных партий к Государственной думе, устанавливалась слежка за деятельностью фракций в Думе, за партийной

С. 42.

пропагандой в армии и на флоте, среди крестьян. Департамент стремился иметь всеобъемлющую информацию как о жизни партий в целом, так и о каждой их организации. В связи с этим на каждую губернию заводилось несколько дел, связанных с местными партийными организациями. В них сосредоточивалась перехваченная партийная переписка комитетов (в виде перлюстрации, иногда подлинников), листовки, резолюции, решения партийных организаций, вырезки из газет, касающиеся местных комитетов. Велась переписка между местным ГЖУ и Департаментом по наблюдению за организациями и их руководителями, составлялись записки об объектах наблюдений, донесения об обысках, арестах.

На основании собранных сведений велась разработка адресов, по которым шла переписка местных организаций с центром, выяснялись отдельные лица, связанные с местной организацией, осуществлялся розыск партийных деятелей. На наиболее видных представителей партии в Департаменте составлялись справки об их деятельности, арестах,

судимости, связях. Иногда в эти справки вносились сведения из материалов, отобранных при обысках, из перлюстрации.

Большую роль играли агентурные сведения, полученные от секретных сотрудников, представленные в виде агентурных записок, а также «отчеты по наружному наблюдению». В основном это были ежемесячные сводки по спискам лиц, за которыми велось наблюдение, с указанием их связей, места жительства, мест посещений, роли в партии.

На основании огромного материала, поступавшего в Департамент, заводились и общепартийные дела. Формировалось несколько дел с перепиской по издаваемой в эти годы партийной литературе, учитывались как нелегальные, так и легальные издания. Специальные дела заводятся на газеты и журналы.

Формируются дела и на партийные организации, действовавшие за границей. Специальные дела заводятся на «Группу большевиков», «Цюрихскую группу», «Лейпцигскую группу», «Группу Савинкова». В отдельных делах концентрируются документы, связанные с подготовкой и проведением съездов, конференций.

Новые изменения в структуре Департамента полиции связаны уже с приходом в июне 1906 г. директором Департамента полиции М.И. Трусевича, правоведа, деятельность которого началась по судебному ведомству еще в 1885 г. В конце 80-х годов он был прокурором Рижского, затем С.-Петербургского окружного судов. В 1901 г. Трусевич был назначен прокурором Новгородского окружного суда, а в 1903 г. возвращается в С.-Петербург на должность прокурора С.-Петербургской судебной палаты.

С. 43. Новый директор Департамента активно берется за дело. Издаются один за другим циркуляры, порой несколько в один день. Так, 1 июля 1906 г. было издано два циркуляра № 10408. и 104093 31. На случай вооруженного восстания и о «возможном выступлении». В циркулярах говорилось о распространении воззваний с призывами к восстанию по «обдуманному плану», с целью вызвать беспорядки одновременно в разных местах империи. Указывалось на необходимость совместных и согласных действий с властью по пресечению и подавлению такого рода действий «с полным самообладанием и твердостью». Циркуляры эти предписывалось хранить лично у лица, которому послано, и не заносить в регистрационные книги.

Период с декабря 1906 г. по февраль 1907 г. оказался поворотным и самым насыщенным как в деле проведения внутренних, реорганизаций в системе Департамента полиции, так и политического розыска в целом.

В это время создаются новые учреждения политического сыска —

районные охранные отделения, усиливается сеть охранных отделений. Была создана Комиссия, которая должна была выработать предложения по пересмотру структуры и функций полиции в целом, известная в истории как «Комиссия сенатора Макарова по преобразованию полиции в Империи».

С 1 января 1907 г. в Департаменте полиции была введена в действие новая Инструкция об обязанностях «делопроизводств» Департамента полиции, которая вносила определенные изменения в деятельность 1-го, 2-го, 3-го и 6-го делопроизводств и Особого отдела. Создавалось новое, 4-е делопроизводство.

Все изменения были нацелены на более результативную борьбу с революционным движением.

Расширяются функции 2-го делопроизводства. Теперь оно должно заниматься вопросами, связанными с учреждениями полиции на частных средства. Подобные подразделения были созданы предпринимателями, фабрикантами в годы революции для охраны своих предприятий.

По новому распределению 3-е делопроизводство окончательно утверждается как финансовое. Те же функции, которые и какой-то мере еще связывали это делопроизводство с политическими делами, переходят в другие подразделения (переписка о благонадежности служащих, поступающих на государственную службу — в 1-е делопроизводство, переписка об оружии — в Особый отдел, переписка о прессе и монастырях — в новое, только что организованное — 4-е делопроизводство, которое становится одним из ведущих структурных подразделений Департамента).

С. 44. 4-е делопроизводство образовалось на базе Особого отдела «Б», с июля 1906 г. оно занималось вопросами общественного движения. Рост общественных организаций, массовых движений заставляет Департамент выделить это направление борьбы в самостоятельную структуру.

Согласно приказу по реорганизации, в функции 4-го делопроизводства входило наблюдение за рабочим, общественным, крестьянским движением, волнения в учебных заведениях, пропаганда и «брожение» в войсках, переписка о прессе, массовые волнения — демонстрации, митинги. Дела о прессе связаны с наблюдением за легальной печатью, а также за легальными обществами, союзами. Сюда же переходят из 2-го делопроизводства материалы об утверждении уставов легальных обществ: просветительных, литературных, профессиональных. Здесь сосредоточиваются материалы по наблюдению за деятельностью таких обществ, как общество русских врачей в память Н.И. Пирогова, Казанское общество по распространению образования, Всероссийское литературное

общество, Пензенское профессиональное общество торгово-промышленных служащих. Заводятся дела о Всероссийском земском союзе, Всероссийском союзе городов, о наблюдении за работой съездов и конференций таких общественных организаций, как Всероссийский съезд писателей (апрель 1912 г.), X Пироговский съезд (1907 г.). С начала создания 4-го делопроизводства в нем сосредотачиваются дела по наблюдению за деятельностью партии кадетов (потом они переходят в Особый отдел дела — № 27), октябристов, черносотенных организаций. Здесь же концентрируются дела с перепиской о членах Государственной думы и о лицах, намеченных к избранию в члены 4-й Государственной думы. В 1907 г. было заведено около 100 таких дел (о членах Государственной думы). Первоначально здесь же сосредотачиваются дела о профсоюзах и о профсоюзном движении в империи (потом эти дела снова переходят в Особый отдел), по наблюдению за кинематографом, о праздновании 1 мая, об Обществе женской взаимопомощи, об энциклопедическом словаре Павленкова, о книгопродавцах и т.п.

На основании изучения материалов, сосредоточившихся в Департаменте полиции, создавались обзоры революционного движения, справки, ориентировки, а также специальные циркуляры, которые рассылались в ГЖУ, охранные отделения, розыскные пункты. Циркуляры информировали представителей политического розыска о состоянии политических партий и организаций, о предполагаемых съездах и конференциях. Одновременно в них содержались указания инструктивного характера о том, как поступать в той или иной ситуации: наблюдать за тем или иным лицом, задержать его, не допустить

С. 45.

выезда на съезд, конференцию или просто выяснить состав депутатов, путь следования. Циркуляры были общие, относившиеся к какому-либо важному событию в жизни партии — съезду, конференции, партийной школе, и частные, которые касались отдельных лиц, бежавших с места ссылки, находившихся под надзором полиции, выехавших за границу. В циркулярах указывались фамилия, имя, отчество, основные установочные данные и меры, которые должны быть приняты.

С 1910 г. в 4-м делопроизводстве заводятся специальные дела о неблагонадежности должностных лиц. Неуверенность в лояльности государственных служащих была настолько велика, что заводится огромная переписка по проверке персонала Военного министерства, торговли и промышленности, Министерства юстиции, путей сообщения, финансов, Министерства внутренних дел, морского, иностранных дел, народного

просвещения, Императорского двора, дворцовой полиции.

Волнения в армии и на флоте заставляют правительство следить за политической благонадежностью новобранцев, и проверка их идет еще до призыва в армию. В зависимости от отзывов о них они направляются в соответствующие части.

Сразу же по организации структуры была разработана номенклатура дел этого делопроизводства. Учитывая ее специфику, особенно той части, которая касалась наблюдения по губерниям, представляется целесообразным дать ее краткую характеристику.

При разработке номенклатуры дел 4-го делопроизводства особое внимание обращали на разного рода настроения в губерниях, на каждую губернию заводились специальные дела. Губернии получали свой индекс (номер), который переходил и;» года в год и нарушался только в том случае, если возникало новое территориальное образование.

Например, дело 1. Акмолинская обл.; 2. Амурская обл.; .4. Архангельская губ. и т.д. Каждый номер имел единый перечень частей, в котором указывался характер документов, формирующихся в деле, например:

- д. 1 ч. 1. Об аграрном движении в Акмолинской обл.
- д. 1 ч. 2. Рабочее движение в Акмолинской обл.
- д. 1 ч. 3. Демонстрации, митинги в Акмолинской губ.
- д. 1 ч. 4. Движение в армии.
- д. 1 ч. 5. Сведения об учебных заведениях.
- д. 1 ч. 6. О террористических актах.
- д. 1 ч. 7. Разные сведения.
- д. 1 ч. 8. Переписка о прессе.
- д. 1 ч. 9. Общественное настроение.
- д. 1 ч. 10. Ведомости о происшествиях.

С. 46. д. 1 ч. 11. О несоответствующих действиях и политической благонадежности должностных лиц.

Исключительно важные изменения претерпевает другая структурная часть Департамента — 6-е делопроизводство, основным направлением деятельности которого становятся проверка политической благонадежности государственных и земских служащих (эти функции впоследствии переходят в 4-е делопроизводство) и выдача свидетельств о политической благонадежности по прошениям частных лиц. Причиной, побудившей Департамент обратить внимание на эту проблему, явилось то, что в 1905—1907 гг. многие служащие принимали активное участие в революционных событиях, сочувствовали и помогали революционерам.

Ненадежность многих государственных служащих побуждает П.А.Столыпина еще в сентябре 1906 г. провести через Совет министров циркуляр, в котором отмечалось, что в «возникшей... политической борьбе партий и в открытой критике правительства, подчас даже прямо в противогосударственной агитации, заметное участие приняли у нас не только частные лица, но и служащие государственных учреждений», и что «обнаружившееся у нас противодействие правительству со стороны самих его агентов представляет собою такое вопиющее зло, которое в большей или меньшей степени присуще самым разнообразным отраслям государственной службы»³².

В соответствии с циркуляром, в обязанность Департамента и его 6-го делопроизводства вменялось наведение справок по запросам различных учреждений, о политической благонадежности лиц, поступающих на земскую и государственную службу. Особенно тщательно в этом плане должны были проверяться учителя земских школ и лица, поступавшие в придворное ведомство.

Вскоре после циркуляра Совета министров издается циркуляр самого Департамента о противоправительственной агитации в правительственных учреждениях ³³ по вопросу о служащих земских, городских и сословных учреждений. В нем говорилось о необходимости точного исполнения циркуляра Совета министров, указывалось на необходимость решительной борьбы с противоправительственной агитацией служащих в правительственных, земских, городских и сословных учреждениях. В последнем пункте было сказано: «Ввиду того, что подобная агитация недопустима и для служащих в общественных земских, городских и сословных учреждениях, то главным местным административным начальствам надлежит принимать меры к установлению неослабного надзора за ними, чтобы служащие в подобных учреждениях лица не вели противоправительственной агитации, причем избобличенные в ней вольнонаемные лица подлежат немедленному удалению со службы, а

С. 47.

занимающие выборные должности, сопряженные с правами государственной службы, должны быть привлекаемы к дисциплинарной ответственности указанным порядком».

Ввиду того, что предписания циркуляра выполнялись недостаточно четко, 30 сентября 1908 г. появляется новый циркуляр, подписанный вице-директором С.Е. Виссарионовым, в котором губернаторам и градоначальникам напоминали: «Из производившейся в Департаменте полиции переписки усматривается, что при замещении учительских

должностей в церковноприходских школах уездные отделения епархиального совета не всегда входят в предварительное отношение с губернской властью о желательности в интересах службы назначения того или иного лица на учительские должности, что может повести за собою проникновение в среду педагогического персонала лиц неблагонадежных в политическом отношении и лишить губернскую власть возможности осуществлять возложенное на нее по закону наблюдение за ходом и направлением первоначального обучения в губернии. В связи с чем Училищный совет при Святейшем Синоде, войдя в рассмотрение этого вопроса 19 июня с.г. постановил: Вменить в обязанность местным духовно-школьным управлениям при определении кандидатов на учительские должности в церковноприходские школы входить в сношение с губернской властью для выяснения их нравственных качеств и политической благонадежности, за исключением лиц, получивших образование в духовных академиях и семинариях, епархиальных женских училищах, женских училищах духовного ведомства и церковно-учительских и второклассных школах, если со времени окончания ими курса прошло не более года, о сих лицах церковно-школьное управление сносится только с начальством упомянутых заведений»³⁴.

Для оперативного сбора информации о том или ином лице с 1 января 1907 г. внутри Департамента организуется вспомогательный «Регистрационный отдел» с Центральным справочным аппаратом. Это было существенным шагом по упорядочению документальной базы Департамента. Создается единый справочный аппарат, единая алфавитная и предметно-тематическая картотека для всего Департамента. В ЦСА были переданы все картотеки, которые велись ранее по отдельным делопроизводствам и отдельными чиновниками. Как указывалось в одном из отчетов, к 1 января 1907 г. во вновь созданную структуру поступило 19 отдельных именных картотек, что составило 1400 алфавитных ящиков, в которых находилось 1,5 млн. именных карточек.

Для работы по объединению картотек были приглашены «барышни», которые сводили данные об одном и том же лице или событии на одну карточку, переписывали карточки и обновляли картотеки. В течение трех месяцев была проведена

С. 48.

работа по усовершенствованию картотеки, число карточек уменьшилось почти в два раза, теперь их было 800000. Благодаря этому существенно облегчалась работа над картотеками (сначала для сотрудников ДП, впоследствии для архивистов и историков).

Сами чиновники Департамента полиции писали о ЦСА, что его создание «принесло огромную пользу в смысле и продуктивности работы всего Департамента. Наведение справок стало производиться быстро и точно, а главное в одном месте, тогда как раньше для получения полной справки о том или другом лице необходимо было обойти все частные алфавиты»³⁵. За 3 — 4 минуты можно было установить, есть ли материалы на то или иное лицо, проходило ли оно ранее по политическим делам, процессам, арестовывалось, судилось или просто наблюдалось, административно ссылалось. Пополнение картотеки шло достаточно быстро. Ежегодно в отдел поступало до 150 тысяч карточек, правда не все они включались в картотеку. Так как на некоторых лиц уже были сведения. В таком случае именная карточка дополнялась новыми шифрами.

Именная картотека Департамента полиции насчитывала приблизительно 2,5 млн. карточек на 2 млн. человек ³⁶. Она была составлена на все фамилии, упоминавшиеся в делах Департамента полиции за весь период его существования, на все партийные клички, которые были известны Департаменту полиции (кроме кличек секретных сотрудников). На них в Особом отделе Департамента велась другая, «совершенно секретная» картотека.

Регистрационный отдел просуществовал до марта 1910 г., когда была организована секретарская часть Департамента. Регистрационный отдел был переименован в Центральный справочный алфавит и вошел в секретарскую часть³⁷.

В февральские дни 1917 г. служащие Департамента, зная, какую ценность он представляет, являясь ключом к материалам Департамента полиции, пытались вывести его из строя. Однако лишь небольшая часть карточек справочного алфавита была уничтожена, в основном это были фамилии на букву «А». В настоящее время он входит в состав научно-справочного аппарата ГА РФ.

В 1907 г., исходя из необходимости усовершенствования работы Департамента полиции и в связи с подготовкой реформы полиции, Министерство внутренних дел посылает директора Департамента полиции М.И. Трусевича за рубеж.

Цель поездки — ознакомление с постановкой полицейской службы в Англии, Германии, Франции, с тем чтобы с учетом зарубежного опыта модернизировать полицейскую службу в России, сделать центральный аппарат более гибким и эффективным.

С. 49.

Трусевича интересуют вопросы организации местной полицейской

службы, подготовки кадров. Основные материалы, полученные в результате командировки, поступают в Комиссию сенатора Макарова 38.

В начале 1908 г. Трусевич ходатайствует перед министром внутренних дел о создании в Департаменте полиции еще двух структурных частей: Инспекторского отдела и Уголовно-сыскной части 38.

Создание Инспекторского отдела было вызвано тем, что после подавления революции работа на местах органов политического сыска, с точки зрения Департамента полиции, заметно ослабла. Проведенные под руководством Особого отдела ревизии местных ГЖУ и охранных отделений показали, что и те, и другие часто совершенно не обращают внимания на те распоряжения, предписания, циркуляры, которые спускает им Департамент. Поэтому ставится задача: бороться с теми нарушениями, которые допускались местными органами, поставить их деятельность на более высокий уровень.

12 марта 1908 г. был издан приказ о создании Инспекторского отдела 40. Основная задача отдела, как указывалось в приказе, «обревизование... учреждений и отдельных чинов», а также исполнительное производство по таким ревизиям, составление докладов директору по делам об удалении со службы некоторых категорий чиновников, наложение дисциплинарных взысканий, исполнение поручений министра.

Инспекторский отдел должен был работать под руководством директора Департамента, заведование этим отделом возлагалось на старшего вице-директора. Ревизии назначались по распоряжению директора, в состав ревизионных групп включались некоторые чиновники отделов. По особым приказаниям министра внутренних дел во главе командированных для ревизии лиц иногда ставился член «Совета министра» (имеется в виду министра внутренних дел). Этот отдел просуществовал 4 года. В 1912 г. он был ликвидирован. Инициатива его ликвидации исходила от исполняющего обязанности вице-директора Департамента П.А.Харитонova, который в декабре 1911 г. подал записку, в которой отмечал: «С течением времени [командировки чинов полиции] утратили систематический характер и приобрели характер случайный, в зависимости от поступающих в Департамент полиции сведений о неудовлетворительном составе полиции в той или другой местности. Деятельность Инспекторского отдела иногда совершенно прекращалась. Некоторое время он занимался выдачей пособий чинам полиции или об увеличении окладов, но с переходом этих функций в ноябре 1911 г. в 1-е делопроизводство он «фактически почти совершенно перестал функционировать»⁴¹.

Что касается Уголовно-сыскной части, то ее создание было связано с тем, что после революции 1905—1907 гг. резко возросло число уголовных преступлений. Впрочем, в категорию «уголовников» нередко зачислялись лица, принимавшие участие в погроме помещичьих усадеб, в порубке господского леса.

Занимаясь вопросами политического сыска, местные и центральные власти постоянно сталкивались с необходимостью централизовать и реорганизовать общегосударственный сыск 42. Директор Департамента полиции Трусевич неоднократно беседовал со Столыпиным по этому вопросу, отмечая, что в России не было «должного порядка» в борьбе с уголовной преступностью. В результате, в декабре 1907 г. была опубликована для внутренних нужд записка за подписью Столыпина, скрепленная Трусевичем, «Об организации сыскной части». В ней указывалось, что только в столицах и нескольких наиболее крупных центрах России учреждены сыскные отделения, «специально... оборудованные для раскрытия преступлений», «вся остальная Россия с целым рядом крупных и весьма бойких пунктов и со всеми мелкими городами и внегородскими поселениями совершенно лишена всякой обеспеченности в деле борьбы с уголовно-наказуемыми выступлениями», что именно по этим преступлениям имеется наиболее высокий процент нераскрытых преступлений. Поэтому правительство признает необходимым приступить к упорядочению вопроса об уголовных преступлениях, предлагая расширить сеть сыскных отделений, увеличить средства, выделяемые для этой работы 43.

Руководить деятельностью создаваемых учреждений была призвана новая структура. Она, как и Инспекторский отдел, была создана приказом Директора от 12 марта 1908 г. и стала числиться 8-м делопроизводством Департамента 44. Помимо руководства сыскной деятельностью на местах, в обязанности нового делопроизводства также входили: связь с иностранными полициями по вопросам общеуголовного характера; составление инструкций, правил по сыскной части, заведование школой инструкторов, фотографией Департамента полиции 45. Впоследствии при этом делопроизводстве был создан криминалистический музей.

С подачи Департамента полиции такие музеи стали создаваться в ряде сыскных отделений. Особенно интересными были экспонаты музеев Московской сыскной полиции, Варшавского, Самарского, Рижского сыскных отделений. Они получили высокую оценку на Международной выставке в г. Дрездене в декабре 1909 г. 46

Музей Департамента полиции стал как бы наглядным, учебным

классом для курсов подготовки специалистов при Штабе корпуса жандармов. Руководитель 8-го делопроизводства

С. 51.

В.И. Лебедев был одним из организаторов этого музея. Одновременно он преподавал на подготовительных курсах, организованных при Департаменте полиции для новых руководителей сыскных отделений⁴⁷.

Через несколько месяцев после создания 8-го делопроизводства, а именно 6 июля 1908 г. был издан Закон «Об организации сыскной части»^{47а}. По этому закону в крупных городах, в составе губернских полицейских управлений стали создаваться сыскные отделения четырех разрядов для производства «розыска по делам общеуголовного характера». Всего было образовано 89 сыскных отделений.

Многие полицейские чины считали, что такое количество сыскных отделений для России явно недостаточно. Дискуссия вокруг этой проблемы велась в Государственной думе и на страницах журнала «Вестник полиции»⁴⁸. Однако, ссылаясь на отсутствие средств, правительство крайне неохотно шло на создание новых сыскных отделений.

Местные губернаторы очень остро ставили вопрос как о создании сыскных отделений, так и об их финансировании. Сохранилась переписка по этому поводу. Особенно активны были в этом плане губернаторы Привислинского края. Там, где сыскные отделения на территории Польши были созданы, они ставили вопросы о найме помещений и их финансировании. В таких случаях ответ Департамента был однозначным: необходимо было руководствоваться пунктом 7 ст. 138 Городового положения, в которой указывалось, что расход по найму или отводу помещений для сыскных отделений... «должен быть отнесен, как и в прочих губерниях Империи, на средства надлежащих городов»⁴⁹.

В мае 1910 г. в Комиссии по судебным реформам Государственной думы рассматривался вопрос «Об организации сыскной части в областях: Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской и Закаспийской». Соответствующий доклад был представлен военным министерством, так как Туркестанский край управлялся по особому положению и в административном отношении был подчинён военному министру. В докладе указывалось, что далее откладывать организацию сыскных отделений в Туркестанском крае невозможно... «С проведением двух железнодорожных линий, — отмечалось в докладе, — замечается большой наплыв людей из внутренних губерний России и с Кавказа, преследующих цели легкой наживы за счет местных обывателей, мало огражденных от злонамеренных на них посягательств вследствие крайней

малочисленности полиции. При этом особенно развращающим образом такой элемент влияет на местное туземное население, которое,

С. 52.

видя во многих случаях безнаказанность преступлений, составляет себе ложное понятие о слабости русской власти и легко начинает следовать примеру порочных пришельцев»⁵⁰. Доклад возымел действие и в скором времени сыскные отделения были созданы.

С 3 января 1915 г. 8-е делопроизводство стало заниматься не только наблюдением за деятельностью сыскных отделений, но и участвовало в их организации. К сожалению, материал этой структуры сохранился очень плохо. Основная часть документов была уничтожена в февральские дни 1917 г. при попытке поджечь Департамент полиции. Одновременно практически были утрачены экспонаты музея. Однако сохранилась часть донесений губернаторов, начальников ГЖУ, охранных и сыскных отделений об уголовных преступлениях в губерниях, материалы нашумевшего в свое время дела о «банде» Савицкого, о «кукольниках», деятельности некоторых сыскных отделений, а также о краже в Успенском соборе. Материалы о церковных кражах, в зависимости от ценности и значения украденных вещей, имеются и в других структурах Департамента полиции. В 1904 г. в Особом отделе Департамента было заведено два тома переписки о страшном событии, произошедшем в Казани, когда из Женского монастыря была похищена российская святыня — Образ чудотворной иконы Казанской Божьей Матери, не найденной до сих пор ⁵¹.

После реорганизаций 1906—1908 гг., проведенных под руководством Трусевича, вплоть до марта 1910 г. в Департаменте крупных структурных изменений не происходит.

В начале апреля 1909 г. покидает свой пост директора Трусевич. Для многих его решение было неожиданным. Он получает чин тайного советника и назначение в правительствующий Сенат. Трусевич, в возрасте 46 лет, полный сил, надеялся на скорое продвижение по службе и обещанную ему должность товарища министра внутренних дел, заведующего полицией. Полковник А.П.Мартынов, последний начальник Московского охранного отделения, много общавшийся с Трусевичем в период своей работы в Петербурге, считал уход последнего из Департамента большой потерей. В своих воспоминаниях он дает довольно интересную характеристику как внешних, так и деловых качеств Трусевича. «Выше среднего роста, худощавый, исключительно элегантный шатен с тонкими чертами лица, чуть коротковатым тонким носом, щетинистыми усиками, умными, пронизывающими и несколько

насмешливыми глазами и большим открытым лбом, — писал Мартынов, — Трусевич являл собою тип европейского светского человека. Он был живой, даже порывистый в движениях, без типично русских манер. Даже многочисленные недруги его никогда не отказывали

С. 53.

ему в остроте мышления, знании дела и трудоспособности. Докладывать ему дела, самые запутанные и сложные, было просто удовольствием, — он понимал все с полуслова. Трусевичу нельзя было подавать сущность дела с размазыванием подробностей, с подготовкой и разъяснением, как это часто приходилось делать с менее способными администраторами. Он схватывал сущность дела сразу и давал ясные указания. Он был по своему характеру замечательным мастером розыска, гонимым психологом, легко разбиравшимся в людях. Политическая карьера его окончилась с выяснением роли Азефа и переменами в Министерстве... С его уходом правительство потеряло исключительного человека «на своем месте». Я совершенно уверен, что ни до него, ни, тем более, после него такого л и ректора Департамента полиции российское правительство не имело»⁵².

Уход Трусевича во многом был связан не с делом Азефа, а с изменениями в МВД. Когда в марте 1909 г. на должность и жарища министра внутренних дел был назначен П.Г. Курлов, вице-директор Департамента и подчиненный Трусевича, последний, имевший виды на эту должность, почувствовал себя оскорбленным и подал в отставку. Что касается деловых качеств Трусевича и его знаний розыскного дела, то здесь Марионов совершенно прав. С ним мог сравниться по знаниям розыскной работы из будущих директоров, пожалуй, лишь С.П.Белецкий.

В марте 1910 г., уже при новом директоре Н.П. Зуеве, образуется «Особое управление» — «секретарская часть»⁵³. Секретарская часть» передавалась в непосредственное заведование секретаря при директоре Департамента, которому притаивались права и обязанности вице-директора.

В секретарской части сосредоточиваются дела, касающиеся личного состава Департамента⁵⁴ — назначение, перемещение по службе, награждение служащих, увольнение, ведения кандидатских списков — то есть кадровые вопросы, которые ранее находились в ведении 1 делопроизводства. Директор Департамента Н.П. Зуев, не будучи специалистом в области политического сыска, сосредоточился на упорядочении кадровых, хозяйственных вопросов, он стремился держать в своем непосредственном ведении наиболее секретные дела, касающиеся

кадров, переписки, с тем чтобы они не выходили на более широкий круг исполнителей. В секретарской части сосредоточиваются переписка по уничтожению старых шифров, введению новых, разбор всех поступающих в Департамент шифрованных телеграмм, шифровка исходящих депеш по всему Департаменту (исключая Особый отдел); личная переписка директора Департамента, производство дел и переписок, которые

С. 54.

носят «особый характер», хотя и входят в компетенцию других делопроизводств, заведование общей журнальной частью. Заведование секретарской частью возлагалось на статского советника М.Н.Веригина⁵⁵.

В феврале 1912 г. директором Департамента полиции становится С.П.Белецкий, бывший самарский вице-губернатор, затем вице-директор Департамента. Как специалист в области политического розыска, он уделяет больше внимания этому, главному направлению работы. Одновременно он стремится к упорядочению структуры Департамента, исключению параллелизма в деятельности делопроизводств. Он просит сотрудников Департамента дать свои предложения по вопросу распределения обязанностей по структурам. В результате в 1-ом делопроизводстве сосредоточиваются записки всех подразделений Департамента об их работе и «соображения» о желательности изменений компетенции каждого.

Ко времени назначения Белецкого прошло 5 лет после последней серьезной реорганизации, осуществленной Трусевичем. В течение этих лет выявились серьезные недостатки в сложившейся структуре. Некоторые делопроизводства были перегружены работой, не хватало людей для оперативного выполнения ими своих обязанностей. Некоторые делопроизводства дублировали друг друга, выполняя однородные обязанности, другие делопроизводства вели дела, не имеющие между собой внутренней связи, некоторые структуры (как «инспекторский») бездействовали.

На 5 июля 1912 г. было назначено «общее присутствие Департамента полиции» с рассмотрением таких вопросов: 1) Распределение предметов ведомства, переформирование 4-го и 6-го делопроизводств. 2) Установление порядка деятельности Инспекторского отдела. 3) Составление общего списка циркуляров Департамента полиции. 4) Сокращение и упрощение канцелярского производства. 5) Составление инструкции регистраторам Департамента. 6) Предоставление отчетности о движении дел по делопроизводствам ⁵⁶.

В результате принятых совещанием решений, в 5-ом делопроизводстве

были объединены все дела, связанные с административной высылкой, часть которых находилась в 6-ом делопроизводстве. Это объединение мотивировалось, в частности, якобы наступившим в стране успокоением. Примечательно, однако, что одновременно в переписке Особого отдела ситуация в стране сравнивалась с той, которая складывалась в 1905 г.

6-е делопроизводство реорганизуется в Центральный справочный орган Департамента полиции, где сосредоточивается вся переписка по наведению справок о политической благонадежности населения в местах пребывания императора, должностных

С. 55.

лиц. Тогда же был ликвидирован Инспекторский отдел.

Через год Белецкий предполагает провести новую, более глубокую реорганизацию, которая должна была касаться 4-го, 7-го делопроизводств и Особого отдела. Его волнует несколько независимое поведение заведующего Особым отделом полковника А.М.Еремина, который был на правах вице-директора. В предложениях Белецкого проскальзывает стремление принизить роль Особого отдела, и вся задуманная им реорганизация была в определенной мере направлена на достижение этой цели. Он предлагал переименовать Особый отдел в 9-е делопроизводство. В своей записке министру внутренних дел, касаясь этого вопроса, он писал, что данное предложение делается «ввиду единства наименований и уничтожения какого-либо повода придавать этой части особое привилегированное положение»⁵⁷.

В другом его документе по этому поводу говорилось, что «с точки зрения дисциплины желательно, чтобы часть эта, как и прочие отдельные части — называлась делопроизводством»⁵⁸. Одновременно Белецкий усиливает роль 4-го делопроизводства, занимавшегося общественным и рабочим движением. Он предполагал сосредоточить в этой структуре «всепопданнейшие отчеты» губернаторов, обязать циркулярно начальников охранных отделений и губернских жандармских управлений все поступающие к ним сведения по общественному движению направлять не в Особый отдел, а в 4-е делопроизводство, передать имеющуюся по общественному движению агентуру, а равно и особо секретные сведения по общественному движению в 4-е делопроизводство, «постепенно завести» библиотеку по вопросам общественного движения, а также кооперативного и профсоюзного движений, увеличить состав служащих в 4-м делопроизводстве на 4 человека, помимо имеющегося районного деления завести деление «по предметам ведомства», ввести специализацию сотрудников по отдельным видам общественного движения.

7-е делопроизводство он предлагал сделать чисто законодательным, возложить на него обязанности по юрисконсультской части, где сосредоточилась бы вся переписка, связанная с реформой полиции, об исключительном положении, о неприкосновенности личности, о новом паспортном уставе. Он предлагал возложить на это делопроизводство разработку всякого рода инструкций по Департаменту полиции, по систематизации циркуляров Департамента, составление заключений по законопроектам и инструкциям.

Предложения Белецкого поддержал товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией В.Ф.Джунковский. Джунковский начал знакомиться с Департаментом полиции в начале февраля 1913 г. С этого времени у него устанавливаются

С. 56.

довольно прочные деловые отношения с руководством Департамента. На первых порах его вполне устраивает директор Департамента полиции Белецкий. Но постепенно в их отношениях наступило охлаждение, что, возможно, было связано с разными взглядами на роль Распутина и методы работы в отношении секретной агентуры, практиковавшиеся в Департаменте. Впоследствии в своих воспоминаниях, отдавая должное профессиональным качествам Белецкого, Джунковский писал: «Белецкий был действительно человек поразительной работоспособности, он мог работать круглые сутки, очень быстро разбирался в делах, умел ориентироваться и приспосабливаться к обстановке». В то же время Джунковский отмечал: «...а что он действительно делал превосходно, что выходило у него мастерски, так это втирание очков»⁵⁹. Через год Джунковский расстался с Белецким. Однако судьба была к нему милостива. После ухода Джунковского с поста товарища министра внутренних дел (осенью 1915 г.) именно Белецкому было предложено занять освободившееся место.

Белецкий не забыл нанесенной обиды. Заняв высокий пост он отомстил Джунковскому, сразу же инспирировав издание брошюры И.П. Тихменева, направленной против своего бывшего шефа.

3 января 1914 г. Джунковским было утверждено новое распределение обязанностей в Департаменте. В докладной записке на имя министра внутренних дел от 19 января 1914 г. Белецкий подробнейшим образом обосновывал проведенные им изменения.

В том же 1914 г., но несколько позднее, из 2-го делопроизводства были выделены дела, связанные с обстоятельствами военного времени, и переданы в 9-е делопроизводство. Здесь сосредоточивались вопросы о

военнопленных и подданных иностранных государств.

Бывший Особый отдел (9-е делопроизводство) еще раз сменил свое название, был переименован в 6-е делопроизводство, а в 1915 г. ему вернули старое наименование. И как ни странно, это решение было принято опять-таки с участием Белецкого, который в это время был уже товарищем министра внутренних дел.

Распределение функций между подразделениями Департамента, осуществленное в ходе реорганизации, сохранилось практически без изменений вплоть до ликвидации этого учреждения 10 марта 1917 г. и выглядело следующим образом: в 1-м делопроизводстве сосредоточивались материалы, связанные с устройством секретной полиции, организацией сыскной части, перепиской о кредитах.

Во 2-м делопроизводстве — связанные с Первой мировой войной, эвакуацией учреждений, их архивов и т.д. Особенно

С. 57.

много было переписки, за 1915 г., связанной с расследованием деятельности и ликвидацией учреждений и торговых предприятий, принадлежавших германским подданным.

3-е делопроизводство продолжало осуществлять свои функции и сосредоточивало в своей структуре переписку полицейского характера: о назначениях, перемещениях, награждениях полицейских чинов, нарушениях по службе и т.д.

4-е делопроизводство практически не изменило своих функций с момента создания, вело переписку по наблюдению за рабочим, крестьянским, общественным движением.

5-е делопроизводство продолжало заниматься вопросами административной ссылки.

6-е делопроизводство (после всех переименований и изменений) исполняло запросы по наведению справок о политической благонадежности лиц, поступающих на государственную и земскую службу.

7-е делопроизводство продолжало называться «наблюдательным» и исполняло эти функции, но также на него были возложены обязанности по юрисконсультской части.

8-е делопроизводство, как и было задумано в момент его создания, выполняло руководящие функции по уголовно-сыскной полиции.

9-е делопроизводство вело переписку по вопросам военнопленных, о подданных других стран, воюющих с Россией.

Продолжал функционировать Особый отдел, выполняя свои основные

функции.

Правда, уже будучи товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией, Белецкий продолжал вникать в вопросы структуры Департамента. По его указаниям новый директор Департамента в декабре 1915 г. внес определенные коррективы в распределение обязанностей в нем⁶⁰.

Следует отметить, что попытка Белецкого принизить роль Особого отдела имела лишь временный успех, поскольку его функции и направление деятельности играли ключевую роль во всей системе политического сыска России.

Примечания

- 1 Из глубины времен. СПб., 1996. № 6. С. 132-143.
- 2 РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 81. Л. 414.
- 3 ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1880. Д. 98. Л. 28-28об. Всеподданнейший доклад императору (копия).
- 4 Там же. Ф. 102. Оп. 302. Д. 707. Исторический очерк организации и деятельности Департамента полиции. Л. 4 — 5.
- 4 Там же. Ф. 109. 1 эксп. 1880. Д. 98. Л. 28об.
- 5 Там же. Л. 30.
- 6 Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992. Л. 95.
- 7 Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. С. 82-83.
- 8 Сидорова М.В. Штаты III отделения с.е.и.в.к. // Из глубины времен. № 4. 1995. С. 3-9.
- 9 Собрание узаконений. 1880. № 112. Ст. 802.
- 10 Тютюнник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX — XX веков (1880—1904 гг.) Авт. дисс. на соискание степени канд. ист. наук. М., 1986. С. 17.
- 11 Свод законов Российской Империи. 1892. Т. I. Ч. 2. Раздел. VI. Ст. 362.
- 12 Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С. 35 — 36.
- 13 РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 82. Л. 225.
- 13а Мещерский В.П. Мои воспоминания. Т. 3. СПб., 1912. С. 26.
- 14 Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 152 — 153; Борисов А. Руководители карательных органов дореволюционной России. Вып. I. М., 1979. С. 98—101; Самсонова М.С. В.К. Плеве / Российские консерваторы. М., 1997. С. 287-322.
- 15 Подробнее см.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. М., 1964. С. 401-410; Мулукаев Р. С. Полиция в

России (XIX в. - нач. XX в.). Н. Новгород, 1993. С. 45-46; Дейли Д. Положение об охране 14 августа 1881 г. и репрессивная политика императорской России // Политический сыск в России. История и современность. СПб., 1997. С. 71 — 76. Одновременно стоит отметить, что в Комитете министров Положение об охране и отдельные его постановления подвергались критике. См.: Красный архив. 1929. № 1(32). С. 217.

16 ГА РФ. Ф. 730. Д. 3675. Л. 1об.

17 Там же. Л. 2.

18 ПСЗ Собр. 3-е. Т. 1. № 350.

19 Ленин В.И. Поли, собрание сочинений. Т. 9. С. 331.

20 ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 1. № 350. Ст. 15.

21 Мулукаев Р.С. Полиция в России (XIX в. — нач. XX в.). Н. Новгород, 1993. С. 46.

22 ГА РФ. Д. 109. 1 эксп. 1880. Д. 98. Л. 148-148об.

23 Там же. Л. 149.

24 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 300. См.: Сидорова М.В. Из истории архива Третьего отделения // Советские архивы. 1990. № 6. С. 35 — 38; ее же. Архивы центральных органов политического розыска России XIX нач. XX в. (III Отделение и Департамент полиции). Авт. дисс. на соискание степени канд. ист. наук. М., 1993.

25 Указ от 25 июня 1882 г. См.: ПСЗ. Собр. 3-е. Т. II. С. 343-344.

26 Курлов П.Г. Конец русского царизма. Берлин, 1923. С. 118.

27 Фонд Департамента (ф. 102) не перерабатывался, за исключением тех материалов, которые поступили в архив в состоянии россыпи. В настоящее время, заведенные в Департаменте дела лежат по своим структурам и по старым делопроизводственным номерам.

28 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 274-187 (1881-1894 гг., 1900-1917 гг.). 1148 дел.

29 Там же. Ф. 109. 1 эксп. 1880. Д. 98. Л. 179-180.

29 Создание и роль Особого отдела как руководящего органа политического сыска. См. гл. 2.

30 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 16. Л. 28об.

31 там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 16. Л. 95-97.

32 Мобилизация реакции в 1906 г. // Красный архив. 1929. № 1(32). С. 158—182. В Департаменте отложились два тома переписки «О несовместимости службы в правительственных учреждениях с прилежностью к политическим организациям противозаконного направления». (ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1907. Д. 173. Т. 1. Т. 2).

33 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 87. Л. 2-3. Этот циркуляр был издан с

разъяснениями циркуляра Совета министров от 14 сентября 1906 г.

34 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 87. Л. 26-26об.

35 Там же. Ф. 102. 00. 1907. Д. 114. Л. 35.

36 Лурье Ф.М., Перегудова З.И. Царская охранка и провокация // 11.1 глубины времен. Вып. 1. СПб., 1992. С. 53.

37 Там же. Ф. 102. 3 д-во. 1912. Д. 221. пр., Л. 120.

38 О комиссии сенатора Макарова о реформе полиции см. гл. 9.

за ГА РФ. Ф. 102. 00. 1908. Д. 132. Л. 7.

40 Там же. Ф. 102. 1 д-во. 1887. Д. 223. Л. 196.

41 Там же. Ф. 102. 3 д-во. 1912. Д. 221. Л. 7-8.

42 Подробнее см.: Шинджикашвили Л.И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973. С. 6 — 22.

43 Согласно этой записке, на сыскную работу в России тратилось ежегодно 130000 руб. в год, т.е. в некоторых уездах центральной России "отпускалось 2 руб. 50 коп. в месяц. Предполагалось с 1 января 1909 г. "отпускать 913590 руб. в год. См.: Записка «Об организации сыскной части» от 29 декабря 1907 г. Библиотека ГА РФ. № 109706.

44 Там же. Ф. 102. 1 д-во. 1887. Д. 223. Л. 136.

45 Там же. Ф. 102. Оп. 300. Д. 21. Л. 50.

46 Вестник полиции. № 50. 16 декабря 1909. С. 1142-1143.

47 Вестник полиции. № 45 от 10 ноября 1909 г.

47а ПСЗ. Собр. 3-е. Т. XXVIII, 1908. СПб., 1911. Отд. I. № 30672. С. 448.

48 Мулукаев Р.С. Полиция в России (XIX в. - нач. XX в). С. 77-80. 4Э ГА РФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1907. Д. 10. Ч. 45. Лит. Б. Л. 30об.

50 Там же. Л. 455.

51 Гусев В., Перегудова З. Поиски без конца... Документальное расследование // Сыщик. № 2. 1992. С 237-272; ГА РФ. Ф. 102. 00. 1904. Д. 182.

52 Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов. Воспоминания. С. 60.

53 ГА РФ. Ф. 102. 3 д-во. 1912. Д. 221. Л. 120. См.: Ф. 102. 00. 1912. Д. 63. Л. 398.

54 Впоследствии эти дела вновь возвращаются в 1 д-во. См.: ГА РФ. Ф. 102. 00. 1912. Д. 63. Л. 454.

55 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1912. Д. 53. Л. 398. Приказ от 26 марта 1910 г.

56 Там же. Ф. 102. 3 д-во. 1912. Д. 221. Л. 82. 5? Там же. Л. 357.

58 Там же. Л. 211.

59 Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. П. С. 128.

60 Приказ по Департаменту от 24 декабря 1915 г.

Раздел 1. СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА

Глава 2.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

С. 60.

Особый отдел являлся ключевой структурой Департамента полиции.

«Со второй половины 90-х годов XIX в. самые важные функции Департамента полиции нес так называемый Особый отдел», — читаем мы в одной из докладных записок директора Департамента¹. Иногда этот отдел называли «мозгом» и «сердцем» Департамента.

§ 1. История создания и начальный этап деятельности Отдела

Отдел начал функционировать как самостоятельная структура Департамента полиции с 1 января 1898 г., т.е. спустя 17 лет после создания Департамента. Как правило, эта дата считается временем его организации. Ранее (с 1881 г.) под таким же названием он входил в 3-е делопроизводство Департамента, которое занималось вопросами политического сыска. В составе этой структуры Особый отдел отвечал за разработку секретных сведений, перлюстрацию писем². Необходимость его выделения в самостоятельную структуру объяснялась многими причинами, и главной из них был рост революционного движения в стране.

Директор Департамента полиции С.Э. Зволянский в своей докладной записке, обосновывая необходимость создания Особого Отдела, не скрывал своего беспокойства ростом «пропаганды социал-демократического движения среди рабочих»; говорил о росте стачек на фабриках и заводах *.

*Стачное движение за период 1894—1897 гг. возросло в 3,5 раза, а число стачечников увеличилось в 1,5 раза (1894 г. — 77 стачек, 38,3 тыс. участников; 1895 — 125 стачек, 54,5 тыс. участников; 1896 — 183 стачки, 65,5 тыс. участников; 1897 — 258 стачек, 70,4 тыс. участников См.: История КПСС. Т. 1. М., 1965. С. 189.

С. 61.

В этой записке приводятся сведения о росте документации отдела:

	вх.	исх.
1893 г.	16,950	7,468
1897 г.	24,761	12,283

«В ближайшем будущем, — пишет автор докладной записки, — предвидится еще более быстрое возрастание дел, ввиду увеличивающегося

рабочего движения и признанной необходимости упорядочения розыскного дела в более крупных центрах»³.

Как отмечалось в «Краткой исторической справке Департамента полиции», датированной 1902 г., 3-е делопроизводство «при самых напряженных усилиях не могло справиться с такой непосильной работой, тем более, что розыскная деятельность его возрастала прогрессивно»⁴.

Основные функции Особого Одела были уточнены и расширены при его выделении в самостоятельную структуру. Это были —

- 1) Заведование внутренней и заграничной агентурой.
- 2) Негласное наблюдение за корреспонденцией частных лиц, обращающих на себя внимание правительства.
- 3) Организация надзора за политическим настроением учащейся молодежи.
- 4) Распоряжения по надзору за политическим настроением рабочих.
- 5) Организация розыска лиц по политическим вопросам.
- 6) Регистрация и хранение изданий нелегальной прессы.
- 7) Рассмотрение поступающих в Департамент вещественных доказательств по дознаниям для выемки из них книг, брошюр, газет, воззваний, отпечатанных в России и за границей.

Составление сборников прокламаций, общего каталога на революционные издания, хранившиеся в библиотеке Департамента.

- 8) Разбор поступающих в Департамент шифрованных документов⁵.

В Особый отдел при его создании вошла библиотека революционных изданий, насчитывавшая 5000 экз., и фототека на деятелей революционного движения — 20.000 фотографий, именные картотеки на 55.000 человек⁶.

Особый отдел просуществовал 19 лет. Деятельность Отдела, его эффективность, разрабатываемые в его недрах методы политического сыска в решающей степени определялись теми лицами, которые его возглавляли. Через Отдел прошло около полутора десятков его руководителей или временно исполняющих обязанности заведующих Отделом. Были периоды, когда должность заведующего долгое время оставалась вакантной,

С. 62.

поскольку шел подбор лиц, имевших надлежащую профессиональную подготовку.

Однако, не все руководители внесли достаточно ощутимый вклад в работу Отдела, и порой по не зависящим от них причинам.

В силу различного понимания стоящих перед ними задач, кое-кто из них обращал основное внимание на организацию работы самого Отдела и его структуру, другие стремились улучшить подготовку сотрудников и

содействовать их профессиональному росту, третьи считали, что успех работы Отдела во многом зависит и от кадров на местах и потому уделяли больше внимания созданию методических разработок.

Наиболее яркими фигурами — руководителями этого подразделения были: Л.А.Ратаев, С.В.Зубатов, Е.К.Климович, А.М.Еремин, и можно без особого преувеличения сказать, что именно эти люди определяли лицо Особого отдела, его организационную структуру и ту роль, которую он играл в системе политического сыска.

Первым заведующим Особым отделом был Леонид Александрович Ратаев. Он работал в Департаменте полиции с 1882 г., т.е. практически с момента его создания (1880 г.), вначале как чиновника особых поручений, а с 1894 г. возглавил Особый отдел, функционировавший в рамках 3-го делопроизводства. Он же остался во главе Отдела и после того, как тот стал самостоятельной структурой.

Ратаев родился 4 января 1857 г. в селе Берники Ярославской губернии, в дворянской семье. Согласно преданию, род Ратаевых происходил от татарина Солохмира. Правнук Солохмира Степан Иванович Комчеев имел прозвище Ратай. Отцом Ратаева был управляющий императорской охотой надворный советник Александр Михайлович Ратаев⁷.

Леонид Александрович первоначально воспитывался в подготовительном пансионе, затем в Николаевском кавалерийском училище, которое закончил по 1-му разряду. 16 апреля 1878 г. был произведен в корнеты лейб-гвардии Уланского полка, в ноябре 1880 г. прикомандирован к штабу 2-ой гвардейской кавалерийской дивизии. В 1882 г., по домашним обстоятельствам вышел из армии и был определен на гражданскую службу с переводом в чин коллежского секретаря. В июне 1882 г. он был причислен к МВД. В переводе в это ведомство определенную роль сыграл Плеве, сохранилось его ходатайство за Ратаева⁸.

В личном деле, хранящемся в Российском государственном историческом архиве, сохранился текст его «клятвенного обещания...» — присяги, которую он произнес 9 сентября 1882 г. в Благовещенской церкви... «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Его Евангелием

С. 63.

в том, что хочу и должен его Императорскому величеству, своему истинному и природному Всемиловитейшему великому Государю Императору Александру Александровичу самодержцу Всероссийскому и законному Его императорского величества Всероссийского престола

наследнику ... верно, нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови ... и всякими мерами отвращать и не допускать тщатися, всякую вверенную тайность крепко хранить буду... противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать как верному его Императорского величества подданному благопристойно есть надлежит, и как я пред Богом и судом его страшным в том всегда ответ дать могу; как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятве целую слова и крест Спасителя моего Аминь»9.

В момент создания Особый отдел был небольшим по численному составу. Ратаев первоначально имел четырех помощников — делопроизводителей в чине надворного советника (1), коллежского асессора (1), коллежских регистраторов (2), на которых ложилась основная работа Отдела. При Отделе была канцелярия, насчитывающая шесть служащих. Они вели журналы входящей и исходящей корреспонденции, составляли алфавитные карточки на лиц, проходивших по документам Особого отдела, вели алфавитную картотеку, подшивали и организовывали дела. Кроме того, были два «машиниста», так называли чиновников, в обязанности которых была перепечатка материалов.

Первоначально Отдел состоял из 13 человек. Однако по мере усложнения задач, ложившихся на отдел, и с ростом переписки увеличивалось и число сотрудников. Уже в следующем 1899 г. Отдел насчитывал 15 человек, в 1900 и 1901 гг. прибавилось еще два сотрудника канцелярии. В одной из докладных записок Ратаев указывал, что работа «возрастает прогрессивно» с каждым годом10. Подтверждением этому могут служить данные о росте потока документов, приведенные в таблице.

Годы	Вход, документы		Исх. сов. док-ты	Число завед. дел	Количество		Д
	секр.	секр.			циркуляров		
1898	3830	3460	2290	1047	252	127	
1899	4949	4375	2432	852	279	144	
1900	7347	4043	3201	1206		511	
1901	11075	6229	4972		1526	763	
1902	17071	6663	8624			136011	

С. 64.

Подавляющее большинство документов, поступающих в отдел на

исполнение, было связано с выступлениями студентов, созданием и деятельностью социал-демократической партии, и партии социалистов-революционеров, нарастающим рабочим движением. Весь этот материал надо было организовать, систематизировать с тем, чтобы он стал надежной документальной основой работы Отдела. Именно Ратаеву выпала непростая задача разработки номенклатуры дел, их индексации. Уточненная позднее система шифровки дел сохранена в своей основе до нашего времени.

Как одно из основных политических подразделений Департамента полиции Особый отдел обязан был реагировать на все проявления политической активности во всех слоях населения. Первоначально основное внимание уделялось нараставшему студенческому движению. Заводились дела не только на отдельных наиболее активных представителей студенчества, но и на целые университеты, институты, курсы, группы лиц, связанные со студенчеством. Только в 1898 г. было заведено более 300 дел по студенческому движению. Однако по мере роста организованного рабочего движения, возникновения социал-демократической партии, партии эсеров в Отделе активизируется работа по организации политического сыска в этом направлении.

В этой связи наибольший интерес представляет, пожалуй, использование Ратаевым Летучего отряда филеров, существовавшего при Московском охранном отделении. Московская охранка становится чуть ли не главным действующим подразделением Департамента полиции. Руководитель Летучего отряда Е.П.Медников являлся штатным сотрудником Московского охранного отделения, его филеры проходили по штатам Московской полиции. Одновременно они действовали и по заданиям, которые получали от Особого отдела Департамента полиции. В 1900—1901 гг. Летучий отряд почти ежемесячно, а иногда и чаще посылается в те местности России, где возникает необходимость в установлении наблюдения. Между Москвой и Петербургом идет оживленная переписка. В связи с болезнью и отпуском по болезни Медникова бразды правления временно передаются его ученику, небезызвестному Л.П. Меньшикову. Именно в этот период начинается его активная, порой провокаторская деятельность. Впоследствии, уходя в отставку, он переправит за рубеж скопированные им в период его службы в Московском охранном отделении и Департаменте полиции секретные и совершенно секретные материалы. Этими документами он поделится с В.Л. Бурцевым. В период 1925 — 1932 гг. выйдет три тома (4-и части) его сочинений «Охрана и революция. Из истории тайных политических

организаций,

С. 65.

существовавших во времена самодержавия». Но в 900-е годы он преданный служащий, чиновник особых поручений Московского охранного отделения. В фондах этого учреждения сохранились телеграммы, подписанные директором Департамента полиции С.Э. Зволянским, заведующим Особым отделом и Л.А. Ратаевым, в которых они просят московского обер-полицмейстера, при котором находилось Московское охранное отделение^{1^}, командировать отряд филеров и его руководителя в разные города России. Кроме официальных донесений по результатам наблюдения, Меншиков пишет лично на имя Ратаева обширные записки и о принимаемых мерах. Одно из таких дел, хранящихся в фонде Особого отдела, связано с изданиями «Искры» и «Зари», называется «Агентурные сведения чиновника особых поручений Московского охранного отделения Л.П. Меншикова».

В результате деятельности Летучего отряда и донесений ГЖУ Особый отдел был неплохо информирован о событиях в стране и прилагал немало усилий к активизации политического сыска на местах, являясь инициатором проводимых акций. Сотрудники Летучего отряда становятся порой не только наблюдательным, но и исполнительным органом Департамента. В январе 1901 г. Департамент просит командировать Меншикова в Вильну «для ознакомления на месте с результатами наружного наблюдения филеров Летучего отряда Департамента полиции и данными секретного наблюдения для предстоящей ликвидации» !³. в том же январе, 26 числа Ратаев посылает «совершенно секретно» на имя варшавского обер-полицмейстера телеграмму: «Ввиду предстоящей в ближайшем будущем общей ликвидации революционных групп в Северо-Западном крае и в С.-Петербурге, Департамент полиции признает необходимым одновременно» провести аресты по результатам наружного наблюдения, проводимого «с лета минувшего года в г. Варшаве филерами Летучего отряда Департамента полиции»¹⁴.

По телеграммам Ратаева в марте 1901 г. представители Летучего отряда направляются в Нежин, где при арестах были обнаружены типографские принадлежности и нелегальная литература; 19 марта состоялась поездка в Минск, 2 мая в Ярославль, в июне Меншиков и офицер Московского охранного отделения А.И.Спиридович командированы в Вильно, а в сентябре в г. Козлов, в ноябре в Полтаву, в декабре совершается объезд ряда южных городов России¹⁵. В одной из статей в «Былом» говорится, что собранная Меншиковым информация позволила

«ликвидировать» 13 революционных кружков¹⁶.

Несмотря на, казалось бы, столь внушительные результаты, Ратаев явно обеспокоен положением дел, как оно начало

С. 66.

складываться к 1902 г. Проанализировав работу Отдела и положение в стране, он приходит к выводу о необходимости существенной реорганизации политической полиции и обращается к директору Департамента полиции А.А.Лопухину с соответствующими предложениями. Само использование им Летучего отряда и служащих Московского охранного отделения вызывалось слабостью постановки политического сыска на местах и тем, что собственные силы и штат Особого отдела были явно недостаточны.

В феврале, марте, июле 1902 г. Ратаев пишет на имя Лопухина докладные записки, в которых высказывает свое понимание ситуации и вносит конкретные предложения по реорганизации политической полиции. Наибольший интерес вызывает «Записка о революционном движении в Империи». Ее можно было бы назвать «предложениями по реформированию общей и политической полиции в связи с растущим революционным движением»¹⁷. Датирован этот документ 2 февраля 1902 г.

В докладной говорится о «росте революционного движения» и о «бессилии» многочисленной полиции России.

«Революция идет вперед, — писал Ратаев, — захватывает все более и более обширные слои общества, изобретает новые формы: правительство же пользуется для противодействия ей все теми же старыми способами, пригодными быть может лет сто назад...». Начавшиеся в 1899 г. «студенческие волнения, стачки, забастовки, — пишет он, — застигли высшую администрацию провинциальных городов совершенно неподготовленной к борьбе».

«Существует масса полиции, — добавляет он, — общая, земская, сыскная, секретная, политическая, железнодорожная — все они в лучшем случае друг другу только мешают, а подчас и противодействуют и нет ответственного лица, которое бы их объединяло, руководило их действиями и направляло к общей цели»¹⁸.

«Потребности настоящего времени, казалось бы, вызывают необходимость сосредоточения разнородных полицейских функций в одних руках. Таким объединяющим центром должен явиться несомненно губернатор как лицо, несущее ответственность за сохранение в губернии общественного спокойствия и порядка»¹⁹.

Ратаев считает необходимым провести реорганизацию политической и

общей полиции, предлагает пути их объединения и реформирования жандармского управления, полагая, что первый шаг в этом направлении был сделан в 1880 г. Лорис-Меликовым, когда было упразднено III Отделение «Настоящий хозяин в губернии — губернатор очень часто бывает не в курсе дел о революционном и оппозиционном движении», — С. 67.

писал он, — в то же время начальник губернского жандармского управления прекрасно осведомлен и все знает о внутреннем положении в губернии, но не имеет власти и возможности для своих действий».

Однако, докладной записке не был дан ход. Директор Департамента полиции А.А.Лопухин, прочитав, наложил резолюцию: «Возвратить в Особый отдел»²⁰.

Едва ли Лопухин был прав, налагая такую резолюцию. В период нараставшего революционного движения объединение усилий малочисленных общей и политической полиции наверняка было бы для режима целесообразным. Однако, как юрист, больше знакомый с правовой стороной вопроса, Лопухин явно недооценивал вопросов организации работы политического сыска. Примечательно, что несколькими годами позже он сам написал докладную записку о многообразии полиции и необходимости дальнейших изменений в ее структуре²¹.

Стоит отметить также, что четыре года спустя, уже в ходе революции, когда Столыпин провозгласил необходимость реформ и, в частности реформу полиции, была создана упоминавшаяся выше Комиссия сенатора Макарова по реформе полиции²² и вопрос о слиянии общей и политической полиции вновь и довольно остро был поставлен на повестку дня.

Одновременно Ратаев в своих записках (часть которых сохранилась в черновом варианте) ставит вопрос об увеличении штата Особого отдела.

«Ближайшее назначение отдела, — указывалось в его докладной записке по этому вопросу, — противодействие существующим в империи революционным и оппозиционным движениям, усиление коих за последнее время требовало усиления политического розыска и наружного наблюдения, а также развития внутренней и заграничной секретной агентуры. В соответствии с расширением деятельности органов политического сыска увеличился и объем деятельности Отдела. И так как за последнее время деятельность противоправительственных элементов усилилась до небывалых размеров, а практикуемые ими способы борьбы усовершенствовались, то и Особый отдел должен быть усилен в личном составе настолько, чтобы иметь «возможность путем быстрой и

тщательной обработки материала, доставляемого наблюдательными органами и секретными агентствами, оказать действительное противодействие революционному и оппозиционному движению»²³.

Предвидя переход к более острым формам политической борьбы, автор говорил о необходимости того, чтобы «личный состав и в количественном и качественном отношении представлялся настолько удовлетворительным, чтобы, кроме

С. 68.

выполняемой работы, мог бы выдерживать осложнение политических событий»^{23а}.

Пытаясь обосновать необходимость расширения штатов Отдела, он пишет: «... деятельность розыскных сил, вызываемая тяжелыми обстоятельствами переживаемого времени — брожением в русском обществе — за последние годы значительно расширилась... Интенсивность развития русского революционного и оппозиционного движения и постепенное совершенствование противоправительственных элементов в способах политической борьбы, побуждают правительственные органы к не менее энергичному и действенному противодействию, вполне отвечающему обстоятельствам времени».

Указывая далее на рост предъявляемых к Отделу требований, Ратаев заявляет, что «заваленный массой канцелярской работы (Отдел. — З.П.) Положительно не в состоянии отвечать своему назначению в той мере, в какой это представлялось бы желательным...»²⁴ В записке подробно говорится о штатах Отдела, направлениях работы, на первое место среди которых он ставит выяснение степени политической благонадежности педагогического персонала ряда высших и средних учебных заведений. Ставится также вопрос о необходимости усиления заграничной агентуры, наблюдения за частной перепиской.

Службы наружного наблюдения, как достаточно налаженной и хорошо организованной, он предпочитает не касаться. Не уделяет он сколько-нибудь существенного внимания и секретной агентуре.

В целях более успешного выполнения своих обязанностей, подчеркивал Ратаев, сотрудники должны быть осведомлены о существующих революционных партиях, их программах и должны иметь возможность «быть ознакомленными со всеми новейшими явлениями общественной жизни и могли стоять на уровне современного течения и развития общественной мысли...» Для этого, пишет он, необходимо не только провести каталогизацию и привести в порядок имеющуюся библиотеку революционных изданий, но и систематически пополнять ее

новейшими материалами.

Интересна заключительная часть его докладной, которая указывала на то, что Ратаев не обольщался относительно реакции начальства на его предложения.

«Лично о себе считаю излишним что-либо сказать, — пишет он, — так как полагаю, что за 20 лет совместного служения Ваше Превосходительство успели достаточно ознакомиться с моими служебными качествами и присущими каждому человеку недостатками. Могу добавить лишь одно, что лишь по мере роста дела, несоответствующего наличным силам

С. 69.

Отдела, к непосильному труду присоединяется еще горькое сознание, что все делается не так, как бы хотелось и как того требует серьезность лежащей на мне задачи»²⁵.

Реорганизация Отдела, на которой настаивал Ратаев, была все же проведена, хотя и в гораздо более урезанном варианте.

Сгруппировав направления работы, он создал в Отделе четыре структуры, которые стали называться «столами», при этом несколько сместился акцент в направлении всей работы. Первый стол, который возглавил И.А.Зыбин и в котором работали еще три человека, занимался вопросами расшифровки как служебной, так и перехваченной революционной переписки. Перлюстрацией Зыбин будет заниматься вплоть до Февральской революции. Его знания и опыт будут использованы и в советское время. Второй стол возглавил Н.А.Пешков. Это работа целиком и полностью связана с заграничной агентурой. Третий стол возглавил В.Д.Зайцев — в его функции входило наблюдение за высшими и средними учебными заведениями, разработка секретных сведений, относящиеся к учащимся. Четвертый стол возглавлял Г.Трутков — он занимался перепиской по розыску, по данным наружного и секретного наблюдения²⁶».

Стоит отметить, что в этот период не только в Особом отделе, но и в Департаменте в целом не придавали большого значения секретной агентуре. Основная работа с ней шла в Московском охранном отделении и в Заграничной агентуре. Сохранились назидательные письма Ратаева тогдашнему начальнику Московского охранного отделения С.В.Зубатову по вопросу внутренней агентуры и взаимоотношений с ней. Упрекая Зубатова в излишней конспирации по отношению к Департаменту полиции и к нему лично, Ратаев пишет: «Агентура вещь прекрасная, но не надо забывать, что она все-таки не цель, а средство»²⁷.

При всем том, именно Ратаев в течение довольно продолжительного времени «вел» самого известного в дореволюционной России секретного сотрудника Евно Азефа. Сохранилось 95 писем-сообщений Азефа Ратаеву²⁸. Азеф в достаточной степени доверял и Зубатову, и Ратаеву, однако, заботясь о своей безопасности, не уставал напоминать об осторожности использования его сведений. В этой связи интересно сообщение Азефа от 4/17 июня 1902 г. из Берлина Ратаеву, в котором он, в частности, пишет: «Одновременно с покушением на Плеве готовится таковое же на С.В.Зубатова. Все это мне известно достоверным образом. Нечего мне, конечно, напоминать о том, что мои сведения должны Вам служить как средство предупреждения, но не пользоваться моими данными на допросах, как это обыкновенно делается. Малейшая неосторожность может тотчас обнаружить наши сношения, важность

С. 70.

которых для Вас в данное время должна быть более, чем очевидной»²⁹.

Напоминание Азефа об «осторожности», конечно, отнюдь не случайно. Во взаимоотношениях между секретным сотрудником и лицом, которое его «вело», всегда присутствовал элемент риска, причем рисковал не только секретный сотрудник (чему нагляднейший пример судьба самого Азефа и многих секретных сотрудников), но и офицер охраны. Недаром в инструкциях по работе с секретной агентурой указывалось и особо подчеркивалось, что «вести» агента должен сотрудник полиции, но ни в коем случае не наоборот. О том, что такого рода предупреждения были не лишними, свидетельствуют случаи, когда даже достаточно опытные представители политического сыска доверялись своей агентуре и жестоко поплатились за это. Примеры — убийство в декабре 1883 г. инспектора секретной полиции Г.П. Скандракова [*Опечатка в оригинале: следует читать "Г.П.Судейкин"* - Прим. Я.Кротова, 2007] народовольцами С. Дегаевым (секретный сотрудник), В. Конашевичем и Н. Стародворским на квартире Дегаева. Другой пример — гибель на квартире, оборудованной секретным сотрудником Петровым, начальника Петербургского охранного отделения Карпова³⁰.

8 июля 1902 г., незадолго до своего увольнения из Особого отдела, Ратаев пишет новую докладную записку... «Революционная пропаганда, — говорит он, — охватила весьма широкий район, что в настоящее время нет такого уголка в империи, где бы не воспроизводили бы на мимеографе или гектографе революционные воззвания... при настоящем своем составе Особый отдел совершенно лишен возможности справиться с делом и с

каждым днем положение его становится затруднительнее...»³¹

Некоторые историки недооценивают Ратаева и как личность, и как профессионала. Б.И. Николаевский пишет: «Светский человек, Дон-Жуан и записной театрал, к своей полицейской работе он относился как чиновник. Больше двух десятилетий службы в Департаменте на ответственных постах дали ему знание техники полицейского дела. Когда он хотел, он совсем неплохо разбирался в весьма запутанной обстановке. Но хотел этого он редко. Сыском интересовался он только по обязанности, он его не захватывал, свою душу ему он не отдавал. Это прекрасно видели те, кто в то время стоял во главе Департамента полиции. Плеве открыто говорил, что Ратаев, занимающий ответственный пост по Департаменту, это — "пятно" для последнего. Часто в петербургских кругах его называли не иначе, как "корнет Отлетаев"»³². Едва ли можно полностью согласиться с этой характеристикой. Увлечение театром, действительно очень серьезное, никак не мешало его профессиональной работе. Это была другая, не менее интересная сторона жизни Ратаева. Он писал неплохие пьесы для петербургских

С. 71. I

театров, сам играл в ролях «первого любовника» и в спектаклях Петербургского драматического кружка». Пьесы писал под псевдонимом «Берников». Его пьеса «Облачко» шла на сцене Александрийского театра, а пьеса «Дон Жуан Австрийский» ставилась еще в 1923 г. в г. Ярославле, а в 1924 г. в Харькове ³³.

Более трех лет Ратаев возглавлял Особый отдел Департамента полиции. В сентябре 1902 г. его назначают на новую должность — заведующего заграничной агентурой, только что освободившуюся в результате увольнения П.И.Рачковского. Не без сожаления он покидает Департамент и уезжает в Париж. Рачковский, обиженный своим увольнением, не передает всей информации об агентуре. Многие Ратаеву приходится начинать заново, формируя службу наружного наблюдения, состав секретной агентуры. Не все в этой работе удавалось, не в последнюю очередь потому, что П.И.Рачковский и его ученик А.М.Гартинг везде, где только могли, ставили ему палки в колеса. Гартинг, заведовавший в это время берлинской³⁴ агентурой, игнорировал Ратаева как заведующего центральной заграничной агентурой в Европе и даже писал на него «всевозможные доносы (о халатности и бездействии и т.п.)» в Департамент.

Ратаев не оставался в долгу и, в свою очередь, посылал недостаточно корректные донесения в Департамент полиции о запущенности дел своего предшественника. В начале 1905 г. по инициативе Ратаева была

ликвидирована берлинская агентура. Однако, после этого Ратаев продержался недолго. Когда в июле 1905 г. Рачковский был приглашен в Департамент полиции заведующим политической частью Департамента, на правах вице-директора, участь Ратаева была решена. В том же месяце он ушел в отставку³⁵, уступив свою должность Гартингу. Он не вернулся в Россию, продолжал жить в Париже под фамилией Рихтера, получая пенсию от Департамента полиции и поддерживая постоянно с ним связь.

Судя по письму Е.П. Медникова к С.В. Зубатову от 3 декабря 1906 г., Ратаев собирался писать историю революционного движения. «В этом роде мы имели большой разговор с Ратаевым, — пишет Медников, — который намерен издавать мемуары революционного движения, и он мне предлагал сотрудничество...»³⁶ Одновременно Ратаев выполнял отдельные поручения Департамента, в частности, с 1911 г. собирал материал и периодически высылал в Департамент записки по масонству. Жилось ему нелегко, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма и прошения в Департамент полиции³⁷.

Представляет интерес обмен письмами, состоявшийся в августе 1916 г. между Ратаевым и Климовичем, в то время

С. 72.

занимавшим должность директора Департамента полиции. В довольно бесцеремонной форме Климович пишет: «Господин министр внутренних дел, озабочиваясь ввиду принятого войной затяжного характера, всемерным сокращением ведомственных расходов и принимая во внимание, что в ряду тех, серьезнейших задач, которые выдвигаются на первый план насущнейшими потребностями текущего момента, борьба с масонством не значится, — изволил признать всякие расходы на освещение масонских течений за границей, при всем представляемом этим вопросам интересе, безусловно ныне несвоевременным, в связи с чем министр поставлен в "необходимость освободить Ваше превосходительство от принятых Вами на себя обязанностей по доставлению в Департамент полиции, касающихся масонства материалов" и распорядился прекратить высылку пособия»³⁸.

Письмо это огорчило Ратаева, те 200 рублей пособия, которое ему высылали (в дополнение к пенсии), были для него не лишними. Однако в своем ответе в позу просителя он предпочел не становиться и, что называется, сжег мосты. «Выплата пособия, — пишет он, — последовала по собственному почину Министерства, без всякого с моей стороны в том ходатайства и вызвано было добрым пожеланием прийти в деликатной форме мне на помощь ввиду непомерно возрастающей дороговизны жизни

и разорительного курса русской валюты..., прекращение высылки пособия не может помешать мне делать то, что я считаю нужным и полезным не только для ведомства, но и для правительства вообще, тем более, что взгляды на то, что важно и интересно, меняются не только в зависимости от обстоятельств, но и от смены начальствующих лиц. Готовый к услугам Ратаев»³⁹.

Умер Ратаев в Париже в 1917 г.

После отъезда Ратаева в Париж, в октябре 1902 г. на вакантную должность заведующего Особым отделом был приглашен начальник Московского охранного отделения Сергей Васильевич Зубатов. Скорее всего, это произошло не без содействия директора Департамента полиции Лопухина, который знал Зубатова в период своей работы в Москве в Окружном суде. Как начальник Московского охранного отделения, Зубатов был в центре борьбы с оппозиционным движением в России. И как было сказано выше, его услугами часто пользовался Департамент полиции. Методы его работы были признаны лучшими, его чиновники были хорошими специалистами в розыскной работе.

Зубатов был фигурой яркой и неординарной. Выходец из «обер-офицерских детей»⁴⁰, не имея связей в обществе, он своим упорством, умом завоевал авторитет и положение, пройдя путь от канцелярского служащего («коллежского регистратора») до надворного советника.

С. 73.

Воспитывался Зубатов в 5-й Московской гимназии, но полного курса не окончил, «вышел из 7 класса»⁴¹. В 1884 г. он был определен на службу канцелярским служителем в Московскую дворянскую опеку, через два года Зубатов поступил на должность телеграфиста III разряда на московскую Центральную станцию. После женитьбы на А.Н. Михиной, он одновременно стал заведовать библиотекой, владелицей которой была его жена. Библиотека пользовалась большой популярностью среди интеллигентной молодежи. Поскольку за молодежью, посещавшей библиотеку, велось наблюдение, к Зубатову начали приглядываться в охранке. Спустя некоторое время ему предложили сотрудничество. В личном фонде Зубатова сохранилась записка, в которой он подробно излагает начало этого сотрудничества. «Летом 1886 года я был вызван в Московское охранное отделение, где начальником последнего было предложено мне поступить в сотрудники отделения. Прежде, чем дать свое согласие, у нас было с ним подробнейшее объяснение как относительно моих, так и его действий... Начальник отделения был крайне удивлен, что я целям революционеров никогда не сочувствовал и не сочувствую, с

большинством посещавших библиотеку не знаком., а потому я был очень рад доказать фактически, что я всегда стоял на стороне существующего порядка и никогда не был противоправительственным человеком, почему и согласился быть сотрудником отделения...»⁴²

Работа Зубатова в качестве секретного сотрудника продолжалась около трех лет. В результате его внедрения в организацию Народная воля некоторые члены организации были арестованы и сосланы в Сибирь. «Роль революционера мною сыграна, — заканчивает свою исповедь Зубатов, — цель достигнута, но оговаривать уже приговоренных лиц намерения не имею»⁴³.

В 1888 г. он попадает в деликатную ситуацию. Как члена организации, в которую он вошел и которую выдал, его вместе с другими привлекают к дознанию при Московском губернском жандармском управлении, вызывают на допрос. Между директором Департамента полиции и московским губернатором идет переписка о том, как поступить в данном случае. Они знают о роли Зубатова, но раскрывать его на процессе нельзя. К тому же надо решить вопрос дальнейшей службы Зубатова, так как в связи с привлечением его к дознанию, с телеграфа он уволен⁴⁴.

27 ноября 1888 г. Зубатов подает прошение министру внутренних дел с ходатайством об определении на государственную службу, причислением к МВД и откомандированием в распоряжение московского обер-полицмейстера. С начала 1889 г. он

С. 74.

официально служит уже в Московском охранном отделении в качестве чиновника для поручений. С 1894 г. он — помощник начальника Московского охранного отделения, а с 1896 г. становится его начальником. Это был один из немногих случаев, когда секретный сотрудник поднялся так высоко. Активность, знания, деловые качества Зубатова были высоко оценены как московскими властями, так и Департаментом полиции. Московская школа филеров, созданная им и Медниковым, считалась лучшей. У Зубатова сложились хорошие отношения с вел. кн. Сергеем Александровичем, с московским обер-полицмейстером Д.Ф. Треповым. Он знал революционное движение изнутри, был сторонником усиления и насаждения секретной службы, создал собственную секретную агентуру, воспитал целое поколение специалистов политического сыска. Его ученики возглавляли многие охранные отделения. Прошедший школу секретного агента, побывавший в его шкуре, он лучше, чем кто-либо понимал его психологию, был ближе к их интересам.

Зубатов постоянно и настойчиво внушал своим подчиненным

жандармским офицерам: «Вы, господа, должны смотреть на сотрудника, как на любимую женщину, с которой находитесь в тайной связи. Берегите ее, как зеницу ока. Один неосторожный шаг и вы ее опозорите...»⁴⁵

Позднее, находясь в отставке, Зубатов писал Бурцеву: «Справедливость требует добавить, что в кратковременный период контрконспиративной деятельности (несколько месяцев) имело место два—три случая, очень тяжелых для моего нравственного существа, но они произошли не по моей вине, а по неосмотрительности и из-за неумелой техники моих руководителей. Эти случаи дали мне в жизни большой урок, показав, как не следует вести дело, и научив его должной постановке»⁴⁶.

После отставки Ратаева кандидатура Зубатова на замещение должности заведующего Особым отделом, роль которого к этому времени резко возросла, казалась высокому начальству наиболее подходящей. Ратаев не преминул поздравить Зубатова с новым назначением. 13/31 октября 1902 г. он писал ему из Парижа: «Дорогой Сергей Васильевич. Вчера я получил известие, которое меня и поразило, и сильно обрадовало. Поразило потому, что по положению вещей оно было совершенно неожиданно, а обрадовало, — так как осуществилось то, что я признавал безусловно необходимым и естественным. Вы заведующий Особым отделом, Вы в моем кабинете! Вот это я понимаю. Фирма старинная и мало-помалу завоевавшая себе доверие. И совсем подходящая к Вашему положению и соопределенно его ставящая. Очень, очень рад, скажу более — горд и счастлив. Но вместе с тем это фирма, налагающая известные обязанности по отношению к нам грешным...» Далее шла

С. 75.

приписка: «Вы с Евстратием (Медников. — З.П.) окрылите Особый отдел выше облака ходячего. Давай Вам Бог...»⁴⁷.

Возглавляя Особый отдел, Зубатов считал необходимым распространить опыт охранных отделений на все местности, где таких отделений не было. Многие из созданных Департаментом полиции в августе 1902 г. еще при Ратаеве розыскных пунктов были для придания им большей ответственности переименованы в феврале 1903 г. в охранные отделения. По предложению Зубатова были созданы новые отделения, прежде всего в губерниях, где революционное движение набирало силу.

По его инициативе был обновлен кадровый состав розыскных органов. Познакомившись вплотную с работой Департамента полиции, он пришел к выводу, что одними чиновниками-«законниками»-юристами, которые работали в Особом отделе, да и во всем Департаменте полиции, справиться с задачей постановки политического сыска не удастся. При нем, впервые в

качестве сотрудников, в Особом отделе появились жандармские офицеры. Часть из них уже приобрела опыт розыскной работы в Москве.

Зубатовым было проведено и некоторое усовершенствование структуры Особого отдела: были добавлены два подразделения — «столы», которые отвечали за работу охранных отделений и службу наружного наблюдения. Заведовали этими «столами» Меньшиков и Медников⁴⁸, вызванные из Москвы.

Зубатова можно по праву назвать создателем системы политического сыска предреволюционной России. Об этом сказал в своей книге один из последних начальников Московской охраны П.П.Заварзин: «Зубатов был одним из немногих правительственных агентов, который знал революционное движение и технику розыска. В то время политический розыск в Империи был поставлен настолько слабо, что многие чины его не были знакомы с самыми элементарными приемами той работы, которую они вели, не говоря уже об отсутствии умения разбираться в программах партий и политических доктринах. Зубатов первый поставил розыск в Империи по образцу западноевропейскому, введя систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры и т.д.»⁴⁹.

Отдает должное Зубатову и историк Б.П.Козьмин, который подготовил книгу с перепиской Зубатова: «Конечно, выдающимися знаниями и блестящим образованием он не отличался; его умственный кругозор не был широк. Однако, его начитанность и наличность у него интереса к книге, столь редкие в людях его профессии, стоят вне всякого сомнения. Несмотря на перегруженность розыскной работой, Зубатов находил время для того, чтобы знакомиться о русской и иностранной литературой по интересовавшим его вопросам»⁵⁰.

С. 76.

Дослужившись до гражданского чина надворного советника⁵¹, Зубатов вынужден был уйти в отставку по требованию руководства. Отставка для него была, полной неожиданностью. В августе 1903 г. его вызвали в Министерство внутренних дел. Не подав руки, министр «выразил ему свое недоверие» и потребовал срочно сдать дела. Зубатову были даны сутки на сборы. Он выехал в Москву, а затем его выслали во Владимирскую губернию, где за ним был установлен надзор полиции. 17 ноября 1903 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству он был уволен со службы, «согласно прошению»⁵².

Впоследствии Зубатов писал: «Выдержать 15 лет охранной службы при постоянных знаках внимания со стороны начальства, при громких

проклятиях со стороны врагов, не без опасности для собственной жизни: и в итоге получить полицейский надзор — это ли не беспримерно возмутительный случай служебной несправедливости»⁵³.

Решающую роль в его отставке сыграла проводимая им тактика «полицейского социализма», названного «зубатовщиной». Его стремление заменить репрессивные методы борьбы на мирные: расколоть революционное движение путем создания легальных рабочих организаций, направить их на путь экономической борьбы, поставить под контроль правительства натолкнулись не только на жестокое противодействие революционных организаций, — но и непонимание со стороны собственного начальства, признававшего исключительно репрессивные методы. Свою тактику «полицейского» социализма Зубатов назвал «особым методом ведения общественных и государственных дел»⁵⁴.

Многие современники были убеждены, что причины отставки Зубатова — в разногласиях с Плеве, возглавлявшем в это время Министерство внутренних дел. В МВД его действия сочли противоправительственными.

15 ноября 1904 г. Зубатов писал уже новому министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому: «Сегодня годовщина моего пребывания под опекой во Влад[имире]. Снедаемый обидным недоразумением, при ясном сознании полнейшей честности своих стремлений, я [в] поисках за справедливостью, почтительнейше ходатайствую о разрешении быть принятым Вашим сиятельством для принесения объяснения по существу сего дела»⁵⁵.

Наблюдатели за Зубатовым свидетельствовали, что он ведет замкнутый образ жизни, «предан царю и престолу». 30 ноября 1904 г. с него были сняты все ограничения в выборе места жительства и увеличена пенсия до 5.000 рублей в год. Друзья приветствовали его с этой монаршей милостью. Он живет периодически во Владимире и Москве. В письме к Бурцеву,

С. 77.

который настойчиво предлагает ему писать воспоминания, он сообщает: «Живу я здесь (во Владимире. — З.П.) анахоретом, абсолютно не имея знакомых в городе, зарывшись в книги и газеты и переживая таким образом "вторую молодость". Кроме близких родных, никто ко мне не заезжает. При всем том я почтительно отклонил лестные для себя приглашения возвратиться к делам, сделанные мне по очереди кн. Святополк-Мирским, Д.Ф. Треповым и гр. С.Ю. Витте»⁵⁶.

Письмо со всей очевидностью свидетельствует о том, что Зубатов

продолжал придерживаться своих убеждений. Указывая на причины отказа от лестных предложений вернуться в политический сыск, он пишет: «Моя продолжительная и бессменная служебная деятельность, с массою людских встреч и предложений, привела меня к убеждению, что вся политическая борьба носит какое-то печальное, но тяжелое недоразумение, не замечаемое борющимися сторонами. Люди отчасти не могут, а отчасти не хотят понять друг друга и в силу этого тузят один другого без милосердия. Между тем и с той, и с другой стороны в большинстве встречаются прекрасные личности. Начиная с 1897 г., я пытался найти почву для примирения. Для этого я сам беседовал с арестованными, изучал их, дружил с ними, докладывал о результатах своих сношений с ними верхам, ломал с ведома последних целые дела, взывал к реформам, доказывая выгодность всего этого и с полицейской точки зрения, и с личной точки зрения тех, "кому вольготно, весело живется на Руси". Выйдя на волю, освобожденные из-под стражи глубокомысленно объясняли мои действия "заигрыванием", провокаторством, а консервативный элемент видел в них "гениальничание", отрывку революции»⁵⁷.

Находясь в отставке, Зубатов активно переписывается со своими близкими друзьями, преданным ему остается Е. Медников и другие бывшие сослуживцы. Судя по письму последнего от 17 декабря 1906 г., Зубатов собирался писать «брошюру об агентуре и ее (агентуру. — З.П.) в общественном мнении реабилитировать » ⁵⁸.

Его письма-реплики периодически появляются в «Гражданине» Мещерского⁵⁹. До конца дней своих Зубатов остается монархистом, свято преданным императору.

Он покончил с собой в марте 1917 г. после получения сведений об отречении императора от престола.

После Зубатова в течение нескольких лет (1903 — 1908 гг.) не было яркой и значительной фигуры во главе Особого отдела. Все они были опытными юристами, но не являлись специалистами политического сыска.

Некоторое время исполнял обязанности заведующего Особым отделом Я.Г.Сазонов, затем А.Н.Тимофеев, с перерывами

С. 78.

Н.А.Макаров, какое-то время должность была вакантной. Между тем в России начиналась революция, и Особому отделу, как и всей системе политической полиции, необходимо было не только активизироваться, но и перестраивать свою работу применительно к новым условиям. Ситуация в немалой степени осложнялась тем, что в тот период наблюдалась настоящая чехарда с директорами Департамента полиции.

§ 2. Особый отдел 1905—1907 гг.

На 17 января 1905 г. Особый отдел состоял из 4-х отделений. Главным считалось 1-е отделение, которое возглавлял Медников. Он руководил службой наружного наблюдения, деятельностью «Летучего отряда», занимался отчетностью по расходованию секретных сумм. В этом отделении работали: Зыбин и Жабчинский, занимавшиеся расшифровкой писем, работой с химическими текстами; Зверев, занимавшийся фотографиями; Луценков и Цаунит — разборкой сведений по партиям, переводчики. Всего в 1-м отделении работало 9 человек. Особое внимание уделялось наружному наблюдению.

2-е отделение возглавлял чиновник особых поручений Пятницкий. В его ведении была переписка по заграничной агентуре, связь с полицией иностранных государств, ведение розыскной переписки по Северо-Западным губерниям России, Польши, Финляндии, по Средней полосе России, Кавказу, Сибири, Южной России.

3-е отделение Особого отдела возглавлял чиновник особых поручений Зайцев. В 3-м отделении велась переписка по наблюдению за учебными заведениями, общественным движением, здесь же составлялись всеподданнейшие и еженедельные записки, розыскные циркуляры. В ведении этого отделения находилась библиотека революционных изданий.

4-е отделение возглавлял Гартинг. В его ведении был розыск по делам о военном шпионаже, государственной измене.

В составе Особого отдела была своя канцелярия⁶⁰.

В этой раскладке обязанностей Особого отдела отсутствовали подразделения специалистов по политическим партиям: только два сотрудника 1-го отделения Особого отдела занимались разработкой сведений по партиям. Основное внимание уделялось службе наружного наблюдения, которое являлось главным источником поступающих сведений.

За время существования Особого отдела, Министерство внутренних дел подбирало руководящие кадры, не столько обращая внимание на родовитость и происхождение, сколько на деловые качества. В большинстве случаев это были люди недостаточно

С. 79.

обеспеченные, хотя были и исключения. Одним из таких исключений был Н.А.Макаров (1863—1906) — статский советник, дворянин, землевладелец Курской и Владимирской губерний, юрист по образованию. Макаров закончил Московский университет, с 1888 г. вся его деятельность была связана с судебным ведомством. С 1894 г. он, товарищ прокурора

окружного суда, работа его в основном протекала в Москве.

Н.А.Макаров служил в Особом отделе с перерывами (в связи с болезнью) по август 1905 г., затем с 16 января по февраль 1906 г. Как юрист он тщательно следил за тем, чтобы в работе Особого отдела не было никаких нарушений законодательных норм и сотрудники отдела руководствовались рамками закона.

Сложность задач, стоящих перед Макаровым, заключалась в том, что в этот период часто происходила смена директоров Департамента полиции. В течение 1905 г. сменилось четыре директора Департамента, и ни один из них не был специалистом в области политического сыска. Возможно, этим объясняется приглашение вновь в Департамент Рачковского, для которого специально была создана должность заведующего политической частью Департамента полиции на правах вице-директора. В связи с этим назначением у Макарова начались серьезные неприятности. Как человек принципиальный, прямолинейный и независимый, он не мог спокойно относиться к провокационным методам, которые применял Рачковский всюду, где бы он ни появлялся. Заняв новый пост, Рачковский начал активно вмешиваться в работу Особого отдела.

Возвращению в Департамент Рачковского во многом содействовал Д.Ф. Трепов, при котором он состоял с января 1905 г. в качестве чиновника IV класса сверх штата 61.

Неспособность Департамента полиции контролировать положение в стране вынуждает задумываться над проведением реорганизации политического розыска, шире привлекать специалистов. Реорганизации часто проводились в спешке, не подчинялись схеме, создается впечатление, что они носили хаотический характер.

К июлю 1905 г. в структуре Департамента полиции было 7 делопроизводств (1-е, 2-е, 3-е, 5-е, 6-е, 7-е, Особый отдел). 5-е и 7-е, Особый отдел носили политический характер. Из их состава в июле 1905 г. создается «политическая часть» Департамента полиции во главе с заведующим политической частью Рачковским, с присвоением ему прав и обязанностей директора Департамента полиции⁶². Ему были даны довольно широкие полномочия. В круг его обязанностей и деятельности политической части входило:

С. 80.

«1. Руководство розыском по делам о государственных преступлениях, осуществляемым на местах охранными отделениями и чинами Отдельного Корпуса жандармов.

2. Надзор за производящимися чинами сего Корпуса и Департамента

полиции в порядке 1035 ст. Устава Уголовного Судопроизводства дознаниями по делам о государственных преступлениях.

3. Надзор за осуществлением на местах главного надзора за лицами, сему надзору подчиненными.

4. Вопросы, связанные с учреждением и устройством на местах органов политического розыска.

5. Участие в особом Совещании, по делам об административной высылке, учрежденном на правах члена сего совещания»⁶³.

При его непосредственном участии происходит очередная реорганизация Особого отдела⁶⁴, в результате чего в структуре Особого отдела теперь три отделения вместо четырех. Служба наружного наблюдения вместе с Медниковым предполагается к передаче Петербургскому охранному отделению. На первый план выходит отделение, занимавшееся общественным движением, 2-е отделение — политическим розыском по районам действия революционных сил. 3-е отделение — занимается разработкой шифрованных и химических писем, фотографированием, проявлением химических писем, секретных документов. Одновременно по инициативе Рачковского, как было указано выше, меняется заведующий заграничной агентурой. С уходом в отставку Ратаева заведование заграничной агентурой Департамента полиции возлагается на Гартинга.

Однако, задуманная Рачковским реорганизация не была проведена полностью, служба наружного наблюдения пока осталась в Департаменте.

Реорганизация не дала ожидаемого эффекта. Еще больше, чем прежде в Особом отделе накапливаются неисполненные документы, на места идут циркуляры, которые в спешке не исполняются местными властями. Сами же сотрудники Особого отдела скорее теоретики, чем практики, часто не могут квалифицированно ответить на те вопросы, которые идут с мест.

В декабре 1905 г. и.о. заведующего Особым отделом А.Н.Тимофеев, временно назначенный в связи с болезнью Макарова, подает докладную записку о новой реорганизации Особого отдела. Он пишет о трудностях работы Отдела, о том, что работа ведется в двух направлениях: политический розыск и общественное движение. Если в деле политического розыска среди служащих имеется какая-то специализация и распределение обязанностей, которыми они перегружены, то в работе второго направления — общественное движение — нет никаких

С. 81.

подразделений. Работа делается служащими случайно, в зависимости от имеющегося времени каждого чиновника. «Масса срочных переписок

сосредоточена в Отделении общественного движения очень сложных, требующих держать в памяти все подробности дела». Далее он указывает, что принял Отдел в сентябре 1905 г., было 30.000 «не разобранных бумаг»⁶⁵.

С ростом революционного движения Департамент полиции начинает спешно активизировать свою деятельность. Один за другим издаются циркуляры, которые вводят руководителей политического розыска на местах в суть создавшейся обстановки, знакомят с новыми организациями, их программами. Примером этому — циркуляр № 10950 от 24 августа 1905 г. «О революционных партиях», в котором сообщается: «Противоправительственное движение, органами борьбы с которым являются, главным образом, жандармские управления и охранные отделения, получило за последнее время весьма широкое развитие, выразившееся в образовании целого ряда самостоятельных революционных партий и организаций, действующих каждая по собственной программе и системе.

Ближайшее знакомство с характером, целями и способами действий тайных организаций несомненно должно составлять первейшую обязанность офицеров Отдельного Корпуса жандармов, призванных к непосредственной борьбе с ними, т.к. только полная в этом отношении осведомленность может дать розыскным органам правительства правильный взгляд на дело и содействовать выработке целесообразных приемов борьбы, которые в противном случае будут сводиться к временному, часто случайному изъятию из преступной среды отдельных ее представителей...

Между тем, опыт показывает, что некоторые представители жандармского надзора на местах не проявляют надлежащего интереса к теоретическому ознакомлению с программами и тактикой отдельных революционных организаций, не имеют по сему ясного представления о характере противоправительственного движения во вверенных им районах»⁶⁶.

За подписью Рачковского начальникам ГЖУ, охранных отделений, в пограничные пункты срочно рассылаются циркуляры о том, что необходимо усилить наблюдение за членами революционных партий, так как представители различных партий — эмигранты устремились в Россию, чтобы «встать в ряды бойцов за достижение своих конечных целей». В циркулярах упоминаются Владимир Ильич Ульянов, Лидия Иосифовна Канцель, Юлий Иосифович Цедербаум, Владимир Львович Бурцев⁶⁷ и др. По этим циркулярам можно наблюдать,

С. 82.

как буквально на глазах кардинально меняется отношение к партиям.

В ряде циркуляров говорилось о неподготовленности властей, о плохой их осведомленности и о необходимости принятия срочных мер. «Беспорядки, происходящие в последнее время в разных местностях губернии, меры властей к подавлению "смуты", свидетельствуют о том, что в большинстве губерний чины местной администрации не были совершенно осведомлены о возможности возникновения беспорядков в районах их ведения и не знали, в какой именно форме они могут в данной местности скорее всего проявиться, а потому будучи застигнуты врасплох, действовали без всякого определенного, заранее намеченного плана...»⁶⁸ Далее в циркуляре указывалось, что беспорядки могут повториться вновь с большей силой, поэтому необходимо быть всегда в курсе событий, общая и жандармская полиция, охранные отделения должны в этом отношении «идти всегда рука об руку, взаимно дополняя и проверяя эти сведения», «войсковые части, поступившие в распоряжение полиции или находящиеся в резерве, должны быть осведомлены относительно порядка их действий. Каждый член полиции или воинской команды должен твердо знать место и степень своего участия в общем деле подавления беспорядков»⁶⁹.

Почти одновременно издается циркуляр Отдельного Корпуса жандармов «О порядке действий чинов Корпуса жандармов при железнодорожных забастовках».

Стремясь оправдать свою неспособность справиться с положением, Департамент полиции почти во всех циркулярах указывает на полную неожиданность возникших волнений. «Вышеперечисленные ненормальные явления возможно объяснить только новизною забастовок в столь грандиозных размерах и той быстротой, с которой они охватили нашу рельсовую сеть, а также отсутствием соответствующего руководства и указаний по этому делу»⁷⁰.

Изучая такого рода циркуляры, мы получаем четкую картину того, как полиция оценивала революционное движение и отдельные организации, какую тактику и какие методы борьбы она вырабатывала, т.е. саму «кухню» главного полицейского ведомства.

В январе 1906 г. Макаров возвращается в Особый отдел. Хотя он в некоторых вопросах реорганизации и был согласен с Рачковским, но сама атмосфера, складывавшаяся в Департаменте с приходом Рачковского, была для него невыносима. Поэтому уже 6 февраля 1906 г. он подает прошение об отставке, мотивируя ее «воцарившимся в Департаменте с назначением заведующим политической частью Рачковского двоевластием, в результате

чего оказалось возможным печатание в декабре

С. 83.

1905 г. в помещении Департамента полиции, без ведома высших начальствующих лиц, но с разрешения Рачковского, черносотенных воззваний»⁷¹. Через несколько дней — 15 февраля он пишет второй рапорт с обвинением жандармского ротмистра Будогосского в организации в Александровске еврейского погрома. Впоследствии этот рапорт стал достоянием гласности. Опубликованный в газете «Речь» № 63, 3 мая 1906 г., он горячо обсуждался в Государственной думе. После подачи второго рапорта Макаров покидает должность заведующего отделом.

Все последующие реорганизации в Особом отделе во многом были связаны с работой его заведующего А.Т.Васильева и с планами, вынашиваемыми новым директором Департамента Трусевичем. После Зубатова во главе Особого отдела оказались представители судебного ведомства, они растеряли в какой-то мере тот опыт, который пытался передать чиновникам Зубатов.

Впоследствии в Департаменте признавали, что поскольку в революционных кругах шла «лишь пропаганда чисто социалистических начал, без явного призыва масс к активному боевому движению, задачи Особого отдела казались сравнительно легкими и личный состав комплектовался обычно из того элемента, который вообще принимался на службу в Департамент полиции. Вследствие сего лица, хотя и имевшие высокий образовательный ценз, но призванные к руководству таким живым делом, как политический розыск, т.е. такую областью, которая была для них совершенно не исследованною и не освещена опытом, естественно не имели возможности установить и руководить политическим розыском»⁷².

Все это предвидел в свое время Зубатов, когда стремился обновить как состав Особого отдела за счет жандармских офицеров, так и учреждения политического сыска на местах.

В записке о развитии Особого отдела, составленной в 1912 г. директором Департамента Белецким, в которой анализировалась предыдущая деятельность Отдела, говорилось, что «эти трагические, потрясающие события в жизни государства, подготовленные и осуществленные благодаря союзу оппозиционных и революционных сил», преподнесли «такой жестокий урок» и показали с «очевидностью, что в составе центрального органа, объединяющего и направляющего деятельность местных розыскных органов, безусловно должны находиться не теоретики, а люди-практики, имеющие в этой отрасли солидный служебный опыт»⁷³.

Вникнув в работу Департамента полиции и Особого отдела более глубоко, Трусевич подает министру внутренних дел записку «О реорганизации политического розыска в связи с

С. 84.

усилением революционного движения в России»⁷⁴. Развитие революционного движения последних лет привело его к мысли, что «образование противоправительственных центров стоит в несомненной зависимости от степени успешности борьбы с крамолой со стороны тех или других местных розыскных органов власти, причем революционеры избирают пунктами сосредоточения руководящих организаций обыкновенно те местности, в которых жандармские и полицейские учреждения высказывают более или менее постоянную неумелость или небрежность по выполнению своих обязанностей». Он предлагает «существенно изменить постановку политического расследования сообразно революционных фракций». Создать несколько центральных розыскных органов и произвести изменения в организации Особого отдела, работа которого проводилась «по районам географического значения», что мешало отделу «иметь ясное представление о деятельности партий». Им был поставлен и вопрос о кадрах, о внутренней агентуре и наружном наблюдении, намечена программа действий, которая с благословения Столыпина начала проводиться в жизнь.

Декабрь 1906 г. — февраль 1907 г. оказались поворотными и самыми насыщенными в деле проведения внутренних реорганизаций в системе Департамента полиции и политического розыска. Перед Департаментом встает вопрос об укомплектовании Особого отдела специалистами по политическому сыску, приглашении офицеров из Отдельного Корпуса жандармов.

Нужда в кадрах специалистов-практиков ощущалась и в Департаменте полиции, и во вновь созданных охранных отделениях. Директор Департамента полиции при поддержке Столыпина развивает бурную деятельность по подбору кадров. Он присматривается к зарекомендовавшим себя успешной работой по политическому сыску начальникам губернских жандармских управлений и к их помощникам. За подписью начальника Генерального штаба Корпуса жандармов рассылаются в жандармские части, начальникам жандармских управлений и начальникам жандармско-полицейских управлений железных дорог запросы с просьбой уведомить офицеров и сообщить списки лиц, желающих служить в охранных отделениях и способных «к делу политического розыска».

Трусеви́ч под руководством Столы́пина не только покрывает Россию сетью охранных отделений, но и вводит жандармских офицеров в Департамент полиции, подбирая тех, кто имеет склонность к работе по политическому сыску и мог бы руководить ею. В Департамент полиции в Особый отдел были приглашены «выдающиеся офицеры-практики розыскного дела» полковник В.А.Беклемишев и подполковник А.М.Еремин.

С. 85.

Оба офицера имели солидный опыт работы в охранных отделениях и жандармских управлениях⁷⁵.

Был привлечен к работе и бывший в то время начальником Петербургского охранного отделения подполковник А.В.Герасимов. По прибытии в Департамент полиции Беклемишеву и Еремину было приказано объехать все центральные губернии, Туркестанское генерал-губернаторство и ряд других местностей для ознакомления с положением дел на местах. В самом Отделе также происходит реорганизация. Он делится на два подразделения на Особый отдел — «А» и Особый отдел — «Б», с разными вице-директорами.

Особый отдел «А» занимается вопросами политического розыска и здесь на первое место впервые выдвигается работа с партиями: ему поручается наблюдение за составом и деятельностью социал-демократических, эсеровских и других нелегальных организаций, руководство деятельностью местных розыскных органов, разработка агентурных сведений и данных наружного наблюдения, издание розыскных циркуляров, формирование библиотеки революционных изданий, заграничная агентура, наблюдение за революционной пропагандой в войсках, заведование отделом фотографий, здесь же сосредоточивается отделение по расшифровке материалов, составление всеподданнейших записок.

Особый отдел «Б» занимался вопросами наблюдения за общественным движением, «профессиональными союзами, имеющими политический характер и не имеющими такового», революционными выступлениями среди рабочих, крестьян, учащихся. Особо выделялись железнодорожные служащие, телеграфисты. Здесь составлялись отчеты о стачках, забастовках, различного рода волнениях, о нелегальных съездах, дислокации войск.

Особый отдел «Б» просуществовал недолго в структуре Особого отдела. Как бы сказано выше, на его базе в январе 1907 г. было создано 4-е делопроизводство.

С 1 января 1907 г. структура Особого отдела вновь претерпевает изменения. Учитывая огромную роль, которую играли партии в революции, в Отделе проводится специализация по партийной линии. Создаются специальные подразделения — отделения, каждому из которых вменяются в обязанность наблюдение, розыск, разработка агентурных сведений по определенным партиям и организациям. Структура Особого отдела делится на 4 отделения.

Общее руководство отделом сосредоточивается в 1-м отделении, которым руководит заведующий отделением. В его обязанность входит: общее руководство деятельностью начальников отделений, всех розыскных органов империи, учреждение

С. 86.

новых розыскных органов, ассигнование средств на их нужды. В его подчинении сосредоточиваются секреты секретов Департамента полиции — заведование фотографической частью, листовым архивом, химическим кабинетом, шифровальной частью. Здесь же сосредоточиваются материалы перлюстрации, которые впоследствии выделяются в самостоятельное отделение.

2-е отделение специализируется на наблюдении за эсеровскими организациями — самой партией эсеров, крестьянскими организациями эсеров, эсерами-максималистами, а также организациями анархистов-коммунистов и другими организациями, широко применявшими террористические методы борьбы.

3-е отделение специализируется на борьбе с партиями РСДРП, Спилка, Бунд, Поалей-Цион, социалисты-сионисты и «другие социал-демократические организации».

4-е отделение ведет наблюдение и розыск по железнодорожному союзу, почтово-телеграфному союзу, польской социалистической партии и всеми национальными партиями, кроме социал-демократических⁷⁶.

Такое преобразование потребовало от сотрудников специальных знаний и подготовки. Идет их специализация по отдельным партиям, от них требуется также знание положения в революционном движении в стране в целом, программ, литературы партии, которую они «ведут».

В Особый отдел поступает огромное количество документов с мест, составленных на основании сведений, полученных от секретной агентуры и в результате, филерского наблюдения, отчеты и сводки о деятельности различных партий и организаций. Идет разработка перлюстрационного материала. Вся эта документация весьма профессионально систематизируется в результате четко разработанной номенклатуры дел.

В 1907 г. было введено «Положение об Особом отделе», в котором закреплялись описанные выше функции, структура, а также порядок руководства Отделом, распорядок работы его чиновников.

Однако, уже 7 ноября 1907 г. для товарища министра внутренних дел, заведующего полицией подготавливается записка с предложением о новой реорганизации. Называлась она «О реформе Особого отдела Департамента полиции», но поднимаемые в ней вопросы были намного шире⁷⁷. Судя по записке, в Особом отделе предлагалось создать «техническое отделение», где сосредоточить всю переписку, связанную с техникой розыска, с постановкой его на местах, составление руководящих циркуляров, проектов штатов охранных отделений, характеристик личного состава охранных отделений и жандармских управлений. Необходимость создания этого отделения автор мотивировал тем, что с мест постоянно «возбуждаются вопросы,

С. 87.

относящиеся к технике организации розыскного дела, постановке агентуры, наружному наблюдению и т.д.»

В записке указывалось, что «эти вопросы разрабатываются частью по партиям в отделениях... в большинстве же случаев остаются без должной разработки, и местные розыскные органы напрасно ожидают руководящих указаний Департамента⁷⁸.

В 1907 г. расширяется сеть охранных отделений и в системе политического сыска появляются новые учреждения — Районные охранные отделения, руководство которыми осуществляется Особым отделом.

§ 3. Реорганизации 1908—1913 гг.

В связи с поднятыми в записке вопросами Департамент полиции в 1908 г. подготавливает съезд начальников районных охранных отделений, чтобы подвести итог их работы за прошедшие месяцы и разобраться в накопившихся проблемах. Совещание состоялось в апреле 1908 г. в Петербурге под председательством Трусевича. Подготовка его целиком ложилась на Особый отдел.

Департамент полиции провел достаточно узкий съезд, не были приглашены начальники охранных отделений и начальники губернских жандармских управлений, хотя поставленные вопросы прямо касались и их. Очевидно, боясь возможных столкновений, Департамент не решился на созыв более широкого форума, определенную роль сыграли и опасения возможной утечки информации.

Осознание необходимости усиления роли Особого отдела и

повышения его эффективности стали главной причиной того, что в июне 1908 г. впервые в истории Департамента полиции во главе Особого отдела ставится жандармский офицер Евгений Константинович Климович, выходец из дворян Витебской губернии. Первоначально он воспитывался в Полоцком кадетском корпусе, затем в 1-м военном Павловском училище, которое закончил по 1-му разряду, служил в 69-м пехотном Рязанском полку. В январе 1898 г. перешел в жандармерию и был прикомандирован к Штабу корпуса жандармов, исполняя отдельные поручения. В 1900 г. он становится помощником начальника Петроковского ГЖУ (Польша)⁷⁹, затем служит начальником жандармского управления в Бендинском уезде. Как и начальники других уездных жандармских управлений Привислинского края, он пользовался большой самостоятельностью. В отличие от России здесь не было столь жесткой зависимости от начальника ГЖУ, и это давало возможность проявлять больше инициативы и набираться опыта. В 1904 г.

С. 88.

Климович был прикомандирован к Виленскому губернскому жандармскому управлению в качестве начальника Виленского охранного отделения. Именно в это время он обратил на себя внимание Департамента полиции, заинтересовавшегося его работой после очередной проверки деятельности охранных отделений по работе с секретной агентурой. В записке о результатах этой проверки говорилось: «В отношении понимания действительных задач политического розыска и правильной его систематизации наиболее выгодное впечатление производит начальник Виленского охранного отделения ротмистр Климович — офицер, вполне заслуживающий внимание по своим способностям, любви к делу и корректности своих приемов. Не подлежит сомнению, что в будущем из этого молодого человека выработается, при благоприятных условиях, один из серьезных руководителей политического сыска»⁸⁰.

Прогноз проверяющих оправдался. В 1905 г. короткое время Климович находился в распоряжении виленско-ковенского и гродненского генерал-губернатора, а с 21 июня 1905 г. исполнял обязанности виленского полицмейстера. В это время (27 октября 1905 г.) на него было совершено покушение местными революционерами, он был ранен, и довольно тяжело, осколками брошенной в него бомбы. «И с тех пор, — пишет в своих воспоминания А.П.Мартынов, — он всегда носил особый бандаж на ноге и всегда высокие сапоги; при этом несколько прихрамывал»⁸¹. В связи с этим ранением он получил чин подполковника, а через три месяца его назначают на новую значительно более высокую и ответственную

должность. 23 января 1906 г. был подписан приказ об исполнении Климовичем должности начальника Московского охранного отделения. Интересна характеристика, данная ему его сослуживцем и бывшим подчиненным Мартыновым: «От братьев я знал, что Е.К. большой службист, днюет и ночует в охранном отделении, других интересов и склонностей или слабостей у него нет; очень ценит, если служащие отделения сидят по своим кабинетам до поздней ночи (вернее до раннего утра) и всегда "под рукой" на случай вызова в кабинет начальника. Особенно любил Е.К. разговоры по ночам с подчиненными, как деловые, так и праздные»⁸². Судя по сохранившимся документам, Климович обладал огромной работоспособностью. Не имея никакого недвижимого имущества, он считал, что только примерной службой может обеспечить приличное существование своей семье. На допросе в Чрезвычайной следственной Комиссии Временного правительства 19 марта 1917 г. он сказал: «Я, к сожалению, состоянием никаким не обладаю, жил исключительно тем, что получал на службе, так что я должен был

С. 89

заботиться о том, чтобы не потерять совершенно источника существования » ⁸³.

Не всем сослуживцам Климовича, однако, нравилось его усердие, некоторые из них считали, что им движут исключительно карьерные соображения. Так, уже упоминавшийся Мартынов писал о нем: «Деятельность Е.К. Климовича на посту начальника Московского охранного отделения была внешне блестящей, но ему не выгодно было засиживаться на ней». Как утверждает автор, для дальнейшего продвижения по служебной лестнице Климович выбрал путь «быстрых, шумных успехов, выгодных с показной стороны; он ликвидировал подпольные организации, не считаясь с возможными вредными последствиями для секретной агентуры; он, так сказать, выжимал из секретного сотрудника все, до последней капли, пользовался его сведениями с выгодой для себя, "проваливал" агентуру, отбрасывал ее за негодностью и принимал другую»⁸⁴. Даже если это было и так, нужно иметь в виду, что это был

1906 г. и жесткость с обеих сторон была нормой. Нормой же были и обоюдные потери как со стороны революционеров, так и полиции, к тому же, многие секретные сотрудники в это время стали в страхе за свою жизнь уклоняться от своих обязанностей.

Активность Климовича на посту начальника Московского охранного отделения была замечена и оценена. С 6 апреля

1907 г. он исполняет обязанности помощника московского градоначальника. Вот как характеризует его В.Ф.Джунковский, который в этот период был вице-губернатором, а затем губернатором Москвы: «Климович представлял из себя выдающегося по уму администратора, — пишет он. — Отлично знал секретно-агентурное и розыскное полицейское дело, это был честный человек и отличный семьянин, благодаря чему был человеком нравственным. В то же время это был большой ловкач, не без хитрости и себе на уме, карьерист, но не в ущерб делу. Как помощник градоначальника был вполне на месте, был головой выше своего начальника генерала Рейнбота, но умел себя так поставить, что это никому и в голову не приходило. Я лично очень ценил его способности и считал его выдающимся для полицейской службы человеком, поэтому в бытность мою товарищем министра выдвинул его в серьезную минуту на пост московского градоначальника, и не ошибся в этом»⁸⁴. 31 июля 1907 г. Климович был произведен в полковники.

Зная по опыту о тех трудностях, с которыми сталкиваются офицеры, занимающиеся политическим розыском из-за отсутствия каких-либо разработок по истории революционного движения, Климович еще до назначения в Особый отдел подготавливает справочное пособие или «курс», названный им

С. 90.

«Краткая таблица важнейших политических партий России». Отношение к этой работе в полицейских кругах было неоднозначным. Столыпин сразу отверг ее, заявив о нежелательности распространения брошюры. Однако другой специалист политического розыска, постоянно сталкивавшийся с необходимостью такого пособия, А.М.Еремин, на отзыв к которому попала работа Климовича, посчитал иначе. Ни жандармерия, ни полиция, ни Департамент полиции не имели в 1907 г. никакого пособия, «освещающего деятельность наиболее распространенных революционных партий и порой не находили у себя ни программы, ни устава некоторых из них», Еремин в своем отзыве на нее указал, что работа эта полезна. В то же время он высказал пожелание, что «издание должно быть официальным, достаточно полным, совершенно верным, с точным изложением программ всех партий и безусловно беспристрастным. Оно должно заключить в себе краткую историю партии, полностью программу, тактику, устав, основные принципы, ближайшие задачи в политической и правовой области; указание на то, как разрешаются партией вопросы: рабочий, аграрный, крестьянский, просвещения, отношение партии к существующему государственному строю, Государственной думе, другим партиям, к

террору, указание на литературу». В конце своего отзыва Еремин писал, что такое пособие, вызванное самой жизнью, безусловно сослужило бы большую службу и издание его желательно в самом непродолжительном времени. Что же до брошюры Климовича, то «хотя в брошюре и необходимы исправления, не имея лучшего ею нельзя пренебрегать»⁸⁶.

Назначенный заведующим Особым отделом Департамента полиции в июне 1908 г., Климович проработал на этом посту до 26 декабря 1909 г. Это был один из сложнейших периодов в жизни Отдела. Поскольку опытные сотрудники были переведены с повышением на другие должности и в другие учреждения, а должность заведующего определенное время оставалась вакантной, работа была, как отмечалось в документах, — «сильно запущена»⁸⁷.

Сразу после своего назначения Климович обращает серьезное внимание на инструктаж и обучение представителей местных органов политического сыска, стремится, в первую очередь, добиться четкого понимания ими задач и целей различных политических партий и движений. Используя предварительные разработки, посвященные политическим партиям в России, Привислинского края, Финляндии, и учтя замечания, высказанные по поводу его работы, он счел необходимым ее продолжить. В этом ему помогали офицеры и чиновники Особого отдела. Используя огромный документальный материал, который накопился в Отделе, начальники отделений и их

С. 91.

заместители (Курочкин В.В., Рукавишников М.М., Беклемишев В.А., Броецкий М.Е.) принимали самое активное участие в подготовке обзоров и спецкурсов. Всеми этими материалами пользовались не только в Департаменте полиции, они рассылались на места начальникам местных ГЖУ и охранных отделений, в жандармско-полицейские управления железных дорог. В ноябре 1909 г. работа по составлению обзоров была закончена и за подписью Климовича был издан циркуляр, в котором говорилось: «В дополнение к разновременно разосланным при циркуляре Департамента полиции обзорам деятельности революционных партий Департамент полиции препровождает составленные к ним оглавление и два алфавитных указателя». В циркуляре давались рекомендации переплести все это в книгу⁸⁸.

В фонде Департамента полиции сохранились два полных переплетенных экземпляра этих обзоров. В настоящее время они изданы⁸⁹.

Хотя в должности заведующего Особым отделом Климович был не так долго, чтобы внести какие-то существенные перемены в работу Отдела, он

оставил след. Его главной заслугой была более профессиональная организация работы по политическим партиям и организациям в губерниях, крупных городах.

Что касается деятельности самого Особого отдела, то если отбросить явно превратные суждения о Климовиче, следует, видимо, где-то согласиться с мнением уже упоминавшегося нами Мартынова, который писал, что Е.К.Климович, пробыв тут тоже очень недолго, не внес никакой инициативы и не завел новой системы⁹⁰.

26 декабря Климовича назначают градоначальником в г. Керчь-Еникальский, а в 1914 г. на ту же должность переводят в г. Ростов-на-Дону. Однако в этом городе он служил недолго. События в Москве в 1915 г., связанные с немецкими погромами, вызвали много шума. В результате вынужден был оставить свою должность московский градоначальник генерал А.А. Андрианов. В Москву приезжал разбираться товарищ министра внутренних дел Джунковский. Касаясь создавшейся в Москве ситуации, Джунковский в своих воспоминаниях пишет: «Решившись заменить Андрианова другим лицом, надо было подыскать ему достойного заместителя. Это было не так легко, так как новое лицо должно было удовлетворять ряду требований: во-первых, это должен быть человек большого административного опыта, умный, самостоятельный и знавший Москву, знакомый со сложными сторонами управления столицей; во-вторых, человек с большим тактом и который бы сумел создать правильные служебные отношения к главноначальствующему; в-третьих, человек хорошо разбиравшийся в

С. 92.

делах политического характера. Министр мне предоставил выбор такого лица, и я остановился на Климовиче...»⁹¹.

Работа Климовича в Москве была высоко оценена начальством и в марте 1915 г. его вновь приглашают в Департамент полиции, но уже на должность директора. 15 августа 1915 г. ушел в действующую армию Джунковский, и Климович как протеже Джунковского лишается всякой поддержки. В сентябре он увольняется от должности и назначается сенатором. Газета «Киевская Мысль» 19 сентября 1916 г. писала: «Отставка директора Департамента полиции Климовича явилась, — как передают газеты, — неожиданностью для всех чинов министерства внутренних дел. Сам Климович узнал о назначении в Сенат только 17 сентября в 5 часов дня. Увольнение состоялось по непосредственному представлению Б.В. Штюмерера. Климович по поводу своей отставки говорит: «Я давно мечтал о спокойной деятельности в Сенате. Сожалею, что первое прошение об

отставке по разным обстоятельствам я должен был взять обратно. Служебный долг заставляет молчать об истинных причинах моего вынужденного ухода»⁹². После Февральской революции его допрашивают в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. После освобождения ему удалось уехать на юг. Он служил в Добровольческой армии, вместе с последними частями перебрался из Новороссийска в Югославию. Умер в 1930 г. в эмиграции.

Серьезные изменения в работе Особого отдела происходят в 1910 г. и связаны они с возвращением в Отдел в качестве его руководителя полковника Александра Михайловича Еремина.

Это была примечательная фигура в истории Отдела. Выходец из дворян казачьего Уральского войска, он получил образование в Оренбургском кадетском корпусе, затем окончил Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду и Казачью офицерскую стрелковую школу. После чего служил в конном полку Уральского казачьего войска.

В январе 1903 г., «по прослушании предварительных перед переводом в Корпус жандармов курсов», он был назначен в состав формировавшегося тогда Киевского охранного отделения. Департамент полиции писал, что поручик Еремин обладает «особой энергией и способностью к розыску». Его участие в разработке методики, ликвидации в 1904 г. «Киевского Комитета Российской Социал-демократической Рабочей Партии» и «Центрального Комитета Юго-Западной Группы учащихся», были отмечены начальством, в связи с чем Департамент полиции ходатайствовал перед Штабом Отдельного Корпуса Жандармов о награждении поручика Еремина «следующим чином»⁹³.

При организации в г. Николаеве Охранного отделения Еремин был назначен его начальником. Характеристикой его

С. 93

деятельности могут служить слова николаевского градоначальника, который 28 января 1905 г. писал министру внутренних дел о революционных выступлениях в своем крае: «Судя по приведенным примерам успешного предотвращения крайне опасных народных волнений, а также и по другим, бывшим в последнее время случаям такого же характера, я считаю своим нравственным служебным долгом засвидетельствовать, что только лишь благодаря назначению в Николаев для заведования делами политического розыска штабс-ротмистра Еремина, в высшей степени энергичного и способного офицера, «борьба с враждебными антиправительственными элементами в Николаеве сделалась

вполне успешной и во всех случаях попытки к нарушению государственного порядка и общественного спокойствия... прекращаются всегда в самом зародыше»⁹⁴.

Через полтора года, в связи с тяжелым ранением начальника Киевского охранного отделения А.И. Спиридовича, Еремин назначается на должность начальника этого отделения. Служивцы отмечали прирожденный талант Еремина к розыскной деятельности, «справедливую суровость» к своим подчиненным, необыкновенную личную храбрость. Многие операции, проведенные им в Киеве, увенчались успехом.

Бывший киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, впоследствии военный министр В.А. Сухомлинов в письме на имя командира Отдельного корпуса жандармов 3 мая 1906 г. писал: «...ротмистр Еремин, своею выдающеюся энергиею, беззаветною преданностью порученному ему делу, самоотверженно подающий всегда личный пример в самых опасных случаях, вынуждает меня, по долгу службы обратить внимание на этого достойного офицера и ходатайствовать об исключительном награждении его — производством в следующий чин...» Это ходатайство было поддержано Департаментом, и Еремину был присвоен чин подполковника.

В этом чине в 1906 г. он был приглашен в Департамент полиции, в качестве руководителя одного из отделений Особого отдела. Он принимает самое активное участие в разработке положений об охранных отделениях, районных охранных отделениях, инструкции по ведению внутреннего (агентурного) наблюдения, инструкции по ведению наружного наблюдения.

После откомандирования на Кавказ, где он совмещал должность начальника Тифлисского ГЖУ с должностью начальника РОО, Еремин возвращается в Петербург, где вначале прикомандировывается к ГЖУ, а затем назначается заведующим Особым отделом. Этому назначению способствовал сам Столыпин, который «памятуя о значении полковника Еремина в деле поднятия розыскного дела в империи личным, весьма активным участием во всех работах по выработке и осуществлению

С. 94.

коренных реформ в этом деле, признал существенно необходимым назначить полковника Еремина заведующим Особым отделом Департамента»⁹⁵.

В течение двух с половиной лет Еремин возглавлял Отдел. Он пользовался авторитетом, «имел большой вес» в верхах, как свидетельствовал на допросе в ЧСК в 1917 г. С.Е.Виссарионов, бывший вице-директор Департамента. По его словам, «Еремин лично имел доклады

директору и товарищу министра внутренних дел»⁹⁶.

В мае 1910 г. по инициативе Еремина готовилось совещание, на котором рассматривался вопрос о работе Отдела и необходимости усиления его штата. Заседания проходили под председательством вице-директора Виссарионова. На заседании Еремин говорил о «не вполне удовлетворительной постановке дела, малочисленности чинов Особого отдела и неимении нужного числа людей, практически знакомых с ведением политического розыска»⁹⁷. На том же совещании Еремин поставил вопрос о ключевой роли Особого отдела в деле усиления практического руководства политическим розыском в империи, о необходимости систематического инспектирования розыскных учреждений, которое носило часто характер случайных, эпизодических проверок.

Важным решением совещания было указание изменить работу по революционным партиям, усилить ее в смысле теоретического осмысления и обратить особое внимание на районы их деятельности, «инструктивную и инспекторскую работу».

По рекомендации Еремина, незадолго перед тем прикомандированным офицерам поручалось усилить работу по революционным партиям. В этом были задействованы жандармские офицеры — подполковники Васильев И.П., Мазурин И.П., Колоколов В.А., ротмистры Покровский Б.В. и Серчиков. Учитывая места их прежней службы, между ними были распределены подведомственные районы. Так, Васильев стал куратором Петербургского, Московского, Пермского, Саратовского районных охранных отделений; Балабин Н.И. — Киев, Харьков, Одесса; Покровский — Кавказ, Средняя Азия, Сибирь; Сушков С.С. — Варшавское генерал-губернаторство, Привислинский край, Прибалтика, Финляндия и т.д. Им вменялось в обязанность детальное ознакомление с действующими в этих местностях революционными организациями.

На совещании подчеркивалось, что «знакомство Особого отдела с двумя важнейшими революционными партиями — партией социалистов-революционеров и РСДРП — должно быть самое полное. Подполковникам Васильеву и Балабину поручалось «самым деятельным образом ознакомиться со строением» этих партий, быть постоянно «в курсе всех изменений

С. 95.

в программах, уставах, новых течениях и т.п.»; «отчетливо знать и вести учет личному составу центральных органов партии и виднейшим деятелям как за границей, так и в империи; тщательно следить за

партийной литературой, черпая из таковой материалы для ознакомления с общим положением партии, так и положением организации на местах; все происшедшие изменения в строении и личном составе партии своевременно отмечать⁹⁸. Подполковнику Мазурину поручались наблюдения за железнодорожными организациями.

В том же 1910 г. в структуре Особого отдела Ереминым создается новое подразделение — агентурный отдел, где сосредоточивается сугубо секретный материал о составе и деятельности российских и зарубежных розыскных органов: о личном составе секретной агентуры, денежная отчетность по агентуре, зашифровка служебных телеграмм (дешифровка же проводилась в секретарской части Департамента), а также дела об отдельных лицах, за которыми велось особо секретное наблюдение. Одновременно вводилась должность заведующего центральной агентурой. Одной из причин создания этого отделения являлась утечка информации из Департамента полиции, которая привела к разоблачению целого ряда секретных сотрудников, а также нашумевшее дело Азефа. Сыграли свою роль и другие разоблачения Бурцева.

Помещения Особого отдела еще более изолируются. В январе 1910 г. за № 260 издается приказ, в котором указывается: «В целях правильной постановки работы Особого отдела, объявить всем начальникам и делопроизводителям отдельных частей отдела о воспрещении входа в помещение Особого Отдела, за исключением кабинета зав. отделом. Сотрудникам других частей Департамента можно обращаться за справками к дежурному чиновнику в приемной комнате». Особому отделу предлагалось сократить переписку с другими делопроизводствами, а в случае необходимости переписка и материалы всех делопроизводств Департамента по требованию начальников отделений Особого отдела представлялись в Отдел для ознакомления и извлечения необходимых сведений. Он также ставит вопрос перед Директором Департамента об охране самого здания Департамента полиции, ликвидируется приемная в главном здании и переносится в помещение на Пантелеймоновскую улицу. В приемной устанавливается постоянное дежурство, увеличивается состав дежурных в приемные часы; внутри двора Департамента устанавливается постоянный пост. От лиц, постоянно живущих в здании Департамента, потребовали адреса лиц, посещающих их; без права оставления на ночь⁹⁹.

Полковник Еремин установил порядок, при котором все важнейшие вопросы рассматривались заведующим Особым

С. 96.

отделом при участии и с правом совещательного голоса всех

начальников отделений и заведующего центральной агентурой. Перед докладом директору Департамента коллегиально обсуждались все вопросы по организации розыска и личному составу Отдела. При докладе должны были присутствовать начальники отделений, направление деятельности которых в нем затрагивалось.

Такой порядок не только способствовал более основательной проработке вопросов, но усиливал ответственность исполнителей. Вводилась также должность помощника заведующего Особым отделом, поскольку тот уже не мог справляться с возросшим объемом работы. Помимо текущих дел, он должен был просматривать всю входящую и исходящую корреспонденцию, четыре раза в неделю готовить доклады директору Департамента и один раз докладывать товарищу министра внутренних дел.

Новые требования, предъявляемые к Особому отделу, привели в 1910 г. к значительному росту исходящих от него руководящих материалов. За этот год Отделом было подготовлено и отправлено 855 разных указаний в местные учреждения, которые по тематике распределялись следующим образом: по ведению внутренней агентуры (176), по ведению наружного наблюдения (114), о неправильном расходовании агентурного аванса (98), о неправильной отчетности (229), об отчетности по расходованию средств (112), указания общего характера по ведению розыска (126).

Было подготовлено 329 проектов руководящих циркуляров, которые следующим образом распределились по отделениям.

Отделения	Руководящие	Общ. характера	Итого
1-е отделение	10	104	114
2-е отделение	22	75	97
3-е отделение	20	55	75
4-е отделение	4	14	18
5-е отделение	—	—	—
Инструкторская часть	25	—	25
ИТОГО:	81	248	329100

Основная часть руководящих циркуляров касалась деятельности секретной агентуры, контактов с ней, смены кличек агентов, денежной отчетности, сотрудников-шантажистов, филерской службы. Были среди них такие, как

С. 97.

«О поступлении в число сотрудников революционеров с целью разоблачения деятельности розыскных органов» (25 января № 125051); «О секретной агентуре в войсках» (3 октября № 127306) 101.

Особый отдел превратился в одно из самых крупных подразделений Департамента полиции по количеству работающих чиновников. На март 1911 г. в штатном расписании числилось 59 человек (вместе с прикомандированными сотрудниками) 102.

В том же 1910 г. были проведены определенные изменения в канцелярии Особого отдела, была установлена должность начальника канцелярии, ответственного за своевременную регистрацию документов, правильную подшивку, отправку, распределение документации, соблюдение инструкций *³.

Именно в этом году окончательно приводится в систему и утверждается номенклатура дел Особого отдела, работа над которой была начата еще Ратаевым. От организации документов в делопроизводстве напрямую зависела эффективность работы Отдела и во многом Департамента в целом. Со времен Ратаева номенклатура дел сильно усложнилась, что во многом было связано с появлением в период революции 1905—1907 гг. новых партий, общественных движений. Согласно номенклатуре каждая партия и почти каждое общественное движение имели свой индекс-номер, с того же номера начинались дела и на губернские партийные организации. Кроме того, каждая губерния также имела свой индекс, одинаковый для всех партий. И, наконец, буквенное обозначение (литер) указывал на характер документов в деле.

Эта система позволяла и позволяет сейчас очень быстро находить дела и ориентироваться в огромном количестве документов и материалов Особого отдела *.

*К примеру, все дела, начинающиеся с цифры 5 с частями и томами — это материалы по социал-демократическому движению; дела, начинающиеся с цифры 6 — материалы по Бунду; дела с цифры 8 — документы по партии Спилка; с цифры 9 — эсеровские организации; 12 — анархисты; 13 — польская социалистическая партия; 14 — Дашнакцутюн; 21 — Литовская социал-демократическая партия; 23 — Латышская социал-демократическая партия; 26 — Социал-демократия Королевства польского и Литвы; 27 — Конституционно-демократическая партия и т.д. Губернский номер следует за номером партийной организации. Например, д. 5, ч. 2 — Комитетское дело по наблюдению за социал-демократическим движением

в Акмолинской губернии; д. 5, ч. 3 — Комитетское дело по Амурской области; д. 5, ч. 4 — по Архангельской губернии и т.д. Дело 9 ч. 2 — Комитетское дело по наблюдению за эсеровским движением в Акмолинской губ. и т.д. На каждую партийную организацию, действовавшую в губернии, заводилось несколько дел. Например, на Московских социал-демократов на каждый год заводятся дела: 5, ч. 46; 5, ч. 46, Лит. А; 5, ч. 46, Лит. Б; 5, ч. 46, Лит. В; 5, ч. 46, Лит. Г; 5, ч. 46, Лит. Д; 5, ч. 46, Лит. Е. Литеры указывают на характер документов в деле. Примерно такой же набор дел — в меньшей или большей степени — повторялся по каждой партии и каждому движению. Полнота этих дел зависела от деятельности организации и наблюдения за ней. В делах с литером «А» концентрировались материалы под общим названием «Разная переписка»; наиболее интересная документация сосредоточивалась в делах под литером «Б». В таких делах собирались материалы агентурного характера. Литер «В» — имел списочный состав членов местной организации и лиц, связанных с ней, которые попадали в сферу наблюдения филеров; в делах под литером «Г» имела переписка о распространении местной организацией партийной литературы, дела с литерами «Д» и «Е» были совершенно секретными, в них была переписка о личном составе секретной агентуры и денежной отчетности. Для удобства пользования делами и для быстрого их поиска предусматривался цвет обложек этих дел. Дела без литеры были бело-кремовые. С литером «А» — голубовато-серые; с литером «Б» — темно-розовые; с литером «В» — зеленые; с литером «Г» — синие.

С. 98.

В делах сосредоточивалась самая разнообразная документация: наряду с материалами центральных партийных органов большое место занимает перехваченная партийная переписка комитетов в виде перлюстрации, подлинников и копий листовок, резолюций, решений партийных организаций, переписка местных ГЖУ с Департаментом по наблюдению за местными организациями, служебные записки о деятельности местных организаций, донесения об обысках, арестах, вырезки из газет, касающиеся местного комитета.

Имея столь основательную документацию о революционных партиях, оппозиционном движении и о настроениях населения, Еремин предупреждал о вероятности наступления новой волны революционного движения, «похожего на события 1905 года» и о необходимости быть готовыми к этим событиям.

По его инициативе осуществляются попытки серьезного обновления

кадрового состава Отдела и подведомственных Департаменту учреждений политического сыска на местах.

Как указывалось в Краткой записке об изменениях в деятельности Особого отдела в 1910 г., «текущий год был пятым годом основания Особого отдела Департамента полиции, как руководящего (подч. — З.П.) органа делом политического розыска в империи и в то же время первым годом заметных изменений в личном составе, деятельности и делопроизводстве отдела»¹⁰⁴.

В 1910 — 1912 гг. Особым отделом проводилось инспекционное «обозрение» ряда розыскных органов Сибири, Западных областей, Юга России, Московского охранного отделения, Московского губернского жандармского управления. При этом отмечалась слабая или недостаточная подготовка руководителей политического розыска на местах, злоупотребления, подлог. Не лучше обстояло дело в жандармско-полицейских управлениях железных дорог.

С. 99.

Как сообщалось в одном из отчетов, проверки «привели к самым грустным выводам», «...офицеры были бездеятельны в деле политического розыска, некоторые не знали дела, а некоторые отрицательно сознательно относились к нему...»¹⁰⁵.

Одной из причин слабой эффективности политического розыска, как считали в МВД, в Департаменте полиции и его Особом отделе, было несоответствие начальников многих ГЖУ своим должностям, их неудовлетворительное руководство розыском. В большинстве своем, они «достигли престарелого возраста, утратили энергию». Новые приемы розыска им были неизвестны, между тем применение их требовало «живого, подвижного исполнения, что и физически им «уже было не под силу». По результатам проведенных проверок применялись самые суровые меры, вплоть до увольнения или отчисления от должности. Чаще всего это происходило в тех случаях, когда деятельность руководимых ими учреждений признавалась «не приносящей пользу, а иногда приносившей вред государственным интересам, поскольку они не освещали в должный момент действительного положения вещей»¹⁰⁶.

В течение 1911 — 1912 гг. были уволены со службы как признанные неспособными к «руководству розыскными органами», 14 начальников ГЖУ: Московского, Нижегородского, Смоленского, Рязанского, Гродненского, Астраханского, Орловского, Минского, Вятского, Херсонского, Ярославского, Радомского, Кронштадтского. Начальники Томского и Саратовского ГЖУ были отчислены от должности «по

несоответствию» и прикомандированы к Петербургскому ГЖУ, 13 начальников ГЖУ были намечены к увольнению: Тобольского, Лифляндского, Витебского, Тульского; Харьковского, Тверского, Волынского, Олонецкого, жандармского управления г. Омска, Подольского, Псковского, Воронежского, Самарского. Четыре начальника ГЖУ были перемещены¹⁰⁷.

Многие из уволенных имели чины полковников и генерал-майоров. В это время меняется почти 1/3 руководителей политического розыска. Однако, часть руководителей, хотя и была признана «не соответственной», перемещалась на другие должности. В этой связи представляет интерес характеристика деятельности К.И. Глобачева, который накануне февральских событий занимал пост начальника Петербургского охранного отделения.

В январе 1910 г. он был назначен начальником Варшавского охранного отделения. Ревизия, проведенная в феврале 1911 г., показала, что имеющаяся у Глобачева «агентура слабая, боевые выступления революционных организаций участились и партийная работа развилась сильнее». Глобачев после года пребывания в должности

С. 100.

«не сумел улучшить постановку розыска и дальнейшие его попытки в этом направлении ввиду вялости его, едва ли будут успешны», служащие о нем заявляют: «лишен энергии, слишком мягок, не следит за работой и не интересуется, как офицеры относятся к своей работе. Вся работа в отделении представлена случаю». Было признано, что Глобачев «не розыскной офицер; в нем нет розыскной искры», однако в июне 1911 г. его переводят начальником Нижегородского ГЖУ¹⁰⁸, а в 1914 г. назначают начальником Севастопольского жандармского управления.

Волнения, начавшиеся в 1910—1912 гг., озадачили и обеспокоили Департамент. Как сообщалось в одной из его записок, «...затишье, однако, в самое последнее время приходит к концу, о чем свидетельствуют волнения летом на некоторых судах военного флота Балтийского и Черного морей, в Туркестанских саперных войсках. Ленские волнения, волнения, связанные с проведением в исполнение приговоров военно-морского суда в отношении мятежников-матросов».

Говоря о необходимости усилить внимание к политическому розыску, директор Департамента Белецкий писал, что подпольная работа революционных партий, «оживившаяся в последнее время, особенно благодаря тому, что наисерьезнейшие активные деятели, отбыв наказание по суду или максимальный срок административной высылки,

возвращаются на места и "пополняют" ряды партий, призывают к возобновлению деятельности...»¹⁰⁹

Бывший министр внутренних дел, а в этот период член Государственного Совета сенатор Макаров, прославившийся на всю Россию своей фразой по поводу Ленских событий, «так было и так будет», при обсуждении вопроса об изыскании методов борьбы с революционным движением, признавал «исключительную серьезность переживаемого момента», необходимость всестороннего обсуждения вопроса о «причинах наблюдаемого упадка политического розыска в империи и о способах поднятия на должную высоту». Он предлагал пересмотреть применяемые розыскные приемы, исключить потерявшие значение, обсудить новые, которые являются результатом практики розыскных органов¹¹⁰.

§ 4. Особое совещание и «метания» предреволюционных дней

По распоряжению министра внутренних дел при Департаменте полиции в конце 1912 г. образовано Особое совещание из представителей политического розыска «по пересмотру вопросов, относящихся к этой области, разрешение которых

С. 101

будет содействовать достижению наилучшей постановки планомерного политического розыска в империи».

В работе Особого совещания принимали участие лица, которые обладали большим опытом работы розыскной деятельности, хотя в этот момент по занимаемому положению не участвовали в розыске, но авторитетность мнения которых могла существенно помочь совещанию. Так были приглашены старший представитель офицеров Корпуса жандармов, состоявший н распоряжении шефа жандармов, бывший начальник С.-Петербургского охранного отделения Герасимов, бывший начальник Московского охранного отделения и бывший заведующий Особым отделом Департамента Климович, помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части генерал-лейтенант Утгоф. К участию в работе были привлечены начальники всех районных охранных отделений, как наиболее опытные представители местного розыска. Кроме того, в совещании участвовали специалисты, занимавшиеся отдельными направлениями политического розыска. Так, в обсуждении вопроса о постановке розыска на железных дорогах (в связи с пересмотром действующих мероприятий по подавлению забастовок), участвовал специалист по вопросам железных дорог старший адъютант Штаба Отдельного корпуса жандармов, «ведущий» соответствующим отделением Штаба полковник Тимофеев. Охрана «Высочайших особ» (этот

вопрос ставился в связи с приближавшимся 300-летием дома Романовых и предстоящими торжествами и был очень актуален), обсуждалась с участием заведующего дворцовой агентурой полковника Спиридовича. Ставился также вопрос о постановке розыска за границей, в связи с чем был приглашен жандармский штаб-офицер, находившийся при Заграничном розыскном бюро Департамента полиции.

Для подготовки совещания была организована Комиссия из чинов Особого отдела, в которую вошли заведующий Особым отделом полковник Еремин, штатные чины отдела и прикомандированные к отделу жандармские офицеры, которые непосредственно занимались вопросами розыскной деятельности. 11 председателем комиссии был назначен заведующий политической частью Департамента полиции вице-директор ДП д.с.с. Виссарионов.

На базе имевшихся в ДП материалов для участников совещания были составлены обзоры по партиям, функционировавшим в этот период и записки по ряду вопросов: о революционном движении в армии и на флоте, о мерах Департамента полиции и розыскных органов по борьбе с революционным движением в армии и на флоте, о мерах борьбы с революционными выступлениями на железных дорогах, о постановке розыска за границей, о способах приобретения там секретных

С. 102.

сотрудников, о мерах борьбы с революционной агитацией среди крестьянского населения. Комиссия в своей работе рассмотрела также вопросы, связанные с пересмотром действующих инструкций и положений по розыску в целях определения о возможности и необходимости их изменения.

Работа совещания проходила в помещении Департамента полиции с 27 ноября по 1 декабря 1912 г. под общим председательством товарища министра внутренних дел статского советника Золотарева. В связи с многочисленностью поставленных вопросов работа совещания проходила по секциям.

Первая секция касалась «жизненных» для Департамента полиции вопросов — современного положения политического розыска в империи и за границей, причин упадка его в России и способов поднятия «на надлежащую высоту».

Вторая секция работала как Комиссия по борьбе с забастовочным движением. В ней рассматривались вопросы использования революционными партиями профессионального и кооперативного движения в результате легализации и широкого распространения этих

общественных организаций, а также меры борьбы с этими организациями.

На одном из заседаний этой секции присутствовавшие были ознакомлены с проектом закона об обществах и союзах, выработанного в Особом совещании при Департаменте общих дел.

При рассмотрении вопроса о забастовочном движении разгорелась дискуссия, что можно считать политической забастовкой, каковы признаки политической забастовки.

Участники совещания пришли к заключению, что основными и самыми важными моментами в борьбе со всеми революционными выступлениями должна быть агентурная осведомленность об участниках революционного движения, о недовольстве среди рабочих, крестьян, об агитаторах, о предстоящих забастовках, а также «тесное единение с чинами общей полиции, с лицами, стоящими во главе фабрик, заводов, промышленных предприятий, с мастерами, заведующими отделами, от которых заблаговременно можно получить информацию о выступлении рабочих и об агитаторах».

Совещание приняло решение «о немедленных арестах агитаторов» с применением «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г.». Это предложение, однако, потребовало дальнейшей разработки и уточнения со стороны Департамента полиции, так как в целях розыскной деятельности эта мера не всегда была удобной¹¹¹.

Совещание сыграло определенную роль в смысле обучения чинов, занимающихся вопросами политического розыска, они еще раз ознакомились и обсудили законодательство,

С. 103

защищающее интересы обывателей, интересы правительства, а также возможности применения «Положения 1881 г.».

Участники совещания ознакомились с подготовленными Особым отделом обзорами партий и иллюминированной каргой революционного движения в стране, что было внове и произвело сильное впечатление на присутствующих не только необычностью экспоната, но и «большим количеством очагов» революционного движения. Обсуждение показало, что Департамент полиции, зная положение в стране, не всегда оперативно и вовремя дает соответствующие инструкции, а на местах представители розыска часто пользуются явно устаревшими и инструктивными письмами.

По результатам совещания принимались меры по обновлению кадрового состава и его подготовке. Пересматривается, в частности, программа курсов Корпуса жандармов, увеличивается число часов на

изучение истории революционного движения. Кроме того, при Департаменте организуются повторные курсы для тех, кто уже прошел обучение при Штабе Корпуса для более детального изучения вопросов, связанных с политическим розыском. Одновременно уделяется больше внимания теоретической подготовке офицеров, вырастают требования к знанию литературы партийных организаций. В чисто организационном плане усиливается внимание к работе внутренней агентуры, перлюстрации писем революционных деятелей и представителей оппозиционных групп; начинается реорганизация службы наружного наблюдения.

Но все дальнейшие преобразования уже происходили без Еремина, в июне 1913 г. его назначают на новую должность начальника Финляндского жандармского управления. После Еремина должность заведующего Особым отделом исполняет М.Е.Броецкий, а с января по 27 февраля 1917 г. И.П.Васильев.

Сведений о дальнейшем судьбе Еремина сохранилось мало. В первых числах марта 1917 г. Еремин приехал в Петроград, чтобы в Штабе корпуса жандармов просить указаний по аресту лиц, заподозренных в шпионаже. В связи с арестом его непосредственного руководства он явился в Государственную думу в распоряжение Временного правительства «просить об охране дел, поступив с ним, как будет признано нужным»¹¹².

Еремина выслушали и выдали удостоверение на право выхода из Государственной думы¹¹³.

По имеющимся сведениям за 1919 г., Еремин служил в штабе Оренбургской армий, был в чине генерал-майора, возможно возглавлял разведывательное отделение. В архиве сохранилась телеграмма временно управляющего МВД Сибирского правительства в Троицк генералу А.И. Дутову:

С. 104.

«Для заведования Особым отделом Департамента милиции, несущим чрезвычайно важную ответственную работу по охранению государственного порядка, необходим опытный энергичный руководитель. Находящийся в Оренбургской армии генерал Александр Михайлович Еремин, бывший управляющий Особым отделом Департамента полиции, по имеющимся у меня сведениям соответствует указанным требованиям»¹¹⁴. В конце телеграммы содержалась просьба откомандировать Еремина для переговоров в МВД. Но, очевидно, это назначение не состоялось, так как через некоторое время во главе Особого отдела милиции стоял С.А. Романов.

Вновь имя Еремина возникло в зарубежной печати в 1953 г., когда

журналистом И. Дон Левиным в журнале «Лайф» был опубликован документ якобы за его подписью, уличающий Сталина в сотрудничестве с охранкой и оказавшийся фальшивкой¹¹⁵.

Что же касается Особого отдела, то пришедший новый товарищ министра внутренних дел Джунковский стал предлагать свой план реорганизаций политического сыска в России.

В 1914 г. по инициативе Белецкого Особый отдел переименовывается в 9-е делопроизводство. 31 марта 1915 г. был издан приказ по Департаменту о том, что с 1 апреля 1915 г. к 6-му делопроизводству присоединяется 9-е делопроизводство, «которому впредь именоваться шестым делопроизводством Департамента полиции». С сентября 1916 г. 9-е делопроизводство вновь становится Особым отделом¹¹⁶.

В предреволюционные годы структура Отдела претерпела ряд изменений. К концу 1916 г. в нем имелось 8 отделений: 1-е отделение вело переписку по контршпионажу, по охране высочайших особ, по политическим организациям, не подходящим под рубрику «революционных»; 2-е отделение централизовало наблюдение по партии социалистов-революционеров и примыкавших к ней партий; 3-е вело переписку по социал-демократическому движению и близким к нему партиям; 4-е отделение занималось партией кадетов и «инородческими» движениями; 5-е отделение — дешифровкой документов, регистрацией перлюстрации, разработкой писем; 6-е — личным составом розыскных органов (переводы, назначения, награждения); 7-е — наблюдением по материалам Департамента полиции о правах, о политической благонадежности, по закрытию различных учреждений. Секретное отделение не имело номера. В нем были сосредоточены сведения о личном составе секретной агентуры розыскных учреждений, денежная отчетность по агентуре, вопросы, считавшиеся «особо секретными». Например, переписка о лицах, за которыми велось особо секретное наблюдение. Здесь же производилась зашифровка служебных

С. 105.

телеграмм¹¹⁷. Отдел продолжал курировать деятельность заграничной агентуры.

Как писал полковник И.П.Васильев, последний заведующий Особым отделом Департамента полиции (он возглавлял его с 15 января по 10 марта 1917 г.): «...Главнейшая роль Особого отдела в последнее время была информационная в отношении местных розыскных органов. Собственно инициативы у Отдела почти не было, если не считать обязанности инструктирования розыскных органов в смысле преподавания чисто

технических указаний. В остальном он являлся канцелярией по исполнению резолюций и распоряжений начальства, начиная с директоров ДП и по составлению докладов на основании поступавшего материала Министерства внутренних дел.

Кроме того, через Особый отдел проходили суммы из секретного фонда...»

В этой же записке, составленной после 1917 г., указывалось, что «Особый отдел по числу служащих был самый многочисленный из всех частей ДП (свыше 100)...»¹¹⁸

Проведенные в последние годы существования Отдела переименования, перестановка чиновников, метания из стороны в сторону никак не способствовали повышению эффективности работы Особого отдела. Революция надвигалась. На повестке дня стояли уже коренные вопросы переустройства государственной машины.

Несмотря на то, что Особый отдел возглавлялся способными, а порой талантливыми представителями политического сыска, со своей задачей, как и Департамент полиции в целом, он не справился.

Революционные события 1917 г., равно как и их исход, определялись уже не деятельностью Департамента и его подразделений, а пороками самого режима.

Примечания

1 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 295. Д. 132. Л. 12.

2 Там же. Ф. 102. Оп. 1902. Д. 444. Т. 2. Л. 9-19.

3 Там же. Ф. 109. 1 экзп. 1880. Д. 98. Л. 382об-383.

4 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 707. Л. 142-143об.

5 Там же.

6 Там же. Л. 142—143об. Библиотека и фототека начали создаваться в III Отделении.

7 Более подробно об этом см.: Брачев В.С. Царский жандарм — борец с масонами // Секретное досье. 1998. № 1. С. 50 — 59.

8 РГИА. Ф. 1284. Оп. 51. 1882. Д. 123. Л. 1-5.

9 Там же. Л. 6.

10. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 1902. Д. 444. Л. 47.

11 Там же. Ф. 102. Оп. 1902. Д. 444. Л. 14-ф; Д. 444. Т. 2. Л. 13-14об; Ф. 102. Оп. 302. Д. 707. Л. 159об. Цифры в документах ранних и более поздних несколько расходятся. Взят более поздний вариант.

12 Там же. Ф. 63. Оп. 53. Д. 33. Л. 73, 78, 84, 87, 88, 111, 112.

13 Там же. Л. 76.

14 Там же. Л. 84-84об.

- 15 Там же. Л. 73-112.
- 16 ж. Былое. 1906. Вып. 9. С. 66.
- 17 Там же. Ф. 102. 00. 1902. Д. 1791. Л. 1-15.
- 18 Там же. Л. 3об.
- 19 Там же. Л. 1-2.
- 20 Там же. Л. 1.
- 21 Лопухин А.А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее Российской полиции. М., 1907.
- 22 См.: Перегудова З.И. Несостоявшаяся реформа полиции (по материалам Комиссии сенатора А.А.Макарова). Из опыта работы русской полиции 1882-1916. Вып. № 14. М., 1992. С. 23.
- 23 ГА РФ. ф. Ю2. 1 эксп. 1880 Д. 98 Л. 139 (вложение). Л. 7об. Записка о состоянии дел и переписка с использованием материалов Ратаева.
- 23а Там же.
- 24 ГА РФ. ф. Ю2. 00. 1902. Д. 444. Лит. А. Л. 1 — 1об.
- 25 Там же. Л. 9об.
- 26 Там же. Д. 444. Т. 2. Л. 9об — 11.
- 27 Козьмин Б.П. С.В.Зубатов и его корреспонденты М.; Л., 1928. С. 30. Впервые письмо было опубликовано в Голосе минувшего. № 1. 1922. Письмо от 6/19 декабря 1901 г.
- 28 Письма Азефа. 1899-1905. М., 1994. С. 50-128. Сост. Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова.
- 29 Там же. С. 85.
- 30 Ж. Вестник полиции. № 50. 1909. 16 декабря. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М. 1991; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1900-1914 гг. М., 1998. С. 443-483.
- 31 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1902. Д. 444. Лит. А. Л. 13-14об.
- 32 Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С. 81. Архив русской революции. Т. XV. Берлин, 1924. С. 141.
- 33 Брачев В.С. Указ. соч.
- 34 Заграничная агентура Департамента полиции (Записки С. Сватикова и документы Заграничной агентуры). М., 1941. С. И.
- 35 Официальное увольнение последовало 1 августа 1905 г.
- 36 Козьмин Б.П. С.В.Зубатов и его корреспонденты. С. 126.
- 37 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1907. Д. 806. См.: Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 213-219, 314-317, 336-337.
- 38 Там же. Л. 78об.
- 39 Там же. Л. 84об.
- 40 Зубатов родился 26 марта 1864 г. Ни он сам, ни семья родовых и

приобретенных имений не имела.

41 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 53. Д. 16. Л. 9об. По поводу его выхода из гимназии имеются разноречивые сведения: был исключен из гимназии, сам перестал посещать гимназию, отец забрал документы из гимназии, недовольный его гимназическими знакомствами, о чем писал Бурцеву сам Зубатов 22 ноября 1906 г. «Не учебное начальство исключило меня из гимназии, а родной отец в минуту раздражения на моих "товарищей"». Как видно из письма, был крупный разговор с отцом, который закончился тем, что родитель «поехал в гимназию и взял мои бумаги». См.: Козьмин Б.П. С.В.Зубатов и его корреспонденты. С. 54.

42 ГА РФ. Ф. 1695. (Личный фонд С.В.Зубатова). Оп. 1. Д. 40. Л. 16-17.

43 Там же. Л. 20. Частично он об этом пишет в редакцию ж. Былое. См.: Козьмин Б.П. С.В.Зубатов и его корреспонденты. С. 52 — 55.

44 Там же. Ф. 63. Оп. 53. Д. 16. Л. 1-1об.

45 Спиридович А.И. Записки жандарма. М. 1991. С. 50.

46 Козьмин Б.П. С.В.Зубатов и его корреспонденты. С. 54 — 55.

47 Там же. С. 32-33.

48 га РФ. Ф. 102. 00. 1902. Д. 444. Т. 2. Л. 9-19.

49 Заварзин П.П. Работа тайной полиции. Париж, 1927. С. 69.

50 Козьмин Б.П. Указ. соч. С. 3.

51 Иногда в литературе Зубатова называют полковником, но он не имел военного чина.

52 ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 1об.

53 Там же. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

54 Вестник Европы. 1906. № 3. С. 434. Письмо Зубатова.

55 ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

56 Письмо от 12 декабря 1906. См.: Козьмин Б.П. С.В.Зубатов и его корреспонденты. С. 64.

57 Там же. С. 64.

58 Там же.

59 Гражданин. 1906. № 3, 19, 82, 87; 1907. № 61-62, 69-70, 73.

60 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1906 (1). Д. 10. Л. 167-172.

61 См.: Герасимов А.В. На лезвии с террористами. С. 30 — 34. Брачев В.С. Мастер политического сыска Петр Иванович Рачковский // Английская набережная, 4. Ежегодник. СПб., 1997. С. 311.

62 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 12. Л. 225. Циркуляр от 6 августа 1905. № 9965. См.: там же. Л. 239 - Циркуляр от 5 сентября 1905. № 11400.

63 Там же.

64 Там же. Ф. 102. 00. 1906(1). Д. 10. Л. 164-166об.

- 65 Там же. Ф. 102. 00. 1905. Д. 444. Л. 258-260.
- 66 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 12. Л. 232-233об.
- 67 Там же. Л. 263-263об. Циркуляр от 13 ноября 1905 г. № 14430.
- 68 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 12. Л. 260
- 69 Там же. Л. 261
- 70 Циркуляр ОКЖ от 8 ноября 1905 г. № 30. См. также: Тютюнник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революцией 1905—1907 гг. // Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX — начале XX в. М., 1982. С. 82-112.
- 71 РГИА. Ф. 1287. Оп. 47. 1906. Д. 69. Там же Ф. 1349. Оп. 1. Д. 2616. Падение царского режима. Т. III, V, VI, VII.
- 72 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1912. Д. 248. Л. 37об
- 73 Там же. Л. 39об
- 74 Там же. Ф. 102. Оп. 262. Д. 18. Л. 5.
- 75 Былое. 1917. № 5-6 (27
- 76 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1912. 1907
- 77 Там же. С. 20. Д. 63. Л. 229-230. Д. 812.
- 78 Там же. Ф. 102. 00.
- 79 Там же. Л. 1—2об.
- 80 Там же. Ф. 63. Оп. 53. Д. 303. Л. 16-18.
- 81 Там же. Л. 40.
- 81 Мартынов А.П. — последний начальник Московского охранного отделения. См.: Моя служба в отдельном корпусе жандармов. Воспоминания. С. 274.
- 82 Там же. С. 275.
- 83 Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной Комиссии Временного правительства. М., 1925. Т. I. С. 62.
- 84 Мартынов А.П. Указ. соч. С. 276.
- 85 Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. I. С. 213.
- 86 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1909. Д. 83. Л. 31. S7 Там же. Ф. 102. 00. 1909. Д. 46. Л. 73.
- 88 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 27. Л. 158.
- 89 Касаров Г.Г., Энтин М.Э., Перегудова З.И. и др. Политические партии и политическая полиция. Москва; Минск; Гомель, 1996. С. 143 — 428.
- 90 Мартынов А.П. Указ. соч. С. 277.
- 91 Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 567.
- 92 Киевская мысль. 1916. № 261. 19 октября.

- 93 ГА РФ. ф. Ю2. Оп. 295. Д. 107. Л. 1.
94 Там же. Л. 1об.
95 Там же. Ф. 102. Оп. 295. Д. 107.
96 Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 249. Л. 93.
97 Там же. Ф. 102. 00. 1910. Д. 248. Л. 13.
98 Там же. Ф. 102. 00. 1912. Д. 63. Л. 385-387.
99 Там же. Ф. 102. 00. 1910. Д. 188. Л. 1-2.
100 Там же. Ф. 102. 102. 00. 1910. Д. 46. Л. 6.
101 Там же.
102 Там же. 102. 00. 1911. Д. 46. Л. 47-49
103. Там же. 00. 1912. Д. 248. Л. 44об.
104. Там же. 00. 1910. Д. 248. Л. 107.
105 Там же. 00. 1912. Д. 248. Л. 44об.
106 Там же.
107 Там же. Ф. 102. 00. 1912. Д. 194. «О комиссии для обсуждения вопросов о дальнейшем оставлении на службе начальников ГЖУ по прилагаемому списку».
108 Там же. Ф. 102. 1 д-во. 1909. Д. 389; 00. 1910. Д. 341. Л. 107.
109 Ф. 102. Оп. 253. Д. 16. Л. 30об.
110. Там же. Л. 32-32об.
111 Там же. Ф. 102. Л. 28-36.
112 Там же . Ф. 1782. Оп. 1. Д. 93. Л. 1.
113. Там же . Л. 3.
114. Там же. Ф. 147. Оп. 7. Д. 3. Л. 72-72об.
115 Каптелов Б., Перегудова З. Был ли Сталин агентом охраны // Родина. 1989. № 5. С. 66 — 69; они же. К спору о «Кобе» Джугашвили и «Фикусе» // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Вып. 2. С. 173-180.
116 ГА РФ. Ф. 102. 3 д-во. 1912. Д. 221. Л. 387; Ф. 102. Оп. 295. Д. 132. Л. 7.
117 Там же. Ф. 5802. Оп. 2. Д. 236. Л. 1-2.
118 Там же. Л. 30об.

Глава 3.

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА

Как явствует из сказанного выше, свои основные функции Департамент полиции и его Особый отдел осуществляли через подведомственные им местные учреждения. Ими были: губернские жандармские управления (ГЖУ), областные жандармские управления (ОЖУ), жандармско-полицейские управления железных дорог (ЖПУ ж.д.), розыскные пункты (часть которых была впоследствии переименована в

охранные отделения), районные охранные отделения (РОО 1907—1914 гг.).

Подчиняясь Департаменту полиции в своей наблюдательной и оперативно-розыскной деятельности, эти учреждения по строевой, хозяйственной, инспекторской линиям были подведомственны Отдельному корпусу жандармов.

§ 1. Губернские жандармские управления и Жандармско-полицейские управления железных дорог

Первые ГЖУ были созданы на основе Положения о Корпусе жандармов от 16 сентября 1867 г.¹ Их назначение было политический розыск, производство дознаний по государственным преступлениям.

В зависимости от расположения губернии, наличия предприятий, территории, численности населения присваивался разряд и содержание сотрудникам ГЖУ. Они создавались грех разрядов.

Первый разряд — столичные ГЖУ; второй разряд — жандармские управления в наиболее крупных городах (Киев, Варшава, Вильнюс, Рига, Одесса, Нижний Новгород, Екатеринослав, Иркутск, Казань); третий разряд имели ГЖУ в таких городах, как Архангельск, Астрахань, Баку, Витебск, Владимир, Воронеж, Гродно и т.д. Одними из первых были созданы С.-Петербургское и Московское ГЖУ.

В марте 1868 г. было учреждено жандармское управление в г Варшаве². С этого времени учреждаются жандармские управления практически во всех губерниях. Одновременно в некоторых С. 110 местностях создаются по мере надобности на определенный срок и упраздняются жандармские наблюдательные пункты³.

ГЖУ находились в губернских городах. Начальник жандармского управления имел несколько помощников, которые находились в уездах и возглавляли уездные жандармские управления. Как правило, один помощник начальника ГЖУ отвечал за несколько уездов. Руководители уездных жандармских управлений в Привислинском крае именовались не помощниками, а начальниками уездных жандармских управлений.

В подчинении некоторых начальников ГЖУ, кроме уездных жандармских управлений, были крепостные, портовые, конные жандармские команды, пограничные и наблюдательные пункты.

Последние создавались, когда ГЖУ явно не справлялись с ситуацией в районе их непосредственной сферы деятельности. Так, в 1883 г. было создано Шлиссельбургское жандармское управление⁴ в связи с изменением функций Шлиссельбургской крепости и созданием в ней тюрьмы. Одновременно при управлении была создана пешая жандармская команда⁵ для охраны крепости и тюрьмы. Шлиссельбургское жандармское

управление было упразднено в июне 1906 г.⁶ в связи с изменившейся обстановкой на месте.

Постепенно идет организация Областных жандармских управлений. Приказом по Отдельному корпусу жандармов в феврале 1888 г. было учреждено Донское областное жандармское управление⁷, в апреле 1888 г. — жандармское управление в г. Ялте. В 1904 г. было подано представление Отдельного корпуса жандармов в Государственный Совет о необходимости создания Якутского областного жандармского управления⁸, в 1904 г. было учреждено Кронштадтское жандармское управление⁹, в марте 1906 г. — Севастопольское жандармское управление¹⁰.

Обосновывая необходимость создания последнего, шеф жандармов П.Н. Дурново в своем всеподданнейшем докладе писал: «Прискорбные события последнего времени указывают, что центром противоправительственного движения в Крыму является город Севастополь, откуда преступные организации распространяют свою деятельность на весь этот край, направляя при этом все усилия на поддержание мятежного духа среди чинов флота и войсковых частей.

Города Евпатория, Севастополь и Ялта находятся в отношении революционного движения в тесной связи. Евпатория и Ялта служат убежищем для лиц, коих пребывание в Севастополе является опасным. Население этих пунктов и почти всех курортов Черноморского побережья в летнее время чрезвычайно С. 111 увеличивается, причем под видом прогулок и экскурсий туда проникают революционные деятели, которые при слабом надзоре полиции и недостаточности состава жандармских чинов свободно ведут пропаганду»¹¹.

Далее указывалось, что таврическое ГЖУ, севастопольская жандармская команда не справляются со своими задачами, необходимо самостоятельное севастопольское жандармское управление. На подлиннике стояла пометка императора «Согласен».

В апреле 1906 г. были утверждены штаты нового жандармского управления¹². В июле 1906 г., в Севастополе Департаментом полиции был учрежден розыскной пункт с распространением сферы его деятельности на гг. Ялту, Керчь, Феодосию, Евпаторию с уездами.

Принимая меры по усилению ГЖУ, организации областных жандармских управлений, жандармских команд, руководство одновременно намеревается провести реорганизацию этих структур. В октябре 1900 г. Штаб корпуса рассылает в ГЖУ предписания «о представлении в Штаб своих соображений относительно изменения организации и порядка деятельности этих учреждений».

В ответ на это письмо в течение двух лет от начальников ГЖУ поступают отчеты, справки, обзоры, доклады, проекты¹³.

Многие из них содержат материал о революционных событиях в губерниях, меры борьбы с ними, а также и предложения по реорганизации политического сыска на местах.

Пожалуй, самый интересный из таких докладов принадлежал начальнику Воронежского ГЖУ Н.В. Васильеву. Автор назвал свой труд «Обзор современных условий служебного положения губернского жандармского управления и ряд соображений относительно изменения их организации и порядка деятельности»¹⁴. Доклад из 8 глав. Автор критически оценивал состояние политического сыска и его кадровый состав. Выход из положения он видел, в частности, в объединении корпуса жандармов с общей полицией, а также в организации курсов для повышения квалификации работников сыска.

Автор — жандарм-философ. Он писал: «Убить идею нельзя. Эволюция человеческой мысли совершается безостановочно, неудержимо трансформируя взгляды, убеждения, а затем и социальный строй жизни народов. История революционных движений учит нас, что остановить ход крупных исторических событий невозможно, как невозможно человеку остановить вращение Земли. Но та же история приводит на своих страницах слишком полновесные доказательства того, что пионеры революции, полные энергии и увлечения, всегда бывали утопистами и в своей борьбе с общественной косностью, в своем стремлении воссоздать новые формы жизни, обыкновенно не

С. 112 только не содействовали прогрессу своей родины, но нередко служили тормозом правильному ходу развития общественного самосознания. Роль пионеров в истории осуждена самой историей. Человечеству свойственно заблуждаться, и передовики-теоретики, как бы ни были, по-видимому, идеальны их стремления, не были и не будут истинными вождями народа...» ¹⁵.

Васильев считал, что система, которая «стойко выдержала борьбу» в течение полувека, «вряд ли нуждается в коренном преобразовании», но «существующее здание жандармского надзора следует достроить, приспособить к современным требованиям»... Но не подвергать «ломке» и «пересозданию»¹⁶. Он предлагал наряду с существующими жандармскими управлениями создать окружные жандармские управления, охватывавшие несколько губерний и централизовавшие бы жандармские службы на местах. Практически так Васильев предвосхищал организацию созданных в 1907 г. Районных охранных отделений.

Помимо упомянутых учебных курсов он предлагал также создать Академию полиции с преподаванием общеобразовательных и специальных предметов в объеме высших учебных заведений, делая особый упор на знание истории и юриспруденции.

Однако изменение функций ГЖУ последовало не по инициативе Штаба корпуса жандармов, а по инициативе Департамента полиции. Правовое положение ГЖУ было таково, что вносило ряд сложностей в их работу и взаимоотношения с местной администрацией. Будучи частью Государственной полиции, ГЖУ входили в систему МВД, кроме того, ГЖУ являлись воинскими подразделениями и обеспечивались из бюджета Военного министерства. ГЖУ были совершенно независимы от губернаторов, которые отвечали за безопасность и спокойствие в губернии.

Департамент полиции, осуществляя политическое руководство ГЖУ, редко имел возможность влиять на их личный состав. В 1902 г. Департамент полиции предпринимает определенные шаги по усилению в ГЖУ работы с секретной агентурой, издается циркуляр об организации при жандармских управлениях агентурно-наблюдательных пунктов¹⁷.

С осени 1902 г. во многих городах создаются розыскных пункты и охранные отделения. В таких условиях функции ГЖУ стали меняться и за ними остаются, главным образом, обязанности по производству дознаний по политическим делам. Политический розыск переходит в охранные отделения.

Согласно инструкции 1904 г.¹⁸ в обязанности ГЖУ входило: наблюдение за местным населением и за направлением политических идей общества; доведение до сведения высших

С. 113 властей о беспорядках и злоупотреблениях, производство дознаний по делам о государственных преступлениях, производство расследований в порядке Положения о государственной охране, осуществление негласного полицейского надзора, наблюдение за лицами, проезжающими через границу, наблюдение за «иностранными разведчиками», розыск и наблюдение, за лицами, укрывающимися от преследований властей, оказание помощи общей полиции в восстановлении нарушенного порядка, конвоирование арестантов. Те же обязанности выполняли и областные жандармские управления. В тех губерниях, где не были организованы охранные отделения, ГЖУ продолжали выполнять свои прежние обязанности в полном объеме.

Полковник Мартынов, отмечая положительные и отрицательные моменты своей службы в корпусе жандармов, касаясь деятельности ГЖУ, писал: «Конечно, всему делу вредила "военная" организация политического

розыска. Получалась двойственность в заведовании этим делом: личный состав руководящих особ в политическом розыске поставлял Штаб Отдельного корпуса жандармов, а руководил розыском Департамент полиции. Последний, путем переписки, личных и письменных сношений, иногда понимал, что такой-то жандармский офицер вполне пригоден для занятия должности начальника губернского жандармского управления, что он интересуется делом розыска, понимает и разбирается в революционном движении. Тогда Департамент полиции стремился к тому, чтобы этот офицер вне очереди, не по старшинству, получил должность начальника ГЖУ»¹⁹.

Но не всегда Департамент мог это сделать. И одной из причин создания розыскных пунктов было желание усилить политическую полицию, так как к этому времени на фоне нарастающего революционного движения была видна несостоятельность многих ГЖУ.

С момента создания столичных ГЖУ при них были организованы жандармские кавалерийские дивизионы. Позднее (в 1900 г.) был создан Варшавский дивизион, который подчинялся помощнику варшавского генерал-губернатора по полицейской части. Все три дивизиона закончили свое существование и 1917 г. Рядовой состав дивизиона набирался из новобранцев после тщательной проверки на благонадежность. Были также общие указания относительно нежелательности зачисления в дивизионы жителей больших фабричных районов²⁰.

Главным назначением дивизионов было несение патрульной службы и борьба с волнениями. Каждый дивизион состоял из двух эскадронов, хозяйственной части, канцелярии, казначейской и учебной частей. Численность дивизиона вместе с офицерами

С. 114 и нестроевым составом практически не превышала 500 человек.

Штат дивизиона (Петербурга, канун 1917 г.) состоял из: командира дивизиона (в чине генерал-майора); командира 1-го эскадрона; командира 2-го эскадрона; заведующего хозяйственной частью; по штату было 3 ротмистра; 5 штаб-ротмистров; 16 поручиков и корнетов; один врач; один ветеринарный врач; 2 вахмистра; 50 унтер-офицеров; 348 рядовых; 50 безоружных рядовых; 4 трубача; 24 человека нестроевых. В дивизионе насчитывалось более 300 лошадей, из них офицерских — 25, строевых — 281, рабочих — 821.

Бывший начальник Московского охранного отделения Мартынов, начинавший службу в корпусе жандармов с офицера Московского жандармского дивизиона, вспоминал, что столичные дивизионы являлись «как бы парадным придатком к полицейской организации обеих столиц —

Петербурга и Москвы — и Варшавы. Командование этими дивизионами было чистейшей синекурой и являлось одной из самых завидных должностей в корпусе»²².

Офицеры, занимавшие должности адъютантов, казначеев, заведующих хозяйственной частью, являлись «аристократией части», вновь поступающие в дивизию офицеры несли на себе всю службу, которая «...в мое, по крайней мере, время (1898. — З.П.), — пишет Мартынов, — была совсем не обременительна»²³.

Вряд ли можно согласиться с Мартыновым. Из истории революционного движения хорошо известна роль конной жандармерии в подавлении массовых выступлений.

Помимо столичных дивизионов в составе корпуса жандармов, находились жандармские команды. Их подчинение было разным, в зависимости от положения и обстоятельств. Как правило, они подчинялись ГЖУ. В октябре 1916 г. в России было три жандармских команды. Одесская городская конная жандармская команда, находившаяся в подчинении начальника жандармского управления Одессы. Это была самая малочисленная команда, штат которой составлял 52 человека, начальник команды был в чине ротмистра, в составе команды были 2 вахмистра, 11 унтер-офицеров, 38 рядовых, один писарь.

Две другие команды были на Сахалине и Камчатке. Они подчинялись начальнику жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги.

Камчатская команда была расположена в г. Петропавловске, в ее составе было 130 человек.

Сахалинская пешая жандармская команда насчитывала 395 человек. Она находилась на о. Сахалине (пост Александровск)²⁴.

С. 115 Жандармско-полицейские управления железных дорог имеют свою историю. При строительстве первых железных дорог в 40-х годах XIX в. полицейский надзор на них осуществлялся жандармскими эскадронами и командами, находившимися в непосредственном подчинении министра путей сообщения. В 60-х годах жандармские эскадроны и команды были преобразованы в управления. Положение о первых жандармско-полицейских управлениях было утверждено 27 июля 1861 г., оно называлось «Положение о полицейских управлениях С.-Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорог»²⁵. Согласно этому Положению, на ЖПУ ж.д. возлагались функции наблюдения за точным исполнением рабочими и подрядчиками их взаимных обязанностей, обеспечение сохранности и порядка на

железнодорожных станциях, охранение внешнего порядка, «благочиния и общественной безопасности» в районе действия ЖПУ ж.д.

ЖПУ ж.д. подчинялись Министерству путей сообщения через инспекторов соответствующих дорог. В декабре 1866 г. в связи с законом «Об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог»²⁶ все полицейские управления были изъяты из ведения МПС и полностью подчинены шефу жандармов... С этого момента они и стали называться Жандармско-полицейскими управлениями железных дорог. В первых числах января 1867 г. последовал соответствующий приказ (№ 6) по корпусу жандармов. Права и обязанности ЖПУ ж.д. были расширены. Они должны были исполнять обязанности общей полиции, пользуясь всеми присвоенными ей правами. Район действия ЖПУ ж.д. простирался на нее пространство, отчужденное под железные дороги на все находившиеся на этой полосе постройки и сооружения²⁷. Таким образом, в ведении каждого управления находился участок дороги протяженностью 2000 верст. Кроме того, это расстояние делилось на участки по 200 верст каждый, находившиеся в ведении отделений. В связи с развитием железных дорог ЖПУ становились самыми крупными подразделениями Корпуса жандармов. По численности личного состава они превосходили все остальные части Корпуса вместе взятые.

К 1917 г. таких отделений было более 300. Во главе ЖПУ ж.д. стояли начальники на правах командиров полков в чине генерал-майоров или полковников, назначались они приказами по Отдельному корпусу жандармов. Законом от 19 мая 1871 г. был закреплен порядок действия чинов ЖПУ ж.д. по расследованию «преступлений» и «проступков общего характера». Вплоть до 1906 г. они не принимали участия ни в производстве дознаний по государственным преступлениям, ни в политическом розыске и наблюдении. Революционные выступления в

С. 116 1905 г., активная роль, которую сыграли железнодорожники в придании Октябрьской стачке всероссийского, всеобщего характера, заставили правительство принять срочные меры и привлечь ЖПУ ж.д. к борьбе с революционными выступлениями. На чинов ЖПУ ж.д. приказом по Отдельному корпусу жандармов от 28 июля 1906 г. № 14528 были возложены обязанности производства дознаний о всех «преступных действиях» политического характера, «совершенных в полосе отчуждения железных дорог». При производстве дознаний начальники отделений подчинялись начальникам местных ГЖУ. В результате ЖПУ ж.д. стали выполнять функции политической полиции. На железных дорогах был создан также секретно агентурный надзор, что обязывало ЖПУ ж.д. иметь

собственную секретную агентуру²⁹.

К 1917 г. в России насчитывалось 75 губернских и областных жандармских управлений, 33 жандармско-полицейских управления железных дорог, в состав которых входило 322 жандармских отделения: 3 дивизиона, 1 конная жандармская команда, 2 пеших жандармских команды, 2 портовых и 21 крепостная жандармская команда. Общая численность Жандармского корпуса на октябрь 1916 г. достигала 14667 человек. По списку проходило 8 генералов и 28 генерал-лейтенантов, из них 28 чел. уже не занимали должностей в Отдельном корпусе жандармов, а часть их находилась в действующей армии (например, Джунковский)³⁰.

§ 2. Охранные отделения и розыскные пункты

Главным звеном политического сыска России с начала XX в. становятся охранные отделения и специальные розыскные пункты^{30а}.

Первое охрannое отделение было создано в 1866 г. при канцелярии петербургского градоначальника, оно называлось «Отделение по охранению порядка и спокойствия в столице» Вторым охранным отделением было Московское, созданное 1 ноября 1880 г. по распоряжению министра внутренних дел Лорис-Меликова. Оно называлось «Секретно-розыскное отделение при канцелярии Московского обер-полицмейстера» Опыт работы этих отделений предполагалось продолжить при создании в 1882 г. секретной полиции.

3 декабря 1882 г. в Гатчине Александр III утвердил Положение «Об устройстве секретной полиции в Империи»³¹, которое предусматривало создание в крупных городах России охранных отделений. В одном из пунктов «Положения» говорилось, что «могут быть учреждаемы ... особые розыскные отделения С. 117 в составе жандармских управлений или в ведомстве общей полиции по образцу существующих в столицах отделений по охранению общественного порядка и спокойствия»³².

В штат этих учреждений могли командироваться как офицеры Корпуса жандармов, так и гражданские чиновники. Последние, чтобы придать им права государственных служб, могли причисляться или к Департаменту полиции, или к управлению общей полиции. «За штат несет ответственность заведующий государственной полицией», — указывалось в Положении. Однако, в §5 этого Положения говорилось: «Ближайшее руководство деятельностью учреждений секретной полиции, в видах единообразного направления, производимых розысков, принадлежит особому инспектору секретной полиции», назначенному товарищем министра, заведующим государственной полицией. Там же указывалось: «Инспектор секретной полиции действует по особой, преподанной ему

заведующим государственной полицией, инструкции»³³.

На должность инспектора назначается Г.П. Судейкин. Как пишет Ф.М. Лурье, изучавший карьеру последнего, должность инспектора столичной секретной полиции была создана специально для Судейкина, отличившегося при разгроме народнических кружков в 1879 г.³⁴

В марте 1881 г. он был рекомендован Александру III военным прокурором В.С. Стрельниковым.

Назначенный на должность инспектора секретной полиции и не дожидаясь «особой, преподанной ему заведующим государственной полицией инструкции», он подготовил циркуляр с изложением своих взглядов и методики сыска, который предполагал проводить в жизнь. В циркуляре говорилось: «1) Возбуждать с помощью особых активных агентов ссоры и распри между различными революционными группами. 2) Распространять ложные слухи, удручающие и терроризирующие революционную среду. 3) Передавать через тех же агентов, а иногда с помощью приглашений в полицию кратковременных арестов обвинения наиболее опасных революционеров в шпионстве, вместе с тем дискредитировать революционные прокламации и разные органы печати, придавая им значение агентурной, провокационной работы»³⁵.

Это были чисто провокационные методы, которые взял затем на вооружение Рачковский и которые порой допускал Департамент полиции.

В январе 1883 г. была разработана «Инструкция инспектору секретной полиции», утвержденная товарищем министра внутренних дел П.В. Оржевским 29 января 1883 г. В ней повторялся пункт Положения «О руководстве деятельностью секретной полиции». В Инструкции указывалось: «Инспектор

С. 118 секретной полиции, впредь до дальнейших распоряжений участвует в розыскной по государственным преступлениям деятельности нижеследующих учреждений, заведующих в настоящее время предметами ведомства секретной полиции: а) Отделений по охранению общественного порядка и безопасности при управлении С.-Петербургского и Московского обер-полицмейстеров и б) жандармских управлений: Губернских — Московского, Харьковского, Киевского, Херсонского и Городского—в Одессе». Начальники этих подразделений «обязаны сообщать инспектору секретной полиции, по его требованию, сведения, как об организации, личном составе... состоящих в их заведовании агентур, так равно и о ходе розысков». Предполагалось, что все эти сообщения должны делаться «устно»³⁶.

В силу данных ему полномочий инспектор имел право «а) вступать в

непосредственное заведование местными агентурами, б) передвигать часть их личного состава из одной местности в другую подведомственного ему района и в) участвовать в решении вопроса об отпуске на расходы по сим агентурам денежных средств». В случае необходимости он мог командировать в вверенные ему районы агентов из «смежной местности». Кроме того, он имел право требовать от руководителей районов «поименованных» выше, чтобы они «в течение известного времени без соглашения с ним не производили ни обысков, ни арестов, ни вообще гласных следственных действий»³⁷.

Однако, намеченные в Положении меры реализованы не были. 16 декабря 1883 г. Судейкин был убит завербованным им агентом С.П. Дегаевым, членом военного центра «Народной воли». Его должность осталась не замещенной, а новые охранные отделения в этот период созданы не были.

Третье охранные отделение было организовано в 1900 г. в Варшаве. Первоначально оно называлось «Отделение по охранению порядка и общественной безопасности в Варшаве»³⁸. В августе 1902 г. в районах наибольшего развития революционного движения создаются розыскные отделения (пункты): в Вильно, Екатеринославе, Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе, Харькове³⁹. В течение октября 1902 г. создаются еще три отделения: в Перми, Симферополе (Таврическое), Нижнем Новгороде⁴⁰. 13 августа директор Департамента Лопухин в циркулярном письме начальникам ГЖУ мотивировал создание новых структур тем, что за последние годы шло развитие кружков, занимающихся пропагандой социал-демократических идей в рабочей среде, брожение среди учащейся молодежи и «...наконец, возникновение революционных организаций, задавшихся целью перенести преступную пропаганду в среду сельского населения для подстрекательства крестьян к устройству аграрных беспорядков»⁴¹.

С. 119

На эти учреждения возлагалась обязанность осуществления политического розыска на вверенной им территории, ведения наружного наблюдения и руководства секретной агентурой. В Положении о начальниках розыскных отделений, утвержденном днем ранее (12 августа 1902 г.) министром внутренних дел П.К. Плеве, указывалось: «на обязанности начальников отделений лежит приобретение секретных агентов, руководство их деятельностью, а также выбор и обучение наблюдательных агентов»⁴². В том же году циркулярно рассылается «Свод правил» для начальников охранных отделений. В них говорилось, что

задачей этих отделений является розыск по политическим делам, который производится через секретную агентуру и филерское наблюдение. В обязанность начальников розыскных отделений вменялась вербовка внутренней агентуры. Они должны были хорошо знать историю революционного движения, следить за революционной литературой, а также, по возможности, знакомить с ней своих секретных сотрудников, развивая в последних «сознательное отношение к делу службы»⁴³.

В 1904 г. было разработано «Временное положение об охранных отделениях», в §8 которого говорилось: «Главнейшей обязанностью начальников отделений, в целях наилучшего обеспечения их служебной осведомленности, является приобретение секретных агентов и руководство таковыми, причем особое внимание должно быть обращено на то, чтобы они ни в коем случае не устраивали сами государственных преступлений»⁴⁴. В том же Положении говорилось о подчиненности, штатах, работе канцелярий, взаимоотношениях с губернскими жандармскими управлениями, порядке обысков, арестов, производстве дознаний, порядке предоставления документов.

Начальники розыскных охранных отделений подчинялись непосредственно Департаменту полиции, который давал общее направление деятельности, распоряжался личным составом отделений.

Впоследствии часть розыскных отделений была переименована в охранные отделения⁴⁵. Это переименование не было связано с изменением их функций. В переписке, предшествовавшей переименованию, указывалось, что начальников розыскных отделений такое название «шокирует... и создает для них, как и для самих учреждений, некоторые неудобства»⁴⁶. Однако, этот термин продолжает жить. Некоторые из созданных розыскных пунктов и охранных отделений быстро ликвидируются. Созданные «циркулярно», не законодательным путем, они то исчезали, то появлялись в зависимости от политического положения в районе их деятельности.

Создание сети новых охранных отделений произошло во многом в результате настойчивости и инициативы, проявленных С. 120 начальником Московского охранного отделения, затем заведующего Особым отделом Департамента полиции Зубатова. Однако, скорая его отставка осенью 1903 г. помешала ему реализовать свои планы в полном объеме.

По мере роста числа охранных отделений возникают и усиливаются соперничество, разногласия и даже вражда между губернскими жандармскими управлениями и охранными отделениями. В своих циркулярах Департамент неоднократно призывает к «взаимопомощи» этих

учреждений, обмену сведениями. Конфликтные ситуации возникали из-за того, что хотя функции ГЖУ и охранных отделений были разделены, в действительности, розыскная деятельность (за которую отвечали охранные отделения) и деятельность наблюдательная, а также проведение дознаний (которыми занимались ГЖУ) тесно переплетались. На практике отделить одно от другого порой было невозможно. Те руководители охранных отделений, которые проходили по штабу корпуса жандармов, в строевом отношении были подчинены начальнику ГЖУ. Последний, как правило, был в чине полковника или генерал-майора. Но в служебном отношении, ему порой приходилось подчиняться младшему по чину начальнику охранного отделения.

В циркулярах и инструкциях указывалось, что критерием успешной деятельности охранного отделения является не количество произведенных ими ликвидаций, а число предупрежденных преступлений и процентное отношение количества арестов к количеству дел, переданных в суд. Все агентурные разработки охранных отделений, как и жандармских управлений, должны были сообщаться Департаменту полиции.

С каждым годом число охранных отделений увеличивалось, в феврале 1907 г. их функционировало уже 25 (сноска 47), в декабре было 27. Созданы были Красноярское, Иркутское, Рижское охранные отделения⁴⁸. Но и этого оказывалось недостаточно. Под руководством Департамента полиции в 1906 — 1907 гг. проводится работа по созданию новых охранных отделений, розыскных частей, расширяется вся сеть учреждений политической розыска.

9 февраля 1907 г. Столыпиным утверждается «Положение об охранных отделениях»⁴⁹. Оно состояло из 45 пунктов. В Положении подробно расписывались подчиненность охранных отделений, порядок назначения руководящего состава, особо указывалось, что секретные сотрудники «не могут быть допускаемы к занятию должностей в охранных отделениях». В Положении вошли и пункты, касающиеся взаимоотношений с ЖУ, обмена информацией между охранными отделениями Жандармские и полицейские органы, получая сведения, относящиеся к роду деятельности охранных отделений, должны

С. 121 были сообщать их охранному отделению для разработки, обысков, выемок и арестов, которые не могли производиться без ведома начальника охранного отделения. В свою очередь, начальники охранных отделений должны были осведомлять ГЖУ об обстоятельствах, интересующих последних в процессе производимых ими дознаний. Агентурные сведения, имеющие значение для других районов, сообщались

охранными отделениями в Департамент полиции и соответствующим охранным отделениям и жандармским управлениям.

Начальники охранных отделений при получении сведений от секретной агентуры должны были тщательно проверять их и основательно разрабатывать наружным наблюдением, они должны были работать с агентурой и направлять ее и наружное наблюдение (филеров). Рекомендовалось, чтобы попутно с расследованием обстоятельств дела выяснялись и отмечались те факты, которые в дальнейшем при ликвидации или формальном расследовании могли быть установлены как улики.

В Положении указывалось, что и в «интересах розыска начальники охранных отделений, кроме данных агентуры и наблюдения, пользуются всеми имеющимися в ГЖУ сведениями и с их разрешения могут обозревать дела (в порядке положения 1035 ст. Устава Уголовного судопроизводства, Положения об охране и по негласному розыску)». Все получаемые сведения рекомендуется тщательно проверять и «основательно» подтверждать наружным наблюдением. Особо оговаривалось, что розыскные органы должны руководить секретной агентурой, а не наоборот.

Наряду с охранными отделениями в 1906—1907 гг. в ряде городов создаются более мелкие подразделения — охранные пункты. Прежде всего они организуются в местах, отдаленных от центра, там где в этот период наблюдается рост «боевых» настроений среди населения. Первые охранные пункты были учреждены: в Благовещенске, Хабаровске, Никольск-Уссурийске, Пензе, Гомеле, Ковно, Владикавказе, Батуми, Екатеринодаре, Житомире, Костроме, Полтаве, Курске, Минске, Витебске, Либаве. Они создавались циркулярами с большой легкостью и также быстро ликвидировались. Одновременно с работой по укреплению и созданию охранных пунктов, по предложению Трусевича, согласно его докладной записке, в системе политического сыска создаются совершенно новые учреждения — Районные охранные отделения.

§ 3. Районные охранные отделения (РОО)

14 декабря 1906 г. Столыпин утверждает специальное Положение о Районных охранных отделениях⁵⁰. Создавались они С. 122 в «целях успешной борьбы с революционным движением, выражающимся в целом ряде непрерывно продолжающихся террористических актов, аграрных беспорядков, усиленной пропаганды среди крестьян, в войсках и во флоте»⁵¹. Положением о РОО на них возлагалась задача объединения всех функционирующих в пределах района (охватывающего несколько губерний) органов политического розыска. Введение РОО, с одной

стороны, децентрализовало систему политического розыска, с другой стороны, по мысли их создателей, должно было централизовать и направить эту деятельность в определенном регионе. Большое внимание придавалось знанию обстановки на местах, принятию быстрых решений, дружной совместной работе охранных отделений и жандармских управлений, «чтобы деятельность носила более живой и планомерный характер». В одной из записок в 1913 г. директор Департамента полиции назвал РОО «филиальным отделением» Департамента полиции.

Примечательно, что Районные отделения организовывались так, чтобы сфера их деятельности совпадала (или почти совпадала) с районами действия окружных партийных комитетов РСДРП и других революционных партий. Иначе говоря, это была попытка согласовать географические границы деятельности политической полиции с соответствующей территорией революционных организаций — областных и окружных партийных комитетов.

В циркуляре № 207 от 8 января 1907 г. за подписью Столыпина о создании Районных охранных отделений говорилось: «В видах усиления деятельности органов власти, ведающих розыском по делам о государственных преступлениях, мною признано необходимым существенно изменить постановку политического расследования и создать в Империи несколько центральных розыскных учреждений, предоставив им сосредоточение в своих руках данных агентурного и наружного наблюдения по крупным административным районам, и руководство работой местных учреждений, причем объединяющим и направляющим центром явится, по-прежнему, Департамент полиции»⁵².

Первоначально было создано 8 РОО:

1. Северное — Петербург (губернии — Петербургская, Лифляндская, Псковская, Эстляндская, Новгородская, Олонецкая).

2. Центральное — Москва (губернии — Московская, Тверская, Ярославская, Вологодская, Архангельская, Костромская, Калужская, Тульская, Орловская, Владимирская, Рязанская, Нижний Новгород, в 1909 г. присоединилась Смоленская губ.).

3. Поволжское — Самара (губернии — Самарская, Пермская, Вятская, Казанская, Сибирская, Уфимская, Саратовская, С. 123 Оренбургская, Астраханская, Пензенская, Уральская обл.).

4. Юго-Восточное — Харьков (губернии — Харьковская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Донская обл., Черноморская обл., Екатеринославская губ.).

5. Юго-Западное — Киев (губернии — Киевская, Черниговская,

Полтавская, Подольская, Волынская).

6. Южное — Одесса (губернии — Херсонская, Таврическая, Бессарабская и все побережье Черного моря).

7. Северо-Западное — Вильно (губернии — Вильненская, Ковенская, Гродненская, Могилевская, Минская, Витебская, Смоленская).

8. Прибалтийское — (Рига, Лифляндия, Курляндия)⁵³. -Позднее были учреждены Туркестанское, Кавказское, Примисленское, Пермское, Севастопольское, Сибирское (из которого впоследствии было создано Восточно-Сибирское с центром в Иркутске и Западно-Сибирское с центром в Томске)⁵⁴.

Во главе Районных охранных отделений стояли начальники. В некоторых губерниях должность начальника местного охранного отделения совмещалась с должностью начальника РОО. Так было в Москве, Петербурге, Киеве, Харькове, Одессе, Вильно, Риге, Самаре⁵⁵. Начальники местных охранных отделений непосредственно подчинялись начальнику РОО. Губернские, уездные ЖУ и ЖПУ ж.д. в вопросах розыска должны были руководствоваться указаниями начальника РОО.

Основной задачей РОО являлись организация внутренней агентуры для «разработки» всех местных партийных организаций и руководство деятельностью агентуры и розыска в границах района. С этой целью начальники РОО имели право созывать совещания офицеров, непосредственно ведущих политический розыск. Они также должны были информировать высшие розыскные учреждения о положении дел в революционном движении в районе, помогать в деле политического розыска соответствующим учреждениям других районов. Требования начальника РОО о производстве обысков и арестов были обязательными для железнодорожных управлений, охранных отделений и органов общей полиции. Офицеры РОО могли пользоваться всеми следственными и агентурными материалами жандармских управлений и охранных отделений. В случае необходимости им должны были быть известны и секретные сотрудники — агенты, находящиеся в ведении того или иного офицера жандармского управления и охранного отделения.

Охранные отделения и ГЖУ должны были представлять в РОО все агентурные сведения, по которым в РОО составлялись общие обзоры и сведения для Департамента полиции.

С. 124 Если агентурные сведения касались не только района, но и других областей России, охранные отделения и жандармские управления должны были их сообщать одновременно и району, и в Департамент полиции⁵⁶. РОО призваны были не заменить местные органы, а направлять

их деятельность. В то же время они не должны были подменять Департамент полиции, обеспечивая лишь более оперативное ведение розыскного дела.

В основном начальниками РОО назначались молодые офицеры, прошедшие подготовку в деле политического розыска. Было очевидно, что эти назначения не вызовут энтузиазма у старых кадров — начальников ГЖУ и ЖПУ ж.д. И почти каждому начальнику ГЖУ из Департамента полиции шло письмо с личным обращением за подписью Трусевича. Как бы оправдывая свои действия, директор писал: «В силу особых условий последнего времени и постепенного усовершенствования розыскного дела события выдвинули из подведомственных Департаменту учреждений целый ряд лиц, которые специализировавшись в своих обязанностях, сделали ныне в силу обстоятельств, а отчасти и личных своих качеств, несомненно наиболее сведущими и опытными в сфере розыска и потому призваны теперь к занятию должностей начальников районных охранных отделений, не взирая на некоторое, быть может, несоответствие их чинов этому служебному положению. Однако же серьезность переживаемого государством исторического момента, когда наряду с заботами высшего правительства об упорядочении государственного и общественного строя, республиканские и оппозиционные элементы непрерывно ведут отчаянную по замыслу и приемам борьбу в видах разрушения существующих порядков, не допуская возможности ставить успех дела в зависимость от одного соответствия служебного положения отдельных представителей власти с существом возлагаемых на них прав и обязанностей, поэтому каждое преданное престолу и отечеству правительственное лицо должно забыть свои вытекающие из табели о рангах преимущества в тех случаях, когда существеннейшие интересы России вызывают необходимость принимать к руководству указания служебного опыта лиц, хотя и ниже стоящих в чинах, но специально подготовленных в данном деле. Рутинная и споры из-за формальных условий дела ныне неуместны и должны уступить место живой работе и простору для способностей и энергии»⁵⁷.

Извещая местные власти о создании РОО, Департамент предупреждал, что эти сведения должны быть использованы «исключительно для личного сообщения» и должны «сохраняться в безусловной тайне»⁵⁸. В феврале 1907 г. в РОО были направлены Положения об охранных отделениях, Районных С.125 охранных отделениях, инструкции по организации наружного наблюдения, инструкции филерам, материалы о фотографировании лиц, инструкции по организации и ведению внутреннего секретного наблюдения и предписывалось «немедленно с

получением настоящего приложения» приступить к работе⁵⁹.

В период 1908—1910 гг. рядом циркуляров проводилось перераспределение уездов и отдельных местностей, входивших и РОО. В циркуляре за 1910 г. указывалось: «При введении районных охранных отделений распределение губерний между ними были приурочено» к тогдашнему делению областей, принятому революционными организациями, в настоящее же время это не отвечает создавшемуся положению⁶⁰. Соответственно шло и перераспределение областей. В циркуляре от 5 мая 1909 г. сообщалось, что в интересах розыска Поволжское (Самарское) районное охранное отделение перенесено из Самары в Саратов, причем Саратовское (городское) охранное отделение упраздняется, а должность начальника этого отделения переименовывается в помощника начальника Поволжского (Саратовского) районного охранного отделения⁶¹. Однако, Самара не осталась без надзора и через два месяца в июле 1909 г. был издан циркуляр «Об учреждении Самарского розыскного пункта» в интересах политического сыска⁶².

Деятельности районных охранных отделений придавал большое значение товарищ министра внутренних дел Курлов. Часто по его личному распоряжению происходило перераспределение местностей, входящих в состав РОО.

В циркуляре от 30 июля 1909 г. за № 134116, подписанном только что назначенным на должность директора Департамента Н.П. Зуевым, говорилось: «Ввиду необходимости наибольшего объединения политического розыска на Крымском полуострове товарищ министра внутренних дел генерал-майор Курлов приказал Таврическую губернию изъять из ведения Одесского Районного охранного отделения и передать в Севастопольское охранное отделение. Вследствие настоящего распоряжения Таврическое ГЖУ, Мелитопольское, Севастопольское, Феодосийское охранные отделения, Харьковское ЖПУ ж.д., Бердянское охранное отделение, Екатерининское ЖПУ ж.д. в розыском отношении по делам политического характера подчиняются начальнику Севастопольского охранного отделения»⁶³.

На первом этапе своей деятельности РОО сыграли немалую роль в разгроме партийных организаций, партийных комитетов, координации деятельности сыскных служб на местах. Их успехи подняли престиж розыскной деятельности среди властей, создали иллюзию возможного разгрома революционных организаций. Их создание, особенно на первых порах, облегчало С. 126 деятельность Департамента полиции, так как появились учреждения, способные к более быстрым и оперативным

действиям.

Однако возникли и сложности. По мере роста вмешательства РОО в деятельность местных полицейских властей, их взаимоотношения с работниками ГЖУ стали осложняться. Не помогали и периодически издаваемые Департаментом циркуляры с напоминанием о необходимости совместных усилий в борьбе с силами революции и обязательной взаимной информации. Чиновники РОО порой не проявляли тактичности в отношении своих губернских коллег. Жалобы и недовольство часто приводили к конфликтам и кляузам, которыми приходилось заниматься Департаменту полиции. Циркуляром от 13 июня 1909 г. Департамент предписывал: «... вновь настоятельно напоминаем командируемым на места офицерам и чиновникам районных охранных отделений, что они не являются инспекторами местных органов, а лишь инструкторами, обязанными всеми мерами способствовать правильной постановке политического розыска в слабых местах районов, почему и обязуются не только констатировать замеченные упущения, но и исправлять их по мере возможности немедленно, во всяком случае указывая совершенно точно и определенно, что нужно сделать, и показывая, как именно выполнить предъявляемое требование...»⁶⁵

Периодически чиновники Департамента полиции проводили инспекции и ревизии новых учреждений. Иногда это были высокопоставленные чиновники в чине вице-директора (Виссарионов) или заведующие Особым отделом. Материалы ревизий сохранились в Особом отделе. Как правило, проверяющий знакомился с личным составом, с каждым секретным сотрудником в отдельности. Он также интересовался взаимоотношениями в коллективе. Одновременно он проверял ведение делопроизводства, денежную отчетность.

В отчетах подобного рода содержалась как общая оценка работы подразделения, так и его руководителя.

С 1909 г. деятельность РОО ослабевает, что было связано в значительной мере с затишьем в деятельности революционных организаций. Циркуляры Департамента полиции, направляемые в РОО, становятся все более суровыми. Департамент явно недоволен. Однако, несмотря на указания Департамента, начальники РОО по-прежнему сплошь и рядом превышают свои полномочия, чем вызывают еще большие нарекания ⁶⁶. Департамент полиции настаивает на том, чтобы офицеры РОО больше работали с кадрами, обучали их «азам практической работы». Заведующим РОО ставилось в вину, что они не знакомят лиц, занимающихся политическим розыском, с «основами С. 127 ведения

внутренней. агентуры», в связи с чем наблюдается единообразие в приемах розыска. Указывалось, что те циркуляры, которые посылает Департамент полиции начальникам РОО, предназначаются «исключительно для личного руководства и для того, чтобы служить конспектом при разъяснении оснований ведения внутренней агентуры лицам, стоящим во а главе розыска»⁶⁷, а не для издания их на основе циркуляров РОО. Издание «циркуляров есть прерогатива Департамента».

В феврале 1911 г. Департамент издает новый циркуляр, в котором вновь требует более частого и личного общения чинов РОО с представителями розыска на местах ⁶⁸. Недовольство ими вызывалось и тем, что в условиях нового революционного подъема они не смогли предотвратить роста влияния находившихся в подполье революционных организаций. С назначением в январе 1913 г. Джунковского товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией встает вопрос о целесообразности существования как охранных отделений, так и РОО. К этому времени Департамент полиции начал упразднять охранные отделения в тех местностях, «где в таковых не имелось острой необходимости за подавлением революционного движения». Таким образом было ликвидировано девять охранных отделений (Выборгское, Житомирское, Казанское, Кишиневское, Красноярское, Полтавское, Симферопольское, Уфимское, Читинское). Восемь охранных отделений были объединены с ГЖУ. Объединение происходило в тех губерниях, где начальник ГЖУ был достаточно подготовлен в деле розыска. Проводя эти мероприятия, Департамент полиции обосновывал их «государственной пользой», однако, как считали некоторые чины полиции, Департамент не находил «иного выхода из создавшегося положения», когда между ГЖУ и охранным отделением начинались явно «ненормальные» отношения ⁶⁹. В воспоминаниях, написанных уже после Октябрьской революции, Джунковский пишет о своем отношении как к охранным отделения, так и к РОО: «Будучи еще губернатором в Москве, я всегда отрицательно относился к этим, возникшим на моих глазах, районным охранным отделениям, вообще, и, в частности, к таковому Московского центрального района, наблюдая все отрицательные стороны этого новшества.

Так, в Москве, функции РОО возложены были на отделение по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве, т.е. на Охранное отделение г. Москвы. В состав района входил ряд губерний, примыкавших к Московской. Все начальники ГЖУ этих губерний, по делам розыска подчинялись, таким образом, начальнику Охранного отделения в Москве, получая от него все приказания и распоряжения.

Между тем начальником этим при мне был подполковник Мартынов (совсем С. 128 молодой офицер), начальниками же управлений были уже не молодые полковники, генерал-майоры, а в самой Москве почтенный генерал-лейтенант Черкасов, все это были люди, может быть, и не всегда безупречные, но с известным стажем. ...Самолюбие их было задето. ...В бытность мною в Нижнем, я окончательно в этом убедился, и не мог не обратить внимания на ненормальность существования самостоятельного Охранного отделения рядом с ГЖУ, ведавшим, по закону, розыском... Это отделение не вызывалось никакой необходимостью, тем более, что находившееся там Жандармское управление было прекрасно поставлено... Все эти районные и самостоятельные Охранные отделения были только рассадниками провокации; та небольшая польза, которую они, быть может, смогли бы принести, совершенно затушевывалась тем колоссальным вредом, который они сеяли в течение этих нескольких лет»⁷⁰.

15 мая 1913 г. за подписью Джунковского был издан циркуляр, которым «совершенно секретно», «срочно», начальники Бакинского, Екатеринославского, Киевского, Нижегородского, Петроковского, Тифлисского, Херсонского и Ярославского ГЖУ, Донского и Севастопольского областных жандармских управлений извещались о ликвидации охранных отделений в их губерниях. В циркуляре указывалось: «Обсудив положение постановки розыска в текущий момент, в связи с проявлениями революционного движения в Империи и принимая во внимание, что охранные отделения, кроме учрежденных в законодательном порядке (имеются в виду Петербургское, Московское, Варшавское. — З.П.) рассматривались, как учреждения временные, я признал целесообразным, в видах достижения единообразия организации розыскного дела и руководства им, влить и оставшиеся самостоятельные охранные отделения в составы местных Губернских жандармских управлений». Все начальники ликвидированных охранных отделений становились руководителями вновь созданных розыскных частей ГЖУ.

Во второй части циркуляра Джунковский обращался к начальникам ГЖУ, в ведение которых поступают бывшие руководители и сотрудники охранных отделений: «... на Вас, кроме обязанностей, вытекавших из деятельности Вашей по должности начальника Управления до сего времени, возложены еще более серьезные обязанности руководить, под личной Вашей ответственностью, при помощи заведующего розыском при Управлении офицера, делом розыска по всей территории, обслуживаемой Управлением. Но такое увеличение Ваших обязанностей компенсируется тем облегчением, которое Вы получите в своей работе при своевременном

получении сведений, сосредоточение разработки которых в одном учреждении несомненно упростит и ускорит это дело, успех которого зависит С. 129 главным образом от быстрой интенсивной разработки... При этом считаю необходимым указать, что объединение в Вашем лице деятельности обоих учреждений не должно рассматриваться как унижение служебного достоинства начальника упраздняемого охранного отделения, ибо установление такого порядка... вызывается не другими какими-либо соображениями, как только интересами важнейших для чинов Отдельного корпуса жандармов обязанностей, путем улучшения условий ведения розыскного дела»⁷¹.

Вслед за ликвидацией охранных отделений Джунковский приступает к подготовке мер по упразднению Районных охранных отделений. По его заданию директор Департамента Белецкий собирает сведения о деятельности РОО и составляет большую записку, в которой указывает, что за 6 лет существования РОО, на их работу тратится ежегодно огромная сумма денег, а центральной агентуры как не было, так и нет ⁷². 22 февраля 1914 г. все РОО были упразднены, остались лишь: Туркестанское, Кавказское, Восточносибирское. 19 июля 1914 г. были ликвидированы Кавказское и Восточно-Сибирское РОО ⁷³. Остальные действовали до 1917 г. Все дела ликвидированных учреждений были переданы «по принадлежности» в местные губернские жандармские управления, а для ведения розыска встал вопрос о составлении новых правил и инструкций.

С ликвидацией охранных и районных отделений центральным звеном политического сыска на местах в большинстве губерний вновь становятся, как и ранее (до 1902 г.), ГЖУ.

§ 4. Регистрационные бюро

Наряду с рассмотренными органами политического сыска на местах, в годы революции 1905—1907 гг. в структуре местных охранных отделений все чаще начинают действовать временные подразделения, в задачу которых входило обеспечение личной безопасности «высочайших особ» в местах временного их пребывания, отдыха, торжеств, международных встреч. В обязанность отделений входили проверка жителей по пути «высочайшего поезда и проживания», выяснение их благонадежности, проверка лиц, приезжающих в эту местность. Постоянно получаемые сведения о подготовке террористических актов против Николая II, появление в крупных городах России и особенно в Москве и Петербурге большого количества сфабрикованных видов на жительство, заставляли местные власти усилить контроль за населением и особенно за приезжающими в город лицами.

С. 130 По инициативе петербургского генерал-губернатора Трепова и петербургского градоначальника Н.А. Дедюлина при Петербургском охранном отделении в 1905 г. был организован «особый отдел» для наблюдения за лицами, приезжавшими в столицу. Отдел просуществовал до середины 1906 г. Похожее учреждение было создано в 1907 г. в Москве. Оно было образовано при Московском охранном отделении и вело наблюдение за приезжавшими. В ходе этой работы были обнаружены не только подложные паспорта, но и оружие, взрывчатые вещества.

Хотя эти подразделения просуществовали недолго, их работа признавалась полезной и необходимой, особенно для дворцовых городов⁷⁴. Впоследствии они были названы «регистрационными бюро».

После революционных событий 1905—1907 гг. Николай II практически не отлучался из Петербурга и Царского Села. Большая поездка с торжественной встречей предстояла лишь летом 1909 г. в связи с 200-летием Полтавской битвы и открытием памятника Петру I.

При подготовке к торжествам товарищ министра внутренних дел Курлов выступил инициатором создания Особого регистрационного бюро при Полтавском охранном отделении на время празднования юбилея. Обосновывая необходимость такого рода структуры, он писал: «Из числа действующих в России революционных организаций наиболее опасной для существующего государственного строя является партия социалистов-революционеров, так как она одним из средств к достижению конечной своей цели ставит убийство государя императора, подготовлением какового акта ныне заняты как представители Боевой организации партии, так и некоторые отдельные из ее среды террористы»⁷⁵.

Представителю Дворцовой охраны полковнику Спиридовичу было поручено разработать Положение об «Особом регистрационном бюро» при Полтавском охранном отделении. В Положении определялись задачи бюро, обязанности заведующего бюро, служащих, занятых непосредственно в бюро, полицейских надзирателей. Положение было утверждено Курловым 31 мая 1909 г.⁷⁶. Высшими чинами полиции деятельность Регистрационного бюро во время пребывания Николая II в Полтаве оценивалась весьма положительно. По примеру Полтавы создаются Регистрационные бюро и в других местностях, куда прибывает царская семья. Организуются они в Севастополе⁷⁷ и Ялте⁷⁸ — местах отдыха императора и его близких, во время поездки в Ригу⁷⁹, в Спале, куда выезжали Романовы на охоту, а также при посещении Варшавы, Киева, Чернигова. Охрана подобного рода использовалась и за рубежом при посещении С. 131 Дармштадта, при поездке в Италию. В этих случаях

привлекалась и местная полиция.

Курлов, сопровождавший императора в его путешествиях, пишет в своих воспоминаниях, что с предлагаемыми им мероприятиями были согласны иностранные коллеги, а «от квестора г. Турина, ведавшего охраной королевского замка Ракониджи, командированные мною лица почерпнули полезные уроки по регистрации населения. Особую предупредительность и внимание мы встретили со стороны германских властей», кроме того очень «благожелательно» было настроено французское правительство»⁸⁰.

Наиболее опасной считалась поездка в Италию. Опасность исходила не только от эсеровской организации, но и со стороны итальянских анархистов, которые были настроены очень воинственно в отношении русского императора.

Постоянно получаемые сведения от заграничной и внутренней агентуры о подготовке террористических актов против императора и великих князей, разоблачение Бурцевым и самими революционными организациями секретной агентуры, лишавшие власти источников информации, побуждали их уделять особое внимание регистрационным бюро, совершенствовать методы их деятельности.

Регистрационные бюро создавались, как правило, в помощь местной полиции, но предназначались специально «для наблюдения и контроля за населением». Перед приездом императора проверялись дома и население местности, особенно по пути следования. Особое внимание уделялось наблюдению за вокзалами, лицами, приезжавшими в гостиницы и меблированные комнаты, частные дома. Для этой работы создавался штат полицейских надзирателей (которые иногда назывались гостиничными агентами) и филеров. В качестве помощников привлекались конторщики, паспортисты, дворники, швейцары.

Создаваемые на короткий срок, регистрационные бюро были теми структурами, где тесно соприкасались интересы политической и общей полиции. В связи с этим в качестве непосредственных исполнителей (так называемых наблюдательных агентов) использовались чины местной общей полиции, а в качестве руководителей, организаторов и распорядителей — чиновники или офицеры, работавшие в политической полиции. Опыт работы, приобретаемый в регистрационном бюро, высоко ценился. Как правило, при организации их в данной местности в последующие годы к работе привлекались лица, которые зарекомендовали себя «ревностной службой» и ответственным отношением к делу.

Заведующим регистрационным бюро назначался офицер Отдельного

корпуса жандармов, который утверждался градоначальником С. 132 по соглашению с директором Департамента полиции. Согласно Положению, он находился в прямом подчинении начальника охранного отделения или розыскного пункта, при котором был создан. Все связи, отчетность, которую он вел и представлял в Департамент полиции, шли через начальника Охранного отделения. Вот что писал, например, в начале 1910 г. начальник Московского охранного отделения П.П.Заварзин о деятельности двух регистрационных бюро, организованных в Москве и работавших последовательно примерно по 20 дней. За этот период было зарегистрировано 71.291 человек, собрано 5.800 справок, установлено 666 лиц политически «скомпрометированных». Он считал результаты деятельности бюро «прекрасными» и полагал, что «подобные учреждения» желательны в таких «крупных центрах как город Москва». «В настоящее время, — полагал он, — когда террористы могут осуществлять свои выступления автономными группами, а агентура, которая, оставаясь могущественнейшим средством при розыскной работе, может совершенно отсутствовать в этой среде, как указала практика подобных важнейших преступлений в прошлом, регистрационное бюро в столице явятся насущной потребностью » 81.

В конце 1910 г. встает вопрос о создании регистрационных бюро не на несколько дней, как практиковалось ранее, а на более длительный срок. Прежде всего, такие бюро должны были создаваться в Москве, Петербурге, Варшаве и других местах «особенного» развития революционного движения. Их создание в столицах мотивировалось необходимостью уже не приезда императора, а возможными действиями террористических групп. Так, в «целях наблюдения» за боевой группой Савинкова 21 декабря 1910 г. Департаментом полиции был разослан циркуляр за № 127653, в котором в виде временной меры предлагалось в Москве и Петербурге создать регистрационные бюро 82. Интересно отметить, что дела по организации этих регистрационных бюро были озаглавлены «Регистрационное бюро в Петербурге в целях наблюдения за боевой группой Савинкова», «Регистрационное бюро в Москве в целях наблюдения за боевой группой Савинкова»83. Особое большое значение придавалось организации регистрационного бюро в Петербурге, район действия которого распространялся на Царское Село, Петергоф, Гатчину. Там была подготовлена «Временная инструкция чинам Регистрационного отдела», включавшая 47 пунктов84, а также специальная подробнейшая «разработка», состоящая из 138 пунктов для работников бюро при проверке паспортов85.

Штаты Регистрационных бюро в разных местностях были разные. Штат Петербургского регистрационного отдела составляли: С. 133 заведующий отделом, его помощник, один письмоводитель, 35 гостиничных агентов (один из них старший) и 4 вольнонаемных писца канцелярии. В своей работе сотрудники Бюро руководствовались подготовленными для них инструкциями и положением, а также распоряжениями Департамента полиции и петербургского градоначальника. Петербург был, разделен на 30 районов, в каждом районе один гостиничный цент. Наблюдение за лицами, прибывающими в столицу и селившимися в гостиницах и меблированных комнатах, было поставлено четко.

В сферу наблюдения в Петербурге входили 118 гостиниц и 106 меблированных комнат. Работу с ними вели гостиничные центры путем наружного наблюдения, проверкой домовых книг, через гостиничную агентуру. Кроме того, велось наблюдение за населением частных квартир и лицами, временно поселявшимися в них и внушающими подозрение домовой администрации. Такие лица проверялись по архиву Охранного отделения. Ежедневно чиновники регистрационного отдела промеряли от 7 до 12 тысяч паспортов. При отделе был создан архив поддельных печатей и виз, оттиски отдельных печатей, обнаруженных в разных местах империи, печати правительственных и общественных учреждений. В обязанность надзирателей входила не только работа по проверке записей, выполненных дворниками при прибытии новых жильцов, они должны были также опрашивать вновь прибывших, и у тех, кто выпивал подозрение, выяснять, кто может удостоверить их личность, последний адрес жительства, они также могли отбирать личные документы для предъявления в участок. Опрос вновь прибывших был важной и ответственной частью их работы, так как на этом основывалась вся дальнейшая система наблюдения. При этом могли быть использованы имеющиеся на них негласные сведения.

Надзиратели результаты своей работы докладывали «районному чиновнику», а те, в свою очередь, офицерам регистрационного бюро, которые вели несколько районов, офицеры — заведующему бюро. Помощник заведующего бюро — одновременно заведовал канцелярией бюро. Это была не менее важная часть работы, поскольку через него проходила проверочная переписка по запросам, регистрация населения по видам проживания.

На всех вокзалах учреждалось непрерывное дежурство полицейских надзирателей и филеров, находившихся в непосредственном ведении полицейских надзирателей, которые, в свою очередь, отбирались из среды

опытных и осведомленных людей политического сыска. Надзиратели не только должны были знать в лицо многих революционных деятелей, проходивших С. 134 по наблюдению, но иметь «навык распознавать революционера на основании специальных особенностей последнего»⁸⁶. Лицам, ведущим наблюдение, напоминали, что необходимо обращать внимание буквально на все: какие газеты читает наблюдаемый, приметы его одежды, «мозолистые» или «выхоленные» у него руки. Указывалось, что наблюдать надо везде: в буфетах, парикмахерских, туалетах, особо обращая внимание на встречи, переодевания, смены костюма и т.д.⁸⁷.

Разработанная для Петербургского регистрационного отдела инструкция подробно охватывала весь круг деятельности его сотрудников и давала рекомендации почти на все возможные ситуации.

Помимо Петербурга и Москвы регистрационные бюро создаются и в ряде других мест, и, в первую очередь, там, где и останавливались высокопоставленные лица, было много приезжих.

В конце декабря 1910 г. в Москве вновь было организовано регистрационное бюро на более продолжительный срок. Оно было создано при Московском охранном отделении, в его состав вошли чины московской столичной полиции и представители политического сыска. Руководство бюро было возложено на ротмистра Отдельного корпуса жандармов Вахнина, его помощником был назначен ротмистр Фиошин. К Регистрационному бюро было прикомандировано 48 околоточных надзирателей, освобожденных от прежних занятий по участку. Особые инструкции получили приставы. Согласно указаниям охранного отделения, регистрационное бюро должно было обзаводиться секретной агентурой. Кроме того, при бюро была организована «статская команда», состоявшая из 100 человек городских. Эти лица несли филерскую службу на участках по охране высокопоставленных лиц. Всего штат бюро насчитывал 153 человека. Регистрационные бюро выполняли двойные функции, работая на стыке политической и общей полиции.

Московское регистрационное бюро финансировалось первое время из средств Московского охранного отделения, Петербургский регистрационный отдел — из средств Департамента полиции. Перед ними стояли одни и те же задачи, но их инструкции несколько отличались и по стилю, и по подробности изложения, что объяснялось, главным образом, спецификой городов. Подписанные начальником Московского охранного отделения «Руководящие указания Регистрационному бюро по наблюдению за лицами, приезжающими в г. Москву»⁸⁸) больше внимания уделяли работе на вокзалах. Вокзальным агентам предписывалось тщательно

осматривать публику, обращая внимание на «интеллигентный элемент». Те лица, что вызывали подозрения, передавались филеру для «проследки», указывалось, С. 135 что агент должен вести себя крайне конспиративно, поддерживать связь с багажным отделением, конторщиками, с артельными старостами носильщиков багажа, которые должны были обращать внимание на вещи «небольшого объема, на большого веса».

Что касается работы в гостиницах, то к вышесказанному можно добавить, что гостиничным агентам предлагалось знать всех постояльцев в лицо, иметь представление об их багаже. Самая сложная работа была с постояльцами частных квартир. Обращалось внимание на внешность жильцов, их одежду, соответствие образа жизни с заявленным родом занятий, ношение формы, замкнутый или открытый образ жизни, наличие прислуги, характер общения с дворником и швейцаром. Если человек находился под наблюдением, необходимо было выяснить, получает ли он письма и откуда, посылает ли сам и куда, кто его посещает, уносит ли ключ от комнаты. Наблюдение велось как за российскими, так и за иностранными гражданами.

Руководители политического сыска высоко оценивали работу регистрационных бюро, считая, что их деятельность приносит «самые наилучшие результаты и дает возможность подлежащим местным органам быть всегда в полной осведомленности относительно того, с каким элементом им приходится считаться в данный момент... какие и где следует принимать меры охраны для наилучшего обеспечения проследования высочайших и высокопоставленных особ»⁸⁹.

Показателен отчет Московского регистрационного бюро за четыре месяца работы от апреля 1911 г. Только по общему архиву Московского охранного отделения было проверено почти полмиллиона (467.490) лиц. Число проверенных паспортов и их владельцев было в два раза больше. Согласно отчету, из числа проверенных по делам отделения ранее проходило по документам политического сыска 1.663 человека. Из них по партии социал-демократов 239 человек, социалистов-революционеров — 167, по студенческому движению — 163, по партии анархистов-коммунистов — 13, сионистов — 4, по Бунду — 1, грабителей — 11. Отделом упоминалось 17 человек, срок ссылки которых закончился, 1.048 человек, партийная принадлежность которых не установлена.

Было задержано 78 человек: 5 человек политических, нелегально проживавших в Москве, 52 — замешанных в уголовных делах, 4 — тех, кому было воспрещено жительство в столице, 4 — разыскивавшихся полицией, 9 — обвинявшихся по судебным делам, 2 — уклонившихся от

воинской повинности, 2 — состоявших под надзором полиции⁹⁰. Было установлено, что некоторые партийные деятели проживали нелегально по подложным паспортам.

С. 136 Подводя итоги работы Регистрационного бюро, начальник московского охранного отделения писал, что была проведена большая работа, обнаружено много неблагонадежных лиц, раскрыто несколько общеуголовных преступлений, но «прямая цель их учреждения — обнаружение нелегально пребывающих в столице боевиков — не достигнута». Поэтому он делает заключение, что Регистрационные бюро не дали еще «результатов, оправдывающих необходимость дальнейшего их сохранения. Однако нельзя не признать, — добавляет он, — что существование Регистрационных бюро несомненно удерживает многих нелегально проживающих революционеров от попытки проникать в места высочайшего пребывания»⁹¹.

После убийства Столыпина в Киеве в сентябре 1911 г., где было создано Регистрационное бюро на время пребывания там императора, все чаще начинают раздаваться голоса о нецелесообразности продолжения их деятельности. Однако в октябре 1911 г. издается специальный циркуляр Департамента полиции о необходимости создания регистрационных бюро в местах временного пребывания высочайшего двора⁹².

Одновременно периодически возникала переписка об огромных расходах на содержание бюро и их малой эффективности (так, на содержание Петербургского Регистрационного бюро ежегодно уходило 100.000 рублей). В некоторых документах Департамента полиции указывалось на то, что как учреждения политического розыска регистрационные бюро себя не оправдали.

В январе 1912 г. начальнику Петербургского охранного отделения было предложено представить свои соображения о возможных сокращениях личного состава бюро и даже его упразднении. В октябре 1913 г. по поводу деятельности Петербургского регистрационного бюро состоялось совещание, на котором присутствовал вице-директор Департамента Виссарионов. В своем выступлении он отметил, что регистрационный отдел «не оправдал возлагаемых на него надежд и обнаружил очень мало нелегальных политических, а между тем при учреждении его преследовались главным образом задачи борьбы с революционными организациями...»⁹³ Тем не менее, созданные на временной основе Регистрационные бюро в Москве и Петербурге были сохранены и просуществовали вплоть до 1917 г.

Примечания

- 1 ПСЗ. Т. 42. № 44956.
- 2 ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1122.
- 3 См.: там же. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1415; Оп. 2. Д. 6743; Оп. 2. Д. 6743; Оп. 4. Д. 918.
- 4 Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 6068.
- 5 Там же. Л. 20, 32-36.
- 6 Там же. Оп. 2. Д. 10735. Л. 138.
- 7 Там же. Оп. 3. Д. 6743.
- 8 Там же. Оп. 3. Д. 2760.
- 9 Там же. Оп. 3. Д. 2762; Оп. 2. Д. 10194.
- 10 Там же. Оп. 3. Д. 2873. Л. 41; Оп. 2. Д. 11312, Л. 20.
- 11 Там же. Оп. 3. Д. 2873. Л. 41.
- 12 Там же. С. 54.
- 13 Там же. Оп. 3. Д. 2589.
- 14 Там же. Д. 2-580. Л. 232-380.
- 15 Там же. Л. 236об.
- 16 Там же. Л. 253об.
- 17 ПСЗ, 2-е собр. 1863, отд. 2, № 37289. ГА РФ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 8. Л. 201об. См. также: Савицкий СВ. Систематический сборник циркуляров ДП и Штаба ОКЖ, относящихся к обязанностям чинов корпуса жандармов по производству дознаний. СПб., 1908.
- 18 ПСЗ, 2-е собр. СПб., 1868. Т. 41. Отд. 2. № 44071.
- 19 Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. Воспоминания. С. 178.
- 20 Там же. СИ.
- 21 Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Л. 189-191.
- 22 Мартынов А.П. Указ. соч. С. 10.
- 23 Там же. С. 11.
- 24 Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. С. 192-193.
- 25 ПСЗ, 2-е собр. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 2. № 37289. С. 195-196.
- 26 Там же. Т. 41. Отд. 2. № 44071. С. 532.
- 27 См. Свод законов. Т. XII. Ч. I. Изд. 1912. Общий Устав Российских ж.д. изд. 1906. С. 183-187; Т. П. Общ. Учрежд. губ. Ст. 693.
- 28 ГА РФ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 8. Л. 201-203. См. также: Савицкий СВ. Систематический сборник циркуляров ДП и Штаба ОКЖ, относящихся к обязанностям чинов корпуса жандармов по производству дознаний. СПб., 1908.

29 ГА РФ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 2. Л. 170.

30 Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. С. 212-235.

30а Жилинский В. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти // Голос минувшего. 1917. № 9—10, сентябрь — октябрь; Овченко Ю.Ф. Московская охранка на рубеже веков // Отечественная история. 1993. № 3; Русиан В.Н. Работа охранных отделений в России. Hoover Institution Archives. Collection V. Moravskii. Box 3. Folder: 35. Папка № 317; Ансимов Н.Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903-1917 гг.). Свердловск, 1989. С. 16-32.

31 ГА РФ, 3 д-во, 1883. Д. 977. Л. 212.

32 Там же.

33 Там же. Л. 212об.

34 Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992. С. 164. См.: там же. Степняк-Кравчинский СМ. Судейкин // Общее дело. 1883.

35 Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70 —80-х годах XIX века. М., 1912. С. 311.

36 ГА РФ. Ф. 102. 3 д-во, 1883. Д. 977. С. 213.

37 Там же.

38 Kazynska E., Drewniak D. Ochrana, carska policja polityczna. Warszawa, 1993.

39 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 7. Л. 434-435 ЦДП от 13 августа 1902, № 5200.

40 Там же. Оп. 260. Д. 7. Л. 553. 546. ЦДП от 8, 30 октября 1902 г.

41 Там же. Д. 259. Л. 7.

42 Там же. Л. 9об.

43 Там же. Д. 259. Л. 2-5.

44 Там же. Л. 12об.

45 Циркуляры о преобразованиях см.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 259. Л. 12. Циркуляры ДП от 16 сентября 1902 г. № 5800, 3 октября 1902 г. № 6211, 8 октября 1902 г. № 6311, от 2 и 26 января 1903 г. № 4, 823, от 13 февраля 1903 г. № 1401, от 5 марта 1903 г. № 2048, от 13 мая 1903 г. № 4596. Циркуляр от 13 февраля 1903 г. № 1400 («Розыскные отделения ныне переименованы в охранные отделения» — Ф. 102. 00. 1902. Д. 825. Ч. 3. Л. 8).

46 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1902. Д. 825. Т. 2. Л. 20-22.

47 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 18. Л. 18. ЦДП от 17 февраля 1907 г. № 2523.

48 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 18. Л. 18. Д. 15. Л. 35. 49 ЦДП от 20 ноября 1906 г., № 122009, 15 декабря 1907, № 143265.

49 Там же. Ф. 102. Оп. 262. Д. 23. С. 1-12.

50 Там же. Д. 16. Л. 1-8.

51 Там же. Ф. 102, 00, 1907. Д. 114, Л. 18.

52 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 17. Л. 108.

53 Там же. Ф. 102. Оп. 262. Д. 16. Л. 1; Оп. 260. Д. 15. Л. 49.

54 Там же. Оп. 260. Д. 88. Л. 10.

55 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 208. Л. 16. Д. 24. Л. 91; Оп. 260. Д. 15. Л.

49.

56 Там же. Ф. 102. Оп. 262. Д. 16. Л. 1-4об.

57 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 256. Л. 2об-3.

58 Там же. Д. 17. Л. 1а.

59 Там же. Д. 256. Л. 1.

60 Там же. Ф. 280. 1910. Д. 5001. Л. 32.

61 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 208. Л. 16.

62 Там же. Ф. 102. 00. 1909. Д. 263. Л. 1, 7.

63 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 24. Л. 91. См. также: ЦДП от 3 марта 909 г., № 125256.

64 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 29.

65 Там же. Д. 37. Л. 256. ЦДП от 13 июня 1909, № 131413.

66 См. сноску для 96. ЦДП от 19 января 191, № 117102.

67 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 37. Л. 132. ЦДП от 19 января 1911, № 117102.

68 Там же. Л. 133об.

69 Там же. Ф. 102, 00. 1913. Д. 366. Л. 26-27.

70 Джунковский В.М. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 217-218.

71 ГА РФ. Ф. 102, 00, 1913. Д. 366. Л. 30-34.

72 Записка от 15 ноября 1913. ГА РФ. Ф. 102. 00, 1914. Д. 366 Л. 4-5.

73 Там же. Ф. 102, 00. 1914. Д. 40. Ч. 1 (Циркуляр от 22 февраля 1914 г. № 167309) 00, 1914. Д. 321. Л. 29. Циркуляр от 19 июля 1914.

74 ГА РФ, Ф. 102, 00, 1909. Д. 434. Л. 14. " Там же. Л. 13.

76 Там же. Д. 406. Л. 2-4; Д. 435. Оп. 1. Д. 18. Л. 22-22об.

77 Там же. Ф. 102. 00. 1911. Д. 207. Севастопольское Регистрационное бюро было образовано при Севастопольском адресном столе и было сравнительно небольшим по численному составу.

78 Там же. Ф. 102. 00. 1909. Д. 406. Ф. 435. Оп. 1. Д. 18. Л. 28.

79 Там же. Ф. 435. Оп. 1. Д. 4. Л. 75.

80 Курлов П.Г. Гибель императорской России. Берлин, 1923, С. 118-

119.

81 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1910. Д. 190. Л. 3об.

82 Там же. Ф. 102. 00. 1910. Д. 360. Лит. Б. Л. 6.

83 Там же. Д. 360. Лит. Б.; 360. Лит. А. «4 Там же. Д. 360. Лит. Б. Л. 45-56об.

85 Там же. Л. 57-76об.

86 Там же. Ф. 280. 1911. Д. 5001. Т. 3. Л. 3.

87 Там же. Ф. 102. 00. 1910. Д. 360. Лит. А. Л. 2-8.

88 Там же. Л. 15-18.

89 Там же. Ф. 102. 00. 1910. Д. 360. Лит. А. Л. 114.

90 Там же. Л. 114-115.

91 Там же. Л. 267-268.

92 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 354. Л. 99.

93 Там же. Ф. 102. 00. 1910. Д. 360. Лит. Б. Л. 127.

С. 140.

Глава 4. ЗАГРАНИЧНАЯ ОХРАНКА

С ростом революционной эмиграции, с созданием колоний русских революционеров за рубежом перед органами политического сыска встает задача создания эффективной службы наблюдения за деятельностью российских революционеров в странах Европы и США¹.

III Отделение в свое время посылало агентов за рубеж для наблюдения за отдельными лицами. Оно также дало большие полномочия начальнику Варшавского жандармского округа по налаживанию службы и контролю за эмигрантами в пограничных районах, переводило средства на организацию и оплату этой работы.

Определенное время III отделение, а затем Департамент по линии пользовались информацией русских консулов в Париже, Вене, Берлине, Лондоне, Бухаресте, Нью-Йорке. Однако такую рода разрозненная информация все меньше устраивала власти.

§ 1. Создание агентурной сети и афера Рачковского—Гартинга

На необходимость создания специальной службы наблюдения за русской политической эмиграцией за рубежом указывал и Лорис-Меликов. В апреле 1880 г. были командированы за рубеж сотрудники ВРК М.Н. Баранов (во Францию) и В.М. Юзефович (в Пруссию). Им было дано задание собрать сведения о русской политической эмиграции, проверить работу агентов III отделения, составить проект ее организации, ознакомиться с деятельностью местной полиции².

Результаты проверки показали «убогость», примитивность, малоэффективность деятельности агентов русской полиции. Их сведения

были «порой отрывочны, противоречивы, лживы». Тогда же были предприняты попытки создать русскую секретную службу при парижской префектуре. Но эти начинание было неудачным. Иностранцы, не зная русского языка, давали сведения о личной жизни политической эмиграции, а не об их замыслах и беседах³.

С. 141.

Как пишет историк И.В. Оржеховский, «в начале 80-х годов XIX века центр русской заграничной агентуры в Париже переместился на ул. Гренель в помещение русского посольства, а общее руководство и наблюдение за организацией политического сыска во Франции было возложено на русского посланника в Париже князя Н.А. Орлова...»⁴.

Однако наладить эту службу и централизовать ее было нелегко. После убийства Александра II группа монархистов из высокопоставленных лиц, не надеясь на возможности государственной полиции, организовала свою службу, которая вошла в историю как «Священная дружина» (или «Священная лига»). Ее руководителями были П.П. Шувалов, И.М. Воронцов-Дашков, С.А. Панчулидзе. Они разработали Устав организации и Положение о Добровольной охране. Целью этой организации была борьба с революционным движением и его лидерами, защита монархии. Предусматривалось оказание помощи полиции. Организация имела агентуру за рубежом⁵. Однако представители «Священной лиги» часто не столько помогали полиции, сколько мешали ей. Они активно занимались провокационной деятельностью, и государственная полиция вела за ними наблюдение. Обе же службы мешали друг другу и дезориентировали друг друга.

В июле 1883 г. директор Департамента полиции Плеве и товарищ министра внутренних дел Оржевский, стремясь поставить сыск за границей на должную высоту и изучив материалы и опыт предшественников, посылают в Париж для организации политического сыска во Франции надворного советника П.В.Корвин-Круковского.

Хотя Корвин-Круковский в течение двух лет служил агентом в Болгарии и Румынии, навыками, необходимыми для руководителя политического сыска — он не обладал.

С назначением Корвин-Круковского в Париж было создано специальное подразделение Департамента полиции — Заграничная агентура, которая вошла в историю как «Заграничная охранка». Статус Корвин-Круковского был определен удостоверением, выданным директором Департамента Плеве. В нем указывалось, что он «облечен доверием Департамента полиции, и дружественным России державам

предлагается оказывать ему содействие при исполнении им своего поручения».

С созданием заграничной агентуры Департамента выявились все неудобства существования за рубежом «Священной дружины», которая была расформирована, а часть ее агентов была принята в заграничную охранку.

В составе агентуры было четыре русских секретных сотрудника, которые входили в эмигрантские круги и освещали их деятельность. Служба наружного наблюдения состояла из иностранцев: Барлэ, Риан, Росси, Бинт. Первое время руководство

С. 142.

этой службой было поручено французу Александру Барлэ 6. Последний был известен товарищу министра внутренних дел Оржевскому, и при организации заграничной агентуры тот предлагал пригласить его на службу для заведования агентами центральной парижской агентуры. Позднее во главе наружного наблюдения становится коллежский регистратор Милевский, и к службе наружного наблюдения начинают привлекаться русские филеры.

Корвин-Круковский обосновался в Париже в помещении Российского посольства на ул. Гренель, 79. Несмотря на определенные неудобства нахождения политической полиции и дипломатическом учреждении, Заграничная охранка располагалась по этому адресу вплоть до ее ликвидации после Февральской революции.

В.К. Агафонов, член партии эсеров, принимавший участие в работе Комиссии по разбору архива Парижского бюро Заграничной агентуры, пишет о своих впечатлениях от посещения «штаба» Заграничной охраны: «Заграничная агентура помещалась в нижнем этаже русского консульства в Париже и состояла из двух небольших комнат. Одна — в два окна, другая имела одно окно, за решетками. Первая комната — канцелярия: вдоль ее стен стояли высокие, до самого потолка, шкафы с делами, здесь же находились две шифоньерки с карточными каталогами, шкаф со старыми делами, агентурными листками, альбомами фотографий революционеров. Альбомы были большие и маленькие. Часть альбомов, видимо, предназначалась для надобностей самой заграничной агентуры, в них было помещено несколько сот фотографий революционеров. И маленькие альбомчики, так называемые «карманные», предназначавшиеся для агентов наружного наблюдения, в которых было 20 — 30 фото революционеров, главным образом террористов. В комнате стояло три письменных стола с пишущими машинками на них и массивный несгораемый шкаф.

Вторая комната была кабинетом. Великолепный письменный стол красного дерева с роскошными бронзовыми канделябрами и другими украшениями, диван, кресло, стулья красного сафьяна и два больших портрета царя и наследника... Вот он, тот центр, — пишет Агафонов, — откуда невидимая рука направляла свои удары в самое сердце русской политической эмиграции; здесь плелась паутина, окутывающая нас и наших товарищей тысячью тонких, но крепких нитей; здесь... совершались сатанинские искушения, и слабые или уже развращенные становились окончательно предателями...»⁷

С именами В.Агафопова и С. Сватикова, комиссара Временного правительства, связаны первые исследования по истории Заграничной охраны с использованием ее архива. В течение нескольких месяцев они с другими членами Комиссии разбирали и исследовали ее материалы. В 1918 г. Комиссия прекратила

С. 143.

работу, а архив остался в распоряжении последнего российского посла в Париже В. Маклакова. В 1926 г. он тайно вывез документы в США и передал их на хранение в Стэнфордский университет. При сдаче документов были оговорены условия передачи и хранения материалов. Согласно контракту, подписанному с Гуверовским институтом, Маклаков передавал материалы в 16 опечатанных деревянных ящиках. Так они должны были храниться. Их можно было вскрыть и сделать достоянием гласности только спустя три месяца после смерти Маклакова. Перед отправкой документов в США Маклаков подписал документ, в котором говорилось, что материалы «Заграничной охраны» им сожжены⁸.

В июле 1957 г., после установленного Маклаковым срока, общественности было сообщено о месте хранения архива Заграничной агентуры. Появление документов стало сенсацией в архивном мире.

Стоит отметить, что определенная часть этих документов имеется в подлиннике и в фонде Департамента полиции ГА РФ. Объясняется это тем, что в Парижском бюро оставались вторые экземпляры и черновики документов. Первые же экземпляры, как правило, направлялись в Департамент полиции, где они и хранились наряду со всеми другими материалами. Историкам, очевидно, интересно знать, что в настоящее время ГА РФ располагает также копиями фонда, хранящегося в Гувере⁹. Документы Гувера интересны прежде всего теми первичными материалами, которые служили основой для составления докладов и отчетов, направлявшихся в Департамент. К числу таких документов относятся «агентурные листки» со сведениями, получаемыми от секретной

агентуры наружного наблюдения, финансовая отчетность, расписки в получении денег. Большой интерес представляют личные дела служащих Заграничной агентуры.

Заграничная охранка была непосредственно связана с 3-м делопроизводством Департамента полиции, а после 1898 г. — с Особым отделом. Вся отчетность, переписка заграничной агентуры направлялись в указанные структуры. Отсюда же получали инструктивные письма, предписания, сведения о финансировании. В этих структурах Департамента полиции и отложились документы, связанные с историей Заграничной агентуры. Дела сформированы по городам и странам, откуда поступала информация, а также, в исключительных случаях, по адресатам.

Так же, как организация самого Департамента, становление службы Заграничной агентуры заняло несколько лет.

Как уже отмечалось, Корвин-Круковский не был удачной фигурой для такой должности. Посланный в 1884 г. за рубеж сотрудник 3-го делопроизводства Департамента Г.К. Семякин по возвращении составил доклад, в котором указывал, что Круковский делом не интересуется, не понимает его и даже не

С. 144.

дает себе труда разбирать письма, доставляемые ему Барлэ, заваливая всяким хламом Департамент¹⁰. Кроме того, были отмечены и финансовые нарушения. Семякин предлагал провести реорганизацию в 3-м делопроизводстве и в Заграничной агентуре.

Летом 1884 г. с большими сложностями удалось устранить Корвин-Круковского от работы. На освободившуюся должность был приглашен Рачковский, находившийся в это время в распоряжении Департамента полиции и выполнявший отдельные его поручения.

С этого момента Рачковский становится заметной фигурой в российском политическом сыске¹³. Выученик Судейкина, человек хитрый, умный, беспардонный, он насаждает свои методы сыска не гнушаясь и провокацией. Все это сходит ему с рук: его авторитет среди начальства, зарплата неуклонно растут, одна за другой следуют награды.

Помимо Парижского бюро информация о зарубежных организациях продолжала поступать от российских консулов в Париже, Вене, Берлине, Лондоне, Бухаресте, Нью-Йорке (которые, в свою очередь, имели сеть агентов)¹² прямо в Департамент полиции. Определенные функции слежки и надзора выполняла пограничная стража. Постепенно, по мере организации в этих странах отделений заграничной агентуры, сведения начинают поступать непосредственно от уполномоченных лиц или из

Парижа от Рачковского.

Некоторые агенты, находившиеся на службе Департамента в разных странах Европы и Америки, предпочитали в первые годы сноситься с Департаментом самостоятельно. Часть из них просто боялась посредничества. К таким лицам можно отнести давнишнего знакомого Департамента секретного сотрудника Эваленко (Еваленко) Александра (Канона) Марковича¹³.

В первое время Рачковский активно берется за налаживание работы. Он резко увеличивает состав секретной агентуры, работавшей в эмигрантских кругах в Париже, Швейцарии, Италии, стремится сосредоточить руководство зарубежной агентурой в своих руках, расширить сеть. Подобная централизация, однако, последовательно не выдерживалась, так как во многих случаях агентам было удобнее и целесообразнее иметь прямые связи с Департаментом полиции. Определенную самостоятельность в своей деятельности сохраняла заграничная агентура в Лондоне¹⁴. Напрямую давал сведения об эмигрантах и особенно об анархистах генеральный консул в США Оларовский¹⁵.

В 1889 г. при Рачковском начала действовать агентура на Балканах¹⁶, деятельность которой распространялась на Румынию, Болгарию, Сербию, Австро-Венгрию. Долгое время Балканской агентурой управлял Александр Моисеевич Вейсман, бывший секретный сотрудник жандармского управления Одессы (впоследствии его сменил В.В. Тржецяк)¹⁷. Вейсман все

С. 145.

свои донесения и материалы направлял в Департамент. Исходя из того, что в этот период в Болгарии, Сербии, Румынии находилась большая группа народовольцев, Вейсман считал, но в интересах дела целесообразно иметь «горячую линию» «между ним и Департаментом. В Департамент от него поступали перлюстрированные письма Е. Лазарева, А. Теплова, В. Дебогория-Мокриевича, Ф. Волховского, Степанова, Н. Чайковского, Л. Гольденберга и др.¹⁸. Одновременно идут донесения и информация о болгарских революционерах Д. Благоеве, И. Загубанском¹⁹. Кроме того, в Департамент поступали сведения и от российского консульства в Софии²⁰.

Вейсман долго проработал на Балканах, имел большое влияние как в политических, так и в дипломатических кругах. Однако нарушения финансовой отчетности, организация фиктивного покушения на жизнь болгарского князя Фердинанда (из карьерных соображений) стоили ему должности.

В 1894 г. была организована агентура в Галиции²¹, в 1900 г. — в Берлине²².

Имея навыки журналистской работы, Рачковский быстро сошелся с парижскими журналистскими кругами, с помощью которых начал помещать в парижской прессе статьи, направленные против российской революционной эмиграции. В борьбе с нею он применяет методы, заимствованные у своего учителя Судейкина. Известны проведенные Рачковским провокации, связанные с разгромом народнических типографий в Женеве. Чтобы еще более утвердить свое положение и содействовать сближению России с Францией, им был задуман и осуществлен чудовищный план мнимого покушения на Александра III. На средства, данные Рачковским его секретному сотруднику Ландезену, была устроена лаборатория по изготовлению бомб. Когда работа была налажена, сведения о мастерской были сообщены французской полиции. Ландезен скрылся и был осужден заочно. Его «товарищи» были осуждены и понесли наказание.

«Открытие» полицией мастерской дало повод французским властям в 1890 г. организовать шумный процесс по делу русских террористов. Агафонов в своей книге пишет: «Этой провокацией Рачковский не только возвысил свой авторитет в министерстве внутренних дел и избавился от личных беспокоивших его парижских эмигрантов, но и сумел завязать солидные связи в политических кругах Парижа».

К этому времени относится знакомство Рачковского, перешедшее позже в дружбу, с французским президентом Лубэ²³.

Ландезен был давнишним секретным сотрудником. Еще в годы студенчества, во время учебы в Петербургском горном институте он стал секретным сотрудником С.-Петербургского охранного отделения по освещению студенческого движения. Тогда он носил фамилию Геккельман. Однако его поведение

С. 145.

вызвало подозрение у сокурсников и ему срочно пришлось выехать в Ригу, где он поступил в Политехнический институт. Но и здесь ему не повезло, он опять попал под подозрение. В 1884 г. он едет в Швейцарию и поступает в Цюрихский политехникум. За рубежом он живет под фамилией Ландезен. Вскоре он знакомится с Рачковским и становится его сотрудником. В это время он снова меняет фамилию, принимает православие и сотрудничает с Рачковским уже как Гартинг Аркадий Михайлович. Между Рачковским и Гартингом устанавливается полное взаимопонимание. Вскоре он становится ближайшим помощником

Рачковского, его правой рукой.

В 1900 г. Рачковский добивается согласия немецких властей на присутствие в Берлине российской полиции и ставит во главе Берлинской агентуры Гартинга.

Рачковский активно налаживает связи с иностранной полицией и обслугой домов, где живут эмигранты. В числе его до вверенных лиц оказываются почтальоны, консьержи.

«Энергии и изворотливости Рачковского, казалось, не было предела, — пишет Агафонов. — Это был прирожденный и сыщик, комбинатор и авантюрист».

В последние годы перед отставкой Рачковский все больше втягивается в политику и интриги, занимаясь вопросами, которые не входили в его компетенцию. В то же время до выполнения непосредственных служебных обязанностей не всегда доходили руки. Он добился того, что получаемое им жалование было выше, чем у директора Департамента полиции (соответственно 12 и 10 тысяч рублей)²⁴.

В июне 1902 г. Рачковский был отправлен в отставку, а его место, как было сказано выше, занял Л.А.Ратаев. Причиной отставки послужили участвовавшие служебные упущения, а также его резко отрицательный отзыв о Филиппе Вашо, французе, лечившем императрицу Александру Федоровну²⁵.

Несмотря на проявленное усердие, Ратаеву не удается приобрести столь же широкий круг знакомств, который был Рачковского. Он стремился расширить секретную агентуру в городах, где наблюдался приток русской эмиграции. 22 декабря 1902 г. Ратаев писал Лопухину, директору Департамента, делаясь своими планами:

«По части секретных сотрудников я полагаю не придерживаться строго рамок Лондона, Парижа и Швейцарии, а предполагаю раскинуть сеть несколько шире. Уже мною лично приобретено трое сотрудников: один добавочный для Пари» (специально для наблюдения за русской столовой), одного для Мюнхена и одного я полагаю послать в Бельгию, где Брюсселе и Льеже образовалось порядочное гнездо. Из числа прежних сотрудников не все еще перешли ко мне, но перейдут с отъездом П.И. (Рачковского. — З.П.) из Парижа...»²⁶

С. 147

28 января 1903 г. Ратаев в своем донесении в Департамент сообщает не только о своих планах, но и о тех трудностях, с которыми он столкнулся в результате упущений своего предшественника:

«По приезде в Париж, — пишет он, — я попал в очень тяжелое

положение. По моей долголетней службе я сразу понял, что способы ведения дела моим предместником значительно устарели и совершенно не приспособлены к современным требованиям Департамента. Как я уже писал, наиболее слабым пунктом оказалась Швейцария, а между тем я застал момент, когда центр и, можно сказать, пульс революционной деятельности перенесен именно туда...»

Что касается самой агентуры, то Ратаев считает, что она «также весьма и весьма нуждается в реорганизации и освежении. Во-первых, она сильно распущена и набалована... Я убедительно просил и прошу на первый год оставить неприкосновенной ту сумму, которая отпускалась П.И. Рачковскому. Будьте уверены, что я ее расходую с надлежащей экономней...»²⁷. Одновременно он считает, что поскольку центр революционной эмиграции перемещается в Бельгию и Швейцарию, можно ликвидировать балканскую и берлинскую агентуры. Возможно, что эти агентуры действительно уже утратили свое значение, но возможно, что здесь присутствовали и личные мотивы: заведующим берлинской агентурой оставался Гартинг, ставленник Рачковского.

Ратаев явился инициатором подготовки и заключения русско-германского полицейского протокола от 14 марта 1904 г. о мерах борьбы с анархизмом, что имело важное значение для России. Его служба за рубежом была слишком короткой, чтобы укрепить свои позиции в Заграничной охране. С возвращением Рачковского в систему политического сыска была восстановлена берлинская агентура, а Ратаев был смещен со своего поста.

Заведующим Заграничной агентурой в августе 1905 г. был назначен Гартинг²⁸. Период руководства Заграничной агентурой Гартингом был временем, когда политическая эмиграция увеличилась за счет отъезда за рубеж большого числа деятелей как социал-демократического, так и эсеровского движения. Все съезды, конференции, совещания освещались как секретной агентурой, выезжавшей в качестве делегатов, так и заграничной секретной агентурой и службой наружного наблюдения. О том, как удавалось заграничной агентуре доставать партийные документы, может свидетельствовать эпизод из истории V съезда РСДРП.

В списке делегатов значился секретный сотрудник заграничной агентуры Я.А. Житомирский. Он был избран в протокольную часть съезда. О первых днях съезда он информировал Гартинга. Съезд открылся 30 апреля, а 4 мая заведующий

С. 148.

Заграничной агентурой Гартинг уже дает в Департамент первое

сообщение о съезде и пишет о необходимости выезда его самого в Лондон для «помощи агентуре»²⁹. Съезд закончил свою работу 19 мая, а 26 мая Гартинг представляет в Департамент полиции подробный отчет на 100 страницах о V съезде РСДРП, описывая организацию съезда, открытие съезда, останавливаясь на работе каждого дня, дает краткую характеристику выступавшим, коротко излагая содержание выступлений. К отчету прилагался список членов ЦК, кандидатов в члены ЦК на случай провала, список установленных участников съезда (163 человека), финансовый отчет ЦК, отчет об издательской деятельности ЦК и даже секретный отчет о расходовании полученных от Саввы Морозова 100000 рублей, а также принятые съездом и отклоненные рекомендации 30. Направляя эти материалы, Гартинг писал, что отчет составлен сотрудником, который «много потрудился как в период этого съезда», так и оказал «весьма серьезные услуги во время своей последней поездки в Россию». Основываясь на этом, Гартинг просит для него награду в размере 1500 рублей ³¹. Не приходится сомневаться, этим сотрудником являлся Житомирский, который, имея доступ ко всем документам съезда, после его окончания в течение одной ночи скопировал все документы.

Серия разоблачений секретной агентуры, проведенных Бурцевым, задела и работников Заграничной охраны. Все ближе подбирался Бурцев и к Гартингу. И хотя тучи над головой Гартинга сгущались, он не хотел верить, что у Бурцева будет достаточно документов и оснований, чтобы его разоблачить. Он продолжает активно заниматься своими делами, обращается в Департамент полиции о присылке в Париж «молодых филеров среднего роста, средней полноты, чтобы не привлекать внимания». Свою просьбу он объясняет тем, что в Париж «съехались все «вожаки» партии и наступил «самый благоприятный момент для ознакомления с наличным их составом». Он стремится набрать в заграничную агентуру больше русских людей. В это же время он усиливает работу по перлюстрации корреспонденции. Проблема, однако, заключалась в том, что лица, связанные с консьержами, не знали русского языка и как правило, письма скалькировали, а если исходить из того, что письма написаны были неразборчивым почерком, на кальке их практически невозможно было прочесть. В январе 1909 г. при агентуре был учрежден особый фотографический отдел для пересъемки писем. Позднее он использовался и по прямому назначению — наблюдаемых лиц тайно фотографировали на улице. В заграничной охране накапливались ценные фотоматериалы.

Но слухи о подлинном лице Гартинга все более распространялись. В Департаменте полиции уже готовят документы о сообщении

дипломатическим представителям дружеских стран об

С. 149.

уходе российского представителя со своего поста в связи «с расстроенным здоровьем» и замене его ротмистром В.И. Андреевым. 9 февраля 1909 г. Гартинг официально был отстранен от должности, но некоторое время он еще оставался в Париже. Не желая согласиться со своим отстранением от дел, он продолжает исполнять обязанности заведующего Заграничной агентурой, составлять документы, на которых подпись ставит ротмистр Андреев, которого Гартинг не вводит в курс его работы, оставляя пока за собой секретную агентуру.

4/17 марта Гартинг обращается с письмом в Департамент полиции, в котором выражает недовольство распоряжением о его отставке, всячески затягивает передачу дел Андрееву, он еще несколько месяцев остается негласным руководителем заграничной агентуры³².

Такого рода промедление не устраивало Департамент полиции, и 9 апреля «безотлагательно» в Париж был командирован ротмистр Долгов, по прибытии которого ротмистр Андреев должен был вернуться в Россию. Ротмистру Долгову предписывалось в короткий срок принять агентуру и «устранить угрожающую... опасность для жизни» Гартинга ³³. Отставка Гартинга вызвала много шума и разговоров в революционной среде. Бурцев не верил в отставку, так как считал, что заменить его было некем. Сам же Гартинг не видел опасности и настаивал на «негласном руководстве заграничной агентурой»³⁴. То, чего боялись в Департаменте, однако, произошло. В немецкой газете «Tag» от 7 июля 1909 г. появилась статья, в которой убедительно доказывалось, что Геккельман, Ландезен и Гартинг — одно и то же лицо. Это разоблачение вызвало большой шум в российской и зарубежной прессе. Во французском парламенте разразился скандал. Клемансо на запрос социалистов ответил, что во Франции нет иностранной полиции. Перед органами политического сыска России встал вопрос о правомочности дальнейшего существования Секретного заграничного бюро в Париже. Российскому правительству надо было срочно что-то делать, чтобы не подводить своих друзей из французской полиции и правительства и в то же время постараться оставить все на своих местах. Сложность ситуации была также в том, что некоторые агенты наружного наблюдения не вызывали доверия.

После разоблачения Гартинг исчез из Парижа. В спешке покидая Париж, Гартинг поставил заграничную охранку в сложное положение, не передав и не познакомив своих агентов с новым руководством. Один из работников заграничной охраны в связи с этим писал в Департамент: «...из

оставшихся трех адресов — по двум нет ни ответа на запрос, ни писем вообще, а 3-й оказался, видимо, неправильным, так как мои письма лежат на почте, а сотрудник пишет, не давая своего

С. 150.

адреса и то требуя, то умоляя прислать ему деньги, так как он гибнет... не получив ни за июль, ни за август... Я почти до сего времени не мог, да и теперь... не могу пользоваться фактическими главными силами агентуры.

Я уже списался с Гартингом и умоляю его приехать в Париж или дать мне свидание, рассчитывая, что он даст мне наконец этих скрываемых им сотрудников». Некоторое время обязанности Гартинга исполнял ротмистр Долгов³⁵.

§ 2. Заграничная охранка 1909—1917 гг.

В ноябре 1909 г. в Париж приехал ст. советник Александр Александрович Красильников, в его задачу входило осуществлять общее руководство работой Заграничного бюро и контроль над деятельностью офицеров, служивших в Парижском бюро. Старшим из них был подполковник А.В. Эргардт, непосредственно руководивший секретной агентурой. Полученные Красильниковым полномочия правительство стремилось законспирировать. В официальных документах указывалось, что он командирован «Министерством внутренних дел за границу для сношений с местными властями и российскими посольствами и консульствами».

Изучив постановку сыскной работы, Красильников разрабатывает предложения по реорганизации службы наружного наблюдения. В секретной агентуре и ее лояльности Красильников был уверен. Это были в основном русские подданные, часть которых прошла службу в качестве секретных сотрудников еще в России. Некоторые из них имели революционное прошлое и в случае конфликтных ситуаций могли быть привлечены к уголовной ответственности. Часть сотрудников сами изъявили желание работать и были заинтересованы в своей службе материально.

Намного сложнее было с иностранцами, служившими в качестве филеров — агентов наружного наблюдения. С активизацией деятельности Бурцева по разоблачению секретной агентуры некоторые из них стали присматриваться, не продать ли повыгоднее имеющуюся у них информацию?! Такие случаи не были единичными. Перешли на сторону Бурцева агент наружного наблюдения Леруа, итальянец Леоне. Предлагал Бурцеву документы другой агент — Жоливе.

Бурцев не только покупал документы, но с помощью агентов

организовывал слежку за служащими заграничной охраны. На допросе в Чрезвычайной следственной Комиссии все представители политического сыска на вопрос о секретной агентуре говорили, что секретная агентура была единственным средством поддержания государственного строя, что полиция боролась теми же средствами и шла теми же путями, как и С. 151.

революция, что революционеры имели своих лазутчиков и стремились проникнуть в политический сыск 36.

И они были близки к истине, и особенно ярко это проявилось в Заграничной агентуре при противостоянии Заграничной охраны и Бурцева.

В переписке Департамента полиции и Заграничной охраны сохранились сведения о том, что в руках Бурцева был «нужный фактический материал», который доказывал существование во Франции русской политической полиции. Материал был передан Жоресу, который намеревался при открытии сессии палаты депутатов «выступить с интерполяцией правительству», и эти сведения действительно Жоресом были использованы.

В конце октября 1912 г. Красильников писал директору Департамента, что Бурцев и Леруа вновь стараются «раздобыть какие-либо подлинные документы... с целью вновь поднять шум и привлечь интерес к русской политической полиции, что для этого Бурцев с сообщниками предполагает похитить кого-либо из руководителей политического сыска»³⁷.

Красильниковым были предприняты шаги по конспирации российской заграничной службы. Была организована «Розыскная контора Биттара-Монена», которая являлась филерской службой Заграничной охраны. В эту «контору» перешли все агенты, ранее состоявшие на службе в Заграничной охране. И все они знали, что в действительности это — камуфляж, а в случае дезертирства или задержания объявляли, что находятся на службе российского правительства.

В числе первых мер, принятых Красильниковым, было запрещение допуска филеров в здание посольства, что разрешалось ранее. Он потребовал от агентуры прекращения посылки всяких донесений и корреспонденции на адрес посольства, сообщив, что «Императорское посольство, как дипломатическое учреждение, полицейским делом и розыском не занимается и никаких агентов не содержит».

В докладе, направленном в Департамент, Красильников писал: «Агенты наружного наблюдения, отлично осведомленные о том положении, в которое поставлена агентура, далеко не являются людьми, верными своему долгу, способными сохранить служебную тайну; наоборот,

большинство из них, за малым исключением, к числу которых следует отнести, главным образом, англичан, готовы эксплуатировать в личных интересах не только все то, что им могло сделаться известно, но и самый факт нахождения их на службе у русского правительства.

...Агенты наружного наблюдения находятся на службе Департамента полиции, хорошо Департаментом оплачиваются, а между тем, в силу существующих условий, приходится с ними считаться, постоянно имея в виду, что каждый из них не только может, но и вполне способен при первом случае поднять

С. 151.

шум, вызвать инцидент, который поставит Заграничную агентуру в затруднительное положение».

Далее он пишет, что ему постоянно приходится считаться «с риском вызвать неприятную историю в случае неповиновения или мести провинившегося агента, являющегося, как и все его товарищи, носителем служебных тайн и личным участии ком нелегальной деятельности Заграничной агентуры»³⁸.

Красильников предложил создать частное розыскное бюро на средства Департамента полиции, во главе которого поставить достаточно проверенных лиц. Частное бюро по закону, отмечал он, может исполнять какие-либо поручения русского правительства и, таким образом, к России не будет никаких претензий в связи с тем, что во Франции функционирует русская полиция³⁹. Вскоре в Департаменте полиции заводится дело «О реорганизации Парижского бюро Заграничной агентуры»⁴⁰. Предложения Красильникова рассматриваются. Однако, в связи со сменой директоров Департамента, товарищей министров, заведующих полицией, решение вопроса затягивается.

С течением времени Департамент проявляет большую озабоченность положением дел в Заграничной агентуре и со своей стороны принимает меры, направленные на укрепление секретной агентуры за рубежом. Так, заведующий Особым отделом Еремин в докладной записке, направленной 29 октября 1911 г. товарищу министра внутренних дел, писал:

«...Для успеха политического розыска и, в частности, для достижения большей осведомленности розыскных органов необходима дружная совместная работа Департамента полиции, местных розыскных учреждений и Заграничной агентуры». Указывая на то, что последние разоблачения лишили Департамент полиции «ценной агентуры» и «возбудили в наличных сотрудниках недоверие к розыскным органам», Еремин особо обращает внимание на партию эсеров, опасаясь новых

террористических актов.

«При современном положении партии социалистов-революционеров, — пишет он, — на местах в подавляющем большинстве работа приостановилась; известны лишь лица или ранге работавшие по партии социалистов-революционеров или гот вые вступить на эту работу при удобном моменте, но не проявляющие активной деятельности... Усиление Заграничной агт туры путем перевода с места не может быть сделано быстро, — пишет Еремин, — одновременно с нескольких пунктов, так как форсированный наплыв из России эмигрантов и стремление их проникнуть вглубь не пройдут незамеченными их проследят и при малейшей неосмотрительности их проследят. Следовательно, работа в этом направлении должна производиться медленным осторожным темпом. В этом отношении Департаментом уже сделано несколько шагов: мы можем на считать до 5 лиц, направленных за границу...»

С. 153.

«Вторым средством к усилению Заграничной агентуры, — добавляет Еремин, — служит приобретение за границей сотрудников, но за последние годы этот способ встречает значительные затруднения. Опыты в этом направлении дали отрицательные результаты и, кроме того, при частом повторении могут вызвать запрос в Палате Депутатов. Тем не менее подполковнику Эргардту рекомендовано мною разобраться о более осведомленных эмигрантах социалистах-революционерах и о намеченных лицах (2 — 3) донести Департаменту, указав, представляется ли возможность войти с ними в единение местными средствами или потребуется командирование кого-либо для этой цели из России. Кроме того, тому же штаб-офицеру предложено озаботиться проведением в Заграничную делегацию имеющейся в его распоряжении боковой агентуры по парши социалистов-революционеров. С целью достижения большей осведомленности о деятельности группы Савинкова, Климовой и отдельных социалистов-революционеров с боевыми наклонностями учреждено в широких размерах наружное наблюдение за ними, заведена цензура за их перепиской наряду боковым агентурным освещением».

В заключение Еремин писал:

«К изложенному имею честь присовокупить, что Департаментом более года тому назад было сделано обращение к розыскным органам о направлении агентуры за границу, но на этот клич отозвались весьма немногие, большинство же, видимо, опасались расстаться с ценной агентурой. Необходимо повторить призыв, но надо заинтересовать лиц, расстающихся с агентурой, иначе отклика не последует, самое же

водворение агентуры продолжать вести под контролем Департамента»⁴¹.

Как видим, работа по усилению Заграничной агентуры продолжалась, однако, все более серьезным препятствием являлась разоблачительная деятельность Бурцева и его агентов, создание им Особой следственной комиссии. Начался активный поиск агента Бурцева, который доставлял ему сведения, был даже заподозрен сотрудник парижского Бюро заведующий канцелярией Сушков.

Красильников в докладе на имя директора Департамента полиции в 1913 г. сообщал:

«Жизнь Заграничной агентуры ознаменовалась рядом провалов, являвшихся результатом не оплошности самих сотрудников или лиц, ведущих с ними сношения, а изменой лица или лиц, коим доступны, по их служебному положению, дела и документы, относящиеся к личному составу агентуры вообще и заграничной в особенности. Обращает на себя еще внимание то обстоятельство, что в начале года имели место только единичные случаи таких провалов... С осени провалы усилились, и в настоящее время они приняли эпидемический характер».

С. 154.

В сентябре — октябре 1913 г. заведующий Особым отделом Департамента М.Е.Броецкий находился в Париже по поручению товарища министра внутренних дел Джунковского. В связи с предстоящей реорганизацией он должен был проверить эффективность секретной агентуры Заграничного бюро. По результатам проверки им был составлен доклад почти на 100 страницах⁴² с характеристикой каждого сотрудника, который состоял на службе и был ему представлен. Он ознакомился с личным составом работников Бюро и делопроизводством Заграничной агентуры.

Доклад Броецкого — исключительно интересный документ, до сих пор почти не востребованный историками. Учитывая эти обстоятельства, автор счел целесообразным привести пространные выдержки из него.

В этот период в Заграничной охране числилось 23 секретных сотрудника. По партии эсеров — И человек; анархистов-коммунистов — 4 человека; социал-демократов — 2 человека, Бунду — 1, социал-демократии Латышского края — 1, Дашнакцутюн — 1 человек; специально за Бурцевым наблюдали 2 человека.

Все они жили вне Парижа и для беседы с Броецким их вызывали в Париж. После 1884 г. это был второй случай, когда представитель центрального учреждения высшего ранга приехал с инспекторской проверкой. В данном случае решалась судьба каждого секретного

сотрудника.

По результатам проверки были даны оценки и рекомендации — пользоваться далее сотрудником или расстаться с ним в связи с некомпетентностью и малой эффективностью. В докладе Броецкий в видах конспирации давал только охранные клички секретных сотрудников, указав при этом, что «действительные фамилии их мной не записаны».

Большое впечатление на него произвели несколько сотрудников, которым он дал высокие оценки. Сотрудника «Шарни» Броецкий назвал «выдающимся». «Стаж» сотрудника — 12 лет. «Посильная денежная помощь сотрудника членам партии, — писал Броецкий, — а также некоторая материальная поддержка по изданию партийного органа "Знамя труда", дают "Шарни" возможность быть в курсе положения всех дел в партии и ее предположений, а давнее пребывание в рядах партии — умственное развитие, зрелый возраст, твердый характер создали ему уважение членов партии». Броецкий сообщает, что их беседа длилась 2 часа. «"Шарни" является вполне осведомленным и правдивым сотрудником, стоящим весьма близко к лицам, руководящим партией, и может быть отнесен к разряду выдающейся агентуры». Вознаграждение «Шарни» — 2500 франков в месяц. «Происходит "Шарни", по-видимому, из интеллигентной, благовоспитанной семьи; замечается некоторая тяжесть неудачной супружеской жизни»⁴³.

С. 155.

Под этой кличкой скрывалась Мария Алексеевна Загорская. Она действительно пользовалась уважением и авторитетом в организации эсеров, которая не подозревала о ее двойной жизни. Руководил ею непосредственно заведующий Заграничной агентурой Красильников, который был, к тому же, ее большим другом.

Броецкий отметил также деятельность другого секретного сотрудника в партии эсеров — «Жермена», считая его «весьма серьезным, опытным и развитым». «Как сотрудник, — пишет он, — "Жермен" несомненно представляет крупную величину... Он отлично образован и прекрасно говорит»⁴⁴.

В докладе давалась характеристика секретного сотрудника, работающего под кличкой «Николь», который показался ему «весьма серьезным партийным деятелем», несмотря на «сравнительно молодой» возраст. Броецкий добавляет: «Как революционер "Николь" является партийным карьеристом, стремящимся занять возможно высокое положение в революционной среде, а как сотрудник имеет превратное представление о своей роли...» «"Николь" может быть признан весьма

полезным сотрудником, но требующим, во избежание провокационной деятельности, зоркого наблюдения и твердого руководства»⁴⁵.

Хорошее впечатление на него произвел и сотрудник «Корбо», но, в связи с павшим на последнего подозрением в партийных кругах, тот временно отошел от работы. Здесь же Броецкий сообщает о проверке, которую устроили эсеры «Корбо» по предложению Бурцева. По договоренности с Бартольдом — крупным представителем эсеровской партии, с которым «Корбо» был в близких отношениях, было решено «послать на какие-либо инициалы письмо, в которое вложить два полоска и затем поручить "Корбо" получить это письмо и доставить» Бартольду. При доставлении письма Бартольду волосков не оказалось, а это значило, что «Корбо» его предварительно перлюстрировал⁴⁶.

Однако не все сотрудники произвели на Броецкого положительное впечатление. О сотруднике «Мон», который также находился около Бартольда, Броецкий сообщал: «...какими-либо серьезными сведениями "Мон" не располагает, с партийной жизнью, по-видимому, не знаком, связями не обладает и служит лишним балластом для Заграничного бюро». Считает, что от этого сотрудника надо избавиться⁴⁷.

Еще «более бесполезным», с его точки зрения, и «притом лживым» оказался секретный сотрудник «Лежен».

«Весьма выгодное впечатление произвел секретный сотрудник "Скос"», — пишет Броецкий. Под этой кличкой скрывался Андрей Гаврилович Деметрашвили, который был хорошо таким с членами местных эсеровских групп и анархистами, таким с Бурцевым и даже предлагал «похитить» его архив, в

С. 156.

чем охранка не нуждалась, так как около Бурцева были другие лица.

При проверке агентуры Броецкий убедился, что в своей основе состав секретных сотрудников очень сильный, люди «убежденные и преданные своей работе», многие из них имеют не одно высшее образование. Так, работавший по партии анархистов-коммунистов «Космополит» — развит, осведомлен «в революционном отношении», владеет семью языками, «должен быть причислен к выдающимся сотрудникам»⁴⁸.

Другой сотрудник по этой организации «Шарль» также заслужил положительную оценку: «полная его осведомленность об их деятельности и планах и правдивость должны служить основанием для того, чтобы признать его весьма полезным и ценным секретным сотрудником». Иной отзыв был дан об Альберте Михайловиче Цугармане (Орлове), кличка «Сименс». Броецкий назвал его не секретным сотрудником, а «простым

осведомителем» с сомнительной правдивостью⁴⁹.

Из секретных сотрудников, «освещающих» Российскую социал-демократическую рабочую партию, Броецкий выделил «Доде», под этой кличкой скрывался старейший член партии с искровского периода Яков Абрамович Житомирский. Он начал оказывать услуги политическому розыску еще в России в 1901 г., затем — «будучи указан» Гартингу берлинской полицией как лицо, «знакомое с членами Берлинской эмигрантской группы». Эта группа вела активную революционную деятельность, берлинские власти выселили из города всех членов этой группы, в том числе и Житомирского. Он переехал в Париж и примкнул к парижской группе социал-демократов большевиков. Как объяснил «Доде» в разговоре с Броецким, он в настоящее время состоит председателем этой группы, все дела группы разрешаются по его указаниям и согласно его советам».

«Деятельность группы проявляется в чтении рефератов, в устройстве балов для сбора средств на издание и распространение подпольной литературы...» По словам «Доде», члены Государственной думы, входящие в состав социал-демократической фракции, являются в революционном отношении довольно ограниченными личностями, коих необходимо еще образовывать, дабы возможно было надлежащее использование их партией в качестве легальных возможностей. Во всяком случае, названные члены Государственной думы приносят партии некоторую пользу тем, что издают газеты и благодаря этому проповедуют социал-демократические идеи... Наконец, они содержат квартиры, представляющие собою место явок прибывающих в столицу политических деятелей. Что касается группы Ленина, находящейся в Кракове, указывает Броецкий со слов «Доде», то таковая имеет постоянное общение с Парижской группой, причем Ленин весьма часто обращается и Парижскую группу за материальной помощью для организации

157

транспортировки в Россию нелегальной литературы, водворяемой преимущественно контрабандистами. «Доде» известен, между прочим, тем, что в 1908 г. имел в своем распоряжении около двух десятков пятацотрублевых кредитных билетов из числа ограбленных революционерами в Тифлисе на Эриванской площади во время перевозки почтового транспорта. Деньги были даны ему лицами, причастными к этому грабежу, для обмена на другие денежные знаки. Выполнение этого поручения представляло большие затруднения, так как номера ограбленных кредитных билетов были сообщены во все кредитные учреждения Европы,

которые этих денег для размена не принимали. Один из кредитных билетов удалось разменять в банке небольшого курортного города в Германии, где «Доде» прожил несколько месяцев и был известен как врач. Однако, служащий банка, заметив свою ошибку, возвратил ему билет при особой переписке. «Доде» передал эти билеты бывшему вице-директору Департамента полиции действительному статскому советнику Виссарионову в бытность его превосходительства в 1909 г. в Париже, причем представил группе весьма правдоподобное объяснение, указав, что, опасаясь, ввиду неудачного размена билета, преследований полиции, сжег их; в подтверждение этого «Доде» вручил группе отрезанные будто бы им от кредитных билетов уголки, которые в действительности были высланы Департаментом полиции, когда в группе возник об этих деньгах вопрос. Этот случай дал группе основание заподозрить «Доде» в присвоении украденных денег. Для разрешения сего вопроса была составлена особая комиссия, реабилитировавшая «Доде». Несмотря на это, Бурцев считает «Доде» подозрительным человеком, чувствует, что дело о кредитных билетах носит какой-то «провокационный» характер, но в чем именно заключается предательство со стороны «Доде», не может уяснить себе, и поэтому опасается открыто обвинять «Доде» в партийной измене, тем более, что «Доде» снискал себе полное доверие со стороны Парижской группы большевиков, является вполне независимым человеком как издатель имеющего широкое распространение медицинского журнала и предоставляющий в редакции этого журнала многим бедным партийным деятелям честный труд.

«Ввиду указанного выше партийного положения "Доде", — пишет Броецкий, — осведомленности, связей и знания партийной жизни его надлежит отнести к разряду весьма ценных и выдающихся сотрудников, вполне заслуживающего того вознаграждения в размере 2000 франков, которое он получает»⁵⁰.

«Продолжительное время служит помощью в деле розыска и секретный сотрудник "Ней"», — отмечает Броецкий. Под этой кличкой скрывался Гудин Василий Григорьевич, бывший студент Петербургского Технологического института.

С. 158.

1901 по 1905 г. он являлся сотрудником Петербургского охранного отделения. Затем был передан Заграничной агентуре и поселился в городе Льеже. «Среди революционных деятелей, — пишет Броецкий, — "Ней" выдает себя за социал-демократа большевика, в действительности же является убежденным монархистом. По его словам, в Льеже существует

эмигрантская колония, насчитывающая в своих рядах около 2000 человек и разделяющаяся на группы социал-демократов, социалистов-революционеров, анархистов и польской социалистической партии. Состоя секретарем и библиотекарем группы социал-демократов, "Ней" сплотил возле себя членов этой группы и приобрел известность не только среди них, но и во всей эмигрантской колонии как лицо, у которого каждый вновь прибывший эмигрант может собрать нужные ему сведения и получить руководящие указания... По своему положению в революционной среде, осведомленности, правдивости "Ней" может быть отнесен к разряду вполне удовлетворительных и полезных секретных сотрудников. Доставляя уже 12 лет сведения по розыску, "Ней", очевидно, тяготится своим положением и указывает на то тяжелое состояние духа, которое он испытывает в силу необходимости мыслить, как монархист, одно, а высказывать, как искусственный революционный деятель, другое. Несмотря на это, "Ней" далек от отказа в сотрудничестве, считая таковое делом безусловно полезным для родины. По происхождению "Ней" русский, получает он за свой труд вознаграждение в размере 400 франков»⁵¹.

Как было сказано выше, около Бурцева находились два секретных сотрудника Заграничной агентуры. Один из них носил кличку «Матис».

Броецкий подробно описывает внедрение этих агентов в революционную среду. «Матис» ранее состоял секретным сотрудником отделения. Для укрепления своего положения в партии и «создания более прочного революционного положения» он был привлечен к политическому дознанию по сфабрикованному полицией делу. До рассмотрения дела в судебном порядке полицией был организован его побег из тюрьмы и из России. Прибыв за границу, он поселился в Париже, вошел в состав Заграничной агентуры. Заведенное на него дело в Москве было прекращено. Как сообщил в беседе с Броецким «Матис», поскольку он является дальним родственником революционера Павла Крякова, состоявшего во время студенчества в дружеских отношениях, с одной стороны — с Бурцевым, а с другой — с Азефом, то он, «Матис», по прибытии в Париж был подвергнут всестороннему допросу Бурцевым, Агафоновым, Гнатовским и Юделевским для определения, не соединено ли его появление в Париже с какими-либо провокационными целями. Ввиду того, что ничего подозрительного в отношении «Матиса» выяснено не было, Бурцев приблизил его к себе

С. 159.

и стал давать ему разные поручения по обнаружению в Париже русских розыскных органов и выяснению личного состава секретной

агентуры. Прекрасно инструктируемый руководящим им подполковником Эргардтом и весьма преданный последнему, «Матис» до доклада Бурцеву о выполнении поручений сообщал об этом подполковнику Эргардту и поступал согласно его указаниям. «Таким образом, раньше доставления Бурцеву перехватываемых им по приказанию сего последнего писем некоторых лиц, интересующих названного эмигранта, письма эти доставляются подполковнику Эргардту. Затем, например, когда "Матис" по приказанию Бурцева вел наблюдение за подполковником Эргардтом, то об этом последний был своевременно осведомлен и наблюдение никаких результатов не дало. Когда подполковнику Эргардту в период слежки за ним настоятельно было необходимо вывезти вещи из своей квартиры, за которой по приказанию Бурцева усиленно наблюдал Леруа (бывший филер Заграничной агентуры, перешедший к Бурцеву. — 3.77.), то "Матис" пришел на помощь тем, что в день перевозки вещей отвлек Леруа по какому-то делу в другую часть города, и местонахождение новой квартиры семьи подполковника Эргардта осталось невыясненным. "Матис" свидетельствует, что Бурцев в настоящее время страдает полным отсутствием средств, но надеется в скором времени получить 10 тысяч франков, которые обещал ему какой-то профессор из С.-Петербурга. Общение с Бурцевым «Матис» имеет почти ежедневно, если не лично, то по телефону, причем при полном отсутствии денег у Бурцева, старается к нему не заходить, так как Бурцев бесцеремонно достает у него из кармана кошелек и берет деньги, которых затем не отдает. Ввиду приносимой пользы в специальном вопросе по освещению деятельности Бурцева, осведомленности, развитию и правдивости "Матиса" надлежит отнести к разряду весьма полезных секретных сотрудников; получаемое вознаграждение в сумме 500 франков "Матис" вполне заслуживает»⁵².

Вторым лицом, приставленным к Бурцеву, был секретный сотрудник «Бернард». В беседе с Броецким он не дал никаких определенных сведений о своей фамилии и своем прошлом, не указал это и подполковнику Эргардту при поступлении на службу. Предложил свои услуги «Бернард» сам. Сведения он начал давать с февраля 1913 г. По его объяснению, он находится за границей уже 4 года, знаком с Бурцевым и последний год «занимается у него тем, что переписывает написанные Бурцевым неразборчивым почерком его статьи, предназначенные для печатания в газете "Будущее", помогает Бурцеву в наведении справок по его личному архиву. Архив Бурцева представляет собой большой книжный шкаф, наполненный разного рода переписками». Но наиболее ценные материалы, как сообщил «Бернард», «Бурцев хранит в квартире какого-то француза».

С. 160.

В последнее время «Бернард» дал сведение о том, что Бурцева посетила какая-то дама, которая была у него впервые. Заключает это «"Бернард"» из того, что, когда он, "Бернард", на ее звонок вышел в переднюю отворить дверь, то дама спросила его, он ли Бурцев. Услыхав женский голос, Бурцев вышел в переднюю и, поздоровавшись с дамой, увел ее в отдельную комнату, закрыв за собою дверь. Из отрывочных слов разговора дамы с Бурцевым, услышанных из другой комнаты, "Бернард" заключил, что она доставила Бурцеву письмо, которое служило дополнением к письму, полученному Бурцевым ранее от ее мужа. Так как присланное мужем дамы письмо послужило содержанием написанной Бурцевым для очередного номера "Будущего" статьи о... тов[арище] министра внутренних дел генерал-майоре Джунковском, то доставление дамой дополнительного письма послужило основанием к задержанию выпуска названной газеты вследствие необходимости в дополнении указанной статьи. Насколько "Бернард" мог заключить из разговора Бурцева с упомянутой посетительницей, последняя стоит близко к лицам, служащим или в Департаменте полиции, или Петербургском отделении по охранению общественной безопасности и порядка, или, наконец, в ведомстве Дворцового коменданта...» Подозрение пало на Герасимова и его жену, которые в это время должны были быть в Париже. За ними в Париже и их квартирой в Петрограде было установлено наблюдение.

По мнению «Бернарда», Бурцев «находится в сношениях с кем-либо из служащих Департамента полиции или Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице, так как получает сведения, которые затем облекаются в действительность».

«Как лицо, специально дающее сведения о деятельности Бурцева, — пишет Броецкий, — и значительно осведомленное о таковой, "Бернард" может быть признан вполне удовлетворительным секретным сотрудником. Получает он вознаграждение в сумме 500 франков и таковое вполне заслуживает»⁵³.

Броецкий отмечал, что непосредственные руководители секретной агентуры: подполковник Эргардт, ротмистр Люстих — правильно организуют работу агентов. Все секретные сотрудники, за исключением воспитанников высших учебных заведений, «заняты каким-либо специальным трудом, доставляющим им средства к жизни, и не живут исключительно на те деньги, которые получают за доставление сведений. Что касается отношений к агентуре лиц, руководящих ею, то таковые вполне нормальны; благодаря этому у агентуры развита откровенность,

правдивость, а также преданность к лицам, отбирающим от нее сведения. Отношения между лицами, ведущими агентуру, также во всех отношениях прекрасны.

С. 161.

Для свидания с некоторыми только сотрудниками, преимущественно служащими, весьма продолжительное время существует конспиративная квартира...» В ней также «происходят встречи по делам службы коллежского советника Красильникова и подполковника Эргардта»⁵⁴.

Проверкой, проведенной Броецким, практически было дано добро на реорганизацию Заграничной агентуры.

Красильников остается официальным лицом, представителем Министерства внутренних дел, присланным для связи с местными властями и российским посольством. Предполагалось, что его руководство работой Заграничной агентуры будет осуществляться через подполковника Эргардта. В то же время, судя по отчетности, он продолжал «вести» «Шарни» — Загорскую.

В непосредственном его распоряжении также оставались агенты для охраны высокопоставленных лиц, прибывающих за границу.

Служба наружного наблюдения, заведующим которой был Биттар-Монен, как и предлагал ранее Красильников, официально упразднена. Всем агентам сообщили о ее ликвидации, им были выданы пособия, взяты расписки, что они не имеют претензий к своим руководителям. Биттар-Монен оставался на службе в качестве чиновника «для исполнения разного рода отдельных поручений по сношениям с чинами французской полиции, по текущим делам»⁵⁵.

Однако некоторые из уволенных не удовлетворились выданными пособиями и продолжали искать подходы к российским полицейским властям, требуя помощи и содействия. В этой связи представляет интерес письмо агента наружного наблюдения, работавшего в Италии. Поскольку в этом письме содержится не только просьба о материальной помощи, но раскрывается и облик агента, есть смысл привести его полностью.

«Ваше превосходительство!

Имею честь изложить Вашему Превосходительству нижеследующее: я поступил на службу в русскую полицию два года тому назад. Причины, заставившие меня вступить на этот путь и покинуть мое, весьма выгодное коммерческое положение, были постоянные ко мне обращенные просьбы и также хорошие условия вознаграждения (700 р.), а особенно уверения, что, так как это служба казенная, она будет на всю жизнь, а в случае, если я ее покину после 10 лет службы, мне будет дана пенсия 250 р. в месяц. Эти

гарантии были мне даны начальником службы в Италии г. Анри Дюреном, и, не имея в то время основания сомневаться в серьезности этого господина, принял его предложение.

Ваше Превосходительство, извините меня, что я позволил себе войти в подробности работы, которую я исполнял, я никогда бы этого не сделал, если бы не был вынужден так поступить

С. 162

благодаря теперешнему положению вещей. Среди разных данных мне поручений я имел поручение в Специи в течение шести месяцев. В Феццано, маленьком селении близ Специи, была русская колония (семья Амфитеатрова и семья Чернова⁵⁶; мне было поручено перехватывать их переписку, снимать копии писем и передавать эти копии в Париж. Я не вхожу в подробности всех трудностей, которые представляла эта работа и которые приходилось преодолевать, они вызывались условиями маленькой деревни, подозрительностью итальянской полиции, так как Специя — военный порт, я только говорю о количестве и значении посланных мною корреспонденции и о том, что я на этой работе рисковал своей жизнью, получая угрозы смерти от русских и письменные, и на словах: мне грозила и тюрьма, если бы меня поймали с письмами в карманах, когда я возвращался из Фиццано в Специю. По причинам, вызванным осторожностью, а не по моей вине, меня просили прекратить эту работу и дали другие поручения по наблюдению, которые я всегда исполнял удовлетворительно. В настоящее время, вследствие распоряжений, вызванных предательством Франческо Леоне ⁵⁷, мне сообщили, что служба совершенно ликвидирована, и в виде вознаграждения мне дали тысячное содержание. Я надеюсь, что Ваше Превосходительство примет во внимание, что серьезный проступок одного лица не должен так лично отзываться на мне, и отыщите также работу, выходящую из нормальных рамок, в которых работали другие агенты, для которой я жертвовал своей честностью и кредитом. Я говорю честностью и кредитом вследствие шума, вызванного моей работой в итальянских и французских газетах; я эти газеты не мог привлекать к ответственности по причинам административной дисциплины, которым я никогда не изменял; я не только не мог нравственно реабилитироваться, но должен был молчать, так как начини я дело, это повлекло бы за собой пагубные для службы последствия. Если бы газетные известия появились только во Франции, где меня не знают, беда была бы невелика, но, к несчастью, они появились во всех больших итальянских газетах, в частности, здесь, в Лигурии, где я родился, провел всю жизнь, имею родных и друзей и где мне, благодаря

состоявшейся ликвидации, приходится теперь искать другие средства существования. Обращаюсь к Вашей справедливости и Вашему сердцу, сравните мое общественное положение до поступления на службу и теперь при моем возрасте 39 лет. Кредит для человека, всегда занимавшегося торговыми делами, имеет большее значение, чем капитал, — это точка опоры для общественного положения. Этого кредита я лишился и должен поэтому покинуть свою родину. Я убежден, что Ваше Превосходительство не захочет покинуть верного служащего, посвятившего Вам все свои силы и, повторяю, свою честность, и найдите возможность дать мне в какой

С. 163.

найдете лучшей форме справедливое вознаграждение и помочь уехать в Южную Америку, чтобы трудом своим создать себе новое положение. Давая мне вознаграждение, Вы, я надеюсь, учтете значительную стоимость дорожных расходов и что мне будет стоить начать новую работу в стране, где я человек чужой.

Прошу Ваше Превосходительство принять выражение моей горячей благодарности и глубокого уважения.

Артур Фрументо».

Служба наружного наблюдения, безусловно, была нужна, но ее решили организовать на иных началах. На средства Департамента полиции было создано частное розыскное бюро, называвшееся по имени его «владельцев» — «Бинт и Самбэн».

Генрих Бинт и Альберт Самбэн — бывшие агенты наружного наблюдения. Бюро вполне легально могло заниматься розыскной деятельностью, принимая заказы как от отдельных лиц, так и государственных учреждений. Бюро работало под контролем Красильникова. Связь с Красильниковым и встречи на конспиративных квартирах осуществлялись только Бинтом и Самбэном. Рядовые агенты бюро не должны были знать, что они находятся на службе российского правительства.

Число агентов службы наружного наблюдения было сокращено. В бюро «Бинт и Самбэн» было принято немногим более половины прежнего состава. Вместе с руководителями их было 18 человек, испытанных и доказавших свою преданность российскому правительству.

Генрих Бинт был «старослужащим» Заграничной агентуры. С 1878 г. он служил инспектором парижской полиции. В 1881 г. поступил на службу в качестве наблюдательного агента в «Святую лигу» («Священную дружину»). По упразднении ее он перешел на службу в Заграничную агентуру.

Красильников, рекомендуя Департаменту полиции Бинта и Самбэна, писал: «32-летняя служба Бинта в Заграничной агентуре дает основание отнестись с доверием как к личной его честности и порядочности, так и к его розыскному опыту, созданному многолетней практикой не только во Франции, но и в других государствах Европы: Германии, Италии, Австрии. Кроме того, по натуре своей несколько тщеславный, Бинт наиболее подходит к предстоящей ему роли».

В качестве компаньона Красильников предлагал Самбэна (Самбена), «на порядочность, скромность и честность которого тоже вполне можно положиться»⁵⁸.

Стоит отметить, что опыт Бинта использовался при наблюдении и охране членов семьи Романовых, высокопоставленных российских деятелей во время их пребывания за рубежом. Бинт участвовал в охране совместно с агентами российской, французской, немецкой полиции во время поездки за рубеж Николая II, вел. кн. Владимира Александровича, С. 164.

вел. кн. Николая Николаевича (младшего). В его материалах сохранилась переписка с германской полицией об охране Столыпина и его семьи во время их поездки в Германию⁵⁹. Как и в России, за рубежом охрана высокопоставленных лиц осуществлялась службой наружного наблюдения, а с 1906 г. ее осуществляли еще и филеры дворцовой охраны.

Однако были ситуации, когда и за членами царской фамилии устанавливалось наблюдение. Сохранились документы, свидетельствовавшие о наблюдении в Париже за княгиней Е.М. Юрьевской, морганатической женой Александра II. Особо тщательное наблюдение было установлено осенью 1912 г. за великим князем Михаилом Александровичем и Н.С. Вульферт. Связано это было с ухудшением состояния здоровья наследника Алексея во время пребывания царской семьи в Спале, в случае смерти которого вел. кн. Михаил становился наследником престола. Узнав об этом, великий князь и Вульферт поспешили оформить свои отношения. Они знали, что в России им обвенчаться не удастся и срочно выехали за рубеж. Специально для наблюдения за ними был послан за границу генерал Герасимов с широкими полномочиями, вплоть до ареста князя.

В книге воспоминаний, написанной за рубежом, Герасимов сообщает: «В мое распоряжение поступило 4 или 5 филеров нашего парижского отделения во главе со старым испытанным работником последнего Г. Бинтом. Я дал им соответствующие инструкции. За великим князем удалось установить точное наблюдение... При всех поездках и выходах

великого князя сопровождали агенты. Особенно обязаны они были следить за посещением великим князем церквей. Если бы в церковь отправились одновременно и великий князь, и госпожа Вульферт, агенты должны были немедленно сообщать об этом мне, и я должен был мчаться для того, чтобы выполнить высочайшую волю относительно ареста великого князя»⁶⁰. Однако миссия Герасимова не увенчалась успехом. Дезориентированный нанятой им прислугой в доме великого князя, он выехал в Ниццу, в то время как великий князь с Вульферт выехали в Вену, где обвенчались в сербской церкви.

Бинт вполне оправдал оказанное ему доверие. Личный фонд Г. Бинта, хранящийся в ГА РФ, небольшой по объему. Одна часть материалов была куплена директором музея революции С. Мицкевичем во время его командировки в Париж уже после смерти Бинта. В 1929 г. эти документы были переданы в архив. Вторая группа материалов поступила в составе Пражского архива⁶¹. В фонде Бинта имеются списки русских подданных, живших в Париже, за которыми велось наблюдение, обзоры деятельности русской и польской эмиграции за 1915 и 1916 гг., материалы филерского наблюдения за Лениным, Литвиновым, Мануильским, Мартовым, Троцким. Среди документов наружного наблюдения обращает на себя внимание

С. 165.

справка заграничной охраны с сообщением о приезде в Швейцарию в декабре 1916 г. Ленина и посещении им германского посольства. В сообщении говорится, что: «Прибыв в Берн в 10 ч. утра, он (Ленин. — З.П.) направился в отель «Франция», недалеко от вокзала, где снял номер.

Полчаса спустя он вышел из отеля и поехал на трамвае в другую часть города. По улице шел петляя и время от времени оборачиваясь.

В 11 ч. 30 мин. утра он вошел в германское посольство. Наблюдение за посольством продолжалось до 9 ч. вечера, но выхода Ульянова не видели. Он не вернулся в отель ни вечером, ни на следующее утро.

Наблюдение за посольством было возобновлено 29 утром только в 4 ч. пополудни. Ульянов вышел из посольства и, очень торопясь, возвратился в свой отель. Через четверть часа он вышел из отеля и поездом возвратился в Цюрих. Представленные мною сведения доказывают, что Ульянов, он же Ленин, так же как и Бронштейн, он же Троцкий, являются агентами: первый — Германии, а второй — Австрии»⁶². Под сообщением подпись «Бинт». Однако форма сообщения, бумага, машинка, оформление документа, а главное, подпись убеждают в том, что мы имеем здесь дело с явной фальшивкой.

Видимо, стремление придать большую убедительность версии о том,

что Ленин был «германским шпионом», было настолько велико, что подвигло кого-то из тех, кто работал с материалами архива Бинта, на такую явно топорную фальшивку. Впрочем, как мы убедились, такого рода творчество не было столь уж оригинальным. Документ был сфабрикован уже после смерти Бинта.

Сохранились записные книжки Бинта с его пометками и донесения его агентов. Здесь же документы, связанные с наблюдением за вел. кн. Михаилом Александровичем и Н. Вульферт, их фотографии, выполненные агентами⁶³.

Будучи одним из самых старых сотрудников Заграничной агентуры, Бинт имел тесные связи и хорошие контакты со всеми ее руководителями уже после их отставки, о чем свидетельствует его переписка с Ратаевым, которая продолжалась до 1917 г. Также до 1925 г. продолжались отношения с последним руководителем Заграничной охраны Красильниковым.

После революции Бинт работал на Советскую Россию вплоть до 1925 г.

Во время Первой мировой войны деятельность Заграничной агентуры приобрела несколько иное направление. Если раньше Бинту категорически запрещалось заниматься контрразведкой, то теперь из Департамента поступило специальное распоряжение министра внутренних дел А.Д. Протопопова, по просьбе графа Игнатьева, начальника русской контрразведки в Париже, Красильникову было дано поручение заняться некоторыми

С. 166.

вопросами, связанными с военной контрразведкой. В связи с военным временем приходилось выполнять обязанности и военной цензуры. Эта работа проводилась заметно сузившимся кругом секретных сотрудников, так как большая часть из них была призвана в армию. Разведывательная деятельность становится одной из обязанностей частного розыскного бюро «Бинт и Самбэн», о чем свидетельствует сохранившаяся переписка с агентами⁶⁴; а также записка самого Бинта о деятельности германофильских организаций в Финляндии и Швеции ⁶⁵. Агенты Бинта не были достаточно законспирированы, и в феврале 1917 г. в швейцарском суде против него было возбуждено дело по обвинению в разведывательной деятельности против Германии на территории Швейцарии.

Заграничная охранка требовала к себе постоянного внимания. В то же время перегруженное другими делами не находило времени на руководство ею. В этой связи представляют интерес показания одного из последних руководителей Департамента полиции Климовича, данные им в ЧСК 19

марта 1917 г. «...Это совершенно бесполезное, дорогостоящее и съедающее наш бюджет учреждение (он предполагал, что охранка стоила 150 000 рублей в год. Красильников получал около 14 000. — З.П.). Красильников представлял по существу, на мой взгляд, пустое место, — продолжал Е. Климович, — он плохо разбирался в получаемых им сведениях... иногда Департамент полиции страшно озадачивал своими донесениями. Видно было, что человек присылает целую кипу сведений, в которых он разобраться не может, которые нас волнуют и тревожат, и пугают, и мы должны посылать ему запросы, выяснять обстоятельства дела. У меня было желание его сменить...»⁶⁶.

Показания Климовича интересны не столько оценкой работы Заграничной охранки, сколько как свидетельство общей растерянности и кризиса полицейских верхов в последние годы существования режима.

Примечания

1 См.: Лемке М. Наш заграничный сыск (1881 — 1883 гг.) // Красная летопись. 1923. № 5. Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг., 1918. Заграничная агентура Департамента полиции (Записки С. Сватикова и документы Заграничной агентуры). М., 1941; Григорьева Е.А. Революционно-народническая эмиграция конца XIX века // Сб. научных работ аспирантов. М., 1970 (МГУ); Киперман А.Я. Главные центры русской революционной эмиграции 70 — 80-х годов XIX в. // Исторические записки. Т. 88. М., 1971; Вахрушев И.С. Русские революционеры и Заграничная агентура царизма в 70—80-х гг. XIX в. // Межвузовский научный сборник «Освободительное движение в России». Вып. 8. Саратов. 1978. С. 53-70.

2 ГА РФ. Ф. 109. С/а. Оп. 3. Д. 711; см.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 гг. М., 1964. С. 177-178; Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 117, 177-179.

3 Оржиховский И.В. Указ. соч. С. 179-180.

4 Там же. С. 80.

5 ГА РФ. Ф. 1766. Оп. 1. Д. 1-5 за 1881-1883 гг. Фонд Священной дружины.

6 ГА РФ. Ф. 102. 3 д-во. 1884. Д. 39. Ч. 1. С. 39-40. Проект контракта с А. Барлэ.

7 Агафонов В.К. Заграничная агентура. М., 1918. С. 5 — 6.

8 ГА РФ. Ф. 10003 (Заграничная агентура Департамента полиции (Париж)). Оп. 1. Предисловие. С. 28.

9 ГА РФ. Ф. 10003.

10 Записка Г.К. Семякина от 12 марта 1884 г. См.: ГАРФ. Ф. 102. 3 д-

во. 1884. Д. 39. Ч. 1. С. 17-25.

11 Брачев В.С. Мастер политического сыска Петр Иванович Рачковский // Английская набережная, 4. СПб., 1997. С. 291-324.

12 См.: ГАРФ. Ф. 102. 00. 1905. Д. 16. 16. Ч. 1.

13 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1898. Д. 1.4. 4; Ч. 4. Лит. В. и Там же. Ф. 102. 3 д-во. 1891. Д. 3, 4; 1896. Д. 1.

15 Там же. Ф. 102. 3 д-во. 1893. Д. 4; 3 д-во. 1894. Д. 3.

16 Дело об организации агентуры на Балканском п-ове. См.: ГА РФ. Ф. 102. 00. 1898; Д. 1. Ч. 14; Д. 1. Ч. 14. Лит. А.

17 Там же. Ф. 102. 00. 1904. Д. 1.4. 12; Ф. 505. Оп. 1. Д. 130.

18 ГА РФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 21, 23, 26.

19 Там же. Д. 35, 38, 41.

20 Там же. Д. 24.

21 Там же. Д. 115. Ф. 102. 00. 1898; Д. 1.4. 12.

22 Там же. Ф. 102. 00. 1898. Д. 1. Ч. 9; Д. 1. Ч. 9. Лит. Г.

23 Агафонов В.К. Указ. соч. С. 7, 8.

24 Заграничная агентура Департамента полиции (Записки С. Сватикова и документы Заграничной агентуры). С. 103.

25 Агафонов В.К. Указ. соч. С. 52 — 53; Брачев В.С. Мастер политического сыска Петр Иванович Рачковский С. 305.

26 Агафонов В.К. Указ. соч. С. 55 — 56.

27 Там же. С. 58-59.

28 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 12. Л. 229. ЦДП от 16 авг. 1905 т, № 10501.

29 ГА РФ. Л. 102. 00. 1907. Д. 5. Ч. 80. Пр. Л. 154об.

30 Там же. Л. 52 — 291. См.: Перегудова З.И. Источник изучения социал-демократического движения в России (материалы фонда Департамента полиции // Вопросы истории КПСС. М., 1988. № 9. С. 88-100.

31 Там же. Л. 51. См. также: Агафонов В.К. Указ. соч. С. 78—79.

32 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1909. Д. 1; Ч. 3. Л. 2, 5, 8, 20-22.

33 Там же. Л. 56-58.

34 Там же. Л. 73.

35 Там же. Л. 25.

36 Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Т. 2. С. 112.

37 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1910. Д. 1. Ч. 4. Т. 1. Лит. Д. Л. 2, 2об., 75, 85.

38 Заграничная агентура Департамента полиции (Записки С. Сватикова). С. 131-132.

- 39 Там же. Л. 134.
- 40 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1911. Д. 1. Ч. 1. Лит. Д. Т. 6.
- 41 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1911. Д. 148. Л. 5 об.-8 об.
- 42 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 314. Д. 24. Л. 1-49.
- 43 Там же. Л. 4-5об.
- 44 Там же. Л. 9, Поб. Под этой кличкой скрывался Абрамов И.Л.
- 45 Там же. Л. 14. Масс Александр Михайлович (Тодарисович).
- 46 Там же. Л. 15об. —16. Под этой кличкой работал Якобсон Герш Нухимович.
- 47 Там же. Л. 17об. «Мон», он же Высоцкий Михаил Сергеевич, он же Савнори Петр Францевич. Настоящее имя — Куранов Михаил Сергеевич.
- 48 Там же. Л. 23об.
- 49 Там же. Л. 26 —26об. «Шарль» — кличка секретного сотрудника Долина Б.М.
- 50 Там же. Л. 27об.-30.
- 51 Там же. Л. 30-31.
- 52 Там же. Л. 37 — 38. «Матис» — Зиновьев Александр.
- 53 Там же. Л. 38об., 39, 41. Под этой кличкой работал Верецкий Н.Н.
- 54 Там же. Л. 42об.-43.
- 55 Заграничная агентура Департамента полиции (Записки С. Сватикова). С. 140.
- 56 Имеются в виду семьи Амфитеатрова Александра Валентиновича, прозаика, публициста, литературного и театрального критика, и Чернова Виктора Михайловича, члена ЦК партии эсеров. См. также: Коляри Э. Русская тайная полиция в Италии // Былое. 1924. № 25. С. 130—154.
- 57 Франческо Леоне, бывший агент (филер) Заграничной агентуры, перешедший на сторону В.Л. Бурцева.
- 58 Цит. по кн. Агафонов В.К. Указ. соч. С. 115—116.
- 59 ГА РФ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 70.
- 60 Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М. 1991. С. 181.
- 61 ГА РФ. Ф. 509. См.: Протокол закрытого заседания коллегии Главархива 4с от 14 декабря 1929 г., о приеме от Музея революции СССР материалов Бинта. Оплата должна была производиться через Берлинское полпредство. Стоимость документов — 400 долларов. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 684. Л. 4.
- 62 Там же. Д. 38.
- 63 Там же. Д. 129.
- 64 Там же. Д. 67.
- 65 Там же. Д. 68.

66 Падение царского режима. М.; Л. 1925. Т. 1. С. 84 — 85.

Раздел 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА

Глава 5.

СЛУЖБА НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ

Служба наружного наблюдения была создана задолго до организации Департамента полиции¹. Она состояла в основном из филеров-агентов, которые имелись при учреждениях как уголовного, так и политического сыска. Однако с ростом революционного движения, созданием нелегальных политических партий подобного рода разобщенность уже не могла устроить полицейские власти. Первой попыткой укрепления службы наружного наблюдения и ее централизации было создание в 1894 г. при Московском охранном отделении Летучего отряда филеров.

§ 1. Летучий отряд и организация филерской службы

Отряд был создан для более успешной борьбы с «неблагонадежным элементом» и «тайными организациями» в империи. В момент создания он насчитывал 30 человек, и на его содержание отпускалось 19800 руб. в год. Отряд был организован при Московском охранном отделении, но по указаниям Департамента полиции филеры отряда командировались в различные губернии для наблюдения за «революционным элементом». Потребность в услугах отряда росла, и в январе 1901 г. его состав увеличивается еще на 20 человек, а на его содержание дополнительно ассигнуется 12000 руб.

Летучий отряд находился на привилегированном положении. Основная часть его сотрудников имела большой опыт работы, знала свое дело. Однако поездки и командировки нередко вызывали осложнения, главным образом в связи с заносчивостью столичных филеров. Как писал в своей записке «Об условиях деятельности русской политической полиции» Рачковский (27 мая 1902 г.), некоторые сотрудники летучего отряда «до крайности избалованы, проникнуты каким-то артельным коммунным духом, никого из местных властей не признают, смотрят на начальников ГЖУ свысока, подчас дерзки и заносчивы, при столкновении с местными агентами стараются выставить свое превосходство, хвастаются своими делами и

С. 172.

значительными денежными средствами, издеваются над своими провинциальными товарищами и поселяют в них завистливое недоброжелательство, что сильно деморализует местных агентов, состоящих в большинстве случаев из жандармских унтер-офицеров,

получающих грошовое содержание и суточные»^{1а}.

В 1902 г. при реорганизации системы политического сыска и создании розыскных пунктов Летучий отряд при Московском охранном отделении был расформирован, основная часть личного состава была распределена по новым розыскным пунктам, а 20 квалифицированных сотрудников вошли в состав отряда, образованного при Департаменте полиции. В октябре 1902 г. была разработана «Инструкция филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений». Она состояла из 21 пункта и авторами ее были Зубатов и Медников (См. приложение). Ею пользовались вплоть до 1907 г., когда она была заменена двумя новыми инструкциям².

В период революции 1905 г. на отряд при Департаменте возлагаются все новые обязанности, растут расходы, отпускаемые на его содержание. 28 марта 1906 г. в одной из докладных записок Департамента полиции отмечалось, что содержание отряда стоит дорого и что «существование его является ненормальным и не соответствующим назначению Департамента полиции как центрального учреждения»³. В связи с этим отряд предлагалось расформировать, а средства направить на усиление «розыскных и наблюдательных средств» охранных отделений и розыскных пунктов⁴. Можно предположить, что у директора Департамента не было желания руководить деятельностью Летучего отряда, обрабатывать его информацию. Когда писалась эта записка (март 1906 г.), филерский отряд фактически был уже прикомандирован к Петербургскому охранному отделению (с января 1906 г.). Отряд был сокращен до 15 человек, суммы на его содержание резко уменьшены (с 52 тыс. до 13,5 тыс. руб.).

18 мая 1906 г. появляется новая докладная записка (Э.И. Вуича) с предложением восстановить летучий отряд. Она интересна по содержанию и характеризует положение розыскной деятельности на местах. Автор пишет: «...все чаще и чаще возникают случаи острого положения революционного движения в той или другой местности, вызывающие необходимость немедленного и осторожного наблюдения посредством опытных агентов. В местностях, где не имеется охранных отделений и где жандармские управления ведут дело наблюдения исключительно посредством жандармских унтер-офицеров, в большинстве случаев хорошо известных местному населению, с особенной силой выступает необходимость спешной посылки туда наблюдательных агентов, опытных и никому не известных.

С. 173.

При отсутствии Летучего отряда приходится в таких случаях прибегать к командировкам агентов из охранных отделений, иногда далеко

отстоящих от подлежащей обследованию местности». Автор считает, что это ослабляет уже поставленное наблюдение в охранном отделении, так как снимает людей с налаженной работы. Кроме того, охранные отделения в таких случаях посылают людей «худшего сорта и мало надежных», хотя дело требует «лучших сил». «Личные же качества филеров бывшего летучего отряда Департаменту представляются особенно ценными, потому что большинство из них — люди давно служащие, прошедшие хорошую школу, дисциплинированные, хорошо знающие многих революционных деятелей и в большинстве случаев могущие вести наблюдения самостоятельно»⁵. На докладе имеется резолюция: «Доложено г. Министру. Приказано расформирование приостановить до особого распоряжения и продолжить пока по-прежнему платить жалование». 23 мая 1906 г., через несколько дней после назначения директором Департамента полиции Трусевича, он пишет начальнику Петербургского охранного отделения Герасимову: «Прошу В.В. возлагать на филёров этого отряда наиболее ответственные поручения вне С.-Петербурга»⁶.

Огромные усилия, которые в этот период предпринимаются для насаждения секретной агентуры, отодвинули наружное наблюдение на второй план. Тем не менее эта служба остается одним из наиболее важных источников получения сведений о деятельности революционных сил. Через наружное наблюдение шла разработка данных секретной агентуры, уточнялись и проверялись ее сведения.

Положение с наружным наблюдением на местах все более тревожило чинов Департамента полиции. Данные ревизий, сообщения с мест свидетельствовали о слабой подготовке филеров, низких моральных и профессиональных качествах, слабой заинтересованности в службе. В годы революции наблюдался уход наиболее опытных филеров в связи с тем, что опасность их работы возрастала, а вознаграждение оставалось прежним, положение семьи в случае потери кормильца никак не обеспечивалось. Как вольнонаемные служащие, они не пользовались правами и льготами чинов полиции. Стремясь навести порядок в этой службе, Трусевич собирает пожелания опытных руководителей, которые считают необходимым создание центральной школы для подготовки филеров, чтобы последние не пользовались «одними рутинными приемами наблюдения, а умели найтись во всякой обстановке и не останавливались в случае надобности перед сыскными приемами». Ответы начальников охранных отделений сводились к тому, что «главный недостаток современного состава филеров —

С. 174.

недостаточное умственное развитие их, отсутствие инициативы,

находчивости, малое знакомство с приемами наблюдения в условиях настоящего времени, неимение часто авторитетного и опытного руководителя»⁷.

В Департаменте приходили к выводу, что для поднятия этого направления работы необходим более тщательный выбор людей, воспитание и обучение «обязанностям современной службы». Кроме того, что филер должен быть здоровым, крепким, без физических недостатков, «хорошей нравственности», «первостепенное значение теперь приобретает некоторая интеллигентность, умственное развитие, расторопность, связанная с находчивостью». Филеры должны иметь не только навыки установки лиц по приметам, ознакомления с местностью и т.п., но и быть подготовленными теоретически: должны быть знакомы с организацией революционных партий, способами составления примет наблюдаемого, описания одежды, установки личности по приметам, отличиями форменной одежды служащих и учащихся, способами конспирации наблюдаемых, способами наблюдения при различной обстановке, установления квартиры, куда входит наблюдаемый, способами задержания при различных обстоятельствах. Было признано полезным иметь филерами женщин.

В фонде Московского охранного отделения сохранилось достаточно много дел женщин-филеров. Пути поступления их в охранное отделение были различными, но, как правило, они узнавали об этой службе или от мужей — филеров, или знакомых лиц, служащих в полиции. Сохранилось личное дело филерши Федоровой Прасковьи Ивановны^{7а}, муж которой был филером и погиб во время революции в 1905 г. По ходатайству Дубасова ей с сыном выплачивалась пенсия 15 рублей в месяц. В 1912 г. она решила сама пойти на службу в охранку. При поступлении ее заявления был запрошен пристав по месту жительства Федоровой о ее образе жизни и нравственных качествах. Вместе с ней работали еще несколько женщин. В Московском охранном отделении были довольны их работой. Взятые на зарплату 25 рублей, они вскоре получили прибавку еще 10 рублей.

При непосредственном участии Трусевича и Еремина в феврале 1907 г. разрабатывается и рассылается начальникам охранных отделений Инструкция по организации наружного наблюдения, утвержденная Столыпиным. Она касалась исключительно деятельности филеров. Почти одновременно разрабатывается и рассылается Инструкция начальникам охранных отделений, касающаяся их деятельности по организации наружного наблюдения⁸. В Инструкции были учтены многие пожелания местных полицейских властей, касающиеся состава, подготовки,

С. 175.

деятельности филеров. Предпочтение отдавалось строевым запасным нижним чинам унтер-офицерского звания, не старше 30 лет. Среди необходимых качеств филеров перечислялись: благонадежность, честность, трезвость, ловкость, смелость, сообразительность, выносливость, терпеливость, настойчивость, осторожность, дисциплинированность, крепкое здоровье, особенно крепкие ноги, хорошее зрение, слух, память, неброская внешность. Филерами не могли быть лица польской и еврейской национальности⁹.

Забываясь о качественном составе агентов наружного наблюдения, директор одновременно ставит перед министром внутренних дел вопрос лучшего обеспечения филеров, повышения их статуса для закрепления на службе.

В докладной записке от 16 ноября 1906 г. Трусевич писал, что обязанности филеров «весьма ответственные» и сопряжены с постоянной опасностью для их жизни, но «не имея служебных прав, они лишены тех преимуществ, которые предоставлены, по действующим законам, полицейским чинам, что затрудняет привлечение в ряды агентов вполне благонадежных в нравственном отношении лиц». «Вместе с тем, не занимая служебного положения, агенты не подлежат установленной законом для должностных лиц ответственности, а потому начальство лишено возможности как дисциплинарного воздействия на них за проступки по службе, так и привлечения их к судебной ответственности за более тяжкие нарушения служебных обязанностей». Трусевич считает возможным зачислить наиболее опытных и доказавших свою преданность филеров на государственную службу старших — в околоточные надзиратели, младших — в городовые и урядники¹⁰.

По сути дела, Трусевич не предлагал ничего нового. Некоторые начальники Охранных отделений уже практиковали эти меры, не ставя в известность об этом высшее начальство. Как выяснилось, 27 филеров из числа 79 находившихся на службе в Московском охранном отделении, к моменту переписки значились на должностях околоточных надзирателей резерва Московской городской полиции с откомандированием в Московское охранное отделение. Подобные меры практиковались в Донском охранном отделении, Иркутском, Нижегородском, Харьковском¹¹. По согласованию с министром внутренних дел этот вопрос был решен следующим образом. Поскольку Москва была единственным городом, в котором, согласно существующему законодательству, можно было иметь неограниченное количество околоточных надзирателей, было принято

решение зачислить старших филеров околоточными надзирателями резерва московской городской полиции с откомандированием в надлежащие охранные отделения с выплатой содержания из

С. 176.

сумм Департамента полиции. Что касается младших филеров, а их было почти в два раза больше, то было решено при со здании соответствующих должностей использовать средства Департамента полиции, «применительно к учреждению подобных должностей на частные средства» 12.

Вначале московский градоначальник А.А. Рейнбот согласился на предложенный вариант. В качестве неперемного условия он требовал, чтобы предназначенные к зачислению околоточными надзирателями резерва московской городской полиции агенты иногородних охранных отделений «были отлично аттестованы со стороны их ближайших начальств» 13. Когда же выяснилось, что в резерв надо было зачислить 237 человек, Рейнбот задумался. «Осуществление сего представлялось бы в высшей степени неудобным, — писал он, — о зачислении их околоточными надзирателями должно быть издано в приказе по Московской городской полиции, причем, конечно, зачисление в эту должность по Москве столь значительного [числа] лиц обратит на себя внимание, вызовет толки, газетные заметки и может повлечь выяснение истинного характера служебной деятельности упомянутых лиц. Между тем, представлялось бы желательным ввести этих лиц возможно незаметнее» 14. Рейнбот предлагал хотя бы на первое время ограничить число лиц, зачисляемых на эту должность. Однако почти все они в первой половине 1907 г. прошли по приказам московского градоначальства.

Филеры, зачисленные на государственную службу на должности околоточных надзирателей, городовыми, урядниками, стражниками (237 человек), выполняли только свои филерские обязанности, формы они не одевали, находились в распоряжении начальников охранных отделений, по отрядам полицейской стражи не распределялись, в их списках не значились, расходов губернской администрации не доставляли. 378 младших филеров были зачислены в состав полицейской стражи якобы на средства частных владельцев, а в действительности — Департамента полиции.

Опасения Рейнбота вскоре подтвердились. С течением времени во многих местностях стало известно об истинном служебном назначении новых должностных лиц. Нередко у них возникали трения с местными полицейскими властями, городовыми, стражниками.

Тем не менее число филеров в 1907—1908 гг. возросло. В связи с упразднением в конце 1907 г. унтер-офицерских жандармских пунктов (за исключением тех, что находились на пограничной полосе) из жандармских унтер-офицеров были сформированы филерские отряды¹⁵. Центральный филерский

С. 177.

отряд с усилением филерской службы на местах прекратил свое существование.

Наибольшее число филеров было в столицах и городах с рабочим населением и студенчеством: в Баку — 12 человек, Вильно — 15, Екатеринославе — 15, Енисейском охранном отделении — 12, Иркутском — 30, Киевском — 25, Лифлянд-Минском — 12, Нижегородском. — 12, Одесском — 15, Пермском — 12, Саратовском — 15, Тифлис-Томском — 20, Финляндском — 20, Харьковском — 15, Эстляндском — 16!¹⁶. В случае необходимости к работе по наружному наблюдению привлекались жандармские унтер-офицеры, хотя это и не рекомендовалось.

Мероприятия, проведенные Трусевичем, дали свои результаты, и эффективность службы наружного наблюдения, особенно в первые годы после революции, заметно возрастает. Порой это объяснялось и недостаточной законспирированностью членов революционных организаций, влившихся в них в годы революции.

В результате активной деятельности службы наружного наблюдения и внутренней агентуры Московский и Московский окружной комитеты РСДРП в период с июня 1907 по ноябрь 1910 г. подвергались разгрому 11 раз ¹⁷. В материалах Департамента полиции указывается, что после ареста типографии большевистской газеты «Рабочее знамя» 14 января 1909 г. 20 филеров Московского охранного отделения, следившие за работниками типографии, получили вознаграждение по 15 рублей ¹⁸.

В революционных кругах довольно быстро вырабатываются свои методы обнаружения агентов, умение избегать встреч с ними, уходить из-под наблюдения. В результате эффективность службы наружного наблюдения довольно заметно снижается¹⁹.

Высшие полицейские власти вновь проявляют недовольство этой службой. Низкий профессиональный уровень филеров особенно сказывается, когда наблюдение идет за опытными революционерами. Явно не справляется служба наружного наблюдения в рабочих поселках и селениях. Ротмистр Терещенков, объясняя трудности работы по установке наблюдения в г. Сормове, пишет: «Сормово представляет собою громадное разбросанное селение, прорезанное массою улиц и переулков; домики в

подавляющем большинстве маленькие, одноэтажные, огороженных дворов совсем нет, несмотря на наличность нумерации этих домов, типа деревенских изб, отыскать тот или другой дом, без помощи местных обывателей, положительно невозможно. Население, рабочие сормовских заводов и их семьи, по общим отзывам, весьма сплоченное; появление всякого

С. 178.

нового человека уже вызывает внимание улицы, чему способствует нахождение на улицах до позднего вечера многочисленных групп уличных мальчишек — этих добровольцев-вестовщиков, служащих, по словам представителей местной полиции, большим тормозом при общеуголовном сыске, так как быстро разносят по обывательским домам весть о появлении чинов полиции, стражников и новых лиц»²⁰. Департамент беспокоит, что служба наружного наблюдения продолжает оставаться слабой в небольших городах, в сельской местности, в связи с чем он постоянно рекомендует приобретать вспомогательных агентов среди местных лавочников, писарей, приезжающих торговцев, коммерческих агентов, книгонош и т.д.

В октябре 1909 г. вице-директор Департамента Курлов обращается к министру внутренних дел с предложением полностью реорганизовать службу наружного наблюдения²¹. Он опять ставит вопрос о школе филеров, о необходимости организации центрального филерского отряда для временных командировок, руководства им, подчеркивает, что с расформированием этого отряда Департамент полиции лишился оперативной, а порой и более объективной информации о положении революционного движения на местах. Seriously встает вопрос о создании новой Инструкции по наружному наблюдению, так как Инструкция 1907 г. относительно приемов слежки уже устарела, а сами эти приемы превратились в шаблоны и вели к провалам агентов. К тому же на судебных процессах, чтобы доказать виновность революционеров, порой в качестве свидетелей допрашивались филеры и оглашались дневники наружного наблюдения, что также приводило к разглашению филерских приемов и раскрытию агентов. Да и сама Инструкция уже не являлась секретной, так как была опубликована эсерами в революционной печати ²².

В ответ на предложение Курлова в конце 1909 г. создается довольно внушительная комиссия по реорганизации наружного наблюдения из специалистов политического розыска Департамента полиции и Петербургского охранного отделения. После долгих споров «за» и «против» в декабре 1910 г. был вновь создан Центральный филерский отряд при Петербургском охранном отделении. В него вошло 28 человек.

Задача отряда была сформулирована следующим образом: «охрана императорских величеств во время путешествий и пребывания вне постоянных резиденций и выработка практическим путем приемов наружного наблюдения, отвечающих современному моменту и тактике революционеров²³.

Коренных изменений в этой службе не произошло, а усиление террористической деятельности партии эсеров привело к

С. 179.

тому, что первоначальное назначение отряда — «охрана императорских величеств» выходит на передний план.

Хотя филерская школа не была создана, филеры центрального отряда должны были пройти определенную подготовку. Им давались общие объяснения по темам: человек, общество, семья, государство, закон; образ правления в России и Западной Европе; что такое преступление и виды преступлений; общие понятия о партиях: РСДРП, эсеры, анархисты — и конечные цели революционных партий; что такое социализм, коммунизм, анархизм. Их натаскивали по географии, учили черчению, чтению топографических карт, знакомили с фотографиями членов боевых дружин, они изучали формы студентов учебных заведений, овладевали умением дать словесный портрет, делать грим, а также элементарными знаниями немецкого и французского языков. Филеры отряда периодически выезжали в командировки по России и за границу для наблюдения за членами революционных организаций.

Несмотря на принятые меры службе наружного наблюдения, в условиях нового оживления революционного движения, начавшегося в 1912 г., все сложнее стало справляться со своими обязанностями. Это объяснялось прежде всего возросшей опытностью членов революционных организаций и их умением конспирироваться: выбирать более удобные квартиры для жилья и собраний, знание города, проходных дворов и т.п. ,

В фондах Московского и Петербургского охранных отделений сохранилось около 20 тыс. дневников наружного наблюдения за революционерами, государственными и общественными деятелями, отдельно — за вокзалами, театрами, посольствами и т.д. По дневникам наружного наблюдения проходили разные лица. Здесь видные революционеры, общественные и государственные деятели. Иногда на одного человека заводилось несколько дневников. Дневники были заведены на В.В. Маяковского, А.И. Рыкова, адвоката П.Н. Малянтовича, Вас.Ив. Шверубовича (Качалов), Н.И. Бухарина, А.И. Гучкова, Е.Д. Стасову, А.Ф. Керенского, И.Ф. Арманд, С.А. Есенина, Е.П. Пешкову, П.П. Рябушинского,

А.М. Пешкова, Е.Д. Кускову, С.Н. Прокоповича, В.Н. Фигнер, А.В. Амфитеатрова, С. Бирман и других. В сферу наружного наблюдения попадали многие секретные сотрудники. В фондах сохранились дневники наблюдения за некоторыми из них: И.П. Карпачевым, Р.В. Малиновским, А.А. Поскребухиным и др. Иногда тем самым дополнительно проверялась лояльность агента. Как правило, слежка устанавливалась лицами, даже не подозревавшими, что наблюдаемый является секретным сотрудником. Дневники довольно интересны, особенно для исследователей, изучающих биографии разных лиц.

С. 180.

К примеру, дневник наблюдения за Есениным (а иногда его в документах называли Есининым) был заведен в 1913 г., филеры ему дали кличку наблюдения «Набор». При установке, как указывалось в дневнике, Есенин Сергей Александрович, уроженец Рязанской губернии и уезда, Кузьминской волости, села Константинова, работал в типографии у Сытина в качестве конторщика и с 18 августа 1912 г. проживал во 2-ом участке Пятницкой улицы, в доме № 24 Крылова по Строченовскому переулку. За ним постоянно следили 3 — 4 филера — Федоров, Грязное, Веремчук, Угаров, которые и указывали в ежедневных рапортчиках результаты наблюдения. За их ежедневную работу им выплачивалось по 65 копеек. Кроме того, здесь же указывались их расходы на транспорт: трамвай или извозчика. Стоит отметить, что чем ближе к центру города велось наблюдение и ближе к руководству охранного отделения, тем скромнее были аппетиты филеров. Что касается наблюдения за «Набором», то здесь филеры несколько распоясались. Место жительства Есенина и его работа находились рядом, однако в отчетах фигурировали деньги на транспорт. 1 ноября им было выплачено 2 руб. 95 коп. на транспортные расходы. Интересны записи наблюдения 2 ноября 1913 г. В этот день Есенин «вышел из дома в 7 час. 20 мин. утра, отправился на работу в типографию Сытина на Валовой улице, в 12 ч. 30 мин. вышел с работы, пошел домой на обед. Пробыл 1 ч. 10 мин, вышел и вернулся на работу. В 6 час. 10 мин. вечера вышел с работы из типографии Сытина, вернулся домой. В 7 часов вышел из дома, пошел в Колониальную мясную лавку Крылова в своем доме, пробыл 10 мин., вышел, вернулся домой. В 9 час 10 мин. веч. вышел из дому, пошел вторично в упомянутую лавку, где торгует отец, пробыл 20 мин., то есть до 9 ч. 30 мин. веч., заперли лавку и вместе с отцом вернулись домой». Как следует из этой записи, никаких расходов на транспорт не было: на конку не садились, извозчика не брали, однако в отчете каждый указал о затрате по 45 коп. на трамвай.

Но насколько дисциплинированны и внимательны были филеры, следившие за Есениным, свидетельствует запись от 4 ноября. В дневнике указывалось: «выхода из дома и с работы не было» замечено, или запись от 6 ноября: «На обед, а также с обеда выхода и прихода в типографию Сытина... не было, и в 6 час. вечера вышел с работы из типографии Сытина по Вальной ул. и вернулся домой. Более выхода из дома замечено не было».

Многие помнят актрису и режиссера, народную артистку РСФСР Серафиму Германовну Бирман. В 1911 г. она был;! принята в труппу МХАТа. Возможно, она была связана с деятелями революционного движения, возможно, оказывала

С. 181.

какую-то помощь — ее деятельность так и не удалось установить, но наблюдение за ней было установлено плотное. Кличку наблюдения ей дали филеры — «Земляника». Обычно клички давались по внешнему облику, по каким-то внешним данным, предметам одежды, особенностям одежды, походки и т.д. Филеры так описывали внешность Бирман: «Лет 19 — 20, рост выше среднего, телосл. обыкн., цвет волос — шатенка стриженная, лицо чистое, нос горбатый, походка обыкн[овенная], одета: котиковое двухэтаж., шапка, черный плюшевый полусак и черная юбка». Ничего существенного наблюдение не дало, но отмечалось, что она посещает Петровскую библиотеку, курсы Езерского, Народный университет, проживает в доме Рождественского монастыря.

Стоит сказать, что следили и за Качаловым, он проходил по наблюдению под своей настоящей фамилией — Шверубович^{23а}

Одним из авторов сценария фильма «Броненосец Потемкин» была профессиональная революционерка, старый член партии Нина Фердинандовна Агаджанова²⁴. Она была довольно активным членом партии, что не укрылось от полиции, о ней доносила и секретная агентура. В Петрограде местные филеры дали ей кличку наблюдения «Хитрая», а в Москве — «Бабочка». Она действительно была очень быстрая, подвижная и часто ускользала от филеров. Интересна запись от 10 января 1916 г.: «Бабочка проживает в доме 11 по проезду Яузского бульвара. В 12 часов дня вышла из дома, тут же против своего дома на ходу села в трамвай и уехала без наблюдения, более не видели».

Как правило, филеры имели карманные альбомчики с фотографиями. В них особенно много было членов партии эсеров-максималистов, которые в своей деятельности применяли террористические методы борьбы. При наблюдении за определенными партиями и организациями, когда полиция располагала фотографиями, они также выдавались филерам. Так, в

сентябре 1915 г. власти разыскивали Агаджанову — в квартире, где была прописана, она давно не появлялась. В эту квартиру приехала сестра Агаджановой — Елена Фердинандовна. Филеры и за ней установили неотступное наблюдение. В некоторых их отчетах указывалось: «в течение дня лиц, схожих по приметам с данными фотографических карточек Нины Агаджановой и Кирилла Шутка, прихода и выхода замечено не было».

Сохранилось два дневника наружного наблюдения за В.В. Маяковским. В одном дневнике он проходил по кличке «Высокий», в другом — «Блин»^{24а}. Если говорить о кличках, то они были самые разнообразные. Упоминаемый Шутко носил кличку «Булочник», Инесса Арманд носила кличку «Плоская», были клички «Прицел», «Гнутый», «Винт» и т.д.

С. 181.

Кличку «Фиалка» имела Е. Леонтьева, с которой мне удалось встретиться в 60-х годах, когда короткое время приходилось заниматься сбором личных фондов. Она проходила по документам Департамента полиции как член меньшевистской группы социал-демократической организации в Москве. Встретились мы с ней уже после ее освобождения из лагерей. Кроме ее личного фонда меня интересовал вопрос о Вологодской ссылке и личность Андронникова Владимира Николаевича, который отбывал ссылку в то же время. Разговор был очень трудным. Но что поразило меня — это ее необыкновенные глаза цвета фиалки. Когда я впервые столкнулась с этой кличкой в документах, то предполагала, что она как работница магазина «Мюр и Мерилиз», возможно, пользовалась духами с ароматом фиалки, возможно носила одежду цвета фиалки. А оказалось, кличка была дана из-за глаз фиалкового цвета. Они были яркими и совсем не выцветшими.

Из дневников, заведенных на видных государственных деятелей, особо выделяются материалы наблюдения за бывшим председателем Совета Министров С.Ю. Витте. Видимо, причиной слежки послужили распространившиеся в то время слухи о работе Витте над воспоминаниями. В августе 1914 г., когда Витте находился за границей, заведующий заграничной агентурой получил телеграмму из Петербурга, от директора Департамента полиции. «Примите все меры к установлению наружного наблюдения за графом Витте, — сообщалось в телеграмме, — поручив это исключительно надежным агентам. Постарайтесь также внутреннею агентурою выяснить его отношения к текущим военным событиям, равно знакомства. О результатах также передвижениях ежедневно подробно доносите»^{24б}.

В конце августа 1914 г. Витте вернулся в Петербург, где также за ним устанавливается наблюдение. Начальник Петербургской охраны Попов сообщает в Департамент полиции: «Вследствие словесного приказа вашего превосходительства, при сем имею честь представить выписку из дневника наблюдения за известным Вам лицом, наблюдаемым под кличкой "Хозяин"...»

С 27 августа 1914 по 29 февраля 1915 г. в Департамент представлялись сведения о том, кто посетил Витте и кого он посетил, сколько минут длилась встреча. Иногда филеры упускали его из виду и вновь устанавливали наблюдение. Перлюстрировались его письма.

В конце месяца подводились итоги и составлялась справка встреч Витте. Наблюдение продолжалось до последнего дня жизни Сергея Юльевича.

С. 183.

С 23 февраля 1915 г. филеры доносят, что Витте не выходят из дома: «За весь день как выезда "Хозяина" из дома, так и приезда к нему посторонних лиц не было».

В последующие дни отмечалось, что Витте посещает доктор Ковальский. 27 февраля. «1 час. 10 мин. приехал докт. Копальский. 1 час. 20 мин. дня к «Хозяину» приехал доктор Сиротинин, вслед за ним приехал доктор Шапиро. Доктора пробыли до 3-х часов 15 мин. дня и разъехались. В 5 часов дня к «Хозяину» собрались те же доктора, а в 7 часов вечера разъехались. 9 час. вечера доктора опять собрались, где и были оставлены в 10 час. 20 мин. вечера».

Последняя запись филеров. «28 февраля «Хозяин» проживал в д. 5 по Каменноостровскому проспекту. В ночь на 28 февраля в 3 часа утра «Хозяин» скончался²⁴¹³.

В день смерти из Департамента полиции в Париж была направлена телеграмма о необходимости «немедленно, совершенно неофициально» под предлогом охраны имущества Витте в Биаррице просмотреть и опечатать бумаги покойного. Но Витте оказался достаточно прозорливым и рукопись воспоминаний хранил в банке на чужое имя.

Знакомство с документами филеров, их дневниками позволяет говорить о серьезных трудностях, с которыми сталкиваются филеры в связи с тем, что «переиграть» прошедших школу конспирации революционеров становится все труднее. Политическому сыску революционные организации противопоставляли возросшую и более надежную конспирацию, умение свести к минимуму число провалов и способность к «самовозрождению». Помимо опыта, немалую роль играло и явное

интеллектуальное превосходство революционеров, их умение быстро учитывать меняющуюся обстановку. В этом плане филерская служба, несмотря на все усилия чинов политического сыска, так и не смогла подняться выше унтер-офицерского уровня, моральное же ее состояние скорее продолжало деградировать.

В период нового революционного подъема вопросы политического сыска, методы работы постоянно находились в поле зрения Министерства внутренних дел, Департамента полиции, периодически обсуждались, рассматривались на специально созванном совещании в конце 1912 г. Однако должной отдачи не было. Революционные организации, нелегальные профсоюзы и другие массовые организации смогли противопоставить сыск' мой деятельности не только возросший опыт борьбы и конспирации, но и растущую поддержку населения. Органы сыска, напротив, попадали во все более враждебное окружение, и не случайно в них самих стали распространяться упаднические, пессимистические настроения, стало все труднее вербовать

С. 184.

новых людей и удерживать старые кадры. Проведенная в 1907 г. реорганизация наружного наблюдения лишь временно стабилизировала положение, помогла усилить удары, наносимые по революционным организациям. В условиях активизации революционных сил старые методы уже не срабатывали, новые, так и не были выработаны.

§ 2. Главный филер политической полиции

Как отмечалось выше, у истоков реорганизации филерской службы, нацеленной на выполнение новых, более сложных задач, вставших перед политическим сыском в конце XIX в., стоял тогдашний заведующий наружным наблюдением в Московском охранном отделении Евстратий Павлович Медников. Именно он играл ключевую роль как в непосредственном руководстве этой службой впоследствии в Департаменте полиции, так и в выработке основных методов наблюдения, подготовки и обучения филерских кадров.

В отличие от других полицейских чинов высшего ранга, Медников был выходцем из простой крестьянской семьи²⁵. Родился он в 1853 г., закончил церковно-приходскую школу и в 1878 г. был взят на военную службу, уже будучи семейным человеком (имея трехлетнего сына). Через три года, по семейным обстоятельствам в чине старшего унтер-офицера он был уволен в запас. И тогда же, в 1881 г. зачислен сверхштатным околоточным надзирателем полицейского резерва Московской городской полиции. Отсюда его откомандировали в только что созданное Охранное

отделение на должность филера.

В 1883 г. за «отлично усердную и ревностную службу» он получил чин коллежского регистратора. В 1888 г. его назначили полицейским надзирателем, в 1890 г. — чиновником канцелярии московского обер-полицмейстера. Однако все перечисленные назначения почти ничего не изменили в его основной деятельности. Как уже отмечалось, филерская служба не имела статуса государственной, для упрочения положения филеров их часто зачисляли городовыми, околоточными надзирателями и на другие должности московской полиции. В таком положении в первые семь лет своей службы находился и Медников.

В 1888 г. «ввиду многолетней опытности...в делах розыска и наблюдения за неблагонадежными лицами, неоднократно до казанной умелым и успешным выполнением возлагавшихся на него поручений особой важности»²⁶, он был официально назначен заведующим наблюдательным составом московской охранки, хотя практически уже давно руководил им.

С. 185.

За удачную организацию службы наблюдения и добровольных дружин во время коронации Александра III ему была пожалована темно-бронзовая медаль для ношения в петлице на Александровской ленте²⁷. Это была одна из первых его наград. В 1888 г. ему был пожалован орден Станислава третьей степени²⁸, затем «вне правил» — орден Станислава второй степени²⁹. В марте 1900 г. от Болгарского правительства ему был пожалован офицерский крест Болгарской гражданской службы³⁰. В январе 1901 г. Медников получает очередной чин — надворного советника и в этом же году ему был пожалован орден Святого Владимира 4-ой³¹ степени, что давало ему право на потомственное дворянство.

Ученик Медникова Спиридович, впоследствии генерал и заведующий дворцовой агентурой, вспоминая свои первые дни службы в Московском охранном отделении, писал: «Я застал Медникова уже старшим чиновником для поручений, с Владимиром в петлице... Он уже выправил тогда все документы на дворянство, имел грамоту и занимался составлением себе герба». На гербе фигурировала пчела, как символ трудолюбия, были и снопы³². Указом его императорского величества правительствующему Сенату «в 12 день июня 1901 г.» Медников был включен в книгу потомственного дворянства³³.

В 1891 г. за хорошо организованную охрану в период пребывания Александра III в Москве, Медников из кабинета его величества получает золотой перстень с рубином и бриллиан-том³⁴. 15 мая 1893 г. — золотые

часы с золотой цепью с изображением на крышке государственного герба³⁵; 2 сентября 1896 г. он получает золотой перстень с бриллиантом ³⁶ в связи с коронацией императора Николая II. Периодически Медников получает денежные премии.

Что же побудило правящие верхи продвигать по службе и награждать «главного филера России»?

В фондах Департамента полиции, Московского охранного отделения, Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию действий министров и прочих должностных лиц хранится множество документов и дел, которые позволяют обрисовать деятельность Медникова в мельчайших подробностях.

В результате деятельности филерской службы под руководством Медникова были сорваны многие подготовительные революционерами акции. При наблюдении выслеживались члены организаций, лица, проживающие нелегально, бежавшие с места ссылки. Затем следовали аресты членов партийных организаций, кружков, нелегальных типографий.

Так в марте 1882 г. в Москве было арестовано паспортное бюро, склад огнестрельного и холодного оружия. Особенно сложным для Московского охранного отделения был 1883 год,

С. 186.

год коронации Александра III. Приходилось сочетать наблюдение за отдельными группами революционеров с розыском потенциальных террористов, а также вести наблюдение за всеми лицами, прибывавшими в Москву, проверять подлинность их документов.

В декабре 1883 г. Медникова направляют в Харьков, где под его руководством ведется наблюдение за квартирой, в которой размещалась нелегальная типография. Наблюдение закончилось арестом типографии. Успех в Харькове не был рядовым событием, поскольку подпольные типографии были мишенью номер один для Департамента полиции. Каждый провал типографии наносил удар по революционному движению. В 1884 г. Медников установил место печатания литографированного журнала «Студенческий Союз», после чего типография была опечатана и ликвидирована.

Не менее успешными были и последующие годы. Наблюдение и аресты проводились в Москве, Твери, Туле, Саратове, Костроме³⁷.

В Твери была ликвидирована типография, где печатался революционный сборник «Союз», выследили кружок, причастный к созданию сборника. Как писал один из чиновников Московского охранного отделения, «успех этого дела в значительной степени принадлежал

Медникову, который лично посещая места наблюдения, организуя его сообразно местным условиям, настолько умело руководил розыском, что филерам почти без участия агентуры (имеется в виду секретная агентура. — З.П.) удалось безошибочно установить деятельный центр издательского кружка»³⁸.

Оценивая деятельность Московского охранного отделения по борьбе с оппозиционным движением, министр внутренних дел, по словам московского обер-полицмейстера, «обратил внимание на строгую дисциплину, последовательность и осторожность чинов охранного отделения в деле наблюдения антиправительственных лиц». В письме на имя Московского обер-полицмейстера министр выразил благодарность начальнику Московского охранного отделения и чиновнику для поручений Медникову, «административным способностям и организаторскому таланту коего и была, главным образом, обязана постановка дела наблюдения»³⁹.

В 1887 г. Медников и его филеры выследили и провалили в Саратове местные революционные кружки. В октябре 1890 г. он и его сотрудники выследили в Костроме Михаила Васильевича Сабунаева — крупного представителя народовольческой организации. Вскоре он сам и группа укрывавших его лиц, были арестованы.

С. 187.

В декабре 1893 г. по требованию Департамента полиции Медников был командирован в С.-Петербург, где на него было возложено заведование филерами и контроль за их службой по наблюдению за местными революционерами. Вскоре был обнаружен круг лиц, стоявших близко к издательской деятельности народовольческой группы. В это же время его люди ведут наблюдение в ряде других городов: Орле, Смоленске, Харькове, устанавливая связи подпольщиков этих городов с Москвой для «постановки» нелегальной типографии. В апреле 1894 г. эта типография была арестована.

В том же году он принимает активное участие в создании при Департаменте полиции Летучего отряда филеров, а затем и руководит им. Одновременно он остается руководителем московских филеров.

Но деятельность филерской службы, его начальника — отнюдь не цепь сплошных успехов. Как уже отмечалось выше, конспиративность революционных организаций была достаточно высокой и она постоянно совершенствовалась, в результате им удавалось, несмотря на многочисленные провалы, сохранять и даже укреплять свои связи и влияние. Противоборство было трудным и сложным. Особенно осложнилась деятельность политического сыска после того, как в

революционную борьбу включаются рабочие.

Начальник Московского охранного отделения Зубатов признавал, что «наблюдение за членами так называемого Рабочего Союза представляло гораздо большие трудности, ибо приходилось иметь дело с людьми крайне осторожными и с рабочими, установка личности коих всегда требует массу терпения, наблюдательности и памяти... У Медникова указанные качества были природными и это помогло ему справиться со всеми препятствиями. ..»⁴⁰.

В июне 1895 г. были выслежены и арестованы, как писалось в одной из докладных записок, «ярые пропагандисты» Мандельштам, Карпузи, братья Масленниковы и др., причем у последних были обнаружены ручной типографский станок, сработанные на нем прокламации и другие запрещенные сочинения во множестве. Это был тот самый станок, на котором печаталась работа В.И. Ленина «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов». Были обнаружены два выпуска этой брошюры. Весьма урожайными были и последующие годы.

В июле 1896 г. был арестован кружок Величкина и Колокольникова, при обыске был взят гектограф; в ноябре была арестована группа Орлова и взяты имевшиеся в ее распоряжении мимеограф, гектограф, библиотека нелегальных изданий. Несколько позже была арестована группа Чичкина и имевшийся

С. 188.

у них гектограф. В сферу филерского наблюдения впоследствии попал Рабочий Союз во главе с Иосифом Дубровинским и Алексеем Никитиным, Московский Союз борьбы за освобождение рабочего класса, арестовывают Кугушева, Смидовича, Петрова и др. Примерно в это же время службе Медникова удастся раскрыть типографию, печатавшую газету «Вперед», и типографию киевского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. В 1898 г. филерам удастся установить наблюдение за первым Съездом РСДРП в Минске.

С ростом революционного рабочего движения в начале XX века филерская служба становится еще более напряженной. Как пишет Зубатов в рапорте на имя московского обер-полицмейстера, «необходимость несения, ввиду малочисленности служебного состава отделения нескольких разнообразных обязанностей, заставляет Медникова безотлучно находиться при Отделении или жить на конспиративных квартирах. Самый характер агентурной наблюдательной службы требует от него постоянного напряжения, исключительного внимания, непрерывного и всегда спешного труда, сопряженного зачастую со всевозможными лишениями»⁴¹.

Процитированные слова вплотную подводят нас к характеристике методов и приемов филерской службы, разработанных Медниковым, получивших неофициальное название «Евстраткина школа».

В феврале 1890 г. директор Департамента полиции, обращаясь за помощью в Московское охранное отделение, писал московскому обер-полицеймейстеру о том, что «московские филеры усвоили себе приемы наблюдения несколько отличные от приемов, практикуемых в С.-Петербургском охранном отделении⁴². В связи с тем, что эти приемы не были известны местным революционерам и зарекомендовали себя как весьма эффективные, директор Департамента полиции просил командировать в Петербург 15 филеров Московского охранного отделения. Непосредственное руководство ими было возложено на Медникова.

Методы и приемы наблюдения, выработанные Медниковым, прошли проверку в самых неожиданных и сложных ситуациях. Он предпочитал иметь в числе филеров служащих из бывших солдат, прошедших жестокую военную выучку. «Он знал и понимал их хорошо, умел разговаривать, ладить и управляться с ними», — пишет жандармский генерал Спиридович. Интересна и характеристика, данная Спиридовичем самому Медникову. «Медников был простой, малограмотный человек, старообрядец... Природный ум, сметка, хитрость, трудоспособность и настойчивость выдвинули его. Он понял филерство как подряд на работу, прошел его горбом и скоро сделался

С. 189.

подрядчиком, инструктором и контролером. Он создал в этом деле свою школу — Медниковскую, или как говорили тогда — "Евстраткину школу"⁴³. Он был свой для филеров, которым «за обман давал и зуботычину, не любил, когда его обманывали и в деле наблюдения, и в денежных расходах». Спиридович описывает, как каждый вечер, а порой уже и за полночь, Медников собирал с филеров отчеты и материалы по наблюдению. С нерадивых, оставивших свой пост, брал штрафы, наиболее усердных награждал. «По пятерке штрафа обоим, — говорил Медников. — А на следующий раз вон, прямо вон, не при! На нашей службе врать нельзя. Не доделал — винись, кайся, а не ври». Эта расправа была по-свойски, своя Евстраткина система. То, что происходило в филерской комнате, знали только Медников и его подопечные. Там были награды, прибавка к жалованью, но там были и наказания и вычеты⁴⁴.

Наблюдая Медникова и его филеров в работе, Спиридович особенно высоко оценивал деятельность руководимого Медниковым Летучего отряда. «Летучий отряд, — писал он, — был отличным наблюдательным

аппаратом, не уступавшим по умению приспосабливаться к обстоятельствам, по подвижности и конспирации, профессиональным революционерам... Лучше его филеров не было, хотя выпивали они здорово и для всякого постороннего взгляда казались недисциплинированными и неприятными. Они признавали только Медникова. Медниковский филер мог пролежать в баке под ванной (что понадобилось однажды) целый вечер; он мог долгими часами выжидать на жутком морозе наблюдаемого с тем, чтобы провести его затем домой и установить, где он живет; он мог без багажа вскочить в поезд за наблюдаемым и уехать внезапно, часто без денег, за тысячи верст; он попадал за границу, не зная языков и умел вывертываться»⁴⁵.

Действительно Медников оказался первоклассным воспитателем, учитывавшим особенности психологии своих подопечных. Он тщательно продумывал все операции, заранее распределял роли, добивался того, чтобы филеры не терялись в самых неожиданных ситуациях, воспитывал в них сметку и самостоятельность в принятии решений.

Высока была и репутация Медникова в провинции. В. Лавров, воспитанник «Московской школы», назначенный начальником Бакинского охранного отделения, в письме к Медникову просит прислать людей, «на первых порах человек 5 — 6, желательно брюнетов...»⁴⁶ В другом письме, два месяца спустя, он благодарит его за рекомендации и особо отмечая одного из присланных людей, пишет: «Николай Ильич способен работать круглые сутки, всегда бодр, ко всему применим, а главное, что особенно дорого — живет службой, тут у него все думы, заботы и мечты... серьезен, корректен и равномерен ко всем»⁴⁷.

С. 190.

В ГА РФ хранится подлинник письма Медникова, в котором он инструктирует новоиспеченного руководителя филеров одного из охранных отделений. Письмо интересно не только своим содержанием, но и орфографией и манерой изложения, за которой просматриваются некоторые черты личности Медникова: его природная крестьянская прижимистость, смекалка. «Так как за наружное наблюдение отвечает Департамент полиции, — пишет Медников, — то и организацию наружного наблюдения взяли на себя, для чего наметили достаточно людей заведовать названным наблюдением в розыскных отделениях, т.е. старших филеров, которые ведут наблюдение, черновые дневники, пишут, согласно правил, дневники заведующему наружным наблюдением в империи. То и старшему вменяется в обязанность и выбирать на службу в свое отделение людей, а также распределяет им жалованье, а также проверяет счета

расходным деньгам, израсходованных по делам службы. Примерно, на Одесское отделение полагается 25 человек наблюдательных агентов (теперь филерами не называют), которое получает жалование 15000, т.е. на круг 50 р. в месяц, да еще полагается 4500 р. на 25 человек на расходы, т.е. по 15 р. в месяц.

Надо сообразовываться. Всем жалование по 50 р. ровно платить нельзя. То надо делать так: тебе — 100, 10 человек получают по 45, Байнов (имеется в виду помощник ст. филера. — З.П.) — 60, еще двоим 45. Я думаю, надо принимать сперва по 30, потом добавлять лучшим по 5 р. в полугодие, но держать цифру всегда с остатком экономии от жалования. Поэтому надо так: 5 чел. на 30 р., 5 чел. на 35, 5 на 40, 5 на 45. А остальные на большее содержание, лучшим добавлять...

Ты сделай список на каждый день, графы и отмечай ежедневно. Ты будешь иметь итоги и будешь знать, сколько у тебя осталось экономии. Когда много, тогда будешь потароватее, а когда в обрез, тогда поскупее, и всегда у тебя должен быть запас экономии рублей в 100 для экстренных надобностей...»⁴⁸

За советом к Медникову обращались не только старшие филеры, но и более высокие чины политического сыска. Известны письма Медникова к Спиридовичу за 1902 — 1905 гг., отобранные у последнего в марте 1917 г. при аресте ЧСК. Они представляют большой интерес для исследователей⁴⁹.

Организуя службу наружного наблюдения, Медников завел в Московском охранном отделении извозчий двор. Комбинация конного наблюдения с пешим приносила ощутимые результаты. «Его филер, — отмечал Спиридович, — стоял извозчиком так, что самый опытный профессиональный революционер не мог признать в нем агента»⁵⁰, филеры Медникова научились изображать мелких торговцев, лотошников, при необходимости могли прикинуться дурочками. Филерская служба требовала нередко риска, особенно когда велось наблюдение

С. 191.

за боевиками и террористами. Именно на этот случай Медников подбирал людей с армейской выучкой, которую он стремился приспособить к условиям своей службы.

Медников чувствовал недостатки собственного воспитания и образования. Он подумывал о настоящей школе для филеров и полицейских надзирателей, о чем писал Спиридовичу. Но эта идея не осуществилась⁵¹. Его служба требовала огромного напряжения физических сил. За 17 лет службы он ни разу не был в отпуске. В 1899 г.

Медников решил уйти в отставку по состоянию здоровья. Человек очень сдержанный, он никому до этого не говорил о своем самочувствии. Заключение врачей было достаточно суровым. Доктор Л.С. Минор после обследования написал: «Общая неврастения, как результат переутомления, расширение сердечной сумки, опухлость легких и частичное поражение спинного мозга, могущие угрожать параличом» 52.

Однако, в это время ему уйти на покой не удалось. Московский обер-полицмейстер на ходатайстве наложил резолюцию: «Я слишком ценю службу... Медникова, чтобы согласиться на его увольнение. Убедительно прошу уважаемого Евстратия Павловича взять 2-х месячный отпуск, отдохнуть, укрепить свое здоровье и уверен, что после этого он согласится продолжить свою многопользную службу царю и отечеству» 53.

Отставка Медникова в 1899 г. не состоялась. Одним из наиболее близких коллег Медникова из влиятельных полицейских чинов был Зубатов. Они встретились в 1886 г., когда Зубатов стал чиновником для поручений Московского охранного отделения. Профессионал Медников на первых порах в какой-то мере был учителем Зубатова. Затем очень быстро ученик перерос своего учителя. «Эти два человека, — пишет Спиридович, — Зубатов и Медников, составляли нечто единое, самую суть Московского отделения, его главный рычаг» 54.

В 1902 г. Зубатов был переведен в Департамент полиции, где возглавил Особый отдел. Вместе с собой он пригласил и Медникова, который в составе Особого отдела получил должность заведующего наблюдательным отделением. Тесные и даже теплые отношения Медникова с Зубатовым сохранились и после их отставки, о чем свидетельствует их переписка 55.

Слабым местом Медникова, как уже отмечалось, была недостаточная его грамотность. Но окружение во многом помогало ему в оформлении его наработок, наблюдений, методики, которые он мог преподносить филерам в устной форме и которые впоследствии легли в основу Положения о филерском Летучем отряде (см. Приложение), Положения о розыскных пунктах и т.д.

В начале 1906 г. вновь Медников собирался на пенсию и на этот раз добился своего. В апреле 1906 г. состоялась его

С. 192.

отставка, после которой он занимался хозяйством в своем «имении», лечился от одолевавших его недугов. Уже будучи в отставке, он неоднократно задумывался над тем, чтобы рассказать об опыте своей работы. В письме к Зубатову от 3 декабря 1906 г. он писал: «Если хочешь писать историю движения, то надо ее начать с начала и согласно

официальных дел и документов. В этом роде мы имели большой разговор с Ратаевым, который намерен издавать мемуары революционного движения, и он мне предлагал сотрудничество... Вот бы составить компанию из отставных чинов, а ведь их очень много. Вот бы вышла история. Силы есть всякие. Здесь создать можно хорошую издательскую компанию. Куда лучше бы было "Былого" и всякой либерды революционной»⁵⁶. К сожалению, этот замысел не был реализован.

Для характеристики этой неординарной личности небезынтересно еще одно письмо, тоже к Зубатову. Написано оно в начале революционных событий 1905 г. и по своему тону и содержанию принципиально отличается от всей его переписки.

«30 июня 1905 г.

Дорогой мой,

Что творится на белом свете, уму непостижимо. Нужно иметь терпенье, чтобы, не закрывая глаза, смотреть, видеть и молчать, молчать. Кажется весь свет пошел кругом: вертится и вертится. Каждый божий день по несколько убийств, то бомбой, то из револьверов, то ножом и всякими орудиями; бьют и бьют чем попало и кого попало; за что-то и Шувалова, ну, кому он что сделал дурного, никто не скажет. Так теперь свободно все стачки проходят и никаких запретов и в помине нет, а террористы палят и палят. С февраля заарестованы динамитные для бомб мастерские... Какая пропасть взята револьверов всяких систем в тысячах штук. Этим перешло всякие границы. Надо удивляться. Как еще не всех перестреляли нас, но в скором времени нас пойдут лупить во всю. Уже филеры стали трусить; кое-кто просят отпустить их в отставку; некоторых уже не мог удерживать и отпустил...» Заканчивая письмо, Медников пишет: «...больше служить не останусь, а задерживаюсь я потому, чтобы не имели почвы меня обвинять: я бросил и ушел. Я прошусь, чтобы меня они уволили... Департамент зарылся в бумагах. Целую крепко, крепко моего дорогого Сережу. Всегда преданный Вам Е. Медников. Александре Николаевне целую ручки»⁵⁷.

Письмо это интересно прежде всего тем, что в нем Медников фактически расписывается в полной несостоятельности той службы, которую он возглавлял и которая оказалась совершенно неспособной предотвратить катаклизмы первой русской революции.

С. 193.

Конечно, Медников не был человеком, приобщенным к власти, но он принадлежал к той категории людей, призвание которых состояло в том, чтобы охранять власть, и не только отдельных лиц, но саму систему. Он делал это «не щадя живота своего». И не его вина, что вопрос о власти в

России решался совсем другими людьми и с использованием совсем других методов.

Умер Медников 2 декабря 1914 г. С 1910 г. и по день смерти большую часть времени он проводил в клинике для душевнобольных.

Примечания

1 См.: Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти. Филеры // Голос минувшего. 1917. № 9-10. С. 252-264; Заварзин П.П. Работа тайной полиции. Париж, 1924. С. 33 — 41; Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. С. 93 — 97; Ярмыш А. Наблюдать неотступно. Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска на Украине. В конце XIX - начале XX веков. Киев. 1992. С. 117, 136-139.

1а га РФ. Ф. 102. 00. 1898. Д. 1. Ч. 1. Лит. Д. Л. 1.

2 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 261. Д. 144, 1-2об.

3 ф. 102. 00. 1 Отд. 1906 г. Д. 125. Пр. II. Л. 75.

4 На содержание самих филеров Департамента — 20 человек — тратилось 13860 руб., а на их командировки (их было довольно много) — ;МООО руб. В 1905 г. было дополнительно ассигновано 887 руб. 68 коп., заведующий Летучим отрядом Медников получал 6000 руб. в год. Общая сумма расходов 45347 руб. 68 коп., не считая наградных. В 1905 г. было израсходовано 6649 руб. 06 коп. специального кредита, что в общем составило 51996 руб. 74 коп. - ГА РФ. Ф. 102. 00. 1 Отд. 1906 г. Д. 125. Пр. VII. Л. 75-76.

5 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1 Отд. 1906 г. Д. 125. Пр. 2. Л. 202. Дело «О летучем отряде филеров, находящемся при Департаменте полиции».

6 Там же. Ф. 102. 00. 1 Отд. 1906 г. Д. 125. Пр. 2. Л. 246.

7 Там же.

7а га РФ. Ф. 63. Оп. 53. Д. 621сл.

8 Там же. 00. 1908 г. Д. 540. Л. 3-11; Оп. 261. Д. 68. Л. 1-9; Д. 69. Л. 1-4; Ф. 102, 00. 1914 Д. 366 Т. 1. Л. 52-54; Перегудова З.И. Служба наружного наблюдения в русской полиции // Река времен. М., 1995. С. 255-274.

9 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 68. Л. 1-9.

10 Там же. Ф. 102. 00. 1907 г. Д. 101. Т. 1. Л. 24.

11 Там же. Л. 30, 56об.

12 Там же. Л. 44.

13 Там же. Л. 33, 44. л 1" Там же. Л. 45об.

15 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 19. Л. 170об.

16 Там же. Д. 20. Л. 9; Д. 313. Л. 17-19.

17 Очерки истории Московской организации КПСС. Кн. 1. 1883 —

ноябрь 1917. М., 1979. С. 210.

18 Горелов И.Е. Большевики в период реакции 1907—1910. М., 1975 С. 89; Перегудова З.И. Строго законспирированы. М., 1983. С. 13, 120-122.

19 ГАРФ. Ф. 280. 1907 г. Д. 3054. Л. 76об.-77.

20 Там же.

21 Там же. Ф. 102. 00. 1909. Д. 361.

22 Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружных наблюдений // Приложение к № 12 «Из партийных материалов». Изд. Организационного бюро при ЦК П.СР. СПб., 1908.

23 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1909. Д. 361. См.: Там же. 1908. Д. 474.

23а ГА РФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 4983; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 1103.

24 ГА РФ. ф. 63. Оп. 44. Д. 6407. 6459; Лейберов И.П., Перегудова З.И. Подвиг Нунэ. Л., 1985. С. 231-239, 250. О дневнике наружного наблюдения за «Хитрой» — Н.Ф. Агаджановой.

24а ГА РФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 84.

24б Там же. Ф. 102. 00. 1914. Д. 240. С. 7.

24в Там же. Д. 240. Т. 2.

25 Медников происходил из крестьян деревни Шильковой Колыбровской волости Коломенского уезда. Московской губернии. См. Перегудова З.И. Главный филер России // Из глубины веков. 1998. № 10 С. 104-114.

26 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 53. Д. 32 ел. Л. 1-3об.

27 Там же. Л. 76об.

28 Там же. Л. 5об.

29 Там же. Л. 102.

30 Там же. Л. 175.

31 Там же. Л. 211. 6 мая 1900.

32 Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С. 56.

33 См.: ГА РФ. Ф. 63. Оп. 53. Д. 32сл. Л. 246.

34 Там же. Л. 13.

35 Там же. Л. 26.

36 Там же. Л. 103.

37 ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 678. Л. 1-3.

38 Там же. Л. 4об.

39 Там же. Л. 4об.-5.

40 Там же. Л. 6.

41 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 3. Д. 52сл. Л. 14об. «Там же. Л. 87, 91.

43 Спиридович А.И. Записки жандарма. С. 52.

44 Там же. С. 54. «Там же. С. 54-55.

- 46 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 314. Д. 42. Л. 1, 9 (14 февр. 1903).
47 Там же. Л. 4-4 об. (3 апреля 1903).
48 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 314. Д. 42. Л. 9-10об.
49 См.: Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 192-219.
50 Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С. 55.
51 Школа филеров // Былое. 1917. № 3.
52 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 53. Д. 32сл. Л. 142.
53 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 53. Д. 32сл. Л. 141.
54 Спиридович А.И. Записки жандарма. С. 56.
55 См.: Козьмин Б.П. С.В.Зубатов и его корреспонденты. М.; Л. 1928.
56 Там же. Л. 126.
57 Козьмин Б.П. Указ. соч. С. 111-114.
С. 195.

Глава 6.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ И ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ

Использование секретной агентуры в общественном и революционном движении было одним из важнейших средств российской полиции в борьбе с теми, кто покушался на устои самодержавия. Политическая полиция придавала огромное значение приобретению, использованию и сохранению секретной агентуры. Однако, по сравнению с организацией службы наружного наблюдения, постановка службы внутреннего наблюдения отличалась значительно большей сложностью. Может быть, отчасти поэтому до возникновения массового революционного движения ведущее место в политическом сыске играли служба наружного наблюдения и перлюстрация.

Появление на рубеже веков и особенно в период первой русской революции влиятельных политических партий, профсоюзов и других общественных организаций потребовало от полиции перенести акцент своей деятельности на службу внутреннего наблюдения.

§ 1. Секретная агентура

Нет ничего удивительного в том, что наиболее дальновидные представители политического сыска, хорошо знавшие революционную среду и революционное движение, а именно начальник Московского охранного отделения Зубатов, заведующий заграничной агентурой Рачковский, сотрудник Московского охранного отделения, а затем Департамента полиции Г.М. Трутков считали необходимым обратить особое внимание на развитие секретной агентуры. В своих донесениях и записках они указывали на сложность получения информации от около

партийной среды в силу конспиративности партийных организаций.

Рачковский¹ в записке «Об условиях деятельности русской политической полиции», составленной в 1902 г., отводил секретной агентуре — «первенствующее место», считая, что при правильной постановке ее она будет не только сообщать те

С. 196.

сведения, что происходят в революционных организациях, но и «влиять на них в желательном смысле». Он доказывал, что «во всех смыслах» это важное и нужное дело, что и при производстве дознаний его результаты будут более продуктивными, когда дело «внутренней агентуры станет на надлежащую высоту»². Доказывая необходимость предлагаемых мер, он говорил, что надо немедленно приступить к «правильной организации внутренней агентуры, чтобы этим способом учредить рациональный и вполне достигающий своей цели надзор за всеми оппозиционными элементами в столицах и во всех выдающихся культурных центрах империи». «Таким образом, — подытоживал он, — Департамент полиции будет получать точные и всесторонние сведения о положении революционного движения из всех пунктов, и розыскная деятельность не будет основана только на удаче, как до сих пор, но приобретет строгую систему...»³

В сентябре 1903 г. обоснованию этой же идеи была посвящена докладная записка другого видного, но менее известного деятеля политического сыска царской России Труткова. Говоря о сложностях политического розыска, он писал: «Русская социал-демократия, революционная по своим средствам и целям, выставила стройную и сплоченную конспиративную организацию и выдвинула во многих городах целый ряд самоотверженных борцов, часто фанатиков революционного социализма». Автор говорил о трудностях проникновения в эту организацию, о том, что «революционная среда оказалась прочно организованной, действовавшей в полном согласии со своими центральными органами». Необходимо, — заявлял он, — создать систему борьбы с противоправительственным течением, при которой органы политического розыска могли бы «подняться не только до уровня, выставляемого противоправительственным движением, но стать выше этого уровня». В связи с этим ставилась задача «найти критерий оценки этого уровня», выяснить силы противника и найти, «что дает ему такую мощь и жизнеспособность, несмотря на постоянные преследования...»⁴

Конечно, секретной агентурой пользовались давно, и она имеет свою историю⁵. Но в новых условиях возрастала ее значимость, менялись

подходы к ней, требовалась детально разработанная единообразная методика работы с ней.

ГЖУ, которые по своему служебному долгу обязаны были работать с секретной агентурой, часто пренебрегали этой работой. Во всяком случае, проводимые ревизии довольно часто констатировали, что работа ГЖУ по политическому сыску находилась не на должном уровне. Офицеры ГЖУ больше уделяли внимание «производству дознаний», «производству переписок»

С. 197.

и без особого желания относились к работе с секретной агентурой, смотрели на эту работу свысока, с пренебрежением. У некоторых офицеров не хватало не только желания, но не было и достаточного опыта.

О результатах ревизии Тифлисского ГЖУ, проведенной в 1902 г., писал в своем отчете жандармский офицер Спиридонович: «...Агентурные силы управления составляют два постоянных сотрудника, освещающих круг железнодорожных рабочих, и полу интеллигент, вращающийся в городской среде. Кроме того, есть еще рабочий и женщина-интеллигентка, работающая по мере надобности, отдельно... В качественном отношении агентура, даже по словам заведующего таковой, не может быть названа хорошей.

И действительно, — продолжает автор донесения, — помимо недостатков в доставляемых сведениях, на основании которых дан подобный отзыв, пришлось узнать следующие характерные факты, едва ли известные заведующему: один сотрудник, работая на управление, дает в то же время сведения железнодорожным жандармам. Другой ведет себя крайне неосторожно, одевается слишком хорошо для рабочего и считает возможным раскланиваться на гулянье в саду с жандармским офицером»⁶.

Лучше была поставлена работа в охранных отделениях, которых к 1900 г. в России было три: Петербургское, Московское, Варшавское.

Московское охранное отделение по сравнению с Петербургским и Варшавским было более деятельным и активным. Во многом это определялось кадровым составом сотрудников, той методикой, по которой они действовали. У них была собственная, основанная на более богатом опыте и профессионализме, «школа». Заметными фигурами в этой «школе» были начальник Московского охранного отделения Н.С. Бердяев и его ученик Зубатов.

Спиридович, начавший свою службу в Московском охранном отделении, отмечал, что «Московское охранное отделение того времени занимало исключительное положение среди розыскных органов России».

Он особенно подчеркивал, что «успехи по преследованию революционеров были достигнуты... через тех членов революционных организаций, которые по тем или иным побуждениям давали политической полиции сведения о деятельности своих организаций и их отдельных членов. [Они] назывались у политической полиции «сотрудниками», у своих же шли под именем «провокаторов»⁷.

Несмотря на то, что Департамент полиции также постепенно обзаводился агентурой, он не имел достаточного опыта для руководства ею. С. 198.

Примером профессионализма московской полиции может служить «Дело о Лахтинской типографии» народовольцев, организованной в 1894 г. в Петербурге, затем переведенной в дачный поселок Лахту⁸. Она была выдана известным секретным сотрудником Департамента полиции М.И. Гуровичем. 3 июля 1896 г. Зволянский, директор Департамента, в письме к Зубатову сообщает: «Вполне удачная ликвидация народовольческой типографской группы в Санкт-Петербурге находится, в значительной мере, в зависимости от умелого и внимательного руководства деятельностью секретного агента Департамента, который большую часть времени находился под вашим непосредственным воздействием»⁹.

Широко известна деятельность другого сотрудника Московского охранного отделения А.Е. Серебряковой, которая имела охранные клички «Субботина», «Дама Туз». В среде охранников, между собой ее звали «Мамочка». Ее стаж сотрудничества с Московским охранным отделением насчитывал 24 года. Более пятнадцати лет сотрудничала, по идейным соображениям, с политическим сыском России З.Ф. Жученко-Гернгросс, служба которой также началась в Москве.

Задачи усиления политического сыска, особенно организация работы с секретной агентурой, были возложены на Особый отдел Департамента полиции. На местах эти задачи решались сначала ГЖУ, а затем розыскными частями, охранными отделениями, созданными, начиная с 1902 г., в районах наибольшего развития революционного движения. Новые учреждения должны были снять с губернских жандармских управлений большую часть их сыскных функций.

В период революции 1905 — 1907 гг. вопрос о приобретении агентуры во всех слоях общества встает с особой остротой. В изданных в этот период циркулярах даются рекомендации по приобретению агентуры¹⁰ и по «заагентуриванию» арестованных.

Все мероприятия, которые были проведены с этой целью, начиная с лета 1905 и особенно весны 1906 г., были рассчитаны не только на

сиюминутный эффект, но и на то, чтобы заложить основы политического розыска на будущее. 18 и 25 июля 1906 г. циркулярно всем ГЖУ была разослана телеграмма, касающаяся срочного приобретения секретной агентуры. Только с января по июль 1906 г. расходы на секретную агентуру в 31 губернии России достигли 69 655 руб. 35 коп. На оплату ее труда охранка не скупилась. Особенно крупные суммы получали агенты заграничной агентуры. Предательство Я.А. Житомирского оценивалось в 250 — 2500 марок, Л.Д. Бейтнера — до 750 руб. Московские агенты: М.И. Бряндинский получал от 100 до 630 руб., А.И. Лобов - от 100 до 750 руб., С. 199.

Р.В. Малиновский — до 500 руб., А.А. Поскребухин — до 200 руб. Но таких высокооплачиваемых агентов было не более трех десятков, около 50 человек получали плату в пределах 60 — 150 руб. Остальные получали от трех до 60 руб.

Часть сумм, которые правительство выделяло Министерству внутренних дел, могла им расходоваться безотчетно и не подлежала оглашению.

В этот же период Штаб корпуса жандармов, Департамент полиции издают ряд циркуляров об усилении наблюдения за жизнью железнодорожных служащих и рабочих, их бытом, разговорами, появлением среди них агитаторов. В циркуляре за № 9489 говорилось о том, что вследствие усиленной революционной пропаганды среди железнодорожных служащих и живущих в полосе отчуждения, признается необходимым привлечь к борьбе с революционным движением также и жандармскую железнодорожную полицию в целях организации совершенно секретного агентурного наблюдения и своевременного обнаружения террористических групп и прекращения агитации среди железнодорожных служащих и расположенных в черте отчуждения войск, снабжать «агентурными кредитами в размере соответственно их деятельности».

Приказом по корпусу № 145 на начальников ЖПУ ж.д. возлагалась работа по политическому розыску, давались указания о порядке его ведения. Первым пунктом приказа было: «Каждый начальник, безусловно, обязан иметь в своем распоряжении секретных сотрудников или вспомогательных агентов». Далее указывалось, что «через секретного сотрудника в полной мере осуществляется политический розыск и наблюдение в районе отделения...»

Крестьянские выступления заставили Департамент полиции обратить внимание на насаждение агентуры в сельской местности.

В апреле 1906 г. директор Департамента в деловой переписке указывал на усиливающуюся пропаганду среди крестьян и о «малоуспешности» борьбы с этим видом революционной деятельности, а также о том, что местные власти «часто бывают не в достаточной степени осведомлены о действительном положении агитации в сельских местностях»¹¹. В этом же документе он писал о необходимости создания внутренней агентуры среди крестьян. Более 40 начальников ГЖУ получили из Департамента полиции в июле 1906 г. предписание «безотлагательно» доставить в Департамент сведения: «Какие меры приняты для организации, в целях надлежащей осведомленности о революционном движении среди крестьян, какими способами пользуются для получения сведения об этой среде, о положении с агентурой»¹².

С. 200.

Многие начальники ГЖУ в своих донесениях отмечали сложность этой работы, которая усугублялась тем, что односельчане хорошо знают друг друга, и новое лицо с определенными обязанностями сразу себя сможет обнаружить. Некоторые предлагали для работы по розыску увеличить число доверенных лиц среди крестьян, организовать систему мелких торговцев в виде книгонош, коробейников.

Обеспокоенный слабым исполнением июльского циркуляра, директор Департамента в сентябре 1906 г. заготавливает еще одно циркулярное письмо для рассылки начальникам ГЖУ. В нем говорилось: «Я просил... озаботиться приобретением серьезных сотрудников среди крестьян, войска и террористов, открыв Вам на сей предмет усиленный денежный кредит... прошу сообщить для доклада министру что принято...¹³

Об огромном значении, которое придавалось вопросу приобретения секретных сотрудников в этот период, говорит тот факт, что обобщающий циркуляр об усилении розыскной деятельности издается не кем иным, как министром внутренних дел Столыпиным. В нем была изложена программа борьбы с силами революции. Одним из ключевых моментов циркуляра было указание на необходимость приобретения секретных сотрудников не только в революционных организациях и профессиональных союзах, но и в «крестьянских поселениях», учебных заведениях, благотворительных организациях, редакциях газет, журналов, в книгоиздательствах¹⁴. Особое внимание уделялось «заагентуриванию руководящих деятелей революционных организаций».

Начальникам только что созданных РОО и охранных отделений 10 февраля 1907 г. был послан целый комплекс нормативных материалов, и в их числе — «Инструкция по организации и ведению внутреннего

секретного наблюдения».

Это был первый обобщающий нормативный документ, который затрагивал всю совокупность вопросов, связанных с деятельностью органов политического сыска. Инструкция по организации и ведению внутреннего секретного наблюдения состояла из 41 пункта¹⁵. В инструкции подробно указывалось, какими качествами должен обладать заведующий политическим розыском и определялись его взаимоотношения с секретным сотрудником. В ней также говорилось о необходимости знать положение дел в революционном движении, программы революционных партий, напоминалось о недопустимости провокационных приемов, ставились задачи инструктирования секретных сотрудников. «Искусство ведения успешного политического розыска, говорилось в инструкции, достигается только «безусловно честным отношением к делу и пониманием целей розыска, а не погоней за отличиями, открытием и арестом

С. 201.

отдельных средств пропаганды...»¹⁶ Указывалось, что «секретные сотрудники должны состоять членами одной из революционных организаций (о которых они дают сведения), или, по крайней мере, тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых, так как только тогда сведения их будут ценны»¹⁷.

В инструкции разъяснялись вопросы оплаты секретного сотрудника, способы приобретения, говорилось о необходимости иметь их в каждой партийной организации, причем не одного (для проверки достоверности их сведений), о хранении в строгой тайне и с соблюдением особой осторожности сведений, даваемых сотрудниками, о проверке этих сведений. Между секретным сотрудником и ведущим его офицером исключались «официальность и сухость». Сотрудник должен был быть расположен к своему руководителю и доверять ему. Подробно указывалось, как поступать в случае ареста членов организации и самого сотрудника, о необходимости согласования с последним своих действий. На случай, если по тем или иным причинам сотрудник переставал работать, в Инструкции говорилось: «Расставаясь с секретным сотрудником, не следует обострять личных с ним отношений, но вместе с тем, не ставить его в такое положение, чтобы он мог в дальнейшем эксплуатировать лицо, ведающее розыском, неприемлемыми требованиями»¹⁸.

Инструкция 1907 г. подвергла коренной ревизии пункт 10 «Временного положения об охранных отделениях» 1904 г., который гласил: «Более важные секретные агенты должны быть известны директору Департамента полиции. Об их приобретении начальники отделений представляют

директору Департамента частными письмами, без черновиков и занесения в журнал отделения, сообщая при этом имена, отчества и фамилии агентов, а равно сведения об их звании и общественном положении, с указанием избранных для агентов псевдонимов, под каковыми они затем и могут быть упоминаемы в официальной секретной переписке с Департаментом, если для упоминания об агенте встретится особая надобность»¹⁹.

Это было большим просчетом авторов «Положения» и привело к тому, что при вскрытии личной переписки (что практиковалось в некоторых отделениях) имена части секретных сотрудников становились известны работникам канцелярий. Это нередко способствовало «раскрытию» секретной агентуры и даже ее провалам. Примером могут служить сведения, обнародованные бывшими сотрудниками Московского и Варшавского охранных отделений М.Е. Бакаем и Л.П. Меньшиковым.

В инструкции 1907 г. данный пункт был изложен в следующей редакции: «Никто, кроме лица, заведующего розыском, и лица, могущего его заменить, не должен знать в лицо никого из секретных сотрудников. Фамилию сотрудника знает только

С. 202.

лицо, ведающее розыском, остальные же чины учреждения, ведущего розыск, имеющие дело со сведениями сотрудника, могут в необходимых случаях знать только псевдоним или номер сотрудника. Чины наружного наблюдения и канцелярии не должны знать секретного сотрудника и по кличке. Он им должен быть известен лишь как действительный революционный деятель по кличке наружного наблюдения, если он вошел в сферу последнего»²⁰. В другом параграфе инструкции (18) говорилось: «Секретные сотрудники ни в коем случае не должны знать друг друга, так как это может повлечь за собою "провал" обоих и даже убийство одного из них»²¹.

С этого времени руководители политического сыска при подписании документа вписывали от руки или впечатывали на своей машинке (в уже подготовленное сообщение) кличку секретного сотрудника или давали ее шифром. Однако, нарушения были, в связи с чем позднее вышел циркуляр за подписью вице-директора Департамента полиции Виссарионова, в котором напоминалось: «Многие розыскные органы, представляя в Департамент полиции данные о действительном имени, отчестве, фамилии, звании секретных сотрудников, обозначают таковые обыкновенным способом на пишущей машинке, вследствие чего эти сведения становятся известными всем служащим канцелярии названных органов. Находя означенный способ сообщения упомянутых сведений хотя бы и в

Департамент полиции нарушением основных требований конспирации, Департамент полиции просит Вас, Милостивый Государь, в будущем во всех случаях, когда упоминаются действительные сведения о личности секретного сотрудника, таковые обозначались бы лично шифром»²². И это было отнюдь не дежурное напоминание.

Если проследить переписку местных учреждений политического сыска с Департаментом полиции, выясняется, что такую ошибку допускали только представители окраин. Что касается столичных учреждений и, безусловно, самого Департамента полиции, то они себе такого не позволяли.

В настоящее время эта инструкция опубликована в открытой печати²³.

Инструкция о работе с внутренней агентурой, о которой шла речь выше, впервые была опубликована в 1941 г. под грифом «для служебного пользования». В публикации не было ссылки на источник и предполагалось, что Инструкция была создана до 1911 г. Что касается авторства, то публикаторы писали: «Некоторые особенности дела, в котором она хранится, дают основание говорить, что в ее разработке принимал участие Рачковский...»²⁴ В ходе работы над статьей «Царская

С. 203.

охранка и провокация» автору, совместно с Ф.М.Лурье, удалось установить точную дату создания документа — 1907 г.²⁵

Располагая черновиками по подготовке инструкции и вышеназванных Положений, мы смогли также установить их авторов ²⁶. Работа над документами велась под руководством директора Департамента полиции Трусевича. К рецензированию материалов был привлечен начальник Московского охранного отделения Климович, который внес много поправок и дополнений. Одним из основных разработчиков был А.М. Еремин, прикомандированный во то время к Департаменту полиции.

Казалось бы, Инструкция и Положения в достаточной степени вводили представителей политического розыска в курс их работы. Однако, жизнь подбрасывала новые и новые сюжеты и заставляла уточнять и дополнять некоторые положения, приводить их в соответствие с накапливавшимся опытом. Разъяснительная и руководящая работа Департамента велась посредством циркуляров.

Для наблюдения Департамента за деятельностью руководителей политического сыска и контроля за ними в 1907 г. за № 2567, издается циркуляр, в котором предписывается один раз в три месяца представлять заведующему Особым отделом Департамента сведения об агентуре. Теперь требовалось указывать только псевдоним агента, размер вознаграждения,

время приступления к исполнению обязанностей, в какой организации состоит, какое положение занимает, с приложением копий дневников с агентурными сведениями. Впоследствии, когда пошла волна разоблачений секретных сотрудников, эти требования были изменены. Департамент просил сообщить краткие сведения, так как подробные сообщения, плюс диалог, описание встреч, — все это в случае потери донесения могло привести к разоблачению сотрудника²⁷.

В циркуляре Департамента полиции от 4 октября 1907 г. давались весьма специфические указания относительно способов приобретения сотрудников. «Пользуясь разногласиями и колебаниями в партийных организациях, начальники различных учреждений должны ныне же принять самые энергичные меры к приобретению новых сотрудников, стремиться заручиться содействием серьезных представителей, а не мелких кружковых деятелей, а вместе с тем использовать означенное переходное состояние в том смысле, чтобы продвинуть своих сотрудников ближе к центрам организаций»²⁸.

О «правильном использовании» имеющейся агентуры писал в циркуляре 30 октября 1907 г. № 13287 Курлов, указывая на недопустимость использования секретных сотрудников в качестве наблюдательных агентов, что частенько практиковалось особенно в провинциальных ГЖУ и охранных отделениях, и

С. 204.

что могло привести к провалу сотрудника. В циркуляре говорилось, что «Департамент полиции просит... принять к точному и неуклонному руководству вышеуказанное соображение, имея постоянную заботу о сохранении на возможно более продолжительное время секретных сотрудников, приобретение которых всегда сопряжено с большими трудностями».

В циркуляре от 16 мая 1908 г. за № 131395 называется круг лиц, из которого могут вербоваться сотрудники. «Лучшим» элементом для «вспомогательной агентуры» являются содержатели чайных и колониальных лавок; они «отлично знают, что делается кругом на 20 — 30 верст, и, получая небольшое постоянное вознаграждение, могут быть очень полезны, особенно для установок. Вторым подходящим элементом будут крестьяне-лентяи, проводящие все время в чайных. Вообще содержание таких вспомогательных агентов обойдется недорого — 5—10 рублей в месяц, а пользу они могут принести, особенно в виде опорных пунктов для командированных филеров... Могут быть полезны волостные и сельские писари, но содержание их обойдется дороже, да и население относится к

ним не с полным доверием и много от них скрывает»²⁹.

Несмотря на все принимавшиеся меры, материалы Департамента полиции свидетельствуют о трудностях с приобретением секретных сотрудников. Это подтверждают, в частности, периодически проводившиеся Департаментом полиции ревизии охранных отделений и ГЖУ.

Так, в отчете о ревизиях ряда губерний в 1907 — 1908 гг., ротмистр Васильев писал об инертности руководителей политического сыска, их неумелости, желании вести спокойную жизнь. В отчете говорилось: «Как оказалось, никакой секретной агентуры ни у начальника местного ГЖУ, ни у местной полиции совершенно не имеется. Полковник Ламзин объяснил, что приняв управление около года тому назад, он не получил от предшественника своего ни одного секретного сотрудника». Автор говорит о том, что в губернии 2000 высланных, 500 человек в Вологде, но колония ссыльных «весьма сплоченная, строго законспирированная и заагентурить кого-либо просто невозможно»³⁰.

Подобное повторялось и при последующих проверках и ревизиях, и эта ситуация потребовала от Департамента новой серии циркуляров. В одном из них говорится: «...Бывали случаи, что господа жандармские офицеры не могли представить сведения о количестве имеющих в распоряжении их (секретных. — З.П.) сотрудников, кличках и положении последних в партии. Ввиду сего Департамент полиции считает себя вынужденным обратить внимание... на подобное печальное явление и

С. 205.

рекомендовать на будущее время иметь свидания со всеми сотрудниками... »³¹

Особенно избегали работы с секретной агентурой в ЖПУ ж.д. Некоторые из них так и не смогли привыкнуть к обязанностям иметь секретную агентуру. В циркуляре, подписанном товарищем министра внутренних дел Курловым, в связи с этим констатировалось: «Опыт показал, что господа начальники отделения сначала относились к новому для них делу, в сущности составляющему главнейшую их обязанность, чисто формально, стараясь держать одного — двух сотрудников "для вида", а затем постепенно дошло до того, что в настоящее время агентура, не только партийная, но и вспомогательная, у начальников отделений — явление исключительное». Курлов вновь требовал от начальников ЖПУ ж.д. приобретения агентуры «под личную ответственность»³². При этом Департамент полиции не гнушается прямыми угрозами в адрес недостаточно активных чинов. Так в циркуляре от 16 июня 1912 г. за

подписью директора Департамента полиции Белецкого и заведующего Особым отделом Еремина указывалось: «...Если в каких-либо жандармских отделениях вовсе не будет... агентуры, или агентура эта окажется недостаточно удовлетворительной, то Департамент полиции будет входить к министру внутренних дел с докладами о несоответствии таких начальников отделений с занимаемыми должностями»³³.

Следует отметить, что в отличие от ГЖУ в РОО и охранных отделениях подобное «небрежение» было скорее исключением, а не правилом. Однако, число секретных сотрудников распределялось очень неравномерно и зависело, в основном, от усердия руководства и от политической ситуации в регионе.

Наибольшее число секретных сотрудников было в Московском охранном отделении, слабее дело было поставлено в Петербурге. Московская агентура отличалась также солидным стажем работы, она давала серьезную информацию. Департамент полиции буквально «выезжал» на сведениях из Москвы.

Со временем характер циркуляров по поводу приобретения и использования секретных сотрудников меняется, и они становятся более целенаправленными. Настаивая на активизации работы с ними, Департамент полиции требовал установить наблюдение за теми или иными конкретными партийными организациями, определенными лицами, предстоящими съездами, конференциями, их делегатами.

Серия разоблачений секретных сотрудников, особенно дело Азефа³⁴) публикации Бурцева поставили органы политического сыска в сложное положение: член Центрального комитета, руководитель боевой группы эсеров, организатор многих

С. 206.

террористических актов Азеф оказался многолетним секретным сотрудником Департамента полиции.

Ярким документом, характеризующим положение с розыском, в этот период явился циркуляр Департамента от 5 февраля 1909 г. № 123244, в котором указывалось: «Последовавшее благодаря известным условиям разоблачение услуг, оказанных делу розыска инженером Евно Азефом, может с вероятностью вредно отразиться на приобретении новых и даже, быть может, на сохранении некоторых функционирующих сотрудников. В виду сего Департамент считает необходимым прежде всего разъяснить, что правильно поставленная внутренняя агентура является одним из самых сильных средств борьбы с революционными выступлениями и предприятиями, а потому дальнейшее ее сохранение и развитие

представляется необходимым. В случаях же замеченных колебаний в сотрудниках ввиду раскрытия роли Азефа, надлежит указать сомневающимся сотрудникам, что розыскные органы сумели сохранить втайне работу Азефа в течение 16 лет, и она огласилась лишь при совершенно исключительных условиях предательства, и что властями приняты все меры к полному обеспечению тайны работы сотрудников...»³⁵

В целях сохранения агентуры в циркуляре напоминалось о необходимости строго внушить сотрудникам недопустимость проявления ими инициативы в революционных предприятиях и о вовлечении ими в таковые своих единомышленников (имелась в виду тактика провокации).

Вопрос о «провокаторах», о провокационной деятельности секретной агентуры настолько сложен, что требует специальных изысканий. Здесь же можно лишь сказать, что позиция Департамента полиции и Министерства внутренних дел по этому вопросу не оставалась неизменной. Не было единства взглядов по отношению к провокаторству и внутри Департамента и Министерства внутренних дел. Эти разногласия существенно влияли на постановку всей розыскной работы Департамента, что, в частности, признавалось в свидетельских показаниях деятелей Департамента полиции на допросах в ЧСК³⁶.

Одновременно Департаментом издается ряд циркуляров, напутствующих руководителей политического сыска на устройство судебных разоблаченных сотрудников, на характер отношений с ними. Содержится просьба не направлять расконспирированного сотрудника в Департамент, а попытаться устроить его в другое ГЖУ или охранное отделение, а в случае тяжелого положения постараться, исходя из его заслуг, содержать несколько месяцев³⁷.

Для повышения эффективности розыскной работы, Департамент полиции принимает ряд мер по укреплению кадрового

С. 207.

состава ведущих сотрудников как в самом Департаменте полиции, так и в учреждениях, подотчетных ему. Начальниками охранных РОО и розыскных пунктов назначаются молодые, только что окончившие жандармские курсы офицеры, «рвущиеся в бой». Именно они выступили в качестве главной ударной силы в борьбе с революционными организациями после отката революции 1905—1907 гг. «Обскавав» генералов-руководителей ГЖУ по премиям и наградам, они в то же время стали основной мишенью для покушений со стороны террористов.

В 1910 г. по инициативе Еремина в Особом отделе создается секретная

агентурная часть, которая призвана была специально заниматься работой с секретной агентурой. Еремин пытается выяснить пути поступления к Бурцеву информации о секретных сотрудниках. Но Бурцев был достаточно конспиративен. 28 февраля 1910 г. Департамент полиции рассылает начальникам ГЖУ, охранных отделений, ЖПУ ж.д. циркуляр: «В Департамент полиции поступают указания, что в основанную эмигрантом Бурцевым "следственную комиссию" все чаще и чаще доставляются сведения о состоящих у разных розыскных органов секретных сотрудниках, причем в распоряжение этой комиссии пересылаются подлинники или копии с документов сотрудников. Сообщая об изложенном и находя, что подобное явление дезорганизует дело политического розыска и подвергает жизнь многих секретных сотрудников опасности со стороны революционеров, Департамент полиции просит сосредоточить все внимание на служащих вверенном вам розыском пункте с целью выяснения лиц, передающих документы»³⁸. Однако, перехитрить Бурцева Департаменту полиции так и не удалось.

С приходом Еремина розыскная деятельность Департамента, по крайней мере, на уровне самого Департамента, резко активизировалась.

Помимо засылки секретных сотрудников, местные жандармы начинают применять метод дискредитации наиболее сильных и активных деятелей, распуская о них ложные слухи и выводя из игры ценные партийные кадры. Одной из жертв такого рода тактики оказался видный функционер РСДРП В.И. Орловский. Даже спустя несколько лет после того, как он был заподозрен в связи с охранкой и был выслан в Иркутскую губернию, один из ссыльных, социал-демократ, бывший член Государственной думы А.В. Калинин писал члену Государственной думы большевику Н.Р. Шагову: «Пусто, холодно кругом, нечем заполнить пустоты душевной. Ссылка измельчала, местами даже загрязнилась. Нервозность на почве безработицы и недоедания повышена до невероятности. Кроме этого политическая ссылка кроет в себе массу лиц или имеющих, или

С. 208.

имевших соприкосновение с охранным отделением. С месяц тому назад, например, наша Тулуновская ссылка открыла еще одного ссыльного провокатора, некоего Орловского, работавшего в революционных организациях под кличкой "Никифора" и провалившего целый ряд организаций»³⁹. На основании изучения материалов Департамента полиции, Московского охранного отделения мне удалось доказать, что все обвинения против Орловского не имели под собой никаких оснований⁴⁰. К

сожалению, дальнейшая судьба Орловского неизвестна.

Подобный же случай произошел на Кавказе, когда, оберегая своего сотрудника, местная полиция делала все, чтобы избежать его провала. В результате подозрение пало не на настоящего секретного сотрудника, а на находившегося с ним в дружеских отношениях Виссариона Мгеладзе. Даже его жизнь находилась в опасности, так как товарищами по организации было вынесено решение его устранить. Только по счастливой случайности вскоре выяснилось, что подозрение это не имело под собой никаких оснований.

Интересен случай с секретным сотрудником заграничной агентуры Эваленко (Еваленко). «Американский Азеф» — так окрестили его журналисты. Долгие годы проживая в Америке, он имел тесную связь с политическим сыском России, «освещая» приезд русских революционеров в Америку, деятельность революционной эмиграции. Для утверждения своего положения он предпринял, не без участия Департамента полиции, переиздание в Нью-Йорке на русском языке «Капитала» К. Маркса. Исследовательница этого вопроса А.В. Уроева в своей книге пишет: «Это издание представляло собой точную копию издания Полякова, за исключением мелких типографических деталей. Титульный лист книги воспроизведен точно, сохранена и дата издания — 1872 г. Перепечатка была сделана в тот период, когда издание 1872 г. стало уже библиографической редкостью... Однако, из всего тиража было распространено лишь незначительное количество экземпляров, вероятно несколько десятков»⁴¹. Автор не называет фамилию секретного сотрудника, так как в то время использованные ею материалы находились на специальном хранении. Несмотря на маскировку, Эваленко через несколько лет был разоблачен как секретный сотрудник.

Руководствуясь инструкциями и циркулярами Департамента полиции, власти на местах также издавали свои циркуляры и разработки по политическому сыску. Так, начальник Московского охранного отделения М.Ф. Фон-Коттен издал ряд циркуляров, которые развивали отдельные положения инструкции и циркуляров Департамента полиции. В одном из них, в частности, настоятельно указывалось на необходимость

С. 209.

приобретения вспомогательных секретных сотрудников. В циркуляре от 17 мая 1908 г. подчеркивалось, что в отличие от основных секретных сотрудников, вспомогательные сотрудники должны «приискиваться из благонадежной части населения»⁴².

Его преемник на этом посту П.П.Заварзин пошел значительно дальше

и стал инициатором подготовки и издания инструкции Московского охранного отделения по организации и ведению внутренней агентуры. Инструкция была составлена с использованием основных положений департаментской инструкции 1907 г. Но в отличие от нее московская инструкция давала больше конкретных советов по работе и общению с секретными сотрудниками, направлению их деятельности. Она состояла из пяти разделов⁴³.

В марте 1911 г. инструкция оказалась в руках министра внутренних дел, затем была передана заведующему Особым отделом Департамента полиции Еремину. Инициатива не была одобрена. Резолюция Еремина гласила «Доложено 14 марта. Г[осподин] директор приказал увед[омить] полков[ника] Заварзина, что до свед[ения] Его пре[восходительст]ва дошло, что им издана литографированным путем инструкция] по организации] и ведению внутренней агентуры, представляющая из себя с незначительной [перефразировкой] копию изданной Департаментом] п[олиции] в 1907 г. инструкции по организации] и ведению внутреннего] (агентурного) наблюдения, с которой при рассылке было воспрещено снимать копии и которая была послана лишь начальником] РОО для личного руководства при разъяснении офицерам оснований ведения внутренней] агентуры. Ввиду этого Департамент] п[олиции] предлагает представить объяснения, на каком основании полковник] Заварзин позволил себе без ведома и разрешения ДП составить и распространять означенную инструкцию и [составить] подробный отчет о том, сколько экземпляров ее было отпечатано и кому именно разослано»⁴⁴.

Как представляется автору, создание инструкции было ответом на возникавшие в ходе работы вопросы, требовавшие разъяснения, и составлена она была профессионально. Однако, Еремина как службиста и человека военного, возмутила «самодеятельность» подчиненного. Сыграло роль, видимо, и то, что он опасался рассекречивания такого рода документации в случае, если бы эта практика получила распространение.

Следует отметить, что все попытки Департамента полиции добиться в 1907—1910 гг. укрепления секретной агентурной сети путем более щедрого финансирования и повышения требовательности к руководителям сыска, сыграли определенную роль только на короткий период.

С. 210.

Ревизия розыскных органов, проведенная в октябре 1911 г. под руководством вице-директора Департамента Виссарионова, констатировала «упадок агентуры». Составленный им доклад так и назывался «Об упадке агентуры и о способах к поднятию политического сыска»⁴⁵. 29 октября

1911 г. доклад был направлен товарищу министра внутренних дел. В докладе Виссарионов указывал, что розыскная работа переживает кризис и выдвигал ряд причин, которые тормозят ее развитие. Автор детально останавливался на кадровом составе работников как на местах, так и в центре. Причем одной из причин «упадка» он считал переживаемый политический момент, когда разоблачения агентуры, а также деятельность бывших служащих Департамента и охранных отделений — Меньшикова, Бакая, Гагмана «нанесли непоправимый вред», возбудили в «наличных сотрудиниках недоверие к розыскным органам, неуверенность в тех лицах, которым оказывали услуги»⁴⁶.

Но и сам Департамент полиции не всегда был на высоте, ставя порой в сложные условия своих подопечных — начальников РОО и ГЖУ.

Стремясь держать в поле зрения деятельность активных партийных центров и используя для этой цели секретную агентуру, Департамент идет на нарушение им же созданных инструкций, подталкивает своих секретных сотрудников на активное участие в революционной деятельности. Пример тому — Малиновский, Романов, Бряндинский, которым удалось приблизиться к «партийным верхам».

О «вольном» отношении к собственным предписаниям свидетельствует и то, что при создании в 1907 г. РОО и новых охранных отделений, все инструкции были посланы только руководителям этих структур. В то же время, часть начальников ГЖУ в тех районах, где не было розыскных пунктов, продолжала заниматься розыскной деятельностью, не имея основных руководящих документов, получая от Департамента полиции циркуляры в развитие незнакомой им инструкции.

Хотя вопрос о состоянии политического розыска был основным в работе Департаменте полиции, реакция министерства на доклад Виссарионова была неспешной. Только в конце ноября—декабря 1912 г. в Петербурге состоялся съезд руководителей политического сыска. На этом совещании рассматривалось много вопросов, в очередной раз обсуждались провокационные приемы, применяемые в розыске, основное внимание было уделено пересмотру приемов розыска. Было высказано много нареканий на несоответствие ряда утвердившихся приемов изменившимся «формам проявления революционного движения». В связи с этим было принято решение усовершенствовать имеющиеся инструкции, пересмотреть все циркуляры,

С. 211.

издававшиеся Департаментом полиции с 1881 г. и действовавшие до сих пор. По подсчетам Департамента полиции их было не менее 250 ⁴⁷.

Под руководством вице-директора Департамента полиции Виссарионова создается группа по рассмотрению накопившихся вопросов в целях переработки и совершенствования указанных нормативных документов⁴⁸. Однако, приход к руководству всей системой политического сыска в январе 1913 г. Джунковского, занявшего пост товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, привел к фактической приостановке работы комиссии. Исходя из своих представлений об этике розыскной работы, Джунковский настоял на ликвидации секретной агентуры в средних учебных заведениях и в армии. Другие полицейские чины считали, что этим был нанесен удар по делу политического сыска⁴⁹. Как отмечалось выше, Джунковским был поставлен вопрос об упразднении охранных и РОО.

В связи с этими реорганизациями всем ГЖУ возвращались целиком их функции по политическому сыску. Поэтому встал вопрос о пересмотре введенных в действие в 1907 г. Положений о районных охранных отделениях и об охранных отделениях.

Очевидно, наиболее подходящей кандидатурой для пересмотра старых инструкций и составления новых был бы Еремин, но осложнившиеся отношения с директором Департамента Белецким привели к переходу Еремина в июне 1913 г. на должность заведующего жандармским управлением в Финляндии. Новый заведующий Особым отделом Броецкий явно был не готов к такой работе, о чем и писал директору Департамента: «...Эту ответственную работу, в интересах всесторонней и широкой разработки столь необходимого руководящего материала представлялось бы необходимым поручить одному из жандармских офицеров, основательно практически знакомому с постановкой розыска на местах и обладающему положительными теоретическими знаниями о строении и деятельности современных революционных партий и организаций...»⁵⁰ Кроме систематизации имеющегося материала надо было разработать новое Положение об оставшихся РОО, их отношениях с Департаментом полиции, ГЖУ и розыскными пунктами.

В конце концов эта работа была поручена подполковнику Энгбрехту, состоявшему в резерве при Петроградском ГЖУ. В декабре 1914 г. работа им была закончена и представлена в Департамент полиции. Это был довольно большой материал, состоящий из трех инструкций, указателей, списка циркуляров, предлагавшегося к отмене. Самыми важными документами были инструкции:

С. 212.

«Инструкция Департамента полиции по организации и ведению

внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях»; «Инструкция Департамента полиции по организации и ведению наружного наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях»; «Свод правил по ведению политического розыска и отчетности по розыску в жандармских и розыскных учреждениях»⁵¹.

Материал был дан под общим заголовком «Наказ по ведению политического сыска».

Вся представленная документация была послана на заключение полковнику П.К. Попову, который в это время переходил с должности начальника Петербургского охранного отделения на должность штаб-офицера для поручений при министре внутренних дел.

Судьба этих документов до сих пор остается неясной. Под полковник Энгбрехт, назначенный на новую должность, к этой работе больше не вернулся, не удалось разыскать заключение Попова. На требование вернуть материалы в Департамент в телефонном разговоре со служащим Департамента в январ. 1915 г. Попов ответил, что документы возвращены директору ДП. В ГА РФ имеются черновики работы Энгбрехта, а также неполная машинописная копия «Наказа» (перепечатка 1952 г.).

Возможно, инструкция была разослана для обсуждения и не была утверждена. Вполне возможно также, что инициативу по созданию документа перехватил Попов, считавший себя, да так считал и не он один, крупным специалистом в деле политического сыска. Практически весь подготовленный Энгбрехтом материал перешел к нему. В сентябре 1916 г. Министерство внутренних дел, исходя из необходимости «ввести во всех розыскных органах Министерства внутренних дел единообразные приемы розыскной работы и отчетности по розыску»⁵², поручило Попову подготовить соответствующий проект «Наказа». «Наказ» был подготовлен, он состоял из 15 глав (называвшихся отделами), которые, в свою очередь, делились на разделы и параграфы. Вместе с таблицами и формами отчетности «Наказ» содержал 268 страниц машинописного текста.

В сравнении с предыдущими инструкциями в «Наказе» Попова существенно расширяется круг организаций и лиц, подлежащих наблюдению. Кроме участников революционного движения упоминаются воинские части, сельская администрация, железнодорожные и почтовые служащие, просветительские общества, учащиеся средних и высших учебных заведений, масоны, сектанты и т.д.⁵³ Пожалуй, самым важным и интересным материалом был отдел VI — «Организация и ведение внутреннего наблюдения». В общей части раздела давалась характеристика

различных категорий секретной агентуры: секретные сотрудники, вспомогательные агенты, осведомители, штучники, розыскные агенты (цензурщики, установщики, справщики). Здесь же говорилось о приобретении агентуры и о ее видах — сельская, ученическая, железнодорожная, воздухоплавательная и т.д.⁵⁴ Совершенно новыми главами документа были VIII — «Охрана лиц от покушений» и IX .— «Работа розыскных учреждений по делам военного шпионажа».

28 ноября 1916 г. проект «Наказа» был представлен товарищу министра внутренних дел. В заключительной части документа Попов давал список использованных им источников. Наряду с документами 1907 г., были упомянуты материалы совещания 1912 г., циркуляры последних лет. Одновременно Попов упоминает «Свод правил по политическому розыску», составленный в Департаменте полиции в 1913 г. Очевидно, Попов имеет в виду материалы, представленные в свое время Энгбрехтом. То ли умышленно, то ли по незнанию упоминает 1913 г., а не 1914 г. Эта оговорка доказывает, что материалы Энгбрехта не имели распространения и едва ли были использованы в розыскной работе.

Вопрос о судьбе инструкций 1914 и 1916 гг., составленных Энгбрехтом и Поповым, не так прост, как может показаться. В свое время П.Е. Щеголев, возглавлявший комиссию по разбору дел Департамента полиции, после февраля 1917 г. просмотрел материалы ДП по политическому сыску и опубликовал ряд работ. Он пришел к следующему заключению: все руководящие указания ДП по производству розыска и дознаний были собраны генерал-майором Отдельного корпуса жандармов Поповым и подготовлены им к печати. К сожалению, этот труд Попова не дошел до нас ни в одном экземпляре⁵⁵.

Автору удалось найти тезисы «Наказа» Попова, подписанные им самим, и полный экземпляр «Наказа». В настоящее время это материал стал доступен исследователям.

Подводя итог сказанному о деятельности Департамента полиции по организации работы с секретной агентурой, следует констатировать, что политический сыск не развивался по восходящей линии: подъемы чередовались спадами. И решающими факторами здесь являлись изменения в кадровом составе работников и политическая обстановка в стране и отдельных регионах.

Этот вывод подтверждается запиской последнего заведующего Особым отделом Департамента полиции И.П. Васильева. Арестованный в мартовские дни 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, он представил 21 марта в ЧСК записку, озаглавленную: «О

провокационной деятельности некоторых розыскных деятелей». Давая общую

С. 214.

оценку деятельности Департамента полиции, Васильев писал: «Быть может, здесь уместно будет сказать, что дело политического розыска после революции 1906 — 1907 годов пришло в значительный упадок... Исключение составляет время заведования Департаментом Трусевичем и Курловым... Окончательно розыск захирел, — пишет Васильев, — благодаря отмене при генерале Джунковском агентуры в войсках, но с подъемом общественного движения в 1915 — 1917 годах... розыск "оживился" вследствие того, что движение происходило не при прежней конспиративной обстановке, вышло из подполья, каковое обстоятельство дало возможность даже мелкой агентуре быть в курсе течения событий»⁵⁶.

Несмотря на предвзятый характер некоторых оценок, содержащихся в записке, в целом его выводы соответствовали действительности. .

Примечания

1 Подробнее о Рачковском см.: Брачев В.С. Мастер политического сыска Петр Иванович Рачковский // Сб. Английская набережная, 4. СПб., 1997. С. 291-324.

2 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1898. Д. 1. Ч. 1. Лит. Д. Л. 1-15.

3 Там же.

4 Там же. Ф. 102. 00. 1902. Д. 825. Л. 204, 210.

5 Щеголев П.Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1992; Ярмыш А.Н. Наблюдать неотступно. Киев, 1992; Цявловский М.А. Секретные сотрудники Московской охраны 1880-х годов // Голос минувшего. 1917. № 7 — 8. С. 180, 183; Бакай М.Е. Еще о провокации и провокаторах // Былое. 1909. № 11 — 12; Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992; Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. М., 1993; Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX-XX веков (1880-1904 гг.). М., 1986; Федоров С.Е. Политический розыск в царской России в начале XX в.: Средства и методы. Авт. дисс. Харьков, 1992.

6 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1898. Д. 5. Ч. 52. Лит. Б. Л. 32-33; Лурье Ф.М., Перегудова З.И. Царская охранка и провокация //Из глубины времен. 1992. № 1. Л. 57.

7 Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1990. С. 43, 44.

8 ГА РФ. Ф. 102. 7 д-во. 1896. Д. 257.

9 Козьмин Б.П. С.В.Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928. С. 26

10 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1906. Д. 32. Л. 99; Д. 342. Л. 67.

- 11 Там же. Д. 1306. Л. 4.
- 12 Там же. Л. 5.
- 13 Там же. Д. 342.
- 14 Красный архив. 1929. № 1 (32). С. 158.
- 15 Заграничная агентура Департамента полиции (записки С. Сватикова и документы заграничной агентуры). М., 1941. С. 121 — 131; Из глубины времен. 1992. № 1. С. 71-83.
- 16 Там же. С. 73.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 80.
- 19 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 259. Л. 13.
- 20 Из глубины времен. СПб., 1992. № 1. С. 77.
- 21 Там же. Л. 78.
- 22 Цитируется по ст. Жилинского В.Б. // Голос минувшего. 1917. № 9-10. С. 286.
- 23 Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения. Публикация Лурье Ф.М., Перегудовой З.И. // Из глубины времен. 1992. № 1. С. 71-83.
- 24 См.: Заграничная агентура Департамента полиции (записки С.Свашкова и документы секретной агентуры). М., 1941. С. 121.
- 25 Лурье Ф.М., Перегудова З.И. Царская охранка и провокация // Из глубины времен. СПб., 1992. № 1. С. 61; Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992. С. 128. «Наблюдать неотступно...» Киев, 1992. С. 139.
- 26 ГА РФ. Ф. 102. 1908. Д. 540. Л. 2, 8, 4-53, 62-67, 96-102, 177-191.
- 27 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 29. Циркуляр от 8 марта 1910 г. Х? 107313.
- 28 Там же. Ф. 280. 1911. Д. 500. Ч. 18; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 440. Л. 6.
- 29 Цит. по ст. Жилинского В.Б. «Организация и жизнь охранного отделения» // Голос минувшего. 1917. № 9—10. С. 266.
- 30 ГА РФ. Ф. 280. 1910. Д. 5001. Л. 3.
- 31 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 24. Л. 46. Циркуляр ДП от 20 июня 1909 г. № 131989.
- 32 Там же. Ф. 102. 00. 1914. Д. 3. Л. 2 об.; ЦДП от 15 мая 1910, № 125495.
- 33 Там же. Д. 1467. Оп. 1. Д. 440. Л. 8.
- 34 Донесения Азефа в Департамент полиции и представителям политического сыска. Письма Азефа 1893—1917 / Сост. Д.Б. Павлов, З.И.Перегудова. М., 1994. С. 14-129.

- 35 Циркуляр Департамента полиции № 123244 от 5 февраля 1909 г.
- 36 Щеголев П.Е. «Охранники и авантюристы». М., 1930. С. 142 — 147.
- 37 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 21. Л. 85; ЦДП от 15 ноября 1908 г., Х° 141711. Перегудова З.И. Строго законспирированы. М., 1983. С. 97-98.
- 38 ГА РФ. Ф. 102. 00. Оп. 260. Д. 256. Л. 83.
- 39 Там же. Ф. 102. 00. 1913. Д. 5. Ч. 27. Лит. Б. Л. 10. Письмо от Н февраля 1913 г.
- 40 Подробнее об Орловском см.: Перегудова З.И. Методы борьбы Департамента полиции // Факел. 1990. С. 201—202; Перегудова З.И. Строго законспирированы.
- 41 Уроева А.В. Книга, живущая в веках. М., 1972. С. 148.
- 42 ГА РФ. Ф. 280. 1908. Д. 5010. Л. 3об.-4.
- 43 Впервые частично инструкция была опубликована в сб. «Большевики: документы по истории большевизма с 1903 по 1916 гг. бывшего Московского охранного отделения». Изд. 1-е. 1918. С. IV—VI; Изд. 3-е. М., 1990. С. 18 — 22. В настоящее время инструкция опубликована полностью. См.: Тайны политического сыска. Инструкция о работе с секретными сотрудниками. СПб., 1992. С. 2 — 15. Предисловие А.В. Островского, публикация З.И. Перегудовой.
- 44 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 314. Д. 43. Л. 1.
- 45 Там же. Ф. 102. 00. 1911. Д. 148. Л. 4.
- 46 Там же.
- 47 Там же. Ф. 102. 1914. Д. 366. Т. 1-2.
- 48 Падение царского режима. Т. 1. С. 19.
- 49 Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. М., 1930. С. 149
- 50 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1914. Д. 366. Л. 17.
- 51 Там же. Ф. 102. 00. 1914. Д. 366. Л. 366. Т. 1. Черновики документов.
- 52 Там же. Ф. 102. Оп. 314. Д. 43. Л. 27 (копия).
- 53 Там же. Д. 49. Л. 6-12.
- 54 Там же.
- 55 Щеголев П.Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1992. С. 316, прим. 143
- 56 Там же. С. 227.
С. 216.

§ 2. Комиссии Временного правительства

и работа советских архивов по раскрытию секретной агентуры

Одним из наиболее сложных и болезненных вопросов, связанных с проблемами политического сыска в дореволюционной России, является

вопрос о раскрытии секретной агентуры. Продолжаются попытки, часто без достаточных на то оснований, расширительно толковать эту проблему. Причем нередки случаи, когда речь идет не только о чисто количественной стороне дела, но и о конкретных исторических фигурах.

Прояснению этих вопросов может способствовать анализ работы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, а также ряда других комиссий, созданных после Февральской революции.

Вопрос о разоблачении лиц, предававших свою организацию, товарищей по борьбе, всегда волновал революционные организации, которые создавали целую систему конспирации, затруднявшую работу политической полиции¹.

Революционные организации создавали комиссии, партийные суды, межпартийные суды², которые рассматривали вопросы о провокации, и результаты этой работы публиковались на страницах партийной печати, выпускались отдельными листовками с портретом и биографией предателя.

Партийные организации пытались и сами засылать своих людей в органы политического сыска. Широко известен факт поступления на службу в III Отделение народовольца Н.В. Клеточникова. Ему удалось получить материалы на 385 человек, из которых 115 являлись постоянными секретными сотрудниками, хотя не все они работали в революционных организациях³. И это был не единичный случай попыток проникновения революционеров в тайны политического сыска. Большую работу по выявлению секретной агентуры в партийных рядах провел Бурцев⁴.

Широко известны имена секретных сотрудников, разоблаченных еще до революции: Азеф, Геккельман-Ландезен-Гартинг,

С. 217.

Жученко-Гернгросс, Бряндинский, Житомирский, действовавшие в среде эсеровского и социал-демократического движения.

После Февральской революции, когда стали доступны материалы Департамента полиции, охранных отделений, розыскных пунктов, ГЖУ и ЖПУ ж.д., наступил новый этап в разоблачении секретных сотрудников.

С марта по октябрь 1917 г. в Петербурге, Москве и во многих других городах по постановлению Временного Правительства и распоряжениям исполкомов местных Советов были созданы комиссии, которые прямо или косвенно занимались вопросами секретной агентуры. Назовем основные из них: Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц (Петроград); Комиссия по заведованию архивом заграничной агентуры в Париже; Комиссия по обеспечению нового строя

(Москва); Комиссия по разбору дел бывшего Департамента полиции подведомственных ему учреждений (Петроград) и ряд комиссий на местах.

Именовались местные комиссии по-разному. Так, в Свеаборге в апреле 1917 г. была создана «секция» под названием «Охрана народной свободы Свеаборгской крепости». В ее задачу входило: пресечение контрреволюционных действий на территории Свеаборга, выявление секретной агентуры, служившей в учреждениях политического сыска⁵.

Решением Исполнительного комитета Выборгского совета солдатских и рабочих депутатов в Выборгском крепостном районе была создана секция «Охраны народной свободы», одной из задач которой была разработка секретных архивов и выявление секретной агентуры⁶.

В октябре 1917 г. постановлением Исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов крепости Кронштадт была создана Чрезвычайно-следственная комиссия Исполнительного комитета. Основная цель комиссии — расследование дел, связанных с секретной агентурой Кронштадтского жандармского управления. В состав комиссии вошли представители политических партий и общественных организаций. Все дела о секретных сотрудниках после их сбора, исследования и формирования из комиссии передавались в общественный демократический суд⁷.

Комиссии на местах работали в тесном взаимодействии со столичными комиссиями. У столичных комиссий было много направлений работы. У местных, как правило, — подбор документов для столичных комиссий, выявление материалов о секретной агентуре, публикация списков с их именами в прессе, принятие против секретных сотрудников мер воздействия

С. 218.

— арест, подписка о невыезде, временное запрещение участвовать в общественной и политической жизни.

В некоторых городах были созданы архивные комиссии при исполкомах. Комиссии целенаправленно занимались приведением в порядок материалов и выявлением секретной агентуры.

В исторической литературе более всего известна «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования действий бывших министров и прочих должностных лиц», с которой в тесном контакте работали вышеназванные комиссии. Она была создана 4 марта 1917 г. 12 марта было опубликовано Положение о ее статусе и функциях⁸.

Комиссия учреждалась при министре юстиции, который осуществлял функции генерал-прокурора. Во главе комиссии стоял председатель на

правах товарища министра юстиции. Им был назначен московский присяжный поверенный Н.К. Муравьев. Комиссия имела широкий спектр задач. Основная задача, как следует из ее названия — расследование «тех действий высших чинов старого строя, которые представляются преступными и по действовавшим даже в то время законам». Исходя из задач комиссии⁹, она имела сложную структуру, многочисленные подразделения. Самая крупная структура, которая вела расследование «противозаконных действий по должности бывших министров и прочих должностных лиц», имела 30 следственных¹⁰ частей. У каждой следственной части был свой круг вопросов и своя специализация. Так, следственная часть № 1 расследовала противозаконную деятельность должностных лиц по продлению (в 1905—1906 гг.) действия «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., введенного Александром III как временного. Следственная часть № 6 занималась вопросами нарушений законодательства министром юстиции И.Г. Щегловитовым. Следственная часть № 7 была связана с действиями министра внутренних дел А.Д. Протопопова. Следственная часть № 10 рассматривала материалы о действиях должностных лиц в «борьбе с народным движением в феврале — марте 1917 г.». Следственная часть № 13 была связана с расследованием деятельности Г.Е. Распутина и его влияния на Николая II в области управления государством.

Что касается секретной агентуры, то такой следственной части не было, но вопрос об агентуре периодически оказывался во внимании следователей. Это было связано с расширением тематики вопросов при производстве следственных действий. Все чаще стали подниматься вопросы о методах работы политического сыска и действиях чиновников Департамента

218

полиции. Ставились вопросы о секретной агентуре и провокационных методах ее работы.

Так как в распоряжении ЧСК оказались некоторые министры внутренних дел и товарищи министров, директора и вице-директора Департамента полиции, арестованные в первые дни революции, то многие вопросы о провокации и секретной агентуре были адресованы им. Практически каждому министру внутренних дел и служащим Департамента задавались вопросы, связанные с действовавшими инструкциями по работе с секретной агентурой. ЧСК пыталась выяснить, насколько далеко заходили подследственные, оплачивая работу тех, чья

деятельность, с точки зрения закона, была преступной (то есть секретных сотрудников, занимавшихся революционной деятельностью).

В этой связи шел разговор о бывшей революционерке и секретной сотруднице Е.Н. Шорниковой и ее роли в создании дела по обвинению членов социал-демократической фракции II Государственной думы. Много было уделено времени и Малиновскому — социал-демократу и руководителю социал-демократической фракции IV Государственной думы.

Согласно условиям выборов в Государственную думу, в нее не могли баллотироваться лица, ранее судившиеся по уголовным делам. Каким же образом Малиновский, дважды судившийся в юности за кражу со взломом, оказался членом Государственной думы?! Неужели это не было известно в Министерстве внутренних дел, знали ли это товарищи по партии?! По делу Малиновского много вопросов: допрашивались представители политического сыска, члены Государственной думы, бывшие коллеги по партии, были допрошены В.И. Ленин, Н.К. Крупская».

Впоследствии материалы о Малиновском, собранные в ЧСК, легли в основу его дела, заверщенного в революционном трибунале.

Поднимая вопросы о провокации, секретном сотрудничестве, требуя от местных комиссий документы, ЧСК будировала и направляла работу местных комиссий в этом направлении.

ЧСК так и не смогла доказать противозаконность, превышение власти представителями политического сыска. Практически все допрошенные не признавали, что они нарушали закон, указывая на государственную необходимость и на то, что западная демократия из соображений той же государственной необходимости пользуется услугами секретных сотрудников, «освещающих» деятельность «нежелательных с точки зрения буржуазного государства организаций»¹².

«Ни в одном из цивилизованных государств в Европе нет другого способа. Агентуру имеют также и республиканские

С. 220.

государства, Франция, например», — заявил бывший директор Департамента Белецкий¹³.

Уже позднее другой представитель политического сыска, Заварзин, 18 лет проработавший в охранных отделениях Москвы, Варшавы, Одессы, также в свое время арестованный ЧСК, но удачно избежавший долгих сидений, как его коллеги, писал: «Возможно ли обойтись без внутренней агентуры и чем ее заменить?.. Ответ определенный. Ничем ее заменить нельзя, а потому она необходима и существует во всех без исключения странах мира»¹⁴.

Основная работа по выявлению секретной агентуры проводилась в Петербурге «Особой комиссией по обследованию деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных ему учреждений (районных охранных отделений, охранных отделений, жандармских управлений и розыскных пунктов) за 1905—1917 гг.»¹⁵ и в Москве комиссией по обеспечению нового строя при Исполнительном комитете московских общественных организаций¹⁶.

«Особая комиссия» имеет свою предысторию. 10 марта 1917 г. в Петербурге была образована «Комиссия по разбору дел бывшего Департамента полиции».

Задачами комиссии были:

1. Собрать и озаглавить все дела и бумаги бывшего Департамента полиции.

2. Привести их в порядок, сделать опись.

3. Удовлетворять без промедления требования о выдаче дел и бумаг, нужных для Чрезвычайной следственной комиссии и Министерства внутренних дел ¹⁷. Руководителем комиссии был назначен Павел Елисеевич Щеголев, революционер, журналист, редактор ряда легальных журналов, посвященных истории революционного движения: «Былое», «Минувшие годы».

Как специалист, занимавшийся исследованием деятельности Министерства внутренних дел, он неоднократно выступал перед сотрудниками комиссии ЧСК, «раскрывая тему Департамента полиции».

Периодически его приглашал председатель ЧСК Муравьев на заседания комиссии и он выступал в качестве эксперта по некоторым документам.

Постановлением Временного правительства от 15 июня 1917 г.¹⁸ на базе «Комиссии по разбору дел бывшего Департамента полиции» создается «Особая комиссия...» Рамки ее деятельности значительно расширены.

В Постановлении Временного правительства были четко определены задачи «Особой комиссии...»:

С. 221.

- а) исследование всех дел, имеющих отношение к политическому розыску в архивах Департамента полиции и подведомственных ему учреждений;

- б) сношения с исполнительными комитетами и комиссиями; работающими на местах по данным местным архивов, а в случае отсутствия такой работы на местах, — принятие мер к охране и разработке местных архивов;

в) обращение за получением материалов и сведений, касающихся политического розыска ко всем правительственным и общественным учреждениям;

г) удовлетворение требований правительственных органов и общественных учреждений по справкам, относящимся «до политического розыска».

Основными направлениями деятельности Особой комиссии были: .

а) выяснение состава секретной агентуры розыскных органов империи¹⁹;

б) розыск документов, их подбор для ЧСК.

На основании Положения об Особой комиссии, материалы Департамента полиции передавались в ведение министра юстиции²⁰, а управление архивом возлагалось на председателя комиссии. В состав «Особой комиссии...» входила «Архивная комиссия». Вскоре в «Особую комиссию» стали поступать архивы учреждений, подведомственных Департаменту полиции.

Для более тесного взаимодействия «Особой комиссии» и ЧСК Щеголев был введен в состав Чрезвычайной следственной комиссии, сверх имевшихся четырех членов, предусмотренных Положением ЧСК.

В распоряжении «Особой комиссии» с самого начала находились документы Департамента полиции, которые к этому времени были приведены в относительный порядок, две ценнейшие картотеки Департамента: общая картотека и картотека секретных сотрудников.

Прежде чем анализировать работу самой комиссии, необходимо остановиться на характеристике материалов и документов, которые поступили в распоряжение комиссий, созданных Временным правительством.

В первые дни революции особенно сильно пострадали учреждения, деятельность которых была связана с карательной политикой самодержавия. В эти дни погибло много материалов. Возмущение народных масс проявлялось в самых разнообразных формах, в том числе и в разгроме полицейских участков, охранных отделений, зданий судебных установлений, тюрем. В ряде случаев эти действия подогревались и направлялись переодетыми жандармами. Существовало негласное распоряжение полицейских властей, которое требовало от

221

подчиненных, в случае массовых волнений, при угрозе захвата полицейских участков, учреждений политического сыска уничтожать материалы агентуры, перлюстрацию. В Петрограде практически целиком

были уничтожены документы Петроградского губернского жандармского управления. Учреждение, история которого началась в 1867 г., оставило нам в наследство только 270 ед. хр.²¹. От Петроградского охранного отделения осталось 6058 дел²². А.А. Блок, появившийся в марте 1917 г. в Петрограде, потрясенный увиденным, писал своей матери: «Выгорели дотла Литовский замок и Окружной суд, бросается в глаза вся красота их фасадов, вылизанных огнем, вся мерзость, безобразившая их изнутри, выгорела»²³.

Довольно сильно пострадали материалы Московского охранного отделения, погром которого начался 1 марта 1917 г. Ворвавшаяся в помещение толпа ломала шкафы, картотеки, выбрасывала на улицу документы и разжигала костры. Горели дела, альбомы, каталоги, фотографии²⁴. Здесь также работала «своя» рука. При разгроме Московского охранного отделения все структуры практически не были тронуты, кроме одной — агентурного отдела, где хранились материалы агентурных сводок, картотека агентурного отдела, по которой можно было бы вычислить секретную агентуру. Только бывшие служащие этого отдела знали, где находились документы их отдела. В уничтожении материалов агентурного характера принимал участие и бывший начальник Московского охранного отделения Мартынов. Но основная часть материалов все же уцелела.

Практически не пострадали документы других структур Московского охранного отделения. Сохранились дела как деятелей революционного движения, так и по личному составу Охранного отделения. Но в период неразберихи, когда еще не была налажена охрана архива, туда заходили взять документы, свою фотографию на память деятели революционного движения. Впоследствии часть этих документов была сдана в музей, в «Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев». В настоящее время фонд Московского охранного отделения насчитывает 51 236 ед. хр. Среди сохранившихся документов особенно важной являлась единая именная и тематическая картотека на материалы Московского и Московского районного охранных отделений.

Были попытки поджога здания Департамента полиции.

События Февральской революции, связанные с уничтожением документов, имели своим следствием то, что до сих пор существуют различные мнения о степени сохранности документов Департамента полиции и его Особого отдела, где хранились материалы о секретной агентуре. Известный историк В.В. Максаков, касаясь этого вопроса в одной из своих статей,

пишет, что почти до 10 марта охраняли материалы [Департамента полиции] чиновники МВД, в связи с чем часть материалов была расхищена и уничтожена²⁵. Основываясь на этом, позже исследователь Б.К. Эренфельд писал: «...Хотя впоследствии Временное правительство отдало распоряжение об охране полицейских архивов, именно с этого момента началось преднамеренное, систематическое их уничтожение и расхищение заинтересованными лицами. К разбору архивов по политическим делам, как правило, привлекались добровольцы, а среди них нередко оказывались и бывшие охранники, принимавшие особенно энергичное участие "в приведении в порядок" архивных документов»²⁶.

В опубликованных в 1981 г. воспоминаниях Н. В. Измайлова о Пушкинском доме имеется интересный отрывок, посвященный судьбе материалов Департамента полиции. Автор совершенно правильно указывает на лиц, которые были озабочены сохранностью материалов с Фонтанки, 16 (в их числе были академик С.Ф. Ольденбург и Щеголев). Но удивляет его утверждение, будто бы «все, что удалось спасти, 3 марта погрузили на сани и свезли на Васильевский остров в Академию наук»²⁷.

Было ли все так, как описывают названные и не названные авторы? Начнем с выяснения вопроса, достаточно ли было одних саней, чтобы вывезти документы?! Сохранились воспоминания одного из комиссаров милиции — Б. Игнатьева, касающиеся охраны Министерства внутренних дел и Департамента полиции. Он сообщает, что народная милиция была создана в первые дни революции. Со своим отрядом он охранял участок, где был расположен дом министра внутренних дел и Департамента полиции. На него большое впечатление произвело помещение Министерства внутренних дел, кабинет министра. В кабинете, на столе, можно сказать, был порядок, валялось несколько разорванных бумаг. В особняке министра были «перерыты» его документы, но «вещи почти не тронуты, незначительно поломанное и попорченное производило впечатление нарочитости, то есть симуляции разгрома, и при том очень бережливого...» «В здании Департамента полиции разгром был несколько больший... Сразу было видно, что там чего-то искали и притом знали чего именно, ибо многие шкафы и столы вовсе не были тронуты... Словом — все производило впечатление не разгрома, а обыска, произведенного опытными руками»²⁸.

В связи с хорошей организацией охраны попытки погромщиков проникнуть извне в помещение Департамента полиции практически не увенчались успехом, хотя, как описывает Игнатьев, оборону держать порой

было сложно. Уже после того,

223

как помещения Департамента полиции были взяты под охрану, к комиссару Игнатьеву явилась группа известных представителей науки, которые предложили в целях сохранности и полноценного научного использования документов переместить материалы Департамента полиции в Академию наук.

Однако разрешения новых властей на перемещение у академиков не оказалось.

В своих воспоминаниях Игнатьев довольно подробно описывает несколько встреч с представителями Академии наук, желавшими перевезти документы. Игнатьев не мог распоряжаться документами, народная милиция разрешила перевозить материалы лишь тогда, когда академик Ольденбург получил соответствующие полномочия от Временного правительства²⁹.

3 марта действительно начали вывозить документы с Фонтанки, 16 30. Вывозились материалы, уже сданные в архив, а не текущее делопроизводство: документы III Отделения и материалы Департамента с 1880 по 1905 г. «Перевозка архива заняла более 2-х недель», — пишет Игнатьев. Так что одними санями обойтись, конечно, было невозможно. Часть материалов так и осталась на месте. Происходило только перемещение с этажа на этаж.

Так рождаются легенды о погибших архивах. Особый отдел, в противоположность бытующему в исторической литературе утверждению³¹, не пострадал. Это подразделение Департамента находилось на особом положении, оно было хорошо изолировано от других структур, занимая весь 4-й этаж на Фонтанке, 16. Имелась специальная пропускная система. Даже многие сотрудники Особого отдела не всегда могли свободно пройти во все помещения отдела³² и, соответственно, они не могли знать местонахождение документов.

В связи с тем, что во дворе Департамента полиции находились жилые помещения некоторых служащих, возможность уничтожения документов была, и часть дел действительно была уничтожена. Пострадали документы подразделений, находившихся во флигелях, выходивших на Пантелеймоновскую улицу. Это были материалы следующих структур Департамента полиции: 5-е делопроизводство — дела на деятелей революционного движения, подвергшихся административной высылке; 8-е делопроизводство, где находилась переписка, связанная с уголовным сыском.

Была также попытка уничтожения картотеки Департамента полиции, которая являлась ключом почти ко всем его документам. Как отмечалось ранее, картотека эта была создана в 1907 г., когда встал вопрос об организации в Департаменте единого алфавита. Картотека уцелела. В дни революции,

224

пострадала небольшая часть картотеки с фамилиями на букву «А», было уничтожено примерно 10% карточек.

В Особом отделе Департамента велись две картотеки, одна из них была влита в общую в 1907 г. Другая картотека на «совершенно секретные материалы» осталась в отделе. Сейчас она имеет название картотека «секретных сотрудников». Содержание соответствует названию. Но стоит оговориться, что в «совершенно секретной» переписке порой упоминались не только секретные сотрудники. И хотя карточки на таких лиц должны были отсылаться в общую картотеку, однако до сих пор в этой картотеке встречаются сведения о лицах, не имевших отношения к секретной агентуре. Как правило, допуск к этой картотеке всегда был строго ограничен. Вышеназванная картотека имеет 19 223 карточки на лиц, проходивших по «совершенно секретным» делам Особого отдела Департамента полиции. Основная часть включенных в нее лиц — это секретные сотрудники, вспомогательные агенты, заявители, штучники.

Почти на каждого секретного сотрудника заводилось по несколько карточек: на действительную фамилию, кличку секретного сотрудника, фамилию нелегальную (если таковая была).

Порой составлялись карточки только на кличку. Некоторые руководители политического сыска на местах при вербовке согласно инструкциям сообщали в Департамент кличку, по какой партии работает, профессию, оплату, но не всегда сообщали фамилию. Поэтому до сих пор некоторые карточки не расшифрованы, однако они не касаются крупных партийных деятелей.

Хотя материалы Департамента полиции и были в мартовские дни 1917 г. рассредоточены по разным адресам, оказались они в конце концов в одних руках. По распоряжению Временного правительства они были переданы в ведение уже упоминавшейся выше Особой комиссии по разбору дел Департамента полиции.

Особая комиссия работала до 25 октября 1917 г. В апреле 1918 г. ее материалы и функции перешли к «Особой комиссии при секретном отделе историко-революционного архива в г. Петрограде». Комиссия вошла в историю как тютчевская комиссия, поскольку возглавлял ее Н.С. Тютчев,

известный революционер, народник, эсер. Она продолжала систематизацию и описание материалов Департамента полиции, разработку документов по секретной агентуре, отвечала на запросы с мест.

В конце 1919 г. комиссия упраздняется. Дальнейшая разработка материалов продолжается уже «секретным столом» историко-революционного архива в г. Петрограде. Однако, вернемся к марту 1917 г.

8-560

225

Как было сказано выше, разработка материалов по секретной агентуре проводилась практически во всех наиболее крупных городах России.

Огромная работа была проведена в Москве «Комиссией по обеспечению нового строя», учрежденной при исполнительном комитете Московских общественных организаций. Создана она была постановлением исполкома от 20 марта 1917 г. Председателем комиссии был комиссар г. Москвы Н.М. Кишкин. Товарищем председателя — присяжный поверенный В.Н. Малянтович. В состав комиссии входили комиссары, присяжные поверенные С.П. Симеон и А.Д. Годин.

Основными задачами комиссии были:

1. «Предупреждение и пресечение контрреволюционных действий».
2. Выяснение лиц, являвшихся секретными сотрудниками Московского охранного отделения и Московского губернского жандармского управления. В связи с тем, что в Москве и некоторых губернских городах оказались материалы эвакуированных из Польши учреждений политического сыска, то по инициативе польской общественности они также подлежали обработке.

В состав комиссии по обеспечению нового строя входили две коллегии: следственная и совещательная. Следственная коллегия выполняла всю текущую работу комиссии. В ее состав входили: товарищ председателя комиссии, комиссар, члены, назначаемые Исполкомом Московских общественных организаций. Состав коллегии изменялся и пополнялся за счет кооптации лиц, имевших юридическую подготовку, при единогласном решении коллегии о введении этих лиц.

Совещательная коллегия состояла из председателя комиссии, его товарища, всех членов следственной коллегии. В ее состав входили представители Московских советов рабочих и солдатских депутатов и представители различных партий: большевиков, меньшевиков, бунда, эсеров и т.д. В составе коллегии значились и члены двух подотделов: 1) бюро по разработке секретных архивов; 2) комиссии по расследованию деятельности секретных сотрудников, работавших в польских партийных

организациях.

Совещательная коллегия рассматривала «все вопросы принципиального характера, вырабатывала указания для деятельности следственной коллегии и решала дела, находившиеся в производстве комиссии, которые не выносились на рассмотрение Межпартийного совестного суда». В основном это были вопросы организационного характера об аресте секретных сотрудников, филеров, офицеров, служивших в ГЖУ и

226

охранных отделениях, освобождении из-под стражи, о вызове на допросы, о медицинском освидетельствовании заключенных.

Комиссия по обеспечению нового строя была учреждением «следственного типа», пользовавшаяся правом применения различных мер общественной защиты. Комиссия имела право отбирать подписку о невыезде того или иного лица и, если считала этого человека опасным на данный момент, то имела право заключить его под стражу.

Право ареста комиссия первоначально осуществляла по ордерам начальника милиции А.М. Никитина и комиссара Временного правительства в Москве Кишкина. В дальнейшем, с согласия властей, аресты проводились и по приказам, подписанным товарищем председателя комиссии. Постановления комиссии об аресте приводились в исполнение через начальника милиции.

Как было сказано выше, в состав Совещательной коллегии входили два подотдела, которые работали на автономных началах. Один из подотделов назывался — Бюро по разработке секретных политических архивов, которое начало функционировать с 20 апреля 1917 г. Бюро разрабатывало материалы Московского охранного отделения (МОО), которые получала от образованной в начале марта 1917 г. Комиссии по разработке архивов политических дел 33. Она, в свою очередь, была образована при Исполнительном комитете Московских общественных организаций под председательством С.П. Мелыунова (???). Первоначально в обязанность Комиссии входило наблюдение за перевозкой всех политических архивов в надежное помещение, охрана, разработка архивов, разработка агентурного отдела Московского охранного отделения для выявления секретной агентуры. Подготовленные ими материалы поступали к сотрудникам Бюро по разработке секретных архивов, которые наводили справки, делали выписки, копии, готовили материал для следственной коллегии.

Последней инстанцией, выносившей окончательное решение по делам

о секретных сотрудниках Московского охранного отделения, был Межпартийный совестный суд, положение о котором было разработано Комиссией по обеспечению нового строя и 19 апреля 1917 г. утверждено Исполнительным комитетом общественных организаций. В состав суда входили представители от РСДРП (от большевиков и меньшевиков), бунда, социалистов-революционеров, трудовиков, народных социалистов, кадетов — по одному представителю от каждой партии. Определение суда выносились большинством голосов членов суда.

Подготовка дел к слушанию, доклад на заседании, секретарские обязанности — все выполнялось членами следственной коллегии.

227

Заседания суда назначались Комиссией по мере подготовки дел к слушанию. Суд в своих приговорах давал характеристику деятельности подсудимого как секретного сотрудника. В качестве мер обезвреживания подсудимых, суд выносил постановление о лишении общественного доверия. Оно предусматривало лишение права участвовать в политических, общественных, профессиональных организациях. Признанные виновными лишались активного и пассивного избирательного права при выборах в Учредительное собрание.

В отношении лиц, представлявших опасность в данный момент, суд выносил определение о содержании под стражей, но не далее, как до дня созыва Учредительного собрания. Компетенция суда распространялась только на секретных сотрудников Московского охранного отделения. Дела о секретных сотрудниках Московского губернского жандармского управления на рассмотрение Межпартийного совестного суда не поступали. Законченные расследованием Комиссии они, по соглашению с Московским губернским исполнительным комитетом, передавались на рассмотрение Исполкома. Дела о должностных лицах жандармских управлений и охранных отделений направлялись в судебные учреждения. Межпартийный суд функционировал с 20 мая по 17 июля 1917 г. и разобрал за это время 33 дела. Три человека были судом реабилитированы, три дела были посланы на доследование, 27 человек были признаны виновными и были подвергнуты ограничению в общественных и политических правах. Из них 15 человек были из-под стражи освобождены, а 12 должны были находиться под стражей до созыва Учредительного собрания³⁴.

Одним из первых документов, поступивших в распоряжение Комиссии и положенных в основу ее работы по выявлению и розыску секретных сотрудников, был список секретных сотрудников Московского охранного отделения, составленный Департаментом полиции. По мере решения дел

краткие сведения обо всех секретных сотрудниках, установленных на основании архивных документов, публиковались Комиссией.

Всего с марта по 1 октября 1917 г. было опубликовано 40 списков как в виде отдельных брошюр, так и в периодической печати, в газете «Вестник Временного правительства» № 35, 36, 84, 86 и 94 за июнь - июль 1917 г.

Вторым подразделом Совещательной коллегии была Комиссия по расследованию деятельности секретных сотрудников, работавших в польских партийных организациях. Она занимала автономное положение. В этом подразделе работали представители польских общественных организаций. В их распоряжении были материалы той части учреждений политического сыска, которые во время войны были эвакуированы в Москву³⁵.

С. 229.

Расследование по этим делам представляло большие трудности в связи с отсутствием в Москве всего комплекса материалов, хотя необходимые документы и подтверждения представляла Особая комиссия по разбору дел Департамента полиции. Очевидно, сказывалось и отсутствие сотрудников, занимавшихся этим делом, непостоянный состав подразделения. Однако польские представители смогли составить список на 48 человек, на которых был достаточно обоснованный материал, подтверждавший их сотрудничество с Варшавским и Люблинским ГЖУ, Варшавским и Лодзинским охранными отделениями³⁶.

Списки этих лиц были опубликованы Комиссией по обеспечению нового строя. Но это была только часть подготовленного и разработанного ими материала.

16 июля 1917 г. Временное правительство издало декрет о ликвидации несудебных арестов. В декрете говорилось: «Воспретить под страхом уголовной ответственности всем без исключения правительственным и общественным учреждениям, а также должностным и частным лицам подвергать вне порядка, указанного в действующих законах, кого-либо задержанию или ограничению в правах свободного избрания места жительства и пользования свободой словак.

Для пресечения арестов, произведенных в несудебном порядке до дня издания декрета, учреждались губернские и областные комиссии под председательством одного из членов окружного суда. Комиссия лишалась права производить новые аресты, ей только предоставлялось право оставлять ранее арестованных лиц до 20 октября, до созыва Учредительного собрания. Этим декретом практически устанавливалась полная неприкосновенность тех сотрудников, которые не были арестованы

до 20 июля — дня опубликования декрета.

По получении этого декрета деятельность Межпартийного суда была приостановлена, а деятельность самой Комиссии нового строя практически стала бесполезной. Комиссия нового строя пыталась добиться в Петрограде отмены декрета или его приостановления для Москвы. Но все попытки были безуспешны.

С июля месяца начинается ликвидационный период деятельности Комиссии, который продолжается до 1 октября. Материалы поступали в Комиссию до 20 сентября и до 21 сентября, по ним проводились расследования.

В Париже оставались материалы заграничной агентуры Департамента полиции. Русская революционная эмиграция в Париже и Временное правительство были обеспокоены сохранностью этих документов. По постановлению Временного правительства была создана Комиссия по разбору архивов бывшей

229

заграничной агентуры. У комиссии были практически те же задачи, что у всех комиссий этого времени: разборка и описание документов, составление списков секретных сотрудников, исполнение запросов чрезвычайной следственной комиссии.

Возглавил Комиссию присяжный поверенный Е.И. Рапп. Членами комиссии были В.К. Агафонов, М.М. Левинский, С. Левицкий, М.П. Вельтман, М.Н. Покровский. Помогали комиссии Веллер, Л.П. Гомелль, С.И. Иванов, Биллит, Стружецкий. В качестве консультанта был приглашен Меньшиков. Большая часть Комиссии — революционеры из эмигрантских кругов.

Разбирая материалы «заграничной агентуры», составляя списки секретных сотрудников, члены Комиссии затратили много времени на анализ документов: отчетов, записок, списков секретных сотрудников. Им удалось установить фамилии многих секретных сотрудников, которые первоначально были известны только по кличкам. Между парижской комиссией, с одной стороны, и ЧСК, с другой, была установлена постоянная связь. Практически весь комплекс документов был расшифрован и большая часть их благодаря материалам Департамента полиции. К сожалению, документы заграничной охраны в Россию не вернулись.

После Октябрьской революции работа по выявлению секретной агентуры продолжалась. Как было сказано выше, работа эта велась в секретном отделе историко-революционного архива в Петрограде.

Работа по выявлению секретной агентуры постоянно находилась под жестким контролем О ГПУ. Интерес к лицам, работавшим в учреждениях политического сыска, был особый, искали и секретных и штатных сотрудников этих учреждений. 9 декабря 1925 г. ОГПУ при СНК направляет в Центрархив РСФСР официальное письмо за подписью заместителя председателя Г.Г. Ягоды, начальника СООГПУ Дерибаса и начальника 4-го отдела Генкина, в котором говорилось о необходимости централизации и усиления работы по выявлению «всех провокаторов, секретных сотрудников и примыкающих к ним категорий» («не заслуживающих доверия», «давших откровенные показания»). Было сказано о необходимости связать эту работу с интересами СООГПУ, с интересами «оперативного свойства»³⁸. Предлагался также план работы по выявлению материалов и составление полного «карточного алфавита» на секретных сотрудников по фамилиям и по кличкам.

25 декабря 1925 г. руководитель Центрархив РСФСР М.Н. Покровский поставил вопрос о необходимости передачи документов фонда Департамента полиции из Ленинграда в

230

Москву. Это было сделано по предложению ОГПУ, заинтересованного в разборе документов фонда³⁹. С передачей материалов в Москву, в Архив революции и внешней политики, этот архив становится центром по выявлению и уточнению списков секретной агентуры. В этот же архив поступают фонды Особой комиссии по разработке дел Департамента полиции и материалы Комиссии по обеспечению нового строя. Одновременно из губернских архивов и из Облисполкомов Поступают списки секретных сотрудников, подборки копий документов на них, справки.

Благодаря местным материалам, идет расшифровка секретных сотрудников, известных Департаменту полиции только по кличкам. Имеющийся в архиве материал на то или иное лицо объединяется с полученными документами. На базе имеющейся картотеки секретных сотрудников Департамента полиции создаются еще две рабочие картотеки, куда заносятся все имеющиеся сведения. Одна картотека именная, другая на клички.

Создаваемая в архиве именная карточка на секретного сотрудника включала фамилию, имя, отчество, кличку секретного сотрудника. В карточке указывались основные установочные данные сотрудника, если их удалось найти: год, место рождения, сословие, должность, звание, в какие годы, в каком учреждении политического розыска работал, сколько

получал. Как правило, на карточке было несколько отсылок: на готовую справку, составленную по материалам архива, на материалы, присланные с мест, на материалы Комиссии по обеспечению нового строя и Особую комиссию по разбору дел Департамента полиции.

Со временем установки на проведение этой работы менялись, при фронтальном просмотре дел стали учитываться и браться на учет тюремные врачи и врачи, свидетельствовавшие смерть узников после казни, священники, лица, давшие откровенные показания по согласованию с товарищами. Так, в картотеке оказался известный доктор Ф.П. Гааз и врач революционер-народник С. Голоушев. Брались на учет свидетели, выступившие на суде, представители военной контрразведки, почтовые чиновники, занимавшиеся перлюстрацией писем, лица, заподозренные в шпионаже, члены черносотенных организаций. Начала стираться грань между секретной агентурой и служащими учреждений политического сыска. В картотеку секретных сотрудников стали включаться филеры, сотрудники жандармских учреждений, палачи.

Неизбежным следствием такого расширительного толкования задач составителями картотеки явилось то, что в картотеку попало много лиц, не имевших никакого отношения к секретной

231

агентуре. Отчасти погрешности и ошибки объяснялись тем, что некоторые архивисты не всегда достаточно хорошо знали профессиональный язык переписки дореволюционных учреждений политического сыска.

В своей практике автору пришлось не раз доказывать непричастность к секретной агентуре достаточно большого количества лиц, оказавшихся в картотеке. Выявлены эти лица были в связи с проведением справочной работы. Поэтому нет никакой гарантии, что в картотеке не остались еще подобные фамилии. Среди лиц, непричастность которых к секретной агентуре удалось доказать, была Нина Фердинандовна Агаджанова, профессиональный революционер, член партии с 1905 г. Она была включена в картотеку на основании сведений о ней в перлюстрированном письме.

В нескольких своих статьях, автор уже касалась судьбы российского писателя, друга М. Горького, Ивана Егоровича Вольнова, который по незнанию орловскими архивистами тонкостей жандармской терминологии был также включен в число секретных сотрудников, как «автор агентурных сведений», полученных орловским ГЖУ путем перехвата его письма к родственникам 40. Известная революционерка Лидия Христофоровна Гоби,

после окончания работы III съезда РСДРП, вернувшись из-за границы, приехала в Киев и в течение нескольких дней жила в гостинице «Лионская». Филеры, установившие за революционеркой наблюдение, дали ей кличку «Лионская». Архивисты, выявлявшие документы на секретную агентуру по материалам киевского ГЖУ, приняли кличку наружного наблюдения за кличку ее, как секретной сотрудницы. Так в картотеке появилась «новая» секретная сотрудница Гоби. Прошло много времени прежде, чем удалось разобраться в этом деле. Список этот можно продолжить и далее.

К началу 1941 г. вся работа по просмотру материалов и составлению карточек и справок была закончена. Как и требовалось еще в 1925 г., в архиве теперь имелись три картотеки, связанные с секретной агентурой: картотека Департамента полиции (Особого отдела) по кличкам и фамилиям; картотека секретных сотрудников только по кличкам, картотека секретных сотрудников только по фамилиям. Последняя насчитывает 22 800 карточек. В ее составе оказались все секретные сотрудники, которые работали в партийных организациях и общественном движении в России, Польше, Финляндии, Прибалтике (в основном за период 1880—1917 гг.), частично лица, дававшие откровенные показания на допросах. Как было сказано выше, в картотеки были включены палачи, тюремные врачи, свидетели на допросах, шпионы, работники контрразведки, некоторые представители монархических организаций. То есть

232

все те категории лиц, которыми интересовались органы. Но к этому времени интерес к этим лицам уже иссяк. Началась война.

На основании собранного материала, в 1943—1945 гг., по инициативе ЦГИАМа (бывший архив Революции и Внешней политики, а в настоящее время Отдел хранения документов по истории Российской империи ГА РФ), предполагалось издать справочник на секретных сотрудников, включить в него всех лиц, проходивших по упомянутой картотеке. Работа задерживалась в силу малочисленности сотрудников и их слабой подготовки, как признавали сами работники архива. Кроме того, появились и некоторые сомнения в достаточной аргументированности доводов в отношении некоторых лиц. Справочник не был подготовлен.

После большого перерыва ЦГИАМ СССР вновь вернулся к этой работе в 1957—1959 гг. Это было связано с реабилитацией. Кроме того, после празднования 40-летия Октябрьской революции вышло довольно много публикаций, где порой секретные сотрудники выглядели настоящими революционерами, а революционеров обвиняли в

сотрудничестве. Архивом был поднят вопрос об издании небольшим тиражом, в основном для архивов и издательств, справочника, где предполагалось назвать фамилии секретных сотрудников, работавших в социал-демократическом движении. Однако и эта работа не была доведена до конца.

Как видим, работниками различных комиссией и архивистами была проведена большая работа по выявлению секретной агентуры. Но был ли подведен итог, сколько же секретных сотрудников работало в органах политического сыска?! Сколько было вспомогательных агентов, штучников?

Первым высказался по этому вопросу член комиссии по разбору дел заграничной агентуры в Париже Агафонов. В своей книге он дал две цифры, обе приблизительные и не обоснованные документально. Первая цифра касалась секретной агентуры заграничной охраны, о которой он писал: «Как показало изучение, еще далеко неполное, архивов "заграничной агентуры"... через ее руки в период 1905 — 1917 гг. прошло около ста "секретных сотрудников" ("provokatorov"), в той или иной степени причастных к "внутреннему освещению" своих товарищей-революционеров, а иногда и к прямой провокации; процент довольно значительный, если принять во внимание, что политических эмигрантов за это время в Западной Европе было не более 4 — 5 тысяч» 41.

Стоит отметить, что Агафонов довольно легко оперирует цифрами. По другим сведениям, за рубежом находилось не менее 20000 революционеров 42.

233

Первая цифра — «около 100» секретных сотрудников дается за период 12 лет. Агафонов точно указывает наличие сотрудников заграничной агентуры на 1913 год — 23 человека, но «из них 10 отошли от работы». Причем в заграничной агентуре, как правило, агенты работали более-менее продолжительное время и, очевидно, цифра 100 человек за 12 лет более-менее реальная.

Очень серьезные сомнения, однако, вызывает еще одна цифра, которая касается общего количества секретной агентуры предположительно накануне февраля 1917 г. Агафонов по этому поводу пишет: «...При корпусе жандармов состоял еще другой корпус — секретных сотрудников, по численности (30 — 40 тысяч) приближавшийся к составу армейского корпуса в военное время» 43.

На чем же основаны его утверждения?! За какой период взята эта цифра? Приведенная фраза Агафопова зиждется не на подсчетах, отчетах,

цифрах, а дается после текста многочисленных публикуемых им циркуляров Департамента полиции, в которых отдавалось распоряжение местным учреждениям политического сыска заняться приобретением секретной агентуры, вспомогательных агентов во всех слоях общества и в партийных организациях.

Цифра Агафонова явно взята «с потолка», но ее повторил Щеголев на процессе провокатора И.Ф. Окладского в Верховном суде, когда сказал: «Я считаю, что армия секретных сотрудников выражается в 35 — 40 тысяч» 44.

Так сколько же было секретных сотрудников? 30, 35, 40 тысяч?!

С легкой руки Агафонова эта цифра более 80 лет переходит из книги в книгу. Ни один из авторов не подвергает ее сомнению.

Для ответа на поставленный вопрос хотелось бы вернуться к 20-м годам, когда сотрудниками ОГПУ на основании материалов Центрархива РСФСР, Ленинградского и местных архивов ОГПУ был издан список секретных сотрудников, осведомителей, вспомогательных агентов, который содержал 4305 имен 45. Но на этом работа по изданию списков секретных сотрудников не закончилась. В 1929 г. была издана 2-я часть списка секретных сотрудников бывших охранных отделений и жандармских управлений, в котором было 5472 человека 46.

На взгляд автора эти два списка отражают реальную численность секретных сотрудников за годы существования Департамента полиции. В этом убеждают собственные подсчеты автора, сделанные по картотекам секретных сотрудников, имеющимся в архиве. Хранящаяся в ГА РФ картотека Особого отдела, содержащая карточки на секретных сотрудников Российской империи

С. 235.

и лиц, проходивших по «совершенно секретным» делам, имеет в своем распоряжении 19 223 карточку. Причем почти на каждое лицо, как было сказано выше, имеется по 2, порой 3 карточки. В связи с этим, можно смело утверждать, что в картотеке Особого отдела было зафиксировано не более 10 000 секретных сотрудников за весь период 1880— 1917 гг.

Вторая картотека, о создании которой было подробно сказано выше, была составлена по фамилиям и насчитывает 22 800 карточек. Однако, учитывая, что многие секретные сотрудники (примерно 30%) имели по 2 и даже более фамилии (в случае провала или угрозы провала секретного сотрудника ему обычно давался паспорт на другое имя). Действительное число лиц, включенных в картотеку, было значительно меньше. Кроме того, работая с картотекой, автор попыталась подсчитать число лиц, включенных

в нее, но не являвшихся секретными сотрудниками. Их оказалось в общей сложности 7770 человек. Таким образом, исключив повторы и вышеупомянутых лиц, выходим на ту же цифру — около 10 000 человек.

Что касается третьей картотеки, составленной также в советский период по кличкам, то она в основном повторяет картотеку, о которой шла речь выше. Поскольку, однако, у многих лиц, включенных во вторую картотеку, кличек не было (врачи, священники, контрразведчики и др.), общее количество карточек в ней меньше.

Если обратимся к двум спискам секретных сотрудников, выпущенных ОГПУ в 1926—1929 гг., «Список секретных сотрудников, осведомителей и вспомогательных агентов бывших охранных отделений и жандармских управлений», где дается агентура за весь период деятельности Департамента полиции, то есть с 80-х годов, то обнаруживаем, что общее число лиц в этих изданиях — 9777 человек.

К сожалению, эти справочники имели гриф секретности и не были доступны для исследователей, занимавшихся этим вопросом. В списки включены все категории секретных сотрудников: внутренняя агентура, вспомогательные агенты, штучники. Здесь оказались лица, проработавшие как несколько дней, так и несколько лет.

Стоит отметить, что довод Агафонова, что Департамент полиции постоянно настаивал на приобретении секретной агентуры и поэтому агентура выросла до армии, играет против названной им цифры. Департамент настаивал на приобретении агентуры именно потому, что процесс приобретения и заагентурирования было трудно сдвинуть с места. В конце концов Департамент издал циркуляр, прямо касающийся руководителей ГЖУ и охранных отделений. В циркуляре указывалось, что способности начальника розыскного учреждения будут оцениваться

С. 236.

наличием у него секретной агентуры. И к чему это привело? Не имея возможности получить агентуру, офицеры стали прибегать к совершенно недозволенным мерам. С. Членов, активно работавший с материалами Московского охранного отделения и ГЖУ в 1917 г., пишет, что после очередного категорического приказанья из Петербурга в 1911 г. иметь осведомителей среди населения «поставленные между двух огней, жандармы начали составлять фиктивные списки, включая в них тех лиц, к которым они обычно обращались за разными справками. Таким образом и у местных жандармов, и в губернских управлениях оказались списки их знакомых, волостных старшин, писарей, старост, хожалых, десятских, заведующих разными конторами рабочих, причем многим из них были

присвоены без ведома их клички, под коими они числились осведомителями, не получая, однако, никакого денежного вознаграждения. С началом революции во многих местах губернии эти списки послужили причиной довольно крупных недоразумений, пока последние не были разъяснены в результате расследования каждого отдельного случая Комиссией по обеспечению нового строя»⁴⁷.

Приведенный пример касался городской и уездной полиции. Довольно интересный пример подобного же плана Членов приводит и о секретной агентуре ЖПУ ж.д. При проверке железнодорожных комитетов документы свидетельствовали, что «розыск на железных дорогах к моменту революции стоял еще на уровне кустарного производства. ...На дистанции Москва-Можайск Александровской дороги, ...с включением главных мастерских, значилось за последние три года 5 сотрудников, фамилии четырех из них были установлены и их носители арестованы. По расследовании оказалось, что из числа арестованных только один действительно был осведомителем. Остальные три являлись настоящими "мертвыми душами", записанными в сотрудники без их согласия, на предмет демонстрирования начальству, что приобретение секретной агентуры идет достаточно интенсивно и успешно...»⁴⁸

Закрытость на долгие годы документов о секретной агентуре привела к тому, что у некоторых исследователей появляется искушение прочитать заново биографии целого ряда видных политических деятелей и попытаться найти темные пятна в их прошлом.

Особенно велик интерес к партийным деятелям первых лет советской власти. В 20 —30-х годах пути распространения слухов о том или ином лице часто шли от русской эмиграции. Так, бывшие чиновники Киевского охранного отделения обвиняли в провокации Л.Б. Розенфельда — Каменева. В.В. Шульгин в своей книге вынес на суд общественности свой давний

236

разговор с Г.С. Хрусталевым-Носарем о Л.Д. Бронштейне и якобы его связях в 1905 г. ⁴⁹ с Департаментом полиции. Знакомство с этими обвинениями побуждает некоторых исследователей повторить их в наши дни.

Начинают дискутироваться вопросы о том, были ли агентами охраны Свердлов 50, Калинин, Сталин.

Что касается Фрунзе, то ссылаются на слова Тухачевского о том, что смерть Фрунзе на операционном столе была «согласована» с ним, так как якобы к этому времени открылись его связи с охранкой ⁵¹.

А, может быть, все было как раз наоборот? Версия распространялась для того, чтобы отвести подозрение от истинных виновников смерти. Дореволюционный период жизни Фрунзе, его аресты не подтверждают высказанной версии. Нет никаких даже косвенных данных в отчетах различных ГЖУ о его секретной работе. Да и могло ли быть такое, чтобы секретному сотруднику выносили смертный приговор и отправляли на каторгу. Стоит отметить, что Николаевский, который в письме к Б. Суварину сообщает об этом, собрал огромный архивный материал о деятелях русской революции. Но, к сожалению, в своих статьях и письмах он не раз высказывал подобные версии, которые тем или иным способом стали ему известны, без критического подхода к ним.

Продолжая вопрос о численности секретных сотрудников, стоит отметить, что названная мною цифра секретных сотрудников не отвечает, к сожалению, на многие вопросы, связанные с количественным составом внутренней агентуры. Дело в том, что эта цифра относится ко всему периоду существования Департамента полиции и она мало что говорит относительно количества агентов, действовавших на каждый данный период времени. Практически не было ни одного агента, который бы находился на этой службе за все время существования Департамента. Сроки службы варьировались, как уже говорилось, от нескольких месяцев до 10 лет. Соответственно число агентов, действовавших в данный момент, было в несколько раз меньше, чем названная выше цифра.

Существуют различия оценки этой численности. Так, Заварзин в своих воспоминаниях, касаясь численности секретной агентуры, писал: «Во всех розыскных учреждениях империи до переворота было в текущей деятельности в общем несколько сот секретных сотрудников»⁵².

К исходным выводам приходят и некоторые зарубежные исследователи.

Один из авторов книги «Фонтанка, 16», Ч. Рууд, проанализировав некоторые материалы и доклады представителей политического сыска царской России, отмечает, что в 1909 г. в Петербурге

С. 238.

было не более 200 секретных сотрудников, а в Москве в 1912 г. было 159 агентов. В крупных же городах насчитывалось от 10 до 30 секретных сотрудников. Ч. Рууд приходит к выводу, что по всей России работало 1500 — 2000 человек ⁵³.

Собственные изыскания автора приводят примерно к таким же выводам. Проанализированы финансовые отчеты учреждений политического сыска со списками секретных сотрудников и лиц, входящих

в эту систему за октябрь — декабрь 1916 г. и январь 1917 г. 54 Общая цифра лиц, получавших ежемесячно плату — 1579 человек, помимо общего подсчета был проведен подсчет по отдельным категориям лиц. Вот его результаты:

1. Секретных сотрудников, работающих в партийных организациях и общественном движении — 520 человек.
2. Вспомогательных агентов, не членов организации, но иногда близких к ним — 372 человека.
3. Осведомителей — 108 человек.
4. Лица, дающие сведения периодически и получающие плату за данные сведения, так называемые «штучники» — 169 человек.
5. Заявители и случайные заявители — 46 человек.
6. Некоторые заведующие ГЖУ дали общие списки сразу на все категории сотрудников, таковых оказалось — 364 человека.

Исходя из полученных данных, можно сделать однозначный вывод о том, что количество секретных сотрудников, входивших в партийные организации или имевшие более или менее постоянные контакты с ними, вряд ли превышало 1000 человек. При этой оценке автор исходила из того, что большинство лиц из последней категории не принадлежало к числу постоянных секретных сотрудников, поскольку сам факт подачи общих списков свидетельствовал о стремлении их составителей прикрыть этими цифрами свои неудачи в приобретении наиболее ценных категорий секретной агентуры.

Подводя итог всему сказанному, можно констатировать, что документальная база, отражающая наличие секретной агентуры в период существования Департамента полиции, позволила комиссиям Временного правительства и архивистам советского периода выявить практически полностью весь списочный состав секретных сотрудников.

В то же время, недостаточный профессионализм и особенно вмешательство органов внутренних дел советского периода способствовали «разводнению» созданных картотек значительным количеством лиц, не являвшихся секретными сотрудниками. Все это создавало и создает до сих пор серьезные препятствия для работы с этими материалами, требуя от всех тех, кто соприкасается с ними, особой осторожности и профессионализма.

Записка А. Блока, обнаруженная в фонде Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Составлена после разговора с бывшим директором Департамента полиции С.П.Белецким 6 июля 1917

года. Автограф Александра Блока публикуется впервые.

239

Примечания

1 См.: Эренфельд Б.К. Тяжелый фронт. Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1983; его же. Из истории борьбы большевистской партии с подрывной деятельностью царской тайной полиции // Вопросы истории КПСС. 1979. № 12; Кознов А.П. Борьба большевиков с подрывной агентурой царизма в период реакции (1907 — 1910 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1986. № 12; его же. Борьба большевиков с подрывными акциями царской охранки в 1910—1914 гг. // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9; Ансимов Н.Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903-1917 гг.). Свердловск, 1989; Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989.

2 Наиболее известная судебно-следственная комиссия ЦК партии социалистов-революционеров по делу Азефа 1909—1910 гг. ГА РФ. Ф. 1699.

3 Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1930, С. 160 — 224; Былое (Париж). 1908. № 7. С. 146-152; № 8. С. 156-158. 1909. № 9-10. С. 248-251.

4 ГА РФ. Ф. Р-5802 (личный фонд В.Л. Бурцева).

5 Там же. Ф. 1658.

6 Там же. Ф. 1791. Оп. 4. Д. 16. Л. 2.

7 Там же. Ф. 1657. Сохранились материалы судебных заседаний общественного демократического суда, его протоколы, постановления.

8 Вестник Временного правительства № 1 (46) от 5 (18) марта 1917 г.; от 12 марта 1917 г. См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства СУ № 61, отд. 1. ст. 362 от 04.03.1917; СУ № 61, отд. 1 от 16 марта 1917, ст. 363, прилож. от 11.03.1917. См.: ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

9 Подробнее о комиссии см.: Щеголев П.Е. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты. М.; Л., 1924. Т. 1. С. XXVI-XXVII; Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. М., 1991. Т. 11 — 12; Демьянов А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. М., 1991. Т. 3 — 4; Романов А.Ф. Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. Кн. 2. Париж, 1922; Аврех А.Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел

и исполнение // Исторические записки. № 118. М., 1990 С. 72-101.

10 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 228-564.

11 См. Розенталь И. С. «Провокатор» (карьера Романа Малиновского). М., 1994. См.: Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 46-54. (Показания даны 26 мая 1917 г. в Петрограде); ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38.

12 Аврех А.Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение. С. 89.

13 Падение царского режима. Стенографические отчеты. М.—Л., 1924. Т. 3. С. 273.

14 Заварзин П.П. Работа тайной полиции. Париж, 1924. С. 21.

15 ГА РФ. Ф. 503.

16 Там же. Ф. 504.

17 Там же. Ф. 1791. Оп. 4. Д. 5. Л. 1.

18 Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 4-4об.; Вестник Временного правительства № 88 от 24 июня 1917 г.

19 Собрание законов Временного правительства. СПб., 1917. Ст. 363.

20 ГА РФ. ф. 1791. Оп. 4. Д. 8. Л. 9.

21 Там же. Ф. 93. Оп. 1-2. 1859-1916 гг.

22 Там же. Ф. 111. Оп. 1-5. 1877-1917. См.: Сватиков С.Г. Русский политический сыск за границей. Ростов-на-Дону. 1921. С. 3. :

23 Блок А.А. Собрание сочинений. Т. 8 (письма 1898—1921). М.; Л., 1963. С. 480. Письмо от 23 марта 1917 г.

24 См.: Архивное дело. Вып. XIII. М., 1927. С. 29.

25 Там же. С. 27.

26 Эренфельд Б.К. Тяжелый фронт. М., 1983. С. 9.

27 Измайлов Н.В. Воспоминания о Пушкинском доме (1918 — 1928) // Русская литература. 1981. № 1. С. 91.

28 ГА РФ. ф. 1463. Оп. 3. Д. 418. Л. 15-17.

29 Там же.

30 Сидорова М.В. Архивы центральных органов политического розыска России XIX — начала XX в. (III отделение се.и.в.к. и ДП МВД) — диссертация на соискание ученой степени к.и.н. М., 1993. С. 132.

31 Эренфельд Б.К. Тяжелый фронт. Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1983. С. 8 — 9; Ансимов Н.Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия 1903 — 1917 гг. Свердловск, 1989. С. 16, пишет: «В последние часы царского режима были сожжены все секретнейшие бумаги Особого отдела Департамента полиции»; объем фонда Департамента полиции — 301569 дел, из них более 42 тысяч — материалы Особого отдела.

- 32 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1902. Д. 444. Лит. А. Л. 7.
- 33 Там же. Ф. 1791. Оп. 4. Д. 7. Л. 1-7.
- 34 Членов СБ. Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., 1919. С. 4-5.
- 35 Там же. С. 59.
- 36 Там же. С. 83-92.
- 37 Газета «Русские известия». 1917. 20 июля (2 августа). № 164.
- 38 га РФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 214. Л. 5-6; там же. Д. 169. Л. 100-102; см.: Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918 — начало 1940-х гг.). С. 14; Добровская А.В. Предисловие // Путеводитель. Т. 1. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX — начала XX в. 1994. С. X.
- 39 ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 169. Л. 6-7.
- 40 Перегудова З.И. Важный источник по истории революционного движения // Исторический опыт Великого Октября. М., 1986. С. 381; Каптелов Б.И., Перегудова З.И. Был ли Сталин агентом охранки? // Вопросы истории КПСС. 1989. № 4. С. 91.
- 41 Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг. 1918. С. 4.
- 42 См.: Сватиков. Заграничная агентура... М., 1941. С. 5.
- 43 Агафонов В.К. Заграничная охранка. С. 216.
- 44 Процесс предателя провокатора Окладского. Л., 1925. С. 25.
- 45 Список секретных сотрудников, осведомителей, вспомогательных агентов, бывших охранных отделений и жандармских управления. Ч. 1. М., 1926.
- 46 Там же. Ч. 2. ОГПУ. М., 1929.
- 47 Членов СБ. Московская охранка и ее секретные сотрудники. С. 53-54.
- 48 Там же. С. 57.
- 49 Шульгин В.В. Что нам в них не нравится? Об антисемитизме в России. Париж, 1929. С. 281.
- 50 Липратников Ю. Был ли агентом охранки Свердлов // газета «Ситуация». 1991. № 1.
- 51 Отечественная история. 1998. № 1. С. 27.
- 52 Заварзин П.П. Работа тайной полиции. Париж, 1924. Л. 20.
- 53 Рууд Ч., Степанов С.А. Фонтанка, 16. М., 1996. С. 104.
- 54 ГАРФ. Ф. 102. 00. Оп. 316. 1915. Д. 1. Ч. 1. Лит. Е-1. Ч. 125. Лит. Е.
- § 3. Сталин и охранка (слухи, версии, документы)**

Почти полвека прошло после смерти Сталина, но до сих пор не утихают толки вокруг вопроса о том, был ли Сталин секретным

сотрудником.

Дискуссию начали зарубежные исследователи¹. В 80-х годах этот вопрос стал подниматься в российской печати².

Большинство российских историков отвечают на этот вопрос отрицательно, часть сомневается. В то же время некоторые историки и литераторы дают однозначно утвердительные | ответы (Ф.Д. Волков, З.Л. Серебрякова, Г.А. Арутюнов, А.М. Адамович и др.) и считают связь Сталина с охранкой фактом его биографии. I

Джугашвили, «Фикус» и другие
в бакинской организации РСДРП

Если ревизии, проводимые Департаментом полиции в ряде российских губерний, отмечали упадок розыскной деятельности, то этого нельзя было сказать об учреждениях политического сыска на Кавказе. В период с 1908 по 1917 г. здесь работал довольно сильный состав розыскных офицеров-профессионалов. Работа агентов была поставлена серьезно, в связи с чем были частые провалы в партийных организациях: аресты техники и руководителей организации, особенно это касалось Баку.

Изучая материалы наблюдения за деятельностью бакинской организации РСДРП, состав ее секретной агентуры, полноту сохранившихся материалов, автор и ее соавтор по предыдущим работам Б.И. Каптелов пришли к выводу, что эти материалы сохранились в архиве полностью. Существующие версии о том, что Сталин убрал из архивов весь документальный материал, который якобы компрометировал его, не подтвердились. Многие из этих документов впервые были введены в научный оборот в наших статьях.

Необходимо также отметить, что не подтверждаются и подозрения (а иногда даже утверждения) некоторых западных историков о том, будто документы Департамента полиции подверглись чистке в 20 — 30-е годы. В этом нас убеждает не только знакомство с фондами и отдельными делами, но и свидетельства тех сотрудников архива, которые работали в тот период. С.243.

С некоторыми из них автор была в тесных, неформальных отношениях и полностью им доверяет. Конечно, были передачи документов на постоянное и временное хранение (в ИМЛ ЦК КПСС, НКВД, Пушкинский дом, музей Горького, музей Леси Украинки и т.д.). Но эти передачи не сопровождалась чистками, а некоторые материалы со временем были возвращены. Сохранность этих документов можно проверить по оригинальным делопроизводственным описям и картотекам, находящимся на открытом хранении в ГА РФ.

Однако, введенные нами в научный оборот документы не получили однозначной интерпретации. Часть историков сочла приводимые в них факты доказательством сотрудничества Сталина с охранкой. В частности, такого рода интерпретация касалась сведений, изложенных в агентурной сводке по наблюдению за РСДРП, поступившей в Департамент полиции из Бакинского охранного отделения.

В сводке говорилось о том, что 16 марта 1910 г. состоялось заседание Бакинского комитета, на котором «рассматривался ряд вопросов: 1) о партийной школе для рабочих, 2) о типографии, 3) 1-е Мая, 4) объединение большевиков и меньшевиков». Пятый пункт был о провокаторах³. На этом последнем стоит особо остановиться. Полностью текст этой части сводки гласит: «Между членами бакинского комитета Кузьмою (Сельдяков) и Кобою (И. Джугашвили) на личной почве (подч. — З.П.) явилось обвинение друг друга в провокаторстве. Имеется в виду суждение о бывших провокаторах: Козловской, Пруссакове и Леонтьеве, а в отношении новых провокаторов решено предавать их смерти»⁴.

Тогда же Бакинским охранным отделением были получены сведения от секретного сотрудника «Фикуса» (март 1910 г.), которые тут же были сообщены в Департамент полиции: «В Бакинском комитете все еще работа не может наладиться, вышло осложнение с Кузьмой. Он за что-то обиделся на некоторых членов комитета (подч. — З.П.) и заявил, что оставляет организацию. Между тем присланные... 150 рублей на постановку большой техники, все еще бездействующей, находятся у него и он пока отказывается их выдать. "Коба" несколько раз просил его об этом, но он упорно отказывается, очевидно, выражая "Кобе" недоверие»⁵.

Упоминание Джугашвили в обоих документах, касающихся практически одного и того же дела, послужило для некоторых историков основанием полагать, что в споре «Кузьма» не просто обвинял «Кобу» в провокаторстве, но имел все основания для такого обвинения⁶. Между тем, обвинения, как следует из текста документов, были высказаны в адрес ряда членов комитета. Разговор велся в запальчивых тонах. И если бы у «Кузьмы» были достаточные обоснования для обвинения, то за этим бы последовало партийное расследование. Такового однако не

243

случилось. И потому ссылаться на данные донесения как на доказательство сотрудничества Джугашвили с охранкой, по меньшей мере, несерьезно.

23 марта 1910 г. в Баку Джугашвили был арестован. В сообщении о его аресте говорилось, что вести наблюдение за Джугашвили стало

«невозможно», «так как все филеры стали ему известны и даже назначаемые вновь, приезжие из Тифлиса, немедленно проваливались; причем "Молочный"⁷, успевая каждый раз обмануть наблюдение, указывал на него и встречавшимся с ним товарищам, чем конечно уже явно вредил делу»⁸ (подч. — З.П.). Видимо, это обстоятельство подтолкнуло местные полицейские власти поспешить с арестом. Если бы Джугашвили был секретным сотрудником бакинского охранного отделения, то едва ли бы он стал проваливать агентов наружного наблюдения, «вредя делу» розыска.

Основную часть сведений о деятельности бакинской организации местные органы политического сыска получали от секретного сотрудника «Фикуса». Это был влиятельный работник местной партийной организации, член городского и районного комитетов. Он прекрасно знал положение дел в организации. Доскональное знание ситуации в организации, которое явствовало из сведений «Фикуса», побуждало историков Арутюнова и Волкова считать, что под кличкой секретного сотрудника «Фикуса» скрывается Джугашвили. Можно предположить, что именно их версия легла в основу повести А. Адамовича «Дублер»⁹.

Незадолго до публикации статьи в «Московской правде»¹⁰, мне удалось убедить одного из ее авторов (Арутюнова), что «Фикус» — это Николай Степанович Ериков.

И основным моим посылом было то, что Бакинское охранное отделение получало сведения о жизни местной партийной организации от «Фикуса» тогда, когда Джугашвили находился в Вологодской губернии, Нарымской и Туруханской ссылок.

Под кличкой «Фикус», как сообщила автор тогда же в телефонном разговоре Арутюнову, скрывался Ериков Николай Степанович, крестьянин Тифлисской губернии, рабочий, проживавший по паспорту Бакрадзе Давида Виссарионовича. Он состоял секретным сотрудником Бакинского охранного отделения с апреля 1909 по 1917 г., давал сведения по РСДРП. С самого начала получал 35 рублей в месяц, затем 50 рублей. Но иногда его заработок доходил до 70 — 80 рублей («за особые заслуги»).

Он состоял членом партии с 1897 г. С 1906 г. он избирался членом комитета в одной из городских организаций. В справке, составленной в архиве в 1940 — 1941 гг., имеются сведения о том, что Ериков-Бакрадзе в 1909 г. «стал членом Балаханского комитета», находился в «близких сношениях» с руководителем местной партийной организации. Сведения давал всегда ценные. Одно время был близок к технике... В 1910 1913 гг. «освещал» работу Бакинского, Балаханского, Сура-

ханского комитетов социал-демократов. В результате его сведений «работа организации С.Д. была доведена до минимума. Точно сообщал о состоявшихся собраниях и о рассматриваемых на них вопросах, выдавал адреса, по которым пересылались литературные письма, выдавал видного деятеля Бабридзе, переправлявшего литературу, бомбы через границу. Сообщил о приезде в Баку руководителя Тифлисской организации Ноя Жордания и об организации в Балахане Калининым протеста учеников, о выпуске прокламаций по поводу Ленских событий. Также много давал сведений о деятельности отдельных известных ему лиц С.Д.»¹¹.

«Фикус» пользовался безграничным доверием в организации. Дело политического розыска в Бакинском охранном отделении было поставлено так, что подозревали многих (Мгеладзе, Рохлина, Ермолаева), но на него никогда не падала тень подозрения.

Как представляется автору, даже подозрительный «Коба» доверял ему. 15 марта 1912 г. «Фикус» передал следующие сведения в охранное отделение: «В организацию, в руки "Кобы" доставлено из Тифлиса письмо, которое привез оттуда Георгий Чхеидзе...» Копию письма «Фикус» передал в охранку¹².

В Бакинской организации РСДРП работало довольно много секретных сотрудников, в связи с чем аресты следовали один за другим. Не менее важным, чем «Фикус», был секретный сотрудник под кличкой «Дорогой» — Исаак Минасович Саркисянц¹³. В результате его сведений в 1912 г. были арестованы Шаумян и Спандарьян. В апреле 1912 г. он сообщал в охранку: «Арест Спандарьяна в Балаханах, на втором докладе, произвел подавляющее впечатление. Организация получила из тюрьмы письма от Шаумяна и от Славы (Каспарянца) с указанием на необходимость оставления всякой партийной работы, так как очевидно существующая провокация должна погубить и жалкие остатки организации... Полное недоверие одного члена к другому, как результат постоянных провалов всяких начинаний, делает работу совершенно невозможной»¹⁴.

Саркисянц работал в Баку с 1909 г., получал 125 рублей в месяц. По его сведениям была ликвидирована типография «руководящего коллектива Бакинской организации РСДРП».

Другими секретными сотрудниками, дававшими сведения по Бакинской организации РСДРП, были — «Октябрьский», кличка секретного сотрудника И.М. Дорофеева, а также «Ловкий» и «Адамович». Под двумя последними кличками значился Мачарадзе, он же Мачкарадзе Платон Игнатьевич. Он был исключен из рядов РСДРП за растрату партийных денег, а вскоре получил отставку и в охранке, так как стремясь

получить жалование побольше, стал давать вымышленные сведения, в связи с чем был объявлен не заслуживающим доверия¹⁵.

245

Но самый большой стаж был у «Фикуса» и «Дорогого». В результате их провокационной деятельности партийной организации был нанесен сильный урон. Самому секретному сотруднику «Фикусу» в партии давали задания, связанные с разоблачением секретной агентуры. В сводке агентурных сведений за февраль 1913 г. указывалось: «Балахнинский комитет поручил Бакрадзе выяснить, кто действительно является виновником арестов...»¹⁶.

В марте 1913 г. секретный сотрудник «Слесарь» (Серегин Герасим Васильевич) ¹⁷ сообщал: «Деятельности комитет никакой в настоящее время не проявляет. За исключением Бакрадзе, имеющего в партии большое значени¹⁸. Тому же Бакрадзе опять поручалось выяснение личности провокатора, так как он имеет «больше свободного времени»¹⁹.

Примечательно, что примерно одни и те же сведения поступали в охранку от разных лиц, которые, однако, не знали и не должны были знать о работе друг друга в качестве секретных агентов. Таково было железное правило политического сыска.

Просмотр материалов Департамента полиции по секретной агентуре по Баку, изучение биографий некоторых секретных сотрудников, вышеприведенные материалы — все это указывает на то, что Джугашвили не был секретным сотрудником Бакинского охранного отделения и бакинского ГЖУ. Приводимые оппонентами автора ссылки на Шаумяна, подозревавшего Сталина в сотрудничестве, не имеют под собой почвы. Не рас полагая достоверными сведениями о деятельности секретной агентуры в Баку, не зная о работе настоящих секретных сотрудников, он подозревал чуть ли не всех и каждого, и не только Джугашвили.

Эпизоды из жизни Бакинской организации приводятся здесь не столько для того, чтобы опровергнуть оппонентов автора (уж очень слабы их аргументы), сколько для того, чтобы показать, в какой обстановке проходила деятельность революционных организаций и какое огромное влияние оказывала на них секретная агентура.

Что же касается вопроса о сотрудничестве Джугашвили с охранкой, то другую аргументацию выдвигает З.Л. Серебрякова.

Иосиф Джугашвили и Роман Малиновский

В своих статьях Серебрякова утверждала и утверждает, что ею обнаружен документ, который, якобы, свидетельствует о сотрудничестве Джугашвили с охранкой.

Речь идет о донесении начальника Московского охранного отделения Мартынова от 11 ноября 1912 г. в Департамент полиции на имя ее директора Белецкого. Так как этот документ вызывает много споров и в нем важна каждая строчка, запятая,

С. 247.

скобки, вписанные от руки фрагменты, то его факсимиле приводится полностью²⁰.

Как пишет Серебрякова, после долгих розысков, ей, наконец, удалось получить оригинал документа в ЦГАОР СССР (ГА РФ). Попробуем ответить на аргументы Серебряковой по пунктам.

Пункт 1. В своих статьях Серебрякова утверждает, что первой «открыла» этот документ в 80-х годах и что он подтверждает версию о том, что Сталин был секретным сотрудником охраны^{20а}.

Следует, однако, отметить, что специалистам этот документ был известен давно. Когда в 30-х годах в архиве проходило выявление документов о революционной деятельности Сталина, это донесение с полной аннотацией было включено в перечень картотеки старых большевиков. В 1932 г. копия документа была передана в Центральный партийный архив и она хранится в фонде И.В.Сталина²¹, другая копия хранится в фонде Орджоникидзе²². В 1938 и 1951 гг. документ частично копировался для Музея Революции и Музея М.И. Калинина для экспозиции и пополнения фондов.

Записи в листе использования указывают на то, что дело, и котором хранится документ, просмотрено с 1951 по 1958 гг. 13 исследователями. Фамилия Серебряковой стоит в этом списке последней. Фамилия автора в этом списке значится под цифрой 8. В действительности с этим делом ознакомилось больше исследователей, так как нет листа использования за более ранний период. Кроме того, после микрофильмирования дела в 1958 г. исследователям выдавался только микрофильм дела, а не подлинник.

Пункт 2. Серебрякова впервые познакомилась с донесением Мартынова в копии в фонде Орджоникидзе. По ее версии, Орджоникидзе хранил этот материал как компромат на Сталина.

Если внимательно изучить дело, в котором находится интересующая нас копия документа, можно легко убедиться в том, что Орджоникидзе собирал копии всех материалов из жандармских архивов, где имелись сведения о его революционной деятельности. В рассматриваемом донесении имеются сведения о его аресте. Предположение Серебряковой, что Орджоникидзе собирал компрометирующие материалы о Сталине — это скорее плод ее фантазии.

Пункт 3. Серебрякова считает и стремится подтвердить версию А. Орлова, опубликованную в журнале «Лайф»²³, что Сталин, будучи сам секретным сотрудником, действовал заодно с секретным сотрудником Малиновским или через него. Обвиняя автора и Б.И. Каптелова в тенденциозном цитировании документа, она ставит нам в вину, что расшифровав кличку Малиновского «Портной», мы не указали, когда и кем она вписана от руки в текст донесения.

252

Судя по статьям Серебряковой, она не владеет достаточной информацией, опытом, подготовкой для работы с жандармской документацией. Без этих навыков разобраться в такого рода документах бывает нелегко.

Стоит отметить, что руководители политического сыска очень бережно относились к своей агентуре, а особенно к той, от которой получали ценную информацию. Они опасались ее расшифровки даже в недрах своего учреждения. Поэтому, отдавая материал на перепечатку, как правило, оставляли пустые места там, где надо было сослаться на источник информации. Подписывая документ, руководитель политического сыска сам, на своей машинке печатывал кличку или вписывал ее от руки. В данном случае вычислить, кем и когда была вписана кличка совсем не сложно. Кличка «Портной» вписана фиолетовыми чернилами Мартыновым, его же рукой сделаны пометы в тексте, приписка к донесению и подпись. Подобного рода документов довольно много и в Департаменте полиции, и в фонде Московского охранного отделения. Иногда в тексте кличка или фамилия давались шифром.

Что касается совместной работы Малиновского и Джугашвили, то за много лет работы с документами политического сыска, автор ни разу не столкнулась со случаем, когда два секретных сотрудника работали в одной «связке». Были два случая совместной работы супругов в качестве «вспомогательных агентов». Подобное практиковалось у агентов наружного наблюдения, что обусловлено характером их работы.

Руководители политического сыска строили свою работу, согласно инструкции по ведению секретной агентуры, которая предусматривала продвижение своих сотрудников к центру организации. Это очень ярко проявилось на примере Малиновского. Получаемые им от Крупской, Ленина, Джугашвили и других деятелей партии письма и другая информация тут же поступала в Московское охранное отделение, а когда он стал сотрудничать с Департаментом, то сразу в Департамент полиции. Известно, что подготовленные в партии речи для выступления

Малиновского в Государственной думе потом просматривал и подправлял директор Департамента полиции Белецкий.

В данном случае, как указывается в донесении, разговор был «конфиденциальный». В разговоре с Джугашвили Малиновский получил достаточно ценные сведения. Совершенно очевидно, и это подчеркивается в донесении указанием на его «конфиденциальность», что информация, переданная Малиновскому, была связана с их партийной работой, так как встретились два члена ЦК.

Пункт 4. Согласно Серебряковой, «отвечая на вопросы охраны»²⁴, он (Джугашвили) сообщал явно «агентурные сведения». Однако же из документа этого никак не следует. Джугашвили
С. 254.

встречался с Малиновским (что совершенно ясно из текста), а не с офицером охраны. Ни на какие вопросы, судя по документу, он не отвечал. Если бы «Коба» был действительно секретным сотрудником Московского охранного отделения, то зачем ему был нужен Малиновский? Он сам бы сообщил и более точно столь ценные сведения. Но вернемся к «агентурным сведениям». Разговор между Малиновским и Джугашвили идет о лицах, избранных в состав «Северного областного бюро». Судя по донесению, Джугашвили упомянул фамилии Калинина и Правдина. О Калинине было известно, что он участвовал в Стокгольмском съезде. Эти сведения передал и Малиновский²⁵. Поэтому далее в донесении идут материалы самого охранного отделения, приводятся сведения о двух Калининых — участниках съезда — рост, возраст, приметы. Это уже разработка полученных от Малиновского сведений самим Московским охранным отделением. И «охранка» не знает, какой же Калинин вошел в состав бюро? Причем, сведения о Калининых дважды взяты в скобки, как лишнее доказательство того, что это сведения охраны. Скобки поставлены начальником охранного отделения Мартыновым.

Это, кстати, далеко не единичный случай, когда сведения агента подвергаются дальнейшей «разработке» и, в случае необходимости, дополняются сведениями из других источников. Специалисту, знакомому с правилами составления такого рода документов и донесений, сразу становится ясным, что заключенная в скобках информация принадлежит не агенту, а чиновнику охраны, который разрабатывал полученные от Малиновского сведения.

Так что Джугашвили сведений о внешности членов Северного бюро не давал. Сообщая в Петербург полученные от Малиновского сведения, Мартынов в конце донесения обращается с просьбой при использовании

посланных сведений «ссылок на Москву не делать ни в коем случае». Это забота о своем сотруднике Малиновском. А что же Джугашвили? Одновременно в Петербург посылается телеграмма о его выезде из Москвы в Питер, и через несколько дней «Кобу» арестовывают.

В подтверждение своей версии Серебрякова часто ссылается на книгу А. Орлова (Л. Фельдбина), бывшего чекиста, который пользовался порой очень сомнительными источниками и использовал слухи, исходившие от вторых — третьих лиц. О ней, однако, несколько позднее.

Письмо *Еремина»

Среди доказательств причастности Сталина к охране особое место занимает так называемое «письмо Еремина», текст которого приводится ниже.

254

Этот документ неоднократно публиковался в США, ФРГ в 50 — 80-х годах. Циркулирующие в настоящее время списки русского варианта документа являются копиями-перепечатками из этих изданий. Что же известно о судьбе этого документа из американских источников? Его владелец — ученый-советолог И. Дон-Левин, автор биографии Сталина, вышедшей в 1931 г. При публикации документа в 1956 г. в журнале «Лайф» он сообщал, что «письмо» получил в 1947 г. от трех лиц «безупречной репутации»: Вадима Макарова — сына известного русского адмирала, Бориса Бахметьева — бывшего русского посла в

255

США при правительстве Керенского, Бориса Сергеевского — пионера русской авиации. Они, в свою очередь, получили этот документ от М.П. Головачева — русского эмигранта, проживавшего в то время в Китае. Последний получил его от полковника Россиянова — офицера, охранявшего до побега и Китай «сибирские документы охраны». «Сообщение о путешествии письма показалось мне убедительным», — добавляет Левин. Он приводит доказательства подлинности письма, исследуя бумагу, шрифт машинки и возможность пользования такой бумагой и машинкой в России, подпись Еремина. Однако, не располагая еще одним автографом Еремина на бумажной основе, он берет за источник выгравированную надпись на подарочном серебряном кувшинчике, который предоставил Левину бывший жандармский генерал Спиридович. Практически Левин имел не настоящую подпись Еремина, а подпись, сделанную гравером в подражание Еремину. И так как документ был на бумажной основе, «не фотокопия», — как пишет Левин, то он решил, что это письмо подлинное. В данном случае хочется отметить, что И. Левин

стоял на правильном пути, считая, что, если письмо было подлинное, то оно пришло из Сибири и могло храниться в тех архивах на местах, куда было послано.

Но, если существовал подлинник, то в архиве Департамента полиции должна была остаться копия отправленного документа. Однако все попытки обнаружить такого рода копию оказались безуспешными. И это, конечно, не случайно, ибо при внимательном рассмотрении и изучении данного документа становится ясно, что мы имеем дело с фальсификацией.

Попытаемся же проанализировать это «письмо», обратив внимание на его реквизиты, содержание, подпись, то есть на все то, что должно представить основу экспертной оценки документа такого рода. И здесь сразу же возникает масса вопросов.

Письмо направлено начальнику Енисейского охранного отделения Алексею Федоровичу Железнякову. В одном этом обращении уже содержится несколько ошибок, которые не мог себе позволить такой ас политического сыска, как полковник Еремин, якобы подписавший этот документ.

Во-первых, в 1913 г. Енисейского охранного отделения не существовало^{2^}, был Енисейский розыскной пункт, и его заведующий имел статус помощника начальника Енисейского губернского жандармского управления. Заведующим Енисейским розыскным пунктом был действительно ротмистр Железняков, но не Алексей Федорович, как указывается в документе, а Владимир Федорович. Встает вопрос: может быть, в штабе корпуса значилось несколько Железняковых? Однако проверка по имеющимся справочникам показала, что в 1913 г. в корпусе жандармов служил один Железняков — Владимир Федорович, 1881 г. рождения, ротмистр, прикомандированный к Енисейскому губернскому жандармскому управлению в октябре 1911 г. 29

256

Обращает на себя внимание угловой штамп документа, в котором указывается первая строка «М.В.Д.», вторая «заведующий», третья «Особым отделом» и четвертая «Департамента полиции». В просмотренных материалах Департамента полиции — Особого отдела за 1906 — 1913 гг. автор не встретила ни одного штампа, который был бы идентичен приводимому по расположению строк и шрифту. Как правило, первая строка «М.В.Д.» ставилась только на полном бланке Особого отдела, в том случае, если между Особым отделом и МВД стояло название учреждения — Департамент полиции, документы г таким бланком шли за пределы Департамента полиции. Бланком же «заведующего Особым

отделом» пользовались, как правило, для внутренней переписки: между структурами Департамента полиции на имя директора, вице-директора. Стоит уточнить еще одну деталь этого штампа. Во второй половине 1910 г. в Особом отделе были заказаны новые бланки, где в штампе слово «заведывающий» было заменено на слово «заведующий» и уже в бланках второй половины 1910 г. и до конца существования Департамента полиции бланки со словами «заведывающий» не употреблялись.

Продолжая разговор об оформлении документа, надо отметить, что сомнение вызывает и штамп входящей документации. В этот период во всех жандармских учреждениях, как правило, штампы входящей документации проставлялись с зафимированной на каждый день датой номерником и только сам кходящий номер заполнялся от руки. Месяц и год, как правило, при печатании документа ставил «машинист» (машинистка), Дату своей рукой проставляло лицо, которое подписывало документ. Номер исходящего проставляли в канцелярии при отправке документа, как правило, номерником, реже от руки. В данном случае номер исходящего проставлен на машинке, дата и номер входящей корреспонденции рукописные. Стоит обратить внимание на написание цифр в документе, особенно двойка в дате 12 июля, двойка в номере вх. 152 и в дате 23.VII. написаны очень похоже. Создается впечатление, что цифры написаны одной рукой — и отправителя, и получателя.

Еще один вопрос встает по поводу номера исходящего документа (2898 от 12 июля 1913 г.), то есть номера, который, якобы, поставил Департамент полиции при отправке документа.

Делопроизводство в Департаменте полиции велось довольно четко. Почти все журналы входящей и исходящей корреспонденции сохранились. Поэтому не представляет большого и труда выяснить содержание документа, если мы располагаем датой и номером исходящей корреспонденции.

Согласно распоряжению директора в Департаменте действовала инструкция по ведению делопроизводства, в соответствии с которой каждой структуре Департамента давался с ими диапазон исходящих номеров. В упоминаемой инструкции верилось:

«В каждой отдельной части Департамента исходящие бумаги имеют особую нумерацию:

В секретной части с 1 по 1000

1 Делопроизводстве 1 001 — 10 000

2 Делопроизводстве 10 001 - 24 000

3 Делопроизводстве 24 001 — 46 000

- 4 Делопроизводстве 46 001 — 52 000
- 5 Делопроизводстве 52 001 — 67 000
- 6 Делопроизводстве 67 001 - 82 000
- 7 Делопроизводстве 82 001 - 87 000
- 8 Делопроизводстве 87 001 — 93 000 Особом отделе 93 001 30»

Так, Особый отдел получает для секретной корреспонденции номера, начиная с № 9300131 и далее; для совершения секретной документации номера, начиная с № 111001 32 и далее. Из вышесказанного следует, что из Особого отдела не

С. 259.

мог выйти документ с приведенным выше исходящим номером - «2998».

Разберемся теперь, что же означает указанный номер, существует ли такой исходящий в Департаменте полиции?

Да, он есть, но проходит не по Особому отделу, а по другой структуре Департамента полиции — 1-му делопроизводству, вышел из Департамента не 12 июля, а 16 марта. Вот его краткое содержание. Цитируем по журналу исходящих бумаг: «Письмо Управл. Екатеринослав. губ. Н.А. Татищеву, сообщение по поводу дерзкой выходки трех неизвестных злоумышленников по отношению к стоящему на посту возле силовой станции городского водопровода городовому»³³.

Вернемся теперь к самому тексту документа. Должна отметить, что согласно правилам дореволюционного правописания, в официальной переписке, как правило, отчество писалось без частицы «ич». В просмотренных документах официального характера везде указывается: Иван Иванов, Михаил Петров, Иосиф Виссарионов.

Вызывает сомнение арест Джугашвили в 1906 г., как указывается в письме. В том же журнале «Лайф» со ссылкой на Троцкого, утверждается, что Сталин был арестован 15 апреля 1906 г. при раскрытии Авлабарской типографии в Тифлисе.

В связи с арестом Авлабарской типографии в архиве имеется несколько дел, в которых фигурируют 17 человек, арестованных в разное время с 15 апреля по 21 мая по этому делу (Д.М. Ростомашвили, К.Э. Андроников, Ф.Г. Киквадзе, Н.В. Каладзе, В.Е. Гогуга, Б.И. Иашвили, И.М. Балиашвили, З.А. Олиадзе, С.С. Утмелидзе, Н.М. Отаров, Г.А. Караджев, М. Ванадзе, И.Д. Орхелашвили, К.А. Александер, А.К. Очонаидзе, Н.В. Мизюрко, В.М. Мираков). Фамилия Джугашвили в этом перечне отсутствует. В документах за более позднее время арест 1906 г. также никак не отражен, что вызывает сомнение в факте самого ареста в 1906 г.

Типография была арестована 15 апреля (ст. ст.) 1906 г., Джугашвили в это время был в Стокгольме на IV съезде РСДРП, который открылся 10 апреля (23 апреля н. ст.). Левин выдвигает версию, что он был арестован 15 апреля (старого стиля), а через 8 дней (23 апреля нового стиля) оказался на съезде, но здесь автора публикации подвел пересчет со старого стиля на новый.

Не подтверждается версия о том, будто Сталин выдал Авлабарскую типографию. Судя по документам, типография была обнаружена случайно, никаких агентурных данных о ее адресе на территории Авлабар у жандармерии не было. В донесении начальника Тифлисского ГЖУ от 17 апреля 1906 г. в Департамент полиции говорится: «15 апреля рано утром были проведены повальные обыски в разных частях города Тифлиса», С. 260.

в тех местах, где наблюдались подозрительные лица числе обысков, производимых на окраине города, в местности 7 участка «Авлабар» — обыск усадьбы Ростомашвили был поручен временно прикомандированному по вверенному мне управлению для производства дознаний ротмистру Юлинцу (начальник Батумского отделения жандармского полицейского управления железных дорог). В подвале флигеля этой усадьбы, покинутой жильцами за три дня перед тем, ротмистром Юлинцем были обнаружены семь стеклянных запалов, употребляемых для взрывания бомб и завернутых в бумаги с типографскими оттисками, что подало ротмистру Юлинцу мысль о возможности нахождения в этой усадьбе тайной типографии»³⁴ (курсив. — З.П.).

Примечательна и резолюция на этом донесении: «Затребовать подробные приметы и точные сведения о скрывшихся жильцах и арендаторах для последующего розыска»³⁵.

Возвращаясь к анализу документа, опубликованного в журнале «Лайф», стоит отметить, что — Джугашвили в нем неоднократно называется Сталиным. Однако Департаменту полиции, судя по всему, под этим именем он был известен к.к.к автор работ по национальному вопросу, безотносительно к Джугашвили. В материалах Департамента полиции Джугашвили фигурирует, как «Коба», «Сосо» — партийные клички. «Кавказец», «Молочный» — как клички наружного наблюдения. Имеется ряд фамилий, под которыми он жил и пользовался ими при переписке.

Возникает еще один вопрос: мог ли Еремин, крупный специалист по политическому розыску, чрезвычайно ценным и МВД за свой профессионализм, призванный Столыпиным и Департамент полиции еще в годы революции для поднятия работы Департамента по политическому

розыску, автор ряда инструкций по ведению агентуры, в том числе и о правилах переписки, так открыто, без шифра писать о своем агенте, даже и в «совершенно секретном документе».

Судя по переписке Железнякова с Департаментом полиции, такой шифр существовал.

Вызывает сомнение подпись Еремина. В его подписи чрезвычайно специфическое написание буквы «Е» и «Р». Для тех сотрудников архива, кто часто сталкивается с материалами Еремина, его резолюциями, подписями, совершенно очевидно, что подпись Еремина подделана. Почерковедческая экспертиза, проведенная кандидатом юридических наук Д.П. Потанппп крупным специалистом в этой области, доцентом кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. Ломоносова, однозначно указала, что «имеющиеся различия признаков и подлинных автографов Еремина и в подписи от имени Еремина»

С. 261.

в письме, датированном 12 июля 1913 г., указывают на то, что подпись «выполнена не Ереминым, а другим лицом». Экспертиза была проведена по ксерокопии, сделанной с книги Исаака Дон-Левина (Stalin's Great Secret. New York. 1956). О том, что Еремин не мог подписать этот документ, говорят и следующие факты: в переписке Департамента полиции сохранилось заявление Еремина на имя директора Департамента от 10 мая 1913 г. с просьбой об отпуске. Приводим его текст:

С. 262.

Стоит обратить внимание на номер исходящего документа который лишний раз подтверждает четкое выполнение Департаментом полиции в переписке своих инструкций, а также и на угловой штамп, которым пользовался Еремин.

Документ оформлен по всем правилам. И еще один немало важный момент: шрифт машинки, которой пользовался Еремин. Выяснению этого вопроса много времени посвятили ученые США. Изучался класс машинки, которым было отпечатано письмо Еремина, время появления таких машинок в Департаменте полиции. Осбор, исследовавший шрифт, считал, что шрифт машинки класса «Ремингтон» № 6, Спиридович — «Ремингтон» № 7.

Эксперт по машинкам Тайтл сообщил, что машинка, на которой было напечатано письмо класса «Адлер», изготовлена германской фирмой. Русским шрифтом эти машинки были снабжены в 1912 г. Ереминское письмо не могло быть написано в 1913 году, так как шрифт машинки был изношен, стерт, что означало, «что письмо написано многими годами

позже»³⁷.

Сравнивая рапорт Еремина, написанный им на своей машинке, и «письмо Еремина», мы видим различие этих шрифтов.

Однако с отпуском Еремину пришлось несколько задержаться. 11 июня 1913 г. по приказу штаба корпуса жандармов он переводился на другую работу — начальником финляндского жандармского управления.

Последний документ Особого отдела им подписан 19 июня 1913 г. (исх. № 101213)³⁸.

В тот же день 19 июня был издан следующий циркуляр Департаментом полиции (см. след. стр.).

Недавно обнаруженные документы, связанные со службой Еремина, свидетельствуют, что Еремин с 1 июля 1913 г. уже находился в Финляндии, принимая дела у полковника Уттофа.

Еремин был человеком скрупулезным, исполнительным, любил точность. Он внимательно изучал финансовую и хозяйственную отчетность принимаемого учреждения, общался с сотрудниками. В эти дни, до 25 июля, плотно работал в жандармском управлении по приемке дел.

Только 25 июля 1913 г. Еремин рапортом в Штаб отдельного корпуса жандармов сообщает: «Доношу, что финляндское жандармское управление мною сего числа на законном основании принято как по личному составу чинов, так и по состоянию денежных сумм и казенного имущества. Вместе с сим докладываю, что претензий г.г. офицерами, чиновниками и нижними чинами заявлено не было».

С. 264.

Закон: ст. 12, кн. XX Св. Военных постановлений 1869 г.. изд. 1907 г.

Приложение: строевой рапорт, ведомость о состоянии денежных сумм и претензии финляндскому жандармскому управлению³⁹.

В связи с изложенными фактами представляется крайне не убедительной выдвигаемая профессором Волковым в его книге версия о том, будто Еремин мог из Финляндии на какое-то время приехать в Петербург, зайти в Департамент и на и бланке отправить это письмо ⁴⁰. Так кто же автор фальшивки?

В результате проверки всех лиц, которые имели отношение к письму и которых упоминает в публикации Левин, Руссиянов имел наиболее вероятное касательство к письму Еремина. В «списке общего состава чинов отдельного корпуса жандармов» упоминается Руссиянов Виктор Николаевич и действительно его служба была связана с Сибирью. Ротмистр Руссиянов в октябре 1915 г. возглавил Енисейский розыскной пункт, хотя эта его должность в публикации Левина не упоминается. Из переписки

Енисейского ГЖУ с Департаментом полиции выясняется, что Руссиянов вел политический розыск в Енисейском, Туруханском, Приангарском краях в 1915—1917 гг.

Руссиянов и Джугашвили (Сталин) были ровесниками. Руссиянов родился 30 декабря 1879 г. (по старому стилю). Он окончил Московское реальное училище, затем Московское военное училище и с 1899 г. находился на военной службе. В корпус жандармов перешел в 1910 г., служил во Владимирском ГЖУ, был помощником начальника Пермского ГЖУ, затем работал в ряде ЖПУ ж.д. Во время гражданской войны Руссиянов служил у Колчака, затем эмигрировал в Китай.

В материалах Временного Сибирского правительства Руссиянов упоминается уже в чине подполковника. В марте 1919 г. он ведет оперативную работу. Приказом министра внутренних дел Сибирского временного правительства он назначается начальником Акмолинского областного управления государственной охраны. Здесь он занимается работой, связанной с агентурой.

Трудно говорить о личных качествах Руссиянова, но судя по имеющейся переписке, ему были свойственны определенная самоуверенность и амбициозность, а также жесткость по отношению к подчиненным. Порой он превышал свои полномочия, на что ему указывали из Департамента милиции Государственной охраны, требуя согласования решений, особенно в кадровых вопросах. Это не был человек скрупулезно исполнявшим все формальности. Его отличала импульсивность. Учитывая все это, можно сделать вывод, что Руссиянов вполне мог пойти на изготовление фальшивки.

С. 265.

Судя по фальшивке, она была написана лицом, которое когда-то было связано с учреждениями политического сыска царской России, так как автор знал специфику оформления таких документов. Если бы это было сделано дилетантом, то он бы позаботился составить документ более качественно.

В данном случае автор «письма» очень понадеялся на себя, на свою память. Если сравнить материалы Сибирского Временного правительства и этот документ, то он имеет больше сходства в оформлении с материалами правительства Колчака, чем с документами Департамента полиции. Речь идет об отдельных малоприметных деталях в оформлении бумаг. Переписка, связанная с Особым отделом Департамента милиции Министерства внутренних дел Сибирского Временного правительства, лучше запомнилась Руссиянову.

Письмо попало к Левину в 1947 г. Почти целое десятилетие он молчал и только после XX съезда КПСС, после доклада Н.С. Хрущева, когда преступления Сталина были разоблачены, он опубликовал этот документ, считая, очевидно, что наступил благоприятный момент для публикации — теперь поверят.

Что Руссиянов автор фальшивки, у автора нет никакого сомнения. Когда Д.П. Поташник проводила экспертизу письма Еремина, то она одновременно провела почерковедческую экспертизу руки Руссиянова. К тому времени автор располагала несколькими подписями, резолюциями Руссиянова, но не было какого-либо текста, написанного им. Концовка в подписи Руссиянова и в подписи «письма Еремина» была совершенно одинакова.

Привожу заключение эксперта. «При сравнении подписи на "письме Еремина" с образцами почерка и подписи Руссиянова В.Н. установлены совпадения ряда признаков почерка: угловатая форма соединения элементов букв "М", "И", "Н", направление движений при выполнении буквы "Р"; форма и направление движений при выполнении росчерка (все подписи Руссиянова заканчиваются буквой "Н", переходящей в росчерк в виде двух дугообразных элементов, выполненных с большим нажимом и большой протяженностью движений вниз от линии письма) см. след. стр.

В силу краткости исследуемой подписи выявить больший объем совпадений не представляется возможным, а установленные совпадающие признаки могут служить основанием лишь для достаточно обоснованного предположения о том, что подпись от имени Еремина в исследуемом документе выполнена Руссияновым».

Несмотря на публикации, прошедшие в печати как за рубежом, так и у нас, с безусловным доказательством того, что «письмо Еремина» — фальшивка, некоторые авторы настаивают

С. 266.

на подлинности этого документа, даже указывая, что должен быть подлинный второй экземпляр в ГА РФ41. Хорошо, известно, однако, что подобные материалы не могли иметь копий подлинных документов в 2-х экземплярах.

На что рассчитывал Руссиянов, создавая фальшивку? За рубежом долго распространялась версия, что материалы Департамента полиции и его Особого отдела погибли в Февральскую революцию. Ограниченный допуск к документам в архиве вплоть до 50-х годов в какой-то мере эту версию поддерживал..

Увидевший копию документа во время своей командировки в США в

Толстовском фонде в 1997 г. профессор Ю. Хечинов посчитал, что это его большое открытие, о чем было сообщение в газете «Известия»⁴².

При дальнейших публикациях Ю. Фельштинский этот факт опроверг⁴³, хотя версия о возможной подлинности письма Еремина продолжает оставаться⁴⁴.

Примечательно, что никаких новых аргументов авторы не приводят и лишь говорят о необходимости проведения дальнейшей экспертизы.

Сам же Левин в одной из последних книг «Свидетель истории»⁴⁵, где касается практически всех сюжетов своей журналистской деятельности, о данной проблеме не упоминает.

Израильский ученый Эрик Ли, серьезно занимающийся проблемой «письма Еремина», пишет, что чем больше поднималось проблем, тем труднее было Левину найти контраргументы и, можно предположить, что находившийся в глухой обороне автор устал отвечать своим оппонентам и сдался⁴⁶.

«Роковая папка»

В уже упомянутом журнале «Лайф» был опубликован еще один материал, якобы подтверждающий сотрудничество Сталина с охранкой. Это была статья А. Орлова, который утверждал, что в 1937 г., накануне ареста группы высших военачальников во главе с Тухачевским заслуживающий доверия источник, а именно его родственник, Зиновий Борисович Кацнельсон сообщил о том, что в Советском Союзе назревает заговор высших военных против Сталина. Основной причиной заговора или, скорее, непосредственным поводом к нему явились неожиданно обнаружившиеся материалы о провокаторской роли Сталина в дооктябрьский период. Обнаружил эти материалы сотрудник НКВД Штейн, которому по заданию Ягоды было поручено найти «компромат» на будущих жертв сталинских репрессий. Материалы эти, по свидетельству Штейна, находились в папке, принадлежавшей бывшему вице-директору Департамента полиции Виссарионову. Орлов пишет о том, что

С. 268.

помимо донесений, написанных рукой Сталина, в папке находилась анкета и фотография Сталина. Донесения относились к работе IV Государственной думы «первой половины 1913 г.».

Как пишет далее Орлов, содержание папки стало известным ряду оппозиционно настроенных военных и было сделано несколько ее копий. После ознакомления с содержанием папки Тухачевский, Якир, Гамарник и некоторые другие военачальники решили, что Сталин не может оставаться во главе партии и государства. Заговорщики вырабатывают план действий

по устранению Сталина. Для этого они планируют «убедить комиссара обороны Ворошилова... собрать конференцию на высшем уровне в связи с военными проблемами Украины, Московского военного округа и некоторых других округов, командование которых было посвящено в конспиративный план... В определенный час или по сигналу два отборных подразделения Красной Армии преградят основные подходы к Кремлю, чтобы блокировать подход войск НКВД. В этот самый момент заговорщики объявят Сталину, что он арестован... Тухачевский и другие военачальники считали, что Сталина надо убить немедленно, после чего собрать ЦК партии и предъявить ему папку полиции...

...Косиор, Балицкий, Зиновий Кацнельсон и другие, по-видимому, невоенные члены группы хотели арестовать Сталина на Пленуме ЦК партии и предъявить ему обвинения о его полицейском прошлом».

Автор подробно цитирует это место из статьи Орлова, в частности, потому, что оно представляет собой до сих пор малоизвестную версию сталинских репрессий против высшего командования РККА. Лишь в своей пространной статье и «Московских новостях», излагая подробнейшим образом содержание статьи Орлова, ее авторы Е. Плимак и В. Антонов⁴⁷ упоминают об этой версии. Между тем, если признать ее достоверной, то следует заново переписать многие страницы истории сталинских репрессий 30-х годов.

Как пишет Орлов, Сталин опередил заговорщиков и уничтожил всех, кто в какой-то степени мог быть знаком с содержанием упомянутой папки.

Любопытно, что и известный доклад Хрущева о преступлениях Сталина на XX съезде КПСС Орлов связывает с провокаторским прошлым Сталина. Разоблачение Хрущева, с точки зрения Орлова, было попыткой упредить события. «Видимо, — пишет Орлов, — произошло нечто такое, что оставило новой олигархии единственный выход: полностью разоблачить Сталина и сделать это немедленно. Я уверен, что этим "нечто" было обнаружение неопровержимых доказательств того, что Сталин был агентом-провокатором царской секретной полиции...

С. 269.

Я считаю, что проклятая папка была предъявлена теперешним хозяевам Кремля кем-нибудь, кто хранил ее все эти годы... Быть может документы были переданы генералу Жукову, и именно он преподнес ее своим партнерам по «коллективному руководству», как раз в тот момент, когда Хрущев готовился провести XX съезд компартии»⁴⁸. Орлов утверждает, что будучи причастными к преступлениям Сталина, Хрущев и другие руководители партии были кровно заинтересованы в том, чтобы не

делать их достоянием гласности. Однако, опасения, что сведения о Сталине, как провокаторе царской охраны станут достоянием гласности, не оставляло им другого выбора.

Как видим, версия Орлова требует пересмотра прежних объяснений и еще одного ключевого момента советской истории. Вот почему автор полагает, что данная статья требует тщательного анализа и экспертизы.

1. Начнем с предположения, что папка существовала. Но если это так, то встает вопрос, каким образом до 1936 г. она оказалась никем не замеченной? И каким образом она оказалась в бывшем кабинете Менжинского? Как отмечалось в предыдущем параграфе, в первые дни Февральской революции по указу Временного правительства были созданы комиссии по разбору дел Департамента полиции, ГЖУ и охранных отделений по выявлению секретной агентуры, работающей в этих учреждениях. Фамилия Джугашвили среди разоблаченных агентов не была обнаружена и не была названа на допросах руководителей политического сыска ни Виссарионовым, ни Золотаревым, ни Джунковским, ни Белецким. Надо отметить, что все они на допросах давали довольно откровенные показания. Многие из них хитрили, изворачивались, но эта изворотливость была нацелена на то, чтобы выгородить себя. Что касается директора Департамента полиции Белецкого, то он дал обширные письменные показания.

2. Судя по описанию папки Виссарионова, она представляла как бы «личное дело» Сталина. В папке имелась фотография молодого Сталина, анкета, доклады, донесения. В принципе могло ли такое быть?

В дореволюционных учреждениях политического сыска анкеты и отдельно фотографии могли быть только в наблюдательных делах арестованных революционеров. Что касается секретных сотрудников, то дела на них, в целях конспирации, не заводились. Переписка о них, денежная отчетность с грифом «совершенно секретно» хранилась за семью печатями. За свою многолетнюю практику автор только трижды встретила рукописные донесения агентов, в том числе и Азефа, собранные в деле секретного сотрудника с указанием клички, но без указания подлинного имени. Во всех этих случаях материал

С. 270.

касался секретной агентуры, которая работала за рубежом и была связана с Департаментом полиции «напрямую». Если же секретный сотрудник находился в России, то он лично встречался с офицером, который его «вел», на конспиративной квартире. После такой встречи офицер сам оформлял полученные сведения, которые могли размножаться

для дальнейшей работы с этими данными, но подписывались они кличкой секретного сотрудника, как его сведения. Все было направлено на то, чтобы как можно меньше оставалось автографов секретной агентуры. Как правило, они оставались лишь в расписках агентов в получении денег. Например, Малиновский подобные расписки писал левой рукой.

3. В своей статье Орлов пишет, что Сталин знал о провокаторской роли Малиновского, завидовал его партийной и провокаторской карьере и вознамерился занять его место. (Сторонницей этой версии является и Серебрякова.) С этой целью Сталин, якобы, написал, минуя вице-директора, письмо товарищу министра внутренних дел Золотареву, в котором «нападал на Малиновского» и утверждал, что Малиновский «гораздо добросовестней служит делу большевиков, чем полиции». «Но попытка Сталина, — пишет далее Орлов, — удалить Малиновского не удалась. На полях письма Сталина была пометка товарища министра примерно следующего содержания:., этого агента надо отправить в Сибирь надолго. Он сам напрашивается на это».

Данный пассаж вызывает, по меньшей мере, два вопроса.

Во-первых, Золотарев не мог наложить резолюцию, которую приводит Орлов. Жандармы секретными сотрудниками очень дорожили и не разбрасывались даже такими, от которых получали случайные, отрывочные сведения. Могли уволить только «шантажистов», которые давали ложные сведения. Если верить документам папки Виссарионова, Сталин был ценным секретным сотрудником и, безусловно, мог быть полезным полиции и в дальнейшем. Товарищ министра не мог единолично распоряжаться судьбой такого агента, как любого агента вообще. Увольнение агента было связано с его денежным обеспечением, пенсией, единовременной выплатой и т.д. В данном случае, как и в случае с «анкетой», автора подводит его мышление современными ему категориями.

Во-вторых, последний арест Сталина произошел 23 февраля 1913 г., поэтому он не мог давать сведения о деятельности Государственной думы за первую половину года. Несколько позже состоялось постановление Особого совещания (коллегиальный орган) о его административной высылке. Золотарев же покинул свой пост товарища министра 25 января 1913 г. Постановление об административной высылке мог утвердить новый товарищ

С. 271.

министра внутренних дел Джунковский. Так что Золотарев не имел никакого отношения к последней ссылке Сталина и не мог написать приводимую Орловым резолюцию.

4. Утверждение Орлова о совместной работе в качестве секретных сотрудников Малиновского и Сталина также лишено всяких оснований. Как было сказано выше, вместе могли работать агенты наружного наблюдения — филеры. Они наблюдали за революционерами на улице, в магазинах, в театре и передавали наблюдаемого друг другу. Что касается внутренней секретной агентуры, то полиция действительно была заинтересована иметь в одной организации нескольких сотрудников (часто так оно и бывало), но строжайшим образом запрещалось как-то даже намекать тому или другому об их связях. И в целях конспирации, и в целях их сохранения они не должны были знать о работе друг друга. При этом проверялась достоверность их информации и их «искренность» в даче сведений.

Член Государственной думы Малиновский, окончательно разоблаченный как секретный сотрудник в апрельские дни 1917 г. и расстрелянный по решению революционного трибунала в 1918 г., в своих показаниях говорил, что ему хотелось знать, кто еще был секретным сотрудником в партии. Он даже стремился наблюдать за конспиративной квартирой, на которой сам встречался с полицией. При этом одного сотрудника он вычислил (Полякова).

Если бы Сталин был секретным сотрудником и Малиновский знал об этом, то неужели он после своего разоблачения утаил бы этот факт о своих бывших «товарищах».

Возникает вопрос, являлись ли сведения, приводившиеся в статье Орлова, плодом его собственного творчества или же он был, и, возможно, непредумышленно, сам введен в заблуждение? В своей статье он сам, исходя из собственного богатого опыта работы в НКВД, писал, что сфабриковать «документальные доказательства» не представляло для сотрудников НКВД «большой трудности». «Фальсификация документов, — заявлял он, — была обычным делом для советской полиции».

Так что изготовить «папку Виссарионова» мог и кто-то из сотрудников НКВД. Но одновременно возникает и другой вопрос. Если папка существовала и, к тому же, была размножена, то как могло случиться, что кроме косвенного свидетельства Орлова, мы до сих пор не имеем даже упоминаний о ней из других источников?

Впрочем, нельзя исключить и того, что Орлов что-то присочинил и сам. Недаром Э. Радзинский, который, судя по всему, тщательно изучил разоблачения Орлова и его книгу «Тайная история сталинских преступлений», пишет в своей

книге, что он (Орлов) «порой выдумывает». Хотя одновременно и задается вопросом: «Или заговор военных все же существовал? 49.

В подтверждение этого стоит обратиться к очень интересной, серьезной, аргументированной статье О. Хлевнюка «История "тайной истории"». Анализируя книгу А. Орлова «Тайная история сталинских преступлений», автор приходит к выводу, что «даже поверхностное сопоставление книги Орлова с архивными документами... порождает массу вопросов и законные сомнения в доброкачественности "тайной истории" как объективного исторического источника...

Как ни печально, — добавляет Хлевнюк, — расставаться со столь удобным и уже неоднократно использованным источником, мемуары Орлова, видимо придется отложить далеко в сторону»⁵⁰.

Что касается заговора военных, то, не будучи специалистом, автор не может об этом судить. Но что для него предельно ясно, так это то, что «папка Виссарионова» никакого отношения к реальности не имела.

Спор автора с Серебряковой, Волковым и другими сторонниками версии о Сталине как о секретном сотруднике ни в коей мере не является спором об оценке личности Сталина. Думаю, что здесь мы единомышленники. Речь идет о другом: о споре относительно характера и достоверности тех «доказательств», которыми мои оппоненты оперируют. Архивист первый заявит о том, что Сталин был секретным сотрудником, если будет найден документ, который с достоверностью свидетельствовал бы об этом. Вся совокупность документов, которая на сегодняшний день находится в распоряжении историков, не позволяет, однако, сделать такого вывода.

Примечания

1 Don-Levine Isaac. Stalin's great secret. New York, 1956; Edward Ellis Smith. The young Stalin: The early years of an elusive revolutionary New York, 1967; Tregory Aronson. Was Stalin a tsarist agent? // The New Leader. 1956. 20 august. P. 23-24; Hyde H.-M. Stalin: the history of a dictator (New York: Popular Press 1972. P. 612-616 / Eric Lee. The Eremin Letter: Documentary proof that Stalin was an okhrana spy? Oxford, April, 1992).

2 «Комсомолец Забайкалья». 1988. 20 ноября; «Собеседник». 1988 № 46. ноябрь; Арутюнов Г.А., Волков Ф.Д. «Перед судом истории / «Московская правда». 1989. 30 марта; Перегудова З., Каптелов Б. Секретный агент Джугашвили // «Комсомольская правда». 1989. 21.06; ил же. Был ли Сталин агентом охраны // Родина. № 5. 1989; их же. Был ли Сталин агентом охраны // Вопросы истории КПСС. 1989. № 4.; их же. К спору о «Кобе» Джугашвили и «Фикусе» // Сб. Историки отвечают на

вопросы. М., 1990; Колников М., Черных В., Максимова А. Шатуновская О., Шеболдин С. Версия не подтверждается // «Московская правда». 1989. 2 июля; Медведев Р. О Сталине и сталинизме // «Знамя». 1989. № 4; Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992; Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? //Из глубины времен. 1992. № 1 и др.

3 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1910. Д. 5. Ч. 7. Лит. Б. Л. 11 об.

4 Там же. Версия о том, что партийная кличка «Кузьма» принадлежала С. Шаумяну оказалась несостоятельной. Автор доверилась той расшифровке, которую дали в своих работах Г.А. Арутюнов и Ф.Д. Волков. В действительности кличка «Кузьма» принадлежала Сельдякову, одному из активистов Бакинской организации РСДРП (См.: 25 лет Бакинской организации большевиков. Баку, 1924. С. 25.).

5 Там же. Ч. 6. Лит. Б. Л. 26об.

6 Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 16. Давая ссылку на этот документ, профессор Ф.Д. Волков частично искажает его содержание.

7 Кличка наружного наблюдения, данная филерами Джугашвили.

8 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1910. Д. 5. Ч. 6. Лит. Б. Л. 18.

9 Адамович А. Дублер // Дружба народов. 1988. № 11.

10 Арутюнов Г.А., Волков Ф.Д. «Перед судом истории».

11 ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 599. Л. 13-14об.

12 Там же. Ф. 102. 00. 1910. Д. 5. Ч. 6. Лит. Б. Л. 26об.

13 Там же. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 499, спр. № 9267.

14 Там же. Ф. 102. 00. 1912. Д. 5. Ч. 6. Лит. Б. Л. 39об.

15 Там же. Ф. 102. 00. 1911. Д. 82, вх. 90/12.

16 Там же. Ф. 1913. Д. 5. Ч. 6. Лит. Б. Л. 13об.

17 Там же. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 599, спр. 9296.

18 Там же. Ф. 102. 00. 1913. Д. 5. Ч. 6. Лит. Б. Л. 33об.

19 Там же. Л. 31об.

20а Там же. Ф. 102. 00. 1910. Д. 5. пр. 3. Л. 43-45.

20а Серебрякова З.Л. Был ли Сталин агентом охраны? // Родина. 1989. № 9. С. 91; ее же. «Сталин и царская охранка» // «Совершенно секретно». 1989. № 7. декабрь; «Иосиф и Роман» (соратники по охране) // «Независимая газета». 21.12.94.

21 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 195.

22 Там же. Ф. 85. Оп. 3. Д. 5. Л. 77-81.

23 Orlov A. The sensational secret behind. The damnation of Stalin // Life. 1958. April 23.

24 Серебрякова З. Иосиф и Роман // «Независимая газета». 21.12.94.

25 Малиновский, будучи очень осторожным, не стал уточнять у Джугашвили имя и отчество Калинина.

26 Часть публикуемого ниже параграфа была опубликована автором в соавторстве с Б.И. Каптеловым. Был ли Сталин агентом охраны? // Вопросы истории КПСС. 1989. № 4. С. 90-98; Родина. 1989. № 5. С. 66 — 69; К спору о «Кобе» Джугашвили и «Фикусе» // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. С. 171 — 184.

27 Журнал «Лайф». 1956. 24.04.

28 Стоит отметить, что Волков Ф.Д. в кн. «Взлет и падение Сталина» обвиняет автора и ее соавтора в том, что, отрицая существование в этот период охранного отделения в Енисейске, они плохо знают свои материалы. В ответ можно только заметить, что профессор Волков не знает историю учреждений политического сыска. Ему неизвестно, что розыскные пункты, охранные отделения, районные охранные отделения, губернские и уездные жандармские управления — это суть не одно и то же. Никто не отрицает существования Енисейского губернского жандармского управления, розыскного пункта. Но увы... охранного отделения не было.

29 Список общего состава чинов отдельного корпуса жандармов СПб., 1913. С. 40, 692.

30 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 708. Л. 25.

31 Там же. Ф. 102. Оп. 273. Д. 53, 54, 55, 56. Журналы исходящей корреспонденции.

32 Там же. Исходящий с/с журнал Особого отдела за 1913 г. Д. 1.

33 Там же. Ф. 102. Оп. 273. Д. 356. Л. 128.

34 Там же. Ф. 102. 7 д-во. 1906. Д. 4889. Л. 10.

35 Там же.

36 Там же. Ф. 102, 00, 1913, Д. 46, Л. 204.

37 См. ссылку № 46.

38 га РФ. Ф. 102.00. 1913. Д. 46. Л. 293. Копия с документа, подпись Еремина заверена делопроизводителем.

39 Там же. Ф. 494. Оп. 1. Д. 39. Л. 27-28.

40 Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М., 1990. С. 13-15.

41 Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. С. 15.

42 Сталин был агентом царской охраны // «Известия». 1997. 19 сентября.

43 Еще раз о Сталине. Агенты охраны // «Известия». 1997. 2 октября,

44 Ю. Хечинов. Так был ли Сталин агентов охраны?// «Труд». 1997. 24 октября.

45 Don-Levine Isaac. Eyewitness to history. Memous and reflections of

foreign correspondent for half a century. New York, 1973.

46 Lee Eric. The Eremin Letter: Documentary proof that Stalin was an okhrana spy? Paper presented to the study Group on the Russian Revolution annual conference. Oxford, 1992 April.

47 См.: Плимак Е., Антонов В. Сталин знал, что я делал // «Московские новости». 1996. № 10. См. их же: Накануне страшной даты. К 60-летию процесса Тухачевского. 1997. Октябрь. № 2.

4« Журнал «Life». 1956. 23.04.

49 Радзинский Э. Господи... спаси и умири Россию. Николай II: Жизнь и смерть. М., 1993. С. 397-398.

50 Хлевнюк О. История «тайной истории» 1996. // Свободная мысль. № 3. С. 119.

Глава 7.

ПЕРЛЮСТРАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ И БИБЛИОТЕКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗДАНИЙ

§ 1. Перлюстрация

Среди методов борьбы политической полиции с революционным движением в России далеко не последнее место занимала перлюстрация. Она являлась важной частью розыскной деятельности полиции, служила источником информации о деятельности революционных организаций, настроениях среди населения, в различных общественных и политических кругах. В результате перлюстрационной деятельности властей накопилось достаточно большое количество интереснейших материалов, привлекающих все более широкое внимание историков.

Перлюстрация — это тайное вскрытие частной корреспонденции, копирование письма или его части.

Перлюстрация старый, испытанный метод, заимствованный царями еще в середине XVIII в. у правителей тогдашней Западной Европы¹. Первые «Черные кабинеты» появились, как утверждает Т.А. Соболева (в связи с недавно найденными архивными материалами), в начале 40-х годов XVIII в., во времена императрицы Елизаветы Петровны². К перлюстрации прибегали и при последующих русских императорах³. Значение перлюстрации резко возросло при Николае I⁴, когда она начинает широко применяться как «средство борьбы с внутренним врагом». Посредством перлюстрации правительство стремилось выяснить политическое настроение в стране, предупредить возможность волнений, вести наблюдение за настроением в высших сферах.

С развитием почты, ростом переписки совершенствовалась сама система перлюстрации и организация этой работы. Мощным толчком к дальнейшему расширению перлюстрации явилось развитие революционного движения в стране.

В 1880 г., в период реорганизации политического сыска в России и создания Департамента полиции, особое внимание было уделено перлюстрации. В это время в стране учреждается

С.276.

7 перлюстрационных пунктов: в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Тифлисе, Варшаве. Впоследствии такие пункты открывались и в других городах: Вильно, Риге, Томске, Нижнем Новгороде, Казани. Но действовали они очень короткое время.

С перерывом (1905-1909 гг.) работал перлюстрационный пункт в Тифлисе, который был разгромлен в 1905 г., во время революционных событий. Перлюстрационные пункты создавались на почтамтах при отделах цензуры иностранных газет и журналов и вошли в историю под названием «Черных кабинетов». Общее руководство всей перлюстрационной работой в России осуществлялось через старшего цензора Петербургского почтамта, который именовался исправляющим должность помощника начальника Главного управления почт и телеграфов. Отделы цензуры на местах непосредственно подчинялись ему⁵. Старший цензор, в свою очередь, был в подчинении министра внутренних дел, от которого получал распоряжения и санкции на проведение работ по перлюстрации. Через старшего цензора шла оплата работы перлюстрационных пунктов⁶.

Перлюстрирование писем было действием незаконным. Ряд статей Уложения о наказаниях предусматривали кару за нарушение почтового Устава: от 4 месяцев тюремного заключения до ссылки с лишением всех особых прав. Поэтому работа по перлюстрации государством держалась в строгом секрете. Ни Министерством внутренних дел, ни старшим цензором не было издано никаких письменных циркуляров и правил о ведении этой работы. В то же время существовало негласное распоряжение об уничтожении всей переписки и всех материалов перлюстрационных пунктов на случай народных волнений. Этим объясняется, что много документов погибло в 1905 г. и почти все материалы перлюстрационных пунктов на местах были уничтожены в период Февральской революции.

Переписка перлюстрационных пунктов со старшим цензором тщательно конспирировалась. Более 30 лет (до ухода в отставку в 1914 г.) эту должность исполнял действительный тайный советник Фомин⁸, затем

его заменил на этом посту тайный советник Мардарьев. В переписке с Департаментом они пользовались псевдонимом, и направляемые им письма шли ни имя «Его превосходительства С.В. Соколова», что означало, что переписка предназначается для отдела цензуры⁹.

Конспиративно обставлялась работа и в самой цензуре иностранных газет и журналов. С особой тщательностью подбирался состав служащих. Это были люди проверенные, «безгранично преданные» престолу. Они давали подписку о неразглашении тайны. Многие из них были высокообразованными людьми, владевшими европейскими и азиатскими языками¹⁰.

Наиболее образованный по своему составу был перлюстрационный пункт в Петербурге. Среди его сотрудников были

С. 277.

люди почтенные, служившие кроме цензуры в других учреждениях: министерстве иностранных дел, банке, университете. Часть сотрудников цензуры занималась своими прямыми обязанностями — цензурой иностранных газет и журналов, а часть — перлюстрацией частных писем.

Более всего сохранилось сведений об устройстве «секретной части» цензуры Петербургского отделения. Войти в «Черный кабинет» можно было только через кабинет-канцелярию старшего цензора. Причем сам вход в «Черный кабинет» был замаскирован большим желтым шкафом. В этот шкаф входили сотрудники и оказывались в комнате, где находился перлюстрационный кабинет и куда по особому лифту-подъемнику поднималась отобранная почтовыми чиновниками для просмотра корреспонденция¹¹.

По всей России непосредственно перлюстрацией занималось от 40 до 50 человек¹². И было еще около 30 помощников — почтовых работников, которые принимали участие в отборе писем из основного массива, поступающего на почтамт. Там, где не было перлюстрационных пунктов, а необходимость в ней была, из Петербурга командировались чиновники. Но чаще местные губернские жандармские управления находили возможность договориться с узким кругом почтовых чиновников и проводили перлюстрацию сами.

Как же была организована работа в «Черных кабинетах»?

Отбор писем для вскрытия шел по двум спискам, которые были у работников (вспомогательных) почтового ведомства. Первый список Особого отдела Департамента полиции содержал фамилии и адреса лиц, письма которых подлежали просмотру. Кроме того, перлюстрировались письма, «освещавшие» деятельность съездов противоправительственных

организаций, конференций, их подготовку, проведение, деятельность основного партийного состава и членов организаций.

Второй список представлялся министром внутренних дел. По этому списку шел просмотр и снятие копий с писем общественных и политических деятелей, редакторов газет, профессоров, преподавателей высшей школы, членов Государственного Совета и Государственной думы, членов семьи Романовых. Перлюстрации порой подвергались письма великих князей, в частности, письма вел. кн. Михаила Александровича, жаловалась на вскрытие писем вдовствующая императрица Мария Федоровна¹³. Не подлежали перлюстрации только письма самого министра внутренних дел, пока он находился на этом посту и императора.

В материалах Чрезвычайной следственной комиссии, разбиравшей в 1917 г. вопрос о перлюстрации, имеются данные, что в 1910 г. командир Отдельного корпуса жандармов Курлов обратился к старшему цензору с просьбой, чтобы адресуемые ему

С. 278.

письма, получаемые в плохо заклеенных конвертах, не носили впредь явных признаков вскрытия. С подобной же просьбой обращался поборник перлюстрации Белецкий, занимавший в это время должность директора Департамента полиции¹⁴.

Списки министра внутренних дел и Департамента рассылались во все отделения цензуры. По сведениям за 1904 г. по списку Департамента полиции проходило 1000 адресов¹⁵, за которыми велось наблюдение. Среди них адреса В.И. Ленина, многих искровцев, Г.В. Плеханова, многих других деятелей социал-демократического движения, членов партии эсеров, участников различных групп и т.д.

При отборе писем почтовые работники обращали внимание на полноту письма, условность адреса, подчеркивание, руководствовались просто «нюхом», выработанным многолетней практикой, умением распознать «интересный» почерк. Многие чиновники хорошо усвоили и знали почерки крупных деятелей партий, технических секретарей.

Самый большой поток писем шел через Петербургский почтамт. Ежедневно здесь вскрывалось от 2000 до 3000 писем¹⁶. Выписок и копий делалось значительно меньше — 20 — 30. Конверты отпаривались, отмачивались в ванночках, вскрывались особыми косточками или длинными иглами.

Письма задерживались в «Черном кабинете» недолго — час — два. Письма с интересными сведениями откладывались для снятия копий. Просмотренные письма запечатывались, а с обратной стороны, в одном из

уголков делалась точка — условный знак (мушка), чтобы это письмо не подвергалось вторичной перлюстрации. Если письма были написаны химическими чернилами или зашифрованы сложным шифром, то и этом случае в подлиннике отправлялись в Департамент полиции и задерживались на более длительный срок. Иногда задерживались до распоряжения Департамента наиболее интересные письма, несущие ценную информацию. Копии или выписки из писем делались в 2-х экземплярах. Один экземпляр по списку Департамента полиции отправлялся директору Департамента полиции, а второй и оба экземпляра по списку МВД шли министру. И уже от министра они порой шли в Департамент или задерживались у министра. Как правило, перлюстрация, которая производилась по просьбе министра, в Департаменте не подвергалась той тщательной разработке, как письма революционных деятелей.

На местах, в других городах перлюстрировалась только та корреспонденция, которая шла из этого города или в город, но не транзитная. Копии делались также в 2-х экземплярах, 1 экземпляр направлялся в Петербург на имя «Соколова».

Перлюстрационные пункты на местах с местными властями контактов не имели. Но когда в письмах имелись указания на то, что готовится какое-либо политическое событие, забастовка,

С. 279.

экспроприация и т.д., делалась выписка и посылалась местному градоначальнику. Но опять-таки это делалось конспиративно. Например, в Московском отделении цензуры в таком случае делали выписку, заклеивали в конверт, делали, надпись «Анненкову»¹⁷ и опускали в коммерческий ящик для градоначальства, который имелся на почтамте. Анненков был псевдоним.

По данным Департамента полиции, через цензуру проходило ежегодно по всей стране примерно 380000¹⁸ писем, из которых делалось от 8000 до 10000 выписок.

Автор попыталась провести более точный подсчет количества перлюстрированных писем за 1907 — 1914 гг. Согласно этим подсчетам наибольшее количество выписок падает на 1907 г. (11522)¹⁹. Затем идет спад — до 7935 в 1910 г., а затем поток вновь возрастает — до 8658 в 1911 г. и более 10 тыс. в 1912 г.

Таким образом, общий объем перехваченной переписки к 1912 г. вновь почти достигает уровня 1907 г. Следует отметить, что одновременно возрастает количество зашифрованных и химических писем как результат

резкого повышения конспиративности партийных организаций, существенно меняется соотношение между простыми письмами, с которых снимается копия, и письмами, которые написаны химическими чернилами и с использованием шифра.

Наглядное представление об этом дает помещаемая ниже таблица, составленная автором на основании анализа коллекции, хранящейся в ГА РФ.

Годы	Число простых писем, с которых сняты копии	Число химических и шифрованных писем, с которых сняты копии	Число писем, прошедших перлюстрацию по требованию министра внутренних дел, с которых сняты копии	Итог
1907	10618	904	нет сведений	11522
1908	7242	1029	нет сведений	8271
1909	4579	2280	112	6971
1910	3197	4260	478	7935
1911	3066	4396	1196	8658
1912	2454	5039	3146	10 639
1913	1875	2777	1276	4655
1914	1593	1538	2231	5362

(сведения за январь — сентябрь)

В Департаменте полиции, куда, как уже указывалось, поступали материалы из «Черного кабинета» и иногда от министра С. 280.

внутренних дел, шла дальнейшая разработка перлюстрации: регистрация, расшифровка, проявление химических текстов, размножение копий, переписка с местными ГЖУ, выяснение личностей, адресов и принятие мер.

Каждое письмо при перлюстрации получало свой номер. Простые и химические письма регистрировались отдельно: простые получали просто номер, к химическим прибавлялась буква «х». Фамилии, упоминаемые в письмах, заносились и карточный алфавит. Именные карточки составлялись на автора письма, получателя, на все имена и фамилии, упоминаемые в письме. Так подробно расписывались только письма революционных деятелей. Что касается писем государственных и

общественных деятелей, то они проходили такую обработку лишь в случаях, когда была соответствующая резолюция министра. Они, как правило, не регистрировались, подшивались в отдельные дела, которые формировались по хронологии. Порой перлюстрация от министра внутренних дел не поступала, за некоторые годы она в Департаменте полиции отсутствует.

Вся поступавшая перлюстрация сосредоточивалась в V отделении Особого отдела Департамента полиции, откуда после первичной разработки и копирования материалы шли в другие отделения Особого отдела, где шла разработка материалов по партиям. Копии писем, касавшиеся деятельности партии эсеров, анархистов, террористических организаций, шли во второе отделение Особого отдела, социал-демократических организаций — в третье отделение, национальных — в четвертое. Здесь шла дальнейшая разработка этой переписки, но уже розыскного плана на основании сведений, получаемых из писем. Изучая впоследствии эту механику, член комиссии Временного правительства по разборке материалов охранных отделений М.А. Осоргин писал, что при работе с перлюстрационным материалом устанавливался «не только адрес, но и каждое лицо, упомянутое в письме, иногда только уменьшительным именем, одной буквой или описательным выражением»²⁰.

Для выяснения необходимых данных копии посылались в соответствующие охранные отделения и ГЖУ для установки лиц, принятия мер, установления наблюдения.

Эти уже вторичные копии вместе с материалами по разработке и переписке с соответствующими ГЖУ отложились в делах Департамента по наблюдению за партиями, организациями, отдельными лицами.

В тех случаях, когда перехваченные письма не могли быть отнесены к каким-либо партиям, но разработка их представляла интерес для Департамента полиции, копии писем откладывались в общих делах²¹, которые также представляют большой интерес. Так, в деле с заголовком «Разработка шифрованных документов»²² всего три листа, один из которых является

С. 281.

расшифрованным списком партийных адресов неустановленной организации. В другом деле «О задержанных телеграммах и письмах»²³ отложились такие документы, как «Письмо от русских крестьян царю Николаю второму», о вскрытии посылок с нелегальной литературой и т.д.²⁴, Довольно интересно дело «Разработка секретных сведений»²⁵. В нем сосредоточены документы, связанные с настроениями в стране, о

политической ссылке, настроениях и планах ссыльных, их деятельности и т.д., переписка студентов.

В деле за 1913 г. с заголовком «О задержанных телеграммах и письмах и вообще о наблюдении за частной корреспонденцией»²⁶ имеется ряд телеграмм от политических ссыльных г. Черного Яра, Астраханской губ., женского вспомогательного общества, наборщиков и переплетчиков г. Гомеля, ссыльных Усть-Цильмы²⁷.

Так как перлюстрация — действие незаконное, то часто материал, полученный в результате перлюстрации, назывался агентурным, или полученным агентурным путем. А автор писем, которые перлюстрировались, — «автором агентурных сведений». Поэтому в переписке Департамента полиции часто авторами агентурных сведений являются лица, которые никаких контактов с полицией и жандармерией не имели, но тем не менее их сведения использовались правительством.

Современные историки и исследователи иногда, имея в своем распоряжении такой документ, приходят в недоумение, а порой даже обвиняют автора письма в сотрудничестве с полицией. Приведу пример такой ошибки. В конце 30-х годов в Орловском областном архиве было обнаружено донесение начальника Орловского ГЖУ в Департамент полиции, в котором указывалось, что «автором агентурных сведений за № 1291 является Вольнов Иван Егорович... он же Иван Воробьев». Эта фраза явилась основанием к тому, что в советское время Вольнова довольно долго подозревали в сотрудничестве с полицией. В действительности за указанным номером было зарегистрировано письмо И.Е. Вольнова с о. Капри к родным, где он описывал свою жизнь, встречи с М. Горьким, их дружеские отношения. Письмо было перехвачено в Департаменте полиции. С него были сняты копии, одна из которых послана в Орловское ГЖУ для разработки, установки автора (Вольнов в письме подписался «Иван Воробьев»). Так как письмо было получено агентурным путем, автор его был назван «автором агентурных сведений». Вследствие этой ошибки имя И.Е. Вольнова, крестьянского писателя, революционера очень долго замалчивалось, а произведения его не переиздавались, и только в 1961 г.²⁸, в результате внимательной, кропотливой работы архивистов ЦГАОРа СССР истина была восстановлена.

С. 282.

Много хлопот сотрудникам Департамента полиции доставляли шифрованные и химические письма, написанные симпатическими чернилами. Для работы с этими письмами существовала группа особо подготовленных специалистов.

Один из этих специалистов Зыбин преподавал на курсах штаба корпуса жандармов, где делился своими секретами по расшифровке различных криптограмм. Его ученик и помощник Жабчинский имел высшее образование, окончил Петербургский университет. В одной докладной записке Зыбина о Жабчинском читаем, что последний может разбирать шифры на любом языке²⁹.

Непростой была работа с химическими письмами, которые при проявлении портились, и порой невозможно было восстановить первоначальный вид письма и отправить по назначению. Между тем, Департамент был заинтересован, чтобы по этому адресу продолжалась переписка. В таком случае письмо искусно подделывали. На этот предмет были также специалисты своего дела. В одной из записок с характеристикой этой деятельности Департамента читаем, что подобную работу проводил Зверев, привезенный Зубатовым из Москвы, и что Зверев «в этом деле положительно дошел до виртуозности»³⁰. Восстановление писем совершалось с необыкновенной точностью: бралось во внимание качество бумаги, ее размер, глянец, водяные знаки, чернила, умышленно сделанные точки и другие особенности письма. Подделанные письма через почтамт отсылались по назначению.

Часто в письмах пересылались партийные издания: листовки, небольшие брошюры, газеты, журналы. Эти издания пополняли библиотеку Департамента полиции, иногда оставались в делах по переписке по той или иной организации.

Кроме вышеназванных дел в Департаменте полиции перлюстрация хранилась в комплексе в V отделении Особого отдела, который в настоящее время именуется коллекцией перлюстрированных писем³¹. К материалам коллекции работники V отделения часто обращались при расшифровке документов. Как правило, в этой части материалы хранились 10 лет, затем они уничтожались. Хотя и считается, что Коллекция содержит письма за 1883—1917 гг., хронология эта условна ³². За ранние годы сохранилось очень мало документов, и основная масса материалов охватывает 1906—1917 гг.

Собранные в коллекции документы можно разделить на несколько групп. Основная группа документов — это перлюстрированные письма: простые, химические, шифрованные, скалькированные, подлинные. Вторая группа документов — переписка Департамента полиции с местными ГЖУ, со старшим цензором Петербургского почтамта по вопросам дешифровки

С. 283.

материалов. Эта сравнительно небольшая группа дел ³³ интересна

тем, что вскрывает не только методы розыскной деятельности полиции, но и проливает дополнительный свет на пути и способы конспирации, применявшиеся в тот период революционными организациями.

Вопрос шифровки чрезвычайно интересовал Департамент полиции. В материалах данной группы дел встречаются различные таблицы по расшифровке переписки, материалы о шифрах различных партийных организаций. Как сообщалось в переписке Департамента полиции с отделом цензуры Петербургского почтамта в ноябре 1906 г., для переписки с Екатеринославом Московский областной комитет использовал для шифровки писем «Доклад Ленина»³⁴. в донесении за ноябрь 1912 г. указывалось, что для деловой переписки с Лениным выборщику по рабочей курии Московской губернии Савинову предложено шифровать свои письма по книге Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе», издание десятикопеечной библиотеки³⁵.

Социал-демократы, эсеры, деятели других революционных организаций, безусловно, и догадывались, и знали, что определенное число писем, все-таки, проходит перлюстрацию, поэтому даже к зашифрованной переписке относились осторожно. Приходилось изобретать новые шифры переписки. Использовались каталоги разных фирм, между строк писался нужный текст химическими чернилами.

Революционеры использовали для шифровки произведения самых разных авторов. Так, в октябре 1907 г. начальник Киевского охранного отделения доносил в Департамент полиции, что для переписки между собой социал-демократические организации, входящие в состав южного района, установили шифр по поэме Пушкина «Евгений Онегин», причем разница числителя и знаменателя первой дроби обозначает главу поэмы, а в последующих дробях числители обозначают строки, знаменатели — буквы строк ³⁶.

В коллекции перлюстрированных писем хранились записи и переписка о химических и шифрованных письмах, которые были изъяты при обысках и арестах. В случаях, когда местные жандармские управления не в состоянии были их расшифровать, они пересылались в Департамент полиции.

Довольно интересная переписка шла между Департаментом полиции и Московским охранным отделением по поводу расшифровок записей в записной книжке Н.Ф.Агаджановой³⁷, арестованной по делу Московской организации РСДРП. В течение нескольких месяцев сотрудники Департамента пытались расшифровать ее записи, но безуспешно³⁸.

Иногда в переписке пользовались условными текстами. Так, информационное бюро южных организаций РСДРП в своей переписке предполагало использовать следующие тексты³⁹ для телеграмм.

Объявлена забастовка — покупка совершается; осуществлена забастовка — покупка сделана; забастовка прекратилась — векселя опротестовали; восстание солдат — Абрам едет; восстание солдат продолжается — Абрам выехал; восстание окончено — Абрам будет; вооруженное частичное выступление пролетариата — высылайте товар; массовое вооруженное выступление — высылайте деньги; восстание крестьян — высылайте векселя; Дума собралась — дядя приехал.

В этой же части коллекции собирались рекомендации Департамента старшему цензору об установлении усиленного наблюдения за перепиской тех или иных лиц.

В марте 1913 г. Департамент требует «ос[обо] гадательного] наблюдения»⁴⁰ за корреспонденцией члена Государственной Думы Г.И. Петровского. А через несколько месяцев появилась записка Броецкого, заведующего Особым отделом Департамента, в которой он напоминал цензурному комитету о необходимости «ос[обо] тщ[ательного] наблюдения» за адресами членов Государственной Думы Тулякова, Хаустова, Шагова, Манькова, Муранова, Петровского, Малиновского, Бурякова⁴¹. В материалах этой же переписки имеются также просьбы местных ГЖУ о переводе писем с иностранных языков и языков различных наций и народностей России, фигурируют в (делах и сами тексты. В целом данная группа документов позволяет достаточно глубоко проникнуть в лабораторию розыскной деятельности Департамента, связанной со слежкой за личной перепиской.

Все поступавшие в коллекцию письма регистрировались в журналах входящей и исходящей корреспонденции⁴². Журналы на химические письма и простые велись отдельно. Регистрация химических писем была более подробная, чем простая. В сведениях о них выяснялось: от кого письмо, к кому, иногда краткое содержание, движение письма, то есть остается ли оно в Департаменте, отсылается ли в цензуру для отправки адресату. По записям в них можно реконструировать некоторые письма, уничтоженные по истечении срока хранения.

Самая большая группа документов, накапливавшихся в коллекции, это непосредственно перлюстрация. Если брать коллекцию в целом, то общее число писем в ней составляет приблизительно 100 000. Более половины их падает на годы после революции 1905—1907 гг.

Тематика перлюстрированных писем чрезвычайно разнообразна. И

если касаться всех писем, то есть писем революционеров,
С. 285.

сановников, либералов, черносотенцев, то здесь и материалы, характеризующие эпоху, время, и говорящие об отношении различных слоев общества к тем или иным мероприятиям правительства, а также событиям в политической жизни. Диапазон мнений, отраженных в письмах, настолько широк, что по ним можно проводить социологические исследования. Основная масса перлюстрированных писем связана с вопросами рабочего, профессионального, крестьянского, студенческого движения на различных этапах, положением в городе и деревне, настроениями в армии и на флоте. Большое количество документов связано с деятельностью различных революционных партий и организаций, перепиской их с центром, получением директив центра, информацией о положении на местах, партийной печатью и ее распространением.

Имеется переписка, характеризующая деятельность монархических организаций, земского и городского союзов, прогрессивного блока. Довольно большой объем материалов связан с оценкой и критикой деятельности властей, правительственной политики, министерства внутренних дел, а также Государственной думы и ее членов. Много материалов о положении на окраинах России.

Самое большое количество писем сохранилось в коллекции за 1907 г. Коллекция отразила поток писем с мест к депутатам Государственной думы от рабочих, крестьян, причем подавляющее их большинство не носило конспиративного характера. В них рассказывалось о притеснениях, содержались просьбы о помощи. В переписке встречаются и документы с требованиями политического характера, написанные в форме наказа депутатам⁴³.

После третьеиюньского переворота идет целый поток писем с осуждением этой меры правительства.

В качестве иллюстрации можно привести несколько выдержек из писем, в которых отразилось отношение разных кругов русского общества. Директор Тульской гимназии Н.Г. Высотский, не отличавшийся особой благонадежностью, писал одному из своих знакомых: «Итак, Думу разогнали, и г. Крыжановский составляет новый избирательный закон, иначе говоря, новую конституцию. Эта новая конституция есть упразднение конституции. Столыпин и К^о показали, что пока они и им подобные стоят у власти, конституционный образ правления в России немыслим. Третья Дума — это новый Департамент министерства внутренних дел, где будут неукоснительно исполнять волю начальства

разные более или менее истинно русские люди, набранные распоряжениями губернаторов и стараниями исправников. Новый избирательный закон — это циничное издевательство над политическим сознанием народа...»⁴⁴.

285

Другое, не менее характерное письмо, его отправительница, студентка, пишет письмо своей подруге в Берн. «У нас на лекциях присутствует теперь жандармский офицер. Протестовать никак нельзя, потому что в случае протеста курсы сейчас бы закрылись, а нам важно было ведь сохранить их, так как главная цель приехавших, конечно, заключается в организации. Всякая внешняя жизнь прекратилась, но зато началась подпольная работа»⁴⁵. Отправительница еще одного письма, из Тверской губернии пишет, что, чем чаще «будут разгонять Думу, тем скорее народ поймет, что от правительства он ничего хорошего не получил и пойдет вперед...»⁴⁶ Большая группа писем отражает деятельность различных партий и организаций РСДРП, СДКПиЛ, эсеров, анархистов в период, когда власти уже готовились нанести решающий удар по революции. Среди писем встречается переписка кадетов, октябристов, отражающая их настроения в этот период.

Тяжелое положение в ряде партий, особенно в партии эсеров в связи с предательством Азефа, проблема провокации и борьбы с ней остро стоит в этот период перед всеми революционными партиями, и это также находит свое отражение в переписке.

Как свидетельствуют письма коллекции, уже в 1908 — 1909 гг. в общественном мнении начинают происходить серьезные изменения, предвещающие новый революционный подъем. Даже некоторые из представителей самой правящей верхушки России уже не заблуждаются по поводу надвигающихся событий, костромской губернатор Веретенников в письме к генерал-адъютанту А.Н. Куропаткину в 1908 г. пишет: «Внешнее успокоение только кажущееся, революция работает успешно и все более проникает в народ. Полуинтеллигентные освободители поняли: без серьезной сознательной поддержки народа в России ничего не поделаешь, и они работают. Работают с неистощимой энергией и настойчивостью, осторожно и осмысленно, умудренные опытом последних трех лет...»⁴⁷

Об этом довольно интересно пишет князь Кочубей из Петербурга П. Закревскому в Токио: «Внутренние неурядицы все продолжают, и хотя на вид стало спокойно, но на самом деле идет усиленная работа, так что мое впечатление — что мы сидим на вулкане. Одним словом, весь государственный механизм находится на точке замерзания перед своим

окончательным падением...»⁴⁸

Письма за 1909—1911 гг. отражают значительно возросшую активность революционных организаций, ссылки. Резко возрастает количество бандеролей и писем в Россию с вложениями газет, листовок, брошюр. Писем с нелегальными вложениями (а они порой шли как заказные) было настолько много, что

286

вызвало отдельную переписку между Департаментом полиции и начальником Воронежского ГЖУ, который писал: «...принимая во внимание, что распространение означенных изданий не может не оказывать крайне вредного, развращающего влияния на местное население, прошу не отказать сделать соответствующее распоряжение, чтобы получаемые из-за границы... [письма]... и другие издания, содержащие в себе суждения противоправительственного направления, начальниками почтово-телеграфных учреждений не доставлялись адресатам...»⁴⁹

Дела, сформированные за 1909—1911 гг., изобилуют подлинными конвертами, в которых пересылалась литература различных партий разным лицам. Здесь сведения и о пересылке «Пролетария», «Социал-демократа», «Рабочей газеты»^{5*}, эсеровской газеты «Знамя труда» и т.д.

Вступление России в Первую мировую войну сопровождалось дальнейшим усилением полицейской слежки. В коллекции отложилось большое количество писем, характеризующих настроение населения и отдельных слоев, их отношение к войне. В одном из таких писем говорится: «Если бы, дорогой Ш, знал, что у нас делается! В городе тоска — стыдно смотреть, кругом горе, всюду едут, едут с узлами, глаза заплаканные, женщины кричат. Где же подъем, о котором пишут газеты? Везде чувствуется, что войны не хотят. Ты, наверное, читаешь про оживление, про манифестации. Вечером режут — жутко становится, двери запирают. Представь себе толпу без конца из подростков и хулиганов и полицейских. Лица неинтеллигентные, красные носы, нахальные глаза. Кричат, а сами смотрят, кому бы в зубы дать. Сегодня получила письмо из деревни, пишут: кругом один ужас, крики, стоны, рыдания не прекращаются. Берут ужасно много, из одной фабрики около нас взяли 700 человек из 4000, а из нашего пригорода 7000. Я ненавижу войну, но не думаю, как Леля, что идти в сестры на войну, значит, признавать ее. Я уйду, ты ведь отпустишь меня? Я сделаю все, что могу, и к тебе вернусь знающей...»⁵²

Два перлюстрированных документа свидетельствуют о принятии административных мер к деятелям высокого ранга.

В перехваченном письме бывшего московского градоначальника А.А. Рейнбота от 17 декабря 1908 г. к О.Г. Рейнбот, родственнице в С.-Петербурге, выражалось возмущение проверкой, которую возглавлял бывший директор Департамента, сенатор Н.П. Гарин. «Немного не понял твоего совета о спокойствии, — пишет Рейнбот. — Более спокойно и хладнокровно действовать, как я действую против этих мерзавцев Гарина и К0, кажется, трудно. Прибавь к этому, что приходится с моим характером сидеть пассивно, несмотря на всю сплошную ложь и клевету этого правительственного прохвоста. Я слышал, что

287

в Петербурге уже немного прозрели, и, крайне сожалею, что ходят слухи о недопущении дела до суда. Тогда бы гласно на весь мир можно было указать, какой негодяй Гарин и его приспешники»⁵³.

Второе письмо от 10 декабря 1908 г. из Закаспийской области от лица, подписавшего свое письмо «Коля», в Москву В.А. Лебедеву. Видно, он стоит близко к административным кругам и описывает свое впечатление от проводимой ревизии. «Ревизия Палена составляет сейчас злобу дня всего Туркестана. Большинство лиц, сталкивавшихся с ревизором и его помощниками, отзываются о нем очень нелестно. Указывают на грубость обращения и целый ряд приемов, недопустимых при ревизиях. Очень немногие, наоборот, хвалят. Как бы то ни было, целый ряд представителей администрации полетел с мест и предан суду за взятки, растраты и проч. Говоря откровенно, большинство жуликов вышло сухими из воды и только малая доля их попалась. Возможно, что пострадали и относительно невинные. Говорю относительно, так как здесь вся русская администрация является преступной со своими попечениями о "процветании края", использовании "втуне лежащих земель" и пр. Туземцы, по-видимому, остались довольны ревизией, хотя, воспитанные в строгих началах уважения к начальству, во многих местах предлагали ревизорам деньги. В общем, пожалуй, ревизия окажется скорее вредной, чем полезной. Смещение нескольких администраторов будет только поддерживать напрасную веру в русское правосудие, а, между тем, в ожидании следующей ревизии здесь разыграется немало историй грабежа и всякого рода утеснений. Говорят, в Питере предлагают как-то переменить управление...»⁵⁴

Отложившиеся в делах Департамента полиции, охранных отделений и жандармских управлений материалы перлюстраций — это не только свидетельство своеобразных методов борьбы режима с противоправительственной деятельностью, но и, как пыталась показать

автор на некоторых примерах, — ценнейшая часть источниковедческой базы для изучения общественно-политической жизни России.

§ 2. Библиотека революционных изданий

Среди разнообразных материалов и документов, широко использовавшихся органами политического сыска, заметную, а порой и незаменимую роль играли материалы библиотеки революционных изданий.

Библиотека начала формироваться еще в III Отделении. С созданием Департамента полиции она была передана в 3-е делопроизводство,

С. 288

а затем периодически входила в состав Особого отдела и 4-го делопроизводства. В библиотеку революционных изданий включалась литература, изданная в России и за границей, направленная против «особы императора» и режима в целом.

В библиотеке собирались нелегальные издания различных партий и общественных организаций: студенческих, учащихся, профессиональных, а также листовки, посвященные разным событиям, таким как 9 января, 1 Мая, выборы в Государственную думу, крупные забастовки.

До первой русской революции процесс накопления литературы в библиотеке шел очень медленно, что объяснялось отчасти слабой издательской деятельностью революционных организаций. В годы революции резко выросла издательская деятельность нелегальных организаций, местных партийных комитетов, общественных организаций. Многие из этих материалов начинают поступать в библиотеку. Департамент полиции, стремясь к более полному знанию о положении дел на местах, издательской деятельности местных партийных организаций, требует от начальников ГЖУ присылки материалов, выпускаемых и распространяемых нелегальными и легальными организациями.

Особенно активно пополняется библиотека революционных изданий за счет листовок — самых мобильных и оперативных видов пропагандистской литературы. В библиотеку поступает литература разных партий и направлений. В их числе даже листовка, выпущенная полицейскими.

Процесс накопления литературы в библиотеке шел за счет перехвата посылок и писем с вложением листовок и газет и бандеролей с вложениями нелегальной литературы. Такой корреспонденции и материалов было настолько много, что корпус жандармов вынужден был издать специальный циркуляр «О передаче таможенными чинам корпуса жандармов пересылаемых из-за границы бандеролей с революционными изданиями»⁵⁵. Пополнение библиотеки шло и за счет изъятия печатных

изданий при обысках и арестах. Но последний способ до 1908 г. практиковался реже, так как изъятые материалы в своем большинстве фигурировали на политических процессах в качестве вещественных доказательств, а после суда и вынесения приговора уничтожались. В результате поступление литературы этим путем носило случайный характер, и многие издания были безвозвратно утрачены, что вызывало нарекания со стороны ряда представителей местных властей. Так, в своей докладной записке предводитель дворянства Самарской губернии писал: «Эти материалы представляют большой государственный интерес, так как среди них встречается ряд чрезвычайно интересных рукописных и печатных изданий, ярко характеризующих

С. 290.

переживаемую эпоху во всех проявлениях и оттенках, ввиду чего, казалось бы, этот материал, систематически подобранный, имел особую ценность для имеющего быть основанным в Москве Музея русского революционного движения. Во-первых, для того, чтобы бороться с врагом, надо знать его силы и настроения, и в этом отношении часть упомянутого выше материала, где с особой ясностью разработан план кампании против существующего правительства и намечены пути к захвату власти с подробным распределением боевых революционных сил, — эта часть должна быть использована с целью более верной и успешной борьбы с боевыми революционными организациями России...»⁵⁶

Так как уничтожение вещественных доказательств предусматривалось особой статьей закона, вопрос в конце концов «утрачивается» на уровне министерств. В апреле 1908 г. министром юстиции было издано циркулярное распоряжение, которое предписывало прокурорам судебных палат и окружных судов «препровождать в Департамент полиции все имевшие значение вещественные доказательства по политическим делам, книги, рукописи, письма, заметки и т.п. печатные и рукописные материалы, поступающие по окончательном разрешении сих дел и прокурорскому надзору для уничтожения»⁵⁷. Изданный циркуляр способствовал тому, что в Департамент полиции без всякого разбора стали присылаться все вещественные доказательства. Работники Особого отдела Департамента в первую очередь отбирали из них нелегальные издания. В апреле 1909 г. Департамент полиции направил предписание заведующему заграничной агентурой: «По встретившейся надобности Департамент полиции просит Ваше Высокоблагородие впредь высылать в Департамент в одном экз. газеты, издающиеся в Берлине, Вене, Париже и Лондоне по программе социалистов-революционеров и социал-демократов на немецком,

французском, английском языках, как то: "Le tribune", "Vorwarts" и др.». В результате в библиотеке отложилось огромное количество изданий, опубликованных как в России, так и за границей русскими революционными организациями.

Библиотека революционных изданий переживает своего рода «второе рождение». В 1908 г. назначается новый библиотекарь Панкратьев. Им была введена система научно-справочного аппарата к литературе и, в первую очередь, к книгам и брошюрам. По его инициативе были заведены две картотеки: 1) по фамилиям авторов, 2) «по предметам»⁵⁸.

Тщательно коллекционировались работы А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина.

Поступающей в библиотеку литературой широко пользовались жандармы, особенно был высок интерес к ней у лиц, занимавшихся политическим розыском. Некоторые из них,

С. 291.

чувствуя свою некомпетентность в программных и политических установках революционных организаций, с которыми им приходилось вести борьбу, внимательно изучали соответствующие материалы.

Библиотека имела «читательский спрос» не только в центре, но и на местах. Так, начальник Калужского ГЖУ в феврале 1905 г. пишет в Департамент: «...Обнаружилась также крайняя необходимость иметь эти (партийные. — З.И.) издания в управлении для ознакомления офицеров, производящих дознание, с программами противоправительственных организаций в России». Далее он конкретизирует свою просьбу: «Ходатайствую перед Департаментом полиции о снабжении вверенного мне управления ежегодно и своевременно газетами "Искра", "Освобождение", "Революционная Россия"; на случай же, если мое ходатайство будет признано не подлежащим удовлетворению, испрашиваю разрешение мне выписывать названные мною газеты, причем покорнейше прошу указать мне порядок, каким названные газеты должны быть выписываемы мною»⁵⁹.

Интересно в этом плане и обращение в Департамент полиции военного губернатора Кронштадта А.А. Бирилева. 13 февраля 1905 г. он писал директору Департамента Лопухину: «Как военный губернатор г. Кронштадта, в коем находится весьма значительное число рабочих, я, при современном усилении роста рабочего движения, считаю необходимым следить всесторонне за таковым, знакомясь со взглядами по этому вопросу как правительственных сфер, так и с требованиями антиправительственных групп. Ввиду этого я имею честь просить Ваше превосходительство не

отказать в распоряжении о высылке мне из вверенного Вам Департамента полиции заграничных изданий /.../, которые по прочтении мною будут возвращаться»⁶⁰.

С более конкретной просьбой обращается 28 января 1908 г. помощник начальника Таврического ГЖУ подполковник П.Н. Кравченко: «По производимому мною формальному дознанию "об образовавшемся в г. Мелитополе социал-демократическом кружке", встречается надобность установить, существуют ли в числе запрещенной литературы издания:

1) Н. Ленин (в тексте "Левин"). "К деревенской бедноте",

2) Л. Мартов. "Рабочее дело в России". Автор письма просит Департамент разъяснения на этот счет. Еще один пример: 22 сентября 1908 г. прокурор Вятского окружного суда обратился в Департамент полиции: «Ввиду производящихся в настоящее время в округе Вятского окружного суда дел о преступлениях, предусмотренных 102 ст. Уг. Ул., является крайне желательным иметь для сведения мне и моим товарищам, при квалификации состава означенного преступного деяния печатные произведения: 1) брошюры-протоколы объединенного

291

съезда РСДРП, состоявшегося в Стокгольме в 1906 г, 2) [тексты] двух резолюций съездов РСДРП, состоявшихся и 1907 г. в Лондоне и близ Гельсингфорса»⁶¹. Перечень таких просьб можно продолжить. Как свидетельствуют те же архивные документы, все просьбы такого рода удовлетворялись.

Как видим, библиотека была функциональной частью Департамента полиции, способствовавшей борьбе с революционным движением. Одновременно Департамент полиции предписывал охранным отделениям собирать у себя подобные библиотеки, и в ряде охранных отделений такие библиотеки существовали.

К сожалению, библиотека целиком, как она была собрана и Департаменте полиции, не сохранилась. Она серьезно пострадала в февральские дни 1917 г. Многие ее материалы оказались утерянными, попали в частные руки. Какая-то часть материалов была сохранена работниками ленинградского отделения Академии наук. Оставшаяся часть материалов послужила основой создания коллекции нелегальных изданий ГА РФ. До 1957 г. коллекция входила в состав фонда Департамента полиции отдельной описью. В настоящее время это самостоятельный фонд — 1741.

Примечания

1 См.: Брикнер А. Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II

Русская старина. 1873. Т. VII. С. 75 — 84; О перлюстрации писем в начале XIX века (секретная переписка О.П. Козодавлева с Д.П. Руничем) см.: Красный архив. 1927. 6(25). Л. 201.

2 Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994. С. 97 — 98.

3 Вплоть до Александра II русские цари лично интересовались перлюстрацией, сами прочитывали письма. Имеются сведения, что Александр I перлюстрировал письма своей матери. Шильдер Н.К. Император Павел I; он же. Император Александр I. СПб., 1897. С. 362 — 364; Дневник Вилламова. Русская старина. 1912. Кн. 1. С. 38; Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 11; Из воспоминаний М.Е. Бакая. О «Черных кабинетах» в России // Былое. Париж, 1908. № 7. С. 119—133; Черняев В.Ю. К изучению эпистолярных источников начала XX в. (Контроль почтовой переписки) // Проблемы отечественной истории. М.; Л., 1976. С. 134—155; Перегудова З.И. Важный источник по истории революционного движения // Исторический опыт Великого Октября. К 90-летию академика Минца. М., 1986. С. 376 — 390; Измозик В.С. Глаза и уши режима // Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918 — 1928 гг. СПб., 1995; Калмыков А.Ю. К вопросу о роли «Черных кабинетов» в системе политического сыска в начале XX века // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 76 — 83.

4 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 75. Л. 99об.-100. Бенкендорф писал: «Перлюстрация — это есть одно из главнейших средств к открытию истины: представляя, таким образом, способ к пресечению зла в самом его начале, она служит также указателем мнений и образа мыслей публики о современных происшествиях и разных правительственных мерах и распоряжениях».

5 Исключение составлял Тифлисский пункт. В 1909—1917 гг. он подчинялся Департаменту полиции. ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 100 Об.

6 По смете МВД ст. цензору на работу всех перлюстрационных пунктов отпускалось 107000 рублей, кроме того, отпускалось 58000 из средств Департамента полиции. См.: Каторга и ссылка. 1927. 8(37). С. 98.

7 Ст. 1104 Уложения о наказаниях предусматривала отстранение чиновника от должности, если почтовые служащие распечатывают письма «хотя из одного только любопытства; если содержание письма будет сообщено другому», то предусматривалось заключение в тюрьму от 4 до 8 месяцев». Ст. 1102. Если почтовый чиновник «из-за каких-либо видов» согласится с кем-либо передавать письма, адресованные на имя другого

лица «без дозволения последнего» приговаривается к тюремному заключению или ссылке на поселение. См.: Уложение о Наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1912. С. 701.

8 Измозик В.С. А.Д. Фомин и М.Г. Мардарьев: к истории «Черных кабинетов» в России. Конец XIX — начало XX в. // Из глубины времен. № 9. 1997. С. 59-65.

9 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 33 об.

10 «Черный кабинет». Из воспоминаний бывшего цензора. Былое. 1918. № 13. С. 185-197. и Там же. С. 186-188.

12 ГА РФ. Ф. 1467. Записка И. Зыбина вице-директору Департамента полиции А.Т. Васильеву от 12 июля 1913 г. — 49 чел. См.: Каторга и ссылка. 1927. № 8(37); Кантор Р. К истории «Черных кабинетов». С. 90.

13 Валк О. Из правительственных настроений в эпоху I Государственной Думы // Красный архив. 1926. № 4(17). С. 214-215; он же. К истории аграрных мероприятий, 1906 г. // Красный архив. С. 215 — 216; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 281. Л. 48.

14 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 101.

15 Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1159. Л. 16.

16 См.: Былое. 1918. № 13. Л. 186.

17 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 4об. Допрос Яблочкова В.М. Ст. цензор Московского почтамта, май 1917.

18 Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 88об., 102об.

19 В подсчете за 1907 г. нет сведений о письмах, которые перлюстрировались по списку министра внутренних дел.

20 Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. М., 1917. Л. 5.

21 В Департаменте имеются следующие дела с заголовками: «Надзор за перепиской частных лиц» (Ф. 102.00. 1905. Д. 1666); «Разработка шифрованных документов» (Ф. 102.00. 1907. Д. 121); «О задержанных телеграммах и письмах» (Ф. 102.00. 1907. Д. 160); «Разработка шифрованных писем и документов» (Ф. 102.00. 1908. Д. 49); «Разработка секретных сведений» (Ф. 102.00. 1909. Д. 157); «О задержанных телеграммах и письмах и вообще о наблюдении за частной корреспонденцией» (Ф. 102.00. 1913. Д. 45).

22 ГА РФ. Ф. 102.00. 1909. Д. 211, Л. 2.

23 Там же. Ф. 102.00. 1907. Д. 160.

24 Там же. Л. 21, 16.

25 Там же. Ф. 102.00. 1909. Д. 157.

26 Фонд Департамента полиции не перерабатывался. Автор приводит заголовки дел так, как они даны в описи, как заведены в самом

Департаменте полиции.

27 ГА РФ. Ф. 102.00. 1913. Д. 45. Л. 22, 26, 29, 30, 31.

28 Ляндрес С. Конец одного навета (о судьбе орловского писателя И.Е. Вольнова) // Литературная Россия. 1961. № 22. 31 мая.

29 См.: ГА РФ. Ф. 102.00. 1916. Д. 46. Т. 2. Л. 225-226.

30 Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1249. Л. 2об.

31 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1-1248.

32 Там же. Ф. 102. Оп. 265, за 1883 г. - 8 дел; 1884 - 8 дел; 1885-1897 - дела отсутствуют; 1898 - 1 дело; 1899-1900 - дела отсутствуют; 1901-1903 - 9 дел; 1904 - 6 дел; 1905 - 3 дела.

33 Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1072-1178.

34 Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1169. Л. 47об.

35 Там же. Д. 1110. Л. 50.

36 там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1095. Л. 58.

37 Агаджанова Н.Ф. (1889—1974), профессиональный революционер, в советское время киносценарист, один из авторов сценария фильма «Броненосец Потемкин». См.: Лейберов И.П., Перегудова З.И. Подвиг Нунэ. Лениздат, 1985.

38 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1110. Л. 14.

39 Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 39, Л. 70об. Письмо из Харькова от 25 июля 1906 г. в Симферополь Грановскому.

40 Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1164. Л. 32.

41 Там же. Л. 75.

42 Там же. Д. 1179-1200.

43 Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 145 Л. 155.

44 Там же. Д. 213. Л. 40. Письмо от 8 июня 1907 г. « Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 217. Л. 14.

46 Там же. Л. 26.

47 Там же.

48 Там же. Л. 2.

49 Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 349. Л. 15, 15об.

50 Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 357, 349, 409-420 и т.д.

51 Письмо из Москвы от 29 июля 1914 г. за подписью Варя к А. Рубакину. Имеется пометка о наблюдении за этими письмами. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 975. Л. 14.

52 Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 344. Л. 95.

53 Там же. Л. 98.

54 Там же. 1908 г. Д. 154. Т. 1. Л. 3-4.

55 Там же. 1912 г. Д. 63. Л. 283.

56 Там же. 1908 г. Д. 433. Л. 6.

57 Перегудова З.И. Библиотека революционных изданий Департамента полиции // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. Межвузовский сборник Московского ордена «Знак Почета» государственного историко-архивного института. 1985. С. 108-114.

58 Там же. 4 д-во. 1908. Д. 98. Л. 135об.

59 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1902. Д. 1457. Т. 3. Л. 17-18.

60 Там же. Л. 35.

61 там же. 4 д-во. 1908. Д. 98. Л. 32, 139.

Глава 8.

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

По мере роста оппозиционных настроений и общественных организаций в поле зрения полиции попадают практически все области общественной жизни. Согласно инструкциям Департамента полиции наблюдение велось за рабочими на фабриках и заводах, их профессиональными организациями, страховыми кассами, за настроением крестьян и крестьянским движением, за кооперативными организациями, за легальными просветительскими, благотворительными обществами, библиотеками. Строго регламентировался порядок разрешения устройства публичных лекций, концертов, собраний. В поле зрения оказались молодежные организации, народные университеты, различные курсы, образовательные и научные экскурсии, учащиеся различных учебных заведений. Надзору подлежали также представители оппозиционного движения, прогрессивная интеллигенция, велось наблюдение за съездами ветеринарных и фабричных врачей, русских психиатров, пироговскими съездами, съездами писателей. Следили за служащими земств, которые не вступали открыто на путь революционной борьбы, но так или иначе выражали свое недовольство существующим порядком и, как считали в Департаменте, «при определенных обстоятельствах они вступят на революционную дорогу и сыграют свою роль».

Тщательное наблюдение устанавливалось за легальной и, особенно, нелегальной печатью. Почти ежегодно заводились дела и в Особом отделе, 4-м делопроизводстве, связанные с празднованием 1 Мая, Международного женского дня. Были заведены специальные дела о юбилеях А.И. Герцена. Л.Н. Толстого, Т.Г. Шевченко. Не остались без внимания и представители различных религиозных течений: баптисты, адвентисты, духоборы, штундисты.

Служба велась и за представителями либеральных кругов, которые в

переписке Департамента часто назывались «симпатиками». Масса дел заводилась на отдельных лиц, политическая благонадежность которых оказалась под сомнением.

295

Уже из этого перечня, причем далеко не полного, розыскной деятельности Департамента и его структур очевидно, что сколько-нибудь основательное ее освещение и анализ потребовали бы специального исследования и, скорее всего, не одного/ Поэтому, уделив основное внимание борьбе Департамента с открыто противоправительственными, революционными партиями (чему посвящены, в основном, все предыдущие главы)¹, автор в данной главе сконцентрировалась на усилиях политического сыска по наблюдению и контролю над двумя видами общественной деятельности, находившимися, если можно так выразиться, на ее полюсах. В первом случае, то есть в случае с профсоюзами, автор попыталась осветить отношение властей к одной из наиболее массовых общественных организаций, которые в своей совокупности являлись и общественным движением. Во втором же случае (кинематограф и грамзаписи) — к одному из направлений культурной жизни, общественная значимость которого в рассматриваемый период непрерывно возрастала.

Такого рода избирательность, естественно, не позволяет дать адекватное представление об отношениях полиции ко всему спектру общественной активности дореволюционной России. Однако она и не сводится, с точки зрения автора, к чистой иллюстративности. Ибо это не просто взятые наобум «иллюстрации», но весьма характерные направления деятельности Департамента полиции в данной сфере, дающие возможность и какой-то мере судить об этой деятельности в целом.

§ 1. Департамент полиции и профсоюзы

Несмотря на обширную литературу по истории профсоюзного движения в дореволюционной России¹, в ней отсутствуют специальные исследования, в которых анализировалась бы деятельность Департамента полиции, направленная на ослабление этого движения и его связей с революционными организациями. Поскольку до революции 1905 г. существовали лишь зачаточные формы профессиональных союзов², Департамент полиции начинает проявлять интерес к этим организациям лишь после того, как возникают предпосылки превращения их в серьезную политическую силу, то есть после январских событий 1905 г. Именно в этот период во многих городах России создаются профессиональные комиссии, стачечные фонды и стачечные комитеты, заводские комиссии, на базе которых вырастают профессиональные организации. В некоторых отраслях

промышленности создаются профессиональные союзы как таковые. Это были профсоюзы печатников, металлистов, портных,

296

булочников, башмачников, конторщиков, приказчиков, фармацевтов. В течение лета 1905 г. идет быстрый рост и укрепление профессиональных организаций. В Москве, Петербурге, Харькове создаются центральные бюро профессиональных союзов для объединения их деятельности. Активистами движения ставится задача объединения деятельности профсоюзов не только на местах, но и во всероссийском масштабе.

Особенно бурный рост профсоюзов наблюдался в октябре 1905 г. В этот период создаются профессиональные организации работников самых разнообразных профессий: текстильщиков, рабочих игрушечных фабрик, домашней прислуги, садовников, техников, ювелиров, почтово-телеграфных служащих, железнодорожников и т.д. Тяга к объединению по профессиям захватывает работников как физического, так и умственного труда. В одном из писем, перехваченных Департаментом полиции, посланном из С.-Петербурга 3 июля 1905 г. за подписью «Александр Ро...» к Ольге Тягуновой в Цюрих, говорится: «В Питере все стихло, но внутри сильное брожение... Элементы общества, вчера еще индифферентные, сегодня становятся уже ненавистниками теперешнего порядка. Союзы растут, как грибы, и в количестве достигают часто больших размеров (Союз конторщиков — 6000 ч.). Железнодорожники Центральной России организовались в союз. Большинство союзов носит радикальный и социалистический отпечаток»³.

Большую активность проявили профсоюзы в дни декабрьского вооруженного восстания. Союзы и организации возникали явочным порядком. Воспользовавшись провозглашенной манифестом 17 октября свободой союзов, рабочие и служащие создавали их без обращения к властям за разрешением. Становилось очевидным, и в том числе для самих властей, что профессиональное движение пустило такие корни и получило такой размах, что никакими силами не удастся остановить его. Обеспокоенное таким поворотом дела, оно стремилось ввести профессиональные союзы в жесткие, неполитические рамки, взять их создание, организацию под свой контроль.

С самых первых шагов профсоюзного движения его организации попадают в поле зрения как местной полиции, так и Департамента полиции и его Особого отдела. Как отмечалось в гл. 2, само его создание было прежде всего реакцией властей на быстрый рост рабочего движения. С 1898 г. в Особом отделе были заведены специальные дела, связанные с

выступлением рабочих в разных районах России.

Вызванная революцией 1905 г. волна создания профессиональных организаций рабочих, значительная часть которых включилась в активную революционную борьбу, сразу же вызвала ряд ответных мер со стороны Департамента полиции.

297

Уже в 1905 г. в нем заводятся дела на Всероссийский союз железнодорожных служащих, Всероссийский союз тружеников печатного дела, Бюро союза портных, портных и скорняжных мастерских, Харьковский союз рабочих для защиты своих прав, Союз архангельских рабочих, Социал-демократический профессиональный союз служащих в торговых заведениях Королевства Польского и Литвы, Профессиональный союз рабочих волокнистого промысла, Союз рабочих конно-железных дорог в С.-Петербурге, Всероссийский союз лесных кондукторов, Социал-демократический союз мучного промысла, Союз рабочих по обработке металла, Союз рабочих булочного и кондитерского производства⁴ и т.д. Заводятся дела и на ряд союзов интеллигенции и служащих: Всероссийский учительский союз и деятелей по народному образованию, Всероссийский союз народных учителей и учительниц средней школы, Союз профессоров и преподавателей высших учебных заведений, Всероссийский союз инженеров и техников, Союз российских журналистов, Союз адвокатов, Союз чиновников, Союз приказчиков, Союз торговых служащих, Союз конторщиков и бухгалтеров, Союз часовщиков, Всероссийский Союз агрономов, Всероссийский Союз фармацевтов, Всероссийский Союз врачей, Союз канцелярских и вольнонаемных служащих в правительственных учреждениях, Союз почтово-телеграфных чиновников, Союз гуманистов⁵.

Над всеми этими организациями устанавливается наблюдение, поступающие о них сведения откладываются в делах, используются для выработки мер по пресечению их «противоправительственной деятельности». Объектом особого внимания со стороны полиции становились съезды и конференции профсоюзов. На них также заводятся дела⁶. В 1905 г. в Департаменте формируются дела со справками по профессиональным союзам⁷, в которых освещается создание и деятельность Союза союзов и ряда профессиональных союзов интеллигенции. Заведенные дела продолжают пополняться новыми документами и после революции.

Из документов Особого отдела и подведомственных ему ГЖУ следует, что события 1905 г. захватили буквально врасплох. На основании

поступающей в Департамент полиции информации срочно разрабатывается система мер, призванная воспрепятствовать «вредной деятельности профсоюзов».

Одним из первых циркуляров, изданных только что назначенным на вновь созданную должность заведующего политической частью Департамента полиции Рачковским, был циркуляр от 2 июля 1905 г., направленный против профессиональных союзов и организаций. В нем указывалось: некоторые союзы «обратились в настоящее время к крайне вредной

298

противоправительственной деятельности и тем вызывают необходимость бороться с ними всеми имеющимися в распоряжении, администрации мерами. Департамент полиции уведомляет об изложенном Ваше высокоблагородие для зависящих распоряжений относительно учреждения надлежащего наблюдения за деятельностью существующих на местах организаций этого характера и недопущения впредь, согласно приказанию тов. министра зав. полицией, никаких собраний членов упомянутых союзов, в случае же обнаружения таковых собраний, немедленно распускать их, переписав всех собравшихся, и о последующем доносить Департаменту»⁸. Особое внимание он обращает на такие организации, как Всероссийский железнодорожный Союз, почтово-телеграфный Союз, считая, что их члены на случай забастовки представляют самую большую опасность для государства, поскольку они парализуют железные дороги и прерывают телеграфную связь. Серьезное внимание обращается на профсоюзы учителей, особенно тех, кто преподает в народных школах и может повлиять на настроение населения.

В сентябре 1905 г. также за подписью Рачковского рассылаются циркуляры, извещающие о деятельности Всероссийского железнодорожного Союза, о плане его действий, выработанных на съезде в Москве, о принятии им платформы социал-демократов⁹.

В ноябре 1905 г. за его же подписью следует специальный циркуляр о деятельности Союза и в связи с только что прошедшей октябрьской стачкой. «Признавая необходимым иметь полную осведомленность о главных руководителях политической забастовки, бывшей в минувшем октябре месяце и выразившейся, главным образом, в приостановке железнодорожного движения в империи. Департамент полиции... просит... сообщить, в самом непродолжительном времени, подробные сведения как обо всех вообще руководителях означенной забастовки, так, главным образом, о старших железнодорожных агентах, находящихся на службе в

управлениях и по линиям местных железных дорог., равно и о тех низших железнодорожных служащих, которые проявили активную деятельность по организации забастовки, оказывая нравственное воздействие на подчиненных им служащих дороги и помощь...»¹⁰

Во исполнение циркуляра в Департамент поступает масса сведений с мест о деятельности Всероссийского Союза железнодорожных служащих, списки участников забастовки¹¹ с информацией об их деятельности. Этому Союзу придается настолько большое значение, что он становится в центре внимания Департамента и местной полиции. 22 февраля 1906 г. всем начальникам ЖПУ ж. д. и охранных отделений рассылается циркуляр № 679 о принятии мер к выяснению личного состава

299

Центрального бюро районных комитетов, а через несколько дней (14 марта) в связи с получением сведений о возможной железнодорожной забастовке рассылается депеши о необходимости арестовать всех лиц, подозреваемых «в подстрекательстве»¹².

Как уже отмечалось выше, вопросам общественных движений в этот период придается столь важное значение, что в ходе перестройки структуры Особого отдела на первый план в его деятельности выдвигаются задачи борьбы именно против этих движений.

Однако быстро наладить эту работу не удастся. Заведующий Особым отделом А.Н. Тимофеев в докладной записке, составленной в декабре 1905 г., пишет о трудностях работы и о том, что «если в деле политического розыска среди служащих имеется какая-то специализация и распределение обязанностей, то в руководстве борьбой против общественного движения царит неразбериха». Работа делается служащими «случайно», в зависимости от имеющегося у каждого чиновника времени, «масса срочных переписок сосредоточена в отделении общественного движения, очень сложных, требующих держать в памяти все подробности дела»!³.

Столкнувшись с быстрым ростом профессиональных союзов, Департамент полиции вместе с другими правительственными учреждениями стремится выработать стратегическую линию по отношению к ним. Потерпев поражение в попытке наложить запрет на их деятельность полицейскими мерами, они пытаются ввести их в определенные юридические рамки. Как было отмечено, союзы создавались явочным порядком на базе провозглашенной манифестом 17 октября 1905 г. свободы союзов. Перед властями встал вопрос о необходимости разработки законодательства о союзах. Разработка законопроекта была поручена инженеру Ф.В. Фомину, старшему делопроизводителю Главного по

фабричным делам присутствия (бывшему профессору Томского технологического института). В самом начале работы над проектом, которая протекала в условиях нарастающей революционной волны, столкнулись два противоположных мнения: требование о защите профессиональных союзов от «полицейского самоуправства» и позиция правительственных кругов, настаивавших на взятии под контроль деятельности союзов, создании их.... с разрешения соответствующих органов, ограничении деятельности в строго установленных рамках устава. После декабрьских событий 1905 г. под нажимом правительства проект закона претерпевает изменения¹⁴ в сторону ужесточения. В этом виде 4 марта 1906 г. Николай II подписал проект, получивший название «Временных правил» об обществах и союзах, куда входил и примерный Устав профессионального общества рабочих. В правилах

300

говорилось, что профессиональные общества имеют своей целью «выяснение и согласование экономических интересов,, улучшение условий труда своих членов или поднятие производительности принадлежащих им предприятий», а также: «а) изыскание способов к устранению посредством соглашения или третейского разбирательства недоразумений, возникающих на почве договорных условий между нанимателями и нанимаемыми; б) выяснение размеров заработной платы и других условий труда; в) выдача пособий своим членам; г) устройство касс; д) устройство библиотек, профессиональных школ, курсов, чтений...¹⁵

Во «Временных правилах» говорилось о недопустимости организационных связей между различными союзами одной местности и однородными союзами разных городов. Союзы ставились в полную зависимость от административной власти. Губернатор и губернское по делам об обществах присутствие являлись опекунами над союзами. От них зависело все: разрешение на создание союза и его запрещение, закрытие, если он, по их мнению, «угрожает общественному спокойствию или порядку, или принимает явно безнравственное направление». «Временные правила» были призваны направить деятельность профсоюзов в удобное для властей и администрации предприятий русло. Основываясь на них, власти стали закрывать многие союзы, отказывали в их регистрации, что также было равносильно их закрытию.

Через несколько месяцев после вступления в силу «Временных правил» Советом министров было издано циркулярное распоряжение, воспрещавшее лицам, состоящим на государственной службе, служащим правительственных учреждений по найму принимать «участие в

политических союзах», причем не только явно революционных, но и тех, которые «себя открыто не причисляют к революционным, но в программах своих деятельно стремление к борьбе с правительством»¹⁶. В октябре 1906 г. Департаментом полиции был издан циркуляр с обращением к начальникам ГЖУ и ЖПУ ж. д. с предписанием «строго следить за деятельностью возникающих союзов и обществ и сообщать об их возникновении и деятельности, особо обращать внимание на лиц, состоящих на государственной службе или занимающих должности, соединенные с правами таковой»¹⁷.

Этим и другими циркулярами Департамент стремился усилить внимание местных властей к деятельности союзов и давал понять, что лучшее средство к прекращению их противоправительственной деятельности — это их закрытие. Однако поскольку к этому времени профессиональные союзы достаточно укрепились, выработали свои уставы и программы, Департамент уже не мог ограничиваться лишь такого рода призывами.

301

Необходимы были более действенные меры и целенаправленное руководство борьбой с общественным движением. В самом Департаменте происходит новая реорганизация, призванная поднять его роль как руководителя местных органов. В результате деления в июле 1906 г. Особого отдела на два независимых друг от друга отделения, в его структуре возникает подразделение (Особый отдел «Б»), которому поручаются вопросы наблюдения и борьба с общественным движением. Как указывалось в положении об этом отделе, объектом его деятельности становились и «профессиональные союзы, имеющие политический характер и не имеющие такового», революционные выступления среди рабочих, крестьян, учащихся. Особо выделялись железнодорожные служащие, телеграфисты. Спустя полгода на базе Особого отдела «Б», как указывалось выше, создается новое подразделение — 4-е делопроизводство, куда переходят и все функции Особого отдела «Б». Наряду с наблюдением за рабочим и крестьянским движением ему вменяется в обязанность наблюдение за политическим направлением деятельности легальных обществ, союзов, регистрация уставов обществ и профессиональных союзов. При всем том, несмотря на принятые решения, вопросы профессионального движения продолжают оставаться в поле зрения Особого отдела Департамента. Периодически то Особый отдел, то 4-е делопроизводство издают циркуляры, связанные с профсоюзами. Трусевич берет под личный контроль многие вопросы профессионального

движения.

Материалы Департамента полиции наглядно свидетельствуют о том огромном значении, которое придавали органы политического сыска профессиональному движению, той жесткой системе контроля, которому подвергались профсоюзные организации. В 1907 г., несмотря на то, что Особый отдел и 4-е делопроизводство в вопросах профессионального движения размежевались, именно в Особом отделе продолжают сосредоточиваться основные нити борьбы Департамента с профессиональным движением, его революционными связями.

В 1907 г., в дополнение к уже существующим в этой структуре делам, было сформировано общее дело (37) о профсоюзах, заводятся дела об отдельных профсоюзах («о союзе строительных рабочих» (д. 59), «о союзе рабочих по металлу» (д. 71), «о союзе ткачей, прядильщиков и красильщиков» (д. 82), «о профессиональном союзе рабочих графических искусств» (д. 169), «о союзе фармацевтов» (д. 168), «о профессиональном союзе фельдшеров, о предстоящем съезде профессиональных союзов» (д. 340), «о союзе городских» (д. 392), «профессиональный союз межевых служащих» (д. 415). Одновременно дела, в которых сосредоточиваются материалы по

302

наблюдению за почтово-телеграфным и Всероссийским ж.д. союзами. На следующий год, исходя из того, что многие профсоюзы в своей деятельности ориентировались на партийные организации, были с ними тесно связаны, наряду с делами о профсоюзах в 4-м делопроизводстве, начинается формирование дел о профессиональном движении (с индексом 17) и по Всероссийскому союзу учителей и деятелей по народному образованию (индекс 31) в Особом отделе Департамента. Здесь уже заранее готовятся индексы дел и заводятся сами дела, которые формируются из документов по профессиональному движению в различных губерниях России.

Практически между Особым отделом и 4-м делопроизводством Департамента не прошло четкого размежевания. В Особом отделе оказались партии и профсоюзы с ясной политической ориентацией, в 4-м делопроизводстве — все остальные.

Все документы, шедшие с мест, перехваченные письма, сосредоточивались в упомянутых делах. Сведения эти изучаются, берутся на заметку все данные о предполагаемых съездах, конференциях, совещаниях. На базе поступающих документов и сведений Департамент издает циркуляры, которые знакомят местные органы власти с положением

профессионального движения в стране, предписывают конкретные меры борьбы.

В феврале 1907 г. в связи с перехватом Департаментом полиции вопросных листов, рассылавшихся Центральным бюро профессиональных союзов в провинциальные города, Департаментом издается циркуляр, предписывающий всем начальникам ГЖУ и охранных отделений установить личности делегатов на предполагаемый съезд¹⁸.

В мае 1907 г. издается циркуляр общего характера, подписанный директором Департамента и предписывавший усилить внимание к профессиональным организациям и борьбе с социал-демократическим влиянием в них. В циркуляре говорилось: «В последнее время замечается широкое повсеместное развитие профессиональных союзов. Начало возникновения означенных союзов было положено еще в 1905 году "Российскою социал-демократическою рабочею партией", имевшей целью таким путем использовать в интересах революционного движения беспартийные элементы и создать из профессиональных корпораций политически организованную силу... Вследствие особо напряженной деятельности социал-демократов профессиональные союзы принимают уже вполне определенный облик социал-демократических организаций и потому являются весьма опасными для государственного строя». Циркуляр требовал обратить особое внимание на личный состав и характер деятельности профсоюзов. Их легализация допускалась только в порядке Закона 4 марта 1906 г. и лишь при наличии несомненных

303

данных «об отсутствии их связей с социал-демократическими группами». В циркуляре говорилось о необходимости немедленного их закрытия «при первых попытках с их стороны к отступлению от установленных пределов деятельности». Одновременно предписывалось закрывать такие союзы, а их руководителей привлекать к уголовной ответственности по ст. 125, 126 или 102 Угол. Улож.¹⁹. Этим циркуляром деятельность многих профессиональных союзов фактически приравнивалась к деятельности социал-демократических организаций, и открывался широкий простор для репрессий.

Несмотря на принимаемые меры, авторитет и влияние социал-демократов в профессиональных союзах продолжали расти, некоторые из них выступали с открытой поддержкой социал-демократической платформы. Такое направление развития профессионального движения вызывало обостренную реакцию правительства и Департамента полиции. Директор Департамента требует от своего помощника Курлова

исчерпывающих сведений о состоянии профессионального движения по всей России, мотивируя свою просьбу связями профсоюзов с революционными организациями. Одновременно он намечает широкий план наступления на профсоюзы, который должен получить одобрение правительства. В записке, направленной Курлову по вопросу профессиональных союзов, Трусевич указывал на «необходимость всестороннего обсуждения в Совете министров или Особом совещании отношения правительства к профессиональным союзам, в целях облегчения последним осуществления их задач законным путем и пресечения им возможности оказывать содействие революционным организациям». Он требовал тщательного выяснения всех существующих профессиональных союзов в империи путем запроса об этом циркулярно губернаторов и градоначальников, настаивая на том, чтобы указать губернаторам и градоначальникам на необходимость бдительного надзора за деятельностью профессиональных союзов и закрытия таковых «по ст. 33 Закона 4 марта 1906 года в случаях, предусмотренных этим Законом, и неразрешения возобновления закрытых союзов под иными наименованиями». Департамент обязывался незамедлительно составлять подробные доклады о тех профессиональных союзах, которые «уклонялись от законной деятельности». Сотрудники же его должны были регулярно и тщательно знакомиться с легальной и подпольной литературой этих союзов. Для этой цели предлагалось вменить в обязанность Главного управления по делам печати сообщения обо всех подобных изданиях в Департамент полиции.

27 июля 1907 г., очевидно в развитие этих предложений, в 4-м делопроизводстве был подготовлен циркуляр с обращением

304

к начальникам ГЖУ и охранных отделений с требованием прислать данные о положении профессионального движения в своей местности, представить экземпляры выпущенной ими литературы, списки легальных обществ, сведения о нелегальных союзах, о деятельности тех и других и о мерах борьбы с ними, о закрытии союзов и попытках тех же «лиц к домогательству о новых детализациях». В циркуляре говорилось о необходимости принятия мер к пресечению деятельности (не легализировании) Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию²⁰. В тот же день был издан очередной циркуляр о пресечении «вредного воздействия» профсоюзов на массы: «Широкое распространение в последнее время профессиональных обществ, находящихся большею частью под влиянием революционных организаций

и имеющих своей задачей создание из рабочих масс прочно сплоченной политической силы, представляет серьезную опасность для государственного порядка и вызывает необходимость неукоснительного наблюдения как за практической их деятельностью, так и за всяким изменением теоретического обоснования выработанных ими программ». Циркуляр рекомендует «обращать внимание как на легальную, так и нелегальную деятельность, литературу, по мере обнаружения которой представлять несколько экземпляров в Департамент полиции»²¹.

Циркуляры, связанные с вопросами профессионального движения, идут не только за подписью директора Департамента полиции, но и товарища министра внутренних дел. Тесная связь профессионального движения с социал-демократическим движением побуждает Департамент усилить внимание к тому, как эти вопросы рассматриваются на партийных съездах. Все партийные решения в отношении профессиональных союзов Департамент полиции доводит до сведения местных ГЖУ, требуя от офицеров, занимающихся розыском, знания этих решений, знакомства с профессиональной литературой. Трусевич поручает своим подчиненным «составить особый сборник уставов всех революционных и профессиональных организаций»²². В циркулярах приводятся выдержки из партийных решений об отношении к профсоюзам, в частности, резолюция Стокгольмского съезда РСДРП²³.

Через несколько дней после окончания работы VII Международного социалистического конгресса в Штутгарте Департамент полиции 1 октября 1907 г. за № 137020 издает и рассылает начальникам охранных отделений и ГЖУ циркуляр с решениями конгресса, в том числе и об отношении к профессиональному движению²⁴. 14 октября 1907 г. Департамент издает еще один циркуляр в дополнение к только что разосланному, в котором указывалось: «Принимая во внимание, что

305

профессиональные союзы... будут являться впредь проводниками социал-демократических и социально-революционных идей.., безусловно необходимо вести самую упорную борьбу с подобным направлением деятельности названных союзов»²⁵. Вновь обращается особое внимание на деятельность Всероссийского железнодорожного²⁶ и почтово-телеграфного союзов²⁷, их изданий. На основании полученных с мест сведений в сентябре 1907 г. издается новый циркуляр, который информирует полицейские власти о положении дел в почтово-телеграфном союзе: «Во всех крупных центрах России и даже в некоторых уездных городах существуют местные организации почтово-телеграфного союза»,

часть их имеет свою платформу, «большинство коих носят вполне социал-демократическое направление»²⁸. Департамент особенно обеспокоен связью с другими союзами, он пытается выяснить «не вошел ли (союз) в соглашение с железнодорожным (союзом) на случай забастовки»²⁹.

По мере роста профсоюзного движения, руководство Департамента уделяет все больше внимания его изучению. Собираются и систематизируются газетные вырезки с материалами о деятельности профсоюзов, о конференциях и съездах³⁰, перехватываются воззвания, листовки различных комитетов, касающиеся вопросов профессионального движения³¹, постановления РСДРП о работе в профсоюзах, уставы, отчеты профессиональных союзов. На основании собранных материалов составляются аналитические записки, справки, в том числе о решениях съездов, конференций РСДРП по вопросу профессионального движения³², постановления ЦК РСДРП о работе социал-демократов в профсоюзах³³, об организации при ЦК РСДРП «Особой профессиональной комиссии» для объединения и согласования работы социал-демократов в союзах³⁴. В справке о комиссии приводится ее обращение ко всем социал-демократическим организациям с извещением о создании комиссии и ее задачах, изданное ЦК РСДРП отдельной листовкой. Показательно, что это обращение было размножено в Департаменте полиции и рассылалось на места начальникам ГЖУ и охранных отделений для изучения и принятия к сведению³⁵. Несколько позже (в апреле 1909 г.) обращение было использовано товарищем министра внутренних дел Курловым в записке о профессиональном движении, в которой он пытался проанализировать отношения социал-демократической и социал-революционной партий к профессиональному и кооперативному движению. В записке были пунктуально выписаны все основные положения обращения профессионально-кооперативной комиссии³⁶.

На первом съезде начальников районных охранных отделений, состоявшемся в Петербурге в апреле 1908 г., в числе

306

других стоял и вопрос о профессиональном и кооперативном движении, об использовании этого движения «противоправительственными партиями». Начальникам охранных отделений вновь напоминалось, что они должны тщательно контролировать деятельность профсоюзов и представлять «подробные записки» по поводу «развивающегося профессионально-кооперативного движения»³⁷.

Однако требование Департамента не всегда выполнялось, и в ноябре 1908 г. следует еще циркуляр с напоминанием о немедленном

представлении записки³⁸ о состоянии профессиональной работы на местах. После революционных событий 1905—1907 гг. в результате активного наступления на профсоюзы, массовых обысков и арестов организаций и их руководства происходит снижение числа профсоюзов³⁹.

Особенно много было закрыто профессиональных организаций в Москве (39) и Петербурге (49)⁴⁰. Основной мотивировкой закрытия союзов было «участие в стачках», «уклонение от закономерной деятельности», «деятельность, угрожающая общественному порядку», «устройство нелегальной сходки под видом собрания», «обнаружение нелегальной литературы при обыске». В Петербурге и Москве на таких основаниях арестовывались многие руководители профессиональных обществ, редакторы различных профессиональных изданий, к примеру — «Вестника печатника», «Листка портных», «Листка булочников», «Общества красильщиков», «Вестника рабочих по обработке дерева»⁴¹.

География арестованных союзов была велика. Наряду с руководителями профсоюзов репрессиям подвергались и рядовые члены. Примером такой практики может служить целый ряд дел, сохранившихся в 7-м делопроизводстве Департамента⁴². Власти арестовывали и высылали членов профсоюзов также на основании Положения о чрезвычайной и усиленной охране, действовавшего во многих губерниях. Мотив чаще всего был тот, что их деятельность «угрожает общественному порядку». На случай выступлений, участия профсоюзов и их членов в забастовочном движении, Департамент разработал предупредительные меры, идя при этом на прямое нарушение закона от 2 декабря 1905 г. о ненаказуемости рабочих за участие в экономических забастовках.

Стремясь противостоять репрессиям, некоторые закрытые профсоюзы продолжали свою деятельность под другим названием. Прекращалась легальная деятельность, но продолжалась нелегальная работа. Некоторые организации умудрялись иметь два устава: один для правительства, официально утвержденный, а другой «для себя». Массовое закрытие профсоюзов, аресты их членов и руководителей, судя по докладом, не давали

307

ожидаемого эффекта, и Департамент с тревогой констатирует, что профсоюзы «революционируются» и в будущем могут создать «громадную опасность для государства».

Растущее беспокойство властей по поводу деятельности профсоюзов отражено, в частности, в записке начальника Рижского охранного отделения Балабанова о роли профессиональных союзов и

профессионального движения в стране. Он говорит о решениях Стокгольмского и Лондонского съездов РСДРП, Штутгартского конгресса в отношении профсоюзов, о роли партий в профессиональном движении, указывает на то, что профсоюзы всеми силами стремятся обойти «подводные камни Закона 4 марта», что они выполняют предписания закона настолько, насколько этого требует правительственная власть (выдача пособия своим членам, устройство касс, библиотек, профессиональных школ, курсов и т.д.). В остальном же «деятельность профессиональных союзов совершенно не согласуется с Законом 4 марта». Так, общества деятельно устраивают вечера, лекции, денежные сборы в пользу библиотек, а в действительности все средства идут на «политическую работу — скрывающимся от преследования и революционной эмиграции». Довольно интересно заключение, к которому пришел Балабанов: «Должен доложить, что профессиональные союзы, в случае новой революционной вспышки, явятся готовыми, распропагандированными кадрами повстанцев, а находящиеся в их распоряжении средства обеспечат материальный успех восстания»⁴³.

Волна забастовок, прокатившаяся по всей России в апреле—мае 1912 г. в знак протеста против расправы над рабочими на Ленских приисках, вызывает к жизни еще один циркуляр, который, подтверждая все ранее изданные циркуляры в отношении профсоюзов, призывает усилить борьбу с ними. В циркуляре говорилось: «В последнее время революционные организации задались целью использовать в видах пропаганды всякую легальную возможность и усилить энергию партийной работы в профессиональных союзах и других рабочих организациях, образуя, где есть возможность, партийные ячейки...». Органы политического сыска призывались «к прежней энергичной борьбе с вышеописанными преступными поползновениями революционных партий»⁴⁴.

В очередной записке Департамента о профессиональном движении обращалось самое серьезное внимание на стремление большевиков к «самому тесному и прочному сближению союзов с социал-демократической партией»⁴⁵.

С осени 1913 г. тревога власть имущих усиливается. С мест все чаще идут донесения о «неспокойном» состоянии городов губернии. 3 октября 1913 г. в Департамент полиции поступает

308

донесение начальника Петербургского охранного отделения о настроении в городе, в котором сквозит озабоченность состоянием революционных сил. «...Нынешняя революционная волна, — говорится в

донесении, — постепенно нарастая, к настоящему моменту достигла уже значительной степени напряжения. Эта широкая стачечная волна постепенно захватывает все более и более широкие круги рабочих... В последнее время эти массы находятся в таком состоянии, что достаточно самого малейшего повода, чтобы заставить их бастовать»⁴⁶. А далее следует весьма красноречивое признание: «Что касается принятых каких-либо предупредительных мер в виде ликвидации профессиональных организаций, то их можно считать бесполезными, так как нынешнее забастовочное настроение носит характер своего рода психоза; в некоторых случаях ликвидации могут оказаться даже и вредными, так как в данное время настроение таково, что ликвидация может только ускорить взрыв забастовочного движения»⁴⁷.

Красной нитью почти через все руководящие циркуляры, посвященные профсоюзному движению и отдельным профсоюзам, проходит призыв к насаждению в организациях секретной агентуры. К внедрению агентуры в профсоюзы Департамент призывал еще в 1906, 1907 гг. Те же требования, но с еще большей настойчивостью повторяются в 1910 и 1912 гг. Результаты, однако, были ничтожны. Завести секретную агентуру если и удавалось, то с большим трудом⁴⁸.

30 сентября 1912 г. созывается совещание незадолго до того созданной «Комиссии по вопросу о профессиональном и кооперативном движении и мерах борьбы с забастовочным движением», в которую входили представители Департамента полиции, Штаба корпуса жандармов, некоторые начальники охранных отделений. На совещании обсуждался все тот же вопрос о состоянии профессионального движения в губерниях и наличии агентуры. После обмена мнениями выяснилось, что «во многих местностях представители жандармского надзора вовсе не имеют сведений о том, какие организации того или другого типа существуют во вверенных им районах...»⁴⁹. Что касается агентурной осведомленности, то совещание пришло к выводу: «Так как общее количество профессиональных и кооперативных организаций слишком велико и исключает всякую возможность обзаведения агентурой во всех этих организациях, то агентурному обследованию, казалось бы, должны подлежать только те организации, которые в той или другой форме соприкасаются с неблагонадежными элементами». Но и в подобном «суженном» виде решение поставленной задачи оказалось невыполненным. Не помогла и попытка подключить

совещании).

Ведя постоянный надзор за деятельностью профсоюзов, правительство, местные власти не удовлетворяются существующими Временными правилами 4 марта. Уже сразу после их издания раздаются голоса о том, что необходимо принять «решительные» меры и «вообще закрыть» все профессиональные союзы, так как партии находят различные пути и лазейки и обходят Временные правила.

Однако не все полицейские чины рассуждали таким образом. Некоторые из них считали, что необходимо приступить к разработке нового, «постоянного» закона. Понимая, что остановить профессиональное движение репрессивными мерами нельзя, Департамент в одной из своих записок указывал, что репрессии только заставят рабочих «объединиться и организоваться нелегально и тем самым это затруднит борьбу с подпольными организациями». В записке говорилось: «для правительства несравненно удобнее, чтобы профессиональные организации функционировали открыто и гласно, так как при этих условиях легче осуществлять правительственный надзор за ними...», а посему «заккрытие профсоюзов не соответствует требованиям времени»⁵⁰.

В конце 1907 г. чиновники особых поручений Дьяченко и Блажчук, прикомандированные к Департаменту полиции, приступили к сбору материалов о существующих профсоюзах и подготовке законопроекта об обществах и союзах⁵¹. Блажчуком была составлена довольно объемная записка о профессиональном движении в России⁵², в которой были использованы все поступающие с мест сведения об этом движении. Одновременно, осенью 1907 г., министр внутренних дел Столыпин начинает переписку и консультации с бывшим народовольцем, а теперь редактором-издателем газеты «Московские ведомости» Л.А. Тихомировым, который готовит для Столыпина «Доклад относительно заявления о запросе по поводу преследования профессиональных союзов рабочих» и различные документы и характеристики отношений социал-демократов и профессиональных союзов, подборку материалов о профсоюзах Запада. Для Столыпина им была составлена записка о недостатках закона 4 марта⁵³.

Созданное Межведомственное совещание по выработке Закона об обществах и союзах⁵⁴ разработало довольно объемный проект⁵⁵, в котором была специальная глава «О профессиональных обществах». В Межведомственном совещании представителем Департамента полиции являлся Блажчук, который при обсуждении проекта закона вносил предложения, направленные на его ужесточение, и требовал «более

бдительного

310

и реального надзора за профессиональными обществами, куда особенно часто проникает пропаганда со всеми ее последствиями». Он же выступил против предоставления профессиональным обществам права иметь отделения, так как это «безусловно опасно с политической точки зрения»⁵⁶. В том же духе выступили и другие члены совещания.

В результате при пересмотре Временных правил об обществах и союзах 4 марта все внимание было сосредоточено на введении все новых и новых ограничений. Согласно подготовленному проекту, работник, которому не исполнилось 17 лет, не мог быть членом профсоюза. Если же ему уже исполнилось 17 лет, он мог быть принят в члены профсоюза, но не имел права участвовать в собраниях до тех пор, пока ему не исполнится 21 год. В руководящие же органы профсоюза мог быть избран лишь тот, кому исполнилось 25 лет. Ограничивался прием в члены профсоюза в зависимости от стажа работы на предприятии. Рабочий, имеющий стаж менее года, не мог быть членом профсоюза. Данный пункт проекта был специально направлен против активного состава рабочих, многим из которых в попытке уйти от преследования полиции приходилось часто менять работу. Был поставлен ряд других условий, при которых вообще не допускалось образование профессиональных обществ. Согласно проекту, профсоюзы должны были подавать властям по их первому требованию списки членов союза. Особенностью законопроекта явилось также расширение прав администрации по отношению к профессиональным обществам.

Как писала газета «Утро России», «когда бюрократия создает проекты, явно имеющие целью обеспечить существование профессиональных союзов только по имени, а не на деле, то это не изменяет положения ни в чем. Все равно, запрещаются общества совсем или разрешаются в таком несовершенном виде»⁵⁷.

Законопроект, по мысли его создателей, был готов, но каждое его обсуждение выясняло новые недочеты и несообразности: то не соглашался с чем-то Департамент общих дел, то министр внутренних дел, то Департамент полиции. Даже немецкая газета «Neue Loder Zeitung» писала: «Новый законопроект состряпан по шаблону законопроектов о печати и о полиции; взяли временные правила, ухудшили их, смешали с постановлениями дореформенного периода и законопроект готов»⁵⁸.

С течением времени в проект вносились все новые и новые ограничения, но он так и не становился законом. Газета «Jauna Deena»,

издававшаяся в Риге, писала 16 июня 1914 г.: «Так вот каков законопроект, который, по мнению министра внутренних дел, «будет способствовать процветанию в России

311

профессионального движения». Если профессиональным обществам было трудно в рамках Закона 4 марта, то с введением нового закона им будет легче: закон их искоренит».

Подготовленный законопроект так и не увидел света. Вопрос о профессиональных организациях, преследовании профсоюзов не раз поднимался в Государственной Думе⁵⁹. Однако решительно выступить в их защиту она так и не смогла.

Как видим, в результате преимущественно репрессивной направленности политики правительства, Министерства внутренних дел и Департамента полиции спорадические выступления отдельных лиц, и, в том числе, в самом Департаменте, в пользу более гибкой линии, нацеленной на поощрение конструктивной деятельности профсоюзов, так и остались гласом вопиющего в пустыне. Повторилась история с «зубатовщиной», с той лишь разницей, что после смещения Зубатова ни в правительстве, ни в Департаменте полиции не нашлось ни одной достаточно авторитетной фигуры, которая осмелилась бы возобновить начатое им дело.

Примечания

1 История профсоюзов СССР. Профиздат, 1969. Айзафт С.С. Профессиональное движение в России в 1905—1907. М., 1925; его же. Первый этап профессионального движения в России 1905 — 1907 гг. М., 1924; Арутюнов Г.А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910—1914 гг. М., 1975; Борщенко И.Л. Возникновение профсоюзов в России и их деятельность в 1905—1907. М., 1961; Колокольчиков П. 1905—1907 гг. в профсоюзном движении. I и II Всероссийская конференция профессиональных союзов. Изд. ВЦСПС, 1925; Гордон М.Я. Профессиональное движение в эпоху 1-ой русской революции. Л., 1926; Горелов И.Е. Большевики и легальные организации рабочего класса. М., 1980; Ерман Л.К. Участие демократической интеллигенции в стачечном и профессиональном движении 1905—1907 гг. М., 1965; Петербургский Союз рабочих золотосеребряного производства. Отчет. СПб., 1906; Пушкарева И.М. Железнодорожники России во Всероссийской октябрьской стачке. М., 1969; ее же. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975; Базиянц А.П. Возникновение и деятельность Союза нефтепромышленных рабочих (1905

— 1908). М., 1955; История Союза печатников (1904-1907). Ростов н/Д, 1923; Базилевич К.В. Основные моменты профессионального движения работников связи в 1905—1906 гг. М., 1926; его же. Очерки по истории профессионального движения работников связи 1905—1906. М., 1925; Романов Ф.А. Возникновение и деятельность профсоюзов текстильщиков. 1905 — 1907. М., 1955; Кабанов П.И. Рабочее и профсоюзное движение в Москве. 1905 — 1907 гг. М., 1955; Материалы по истории профессионального движения в Петербурге за 1905—1907 гг. Л., 1926; Келлер Л. С. Очерк истории нижегородских профессиональных союзов. 1905 — 1912. Горький, 1961; Революция 1905—1907 гг. в России и профсоюзы. М., 1975; Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации на рубеже XIX — XX вв. М., 1980; его же. Общественные организации России на рубеже XIX-XX вв. М., 1982.

Единственной легальной формой организаций трудящихся были кассы взаимопомощи, ссудосберегательные товарищества, общества взаимного вспоможения и т.д., которые в большей степени были развиты в западных губерниях России.

2 История профсоюзов СССР. М.: Профиздат, 1969.

3 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1905. Д. 999. Ч. 21. Л. 3. «Дело по наблюдению за союзом конторщиков, бухгалтеров и конторщиц».

4 Там же. Ф. 102. 00. 1905. Д. 999. Ч. 6. Ч. 6 Лит. А. Ч. 46. Ч. 50* Ч. 71. Ч. 74. Ч. 83. Ч. 94-97. Ч. 102. Ч. 104. Ч. 107. Ч. ПО.

5 Там же. Ф. 102. 00. 1905. Д. 999. 4.1. Т. 1. Т. 3. Т. 4. Ч. 2. Ч. 4". Ч. 5. Ч. 10. Ч. И. Ч. 18-23. Ч. 36. Ч. 42. Ч. 46. Ч. 50. Ч. 55. Ч. 83. Ч. 98.

6 Там же. Д. 1000. Ч. 14. Т. 1. Т. 2. Т. 3; О съезде представителей профессиональных союзов; Д. 1000. Ч. 6. О съезде лесных кондукторов,

7 Там же. Д. 999. Лит. Б.

8 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 12. Л. 199-201.

9 Там же. Ф. 102. 00. 1905. Д. 999. Ч. 6. Л. 95, 96.

10 Там же. Л. 153.

11 Там же. Д. 999. Ч. 6 Лит. А. Д. 2455. Д. 2455 Т. 2-6. Д. 2555. Д. 2555 Т. 2-10; Д. 2555 Лит. А; 1906. 1. Д. 529; 7. Ч. 14.

12 Там же. Ф. 102.00. 1905. Д. 999. Ч. 6. Л. 262.

13 Там же. 1905. Д. 444. Л. 258-260.

14 См.: подробнее Святловский В. В. История профессионального движения в России. Л., 1925. С. 247-275.

15 Временные правила 4 марта 1906 г.

16 ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1907. Д. 173. Т. 1. Л. 1п-1с.

17 ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1907. Д. 173. Т. 1. Л. 36.

18 Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 277. Л. 1. Циркуляр от 14 февраля 1907 г., № 2288.

19 Там же. Циркуляр от 10 мая 1907 г. № 72182.

20 Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1907. Д. 100. Ч. 2. Л. 73.

21 Там же. Оп. 260. Д. 277. Л. 4. Циркуляр от 27 июля 1907, № 73615.

22 Там же. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 14. Т. 1. Л. 13. Резолюция директора; Оп. 260. Д. 277. Дело с циркулярами о профессиональном движении.

23 Там же. ОО. 1906. I отд. Д. 25. Ч. 10. Л. 47об.-75.

24 Там же. ОО. 1907. Д. 356. Л. 87-102; Оп. 260. Д. 277. Л. 10-25.

25 Там же. ОО. 1907. Д. 356. Л. 106; Оп. 260. Д. 277. Л. 26-28.

26 Там же. Оп. 260. Д. 282. Л. 1-21.

27 Там же. Д. 284.

28 Там же.

29 Там же. Л. 4.

30 Там же. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 999. Лит. В. Л. 1-213; 1 отд., 1906. Д. 2. Ч. 5. Л. 19; Д. 2. Ч. 11. Л. 103; 1905. Д. 1000. Ч. 14, Т. 1. Л. 1-251; Д. 1000. Ч. 14. Т. 2. Л. 1-250.

31 Там же. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 3. Ч. 39. Л. 19; Д. 105. Ч. 1. Л. 10-12; II отд. 1906. Д. 5. Ч. 4; Д. 30; 1907. Д. 12. Ч. 67. Л. 218-219; 1908. Д. 35. Л. 52-53; Д. 5. Ч. 84. Л. 82-83, 70-79; См.: Ф. 1741 - Коллекция нелегальных изданий.

32 Там же. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 5. Ч. 16. Лит. А. Л. 35-37; 1908. Д. 8. Ч. 4. Л. 2об; 1912. Д. 307. Л. 65-67.

33 Там же. 1907. Д. 12. Ч. 67. Л. 218-219; 1908. Д. 5. Ч. 84. Л. 79.

34 Там же. 1912. Д. 17. Л. 2.

35 Там же. 1908. Д. 35. Л. 52-53; Д. 5. Ч. 84. Л. 82-83.

36 Там же. 1909. Д. 17. Л. 1-6об.

37 Там же. Оп. 260. Д. 277. Л. 37, ЦДП от 17 августа 1908, № 136955.

38 Там же. Оп. 260. Д. 277. Л. 30, ЦДП от 19 ноября 1908, № 68547.

39 Там же. Ф. 102. ОО. Д. 999. Т. 2. Л. 80. По подсчетам А.М. Гудвана, в период с 1906 по 1910 гг. властями были закрыты 497 профсоюзов. Гудван А. Свобода союзов. С. 266, 267; К истории Закона 4 марта 1906 г. // Вестник труда. 1924. Т. 7. С. 249-251. См. также: Хроника рабочего движения в России (с 3 июня 1907 г. по 31 декабря 1910 г.). М., 1981. 1982. Изд. Институт истории СССР АН СССР. Т. 1—4; Профессиональные союзы рабочих России 1905 — февраль 1917 г. Перечень организаций. М., 1985. Изд. Институт истории СССР АН СССР. Т. 1—2; Горелов И.Е. Большевики и легальные организации рабочего класса. М., 1980. С. 52 — 56, 193—196; Розенталь И.С. О количестве, численности и составе профсоюзов в царской

России // Вопросы истории. 1981. № 1. С. 55 — 71.

40 ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1916. Д. 128. Л. 2-93. 1908 г. Д. 236. Л. 116—128. Подсчеты по материалам Департамента полиции.

41 Там же. 1908 г. Д. 236.

42 «о членах и главарях местного стачечного бюро почтово-телеграфного союза» — с таким заголовком в 1906 г. было заведено дело в Эриванском ГЖУ о чиновниках Александропольской почтово-телеграфной конторы. ГА РФ. Ф. 102. 7 д-во. 1906 г. Д. 260. Л. 1-10. Интересно дело «О председателе профессионального союза рабочих Кемского лесопильного завода Алексее Андреевиче Давыдове». Ф. 102. 7 д-во. 1907. Д. 3406. По этому делу были арестованы: председатель союза, его заместитель и секретарь союза. Они обвинялись в произнесении речей политического характера, и на основании ст. 35 закона 4 марта 1906 г. профессиональное общество на Кемском заводе было закрыто «навсегда», а 126 человек, членов союза, были рассчитаны и удалены с завода. Полиция всегда находила повод к обыскам и арестам. На основании того, что в бюро профессиональных союзов в Ревеле происходят «разные сборища», как доносила полиция, была начата переписка в порядке Положения об охране «О ревельских профессиональных союзах, их бюро, руководителях союзов и их членах». Ф. 102. 7 д-во. 1908. Д. 1143.

Безусловно, правительство стремилось расправиться, в первую очередь, с руководителями профсоюзов. В связи с тем, что в 1908 г. помощнику начальника Таврического ГЖУ поступили сведения о деятельности профсоюза портных в г. Феодосии, его председателе Дубровском И.П., последний был арестован и привлечен к дознанию «О тайном союзе феодосийских портных». Ф. 102. 7 д-во. 1908. Д. 2757.

Когда у петербургской полиции появились данные об участии почтово-телеграфного чиновника Гейнемана Н.И. в издании профессиональной газеты «Молния», он был обыскан, арестован, заключен под стражу и привлечен к дознанию. Ф. 102. 7 д-во. 1908. Д. 788. При обыске газета не была обнаружена и данные обыска не подтвердили его участия в издании газеты, но найденные квитанции с печатью «почтово-телеграфного союза» и нелегальная литература были основанием для заведения на него дела.

И это не единичные дела. Участие в профессиональной конференции, членство даже в разрешенном союзе не уберегало от репрессий. Несколько примеров таких дел. «Об Алексее Чупахине, обвинявшемся в принадлежности к Всероссийскому железнодорожному союзу». Ф. 102. 7 д-во. 1907. Д. 3643, заведенному в мае 1907 г. в г. Риге. При обыске у него были обнаружены воззвания «К рабочим и служащим Риги-Орловской

ж.д.» и др. материалы, свидетельствующие о принадлежности к железнодорожному союзу. Решением Петербургской судебной палаты от 28 октября 1908 г. Чупахин, обвиненный по 1 ч. 126 ст. Уголовного уложения, был приговорен к трем годам крепости. Почти такая же судьба постигла слесаря Афанасьева М.Ф., обвинявшегося в принадлежности к Козловской организации Всероссийского железнодорожного союза. Ф. 102. 7 д-во. 1907. Д. 8631. Решением Саратовской судебной палаты, на основании той же 1 ч. 126 ст. Уголовного уложения, он был приговорен к году крепости.

В Либаве было заведено дело «О крестьянах Судмале, Умбовице, Борзнеке, принадлежащих к профессиональному союзу портных и швеек». Ф. 102. 7 д-во. 1907. Д. 8937. Несмотря на то, что в ходе следствия были выяснены чисто экономические задачи союза — улучшение положения принадлежащих к этому союзу ремесленников вообще, в частности же помощь безработным и швейкам, указанные члены союза были арестованы. Несколько месяцев шло следствие. Решением Петербургской судебной палаты от 10 сентября 1908 г. все они были признаны виновными по 2 ч. 125 ст. Уголовного уложения и заключены в тюрьму на три месяца каждый. Что касается их профессионального общества, об открытии которого они ходатайствовали еще в ноябре 1905 г., никакого ответа не было получено.

Довольно суровые меры предлагались местными властями в отношении членов Костромской и Макарьевской групп Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. Ф. 102. 7 д-во. 1908. Д. 1636. В течение нескольких лет шло следствие в отношении 44 учителей и деятелей народного образования Костромской губернии, обвинявшихся по 124 ст. Уголовного уложения. В апреле 1909 г., по окончании переписки, начальник Костромского ГЖУ ходатайствовал о высылке основной части привлеченных лиц в разные районы России на срок от двух до пяти лет. Подобное дело было заведено о Ново-Николаевской группе Всероссийского учительского союза. Ф. 102. 7 д-во. 1908. Д. 2296, и, основываясь на том, что группа была образована без соблюдения установленных законом правил, ГЖУ привлекло лиц, входивших в союз, по 124 ст. Уголовного уложения. И таких дел достаточно много.

43 ГА РФ. Ф. 102.00. 1905. Д. 1000. Ч. 14. Т. 3. Л. 1-5. Записка от 21 ноября 1908 г.

44 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 130. Л. 110-113. Циркуляр Департамента полиции от 30 сентября 1912 г. № 50202.

45 Там же. Ф. 102.00. 1912. Д. 17. Л. 3. Записка от 7 марта 1912 г.

46 ГА РФ. Ф. 102.00. 1913. Д. 20. Лит. Л. Красный архив. М., 1926. Т.

5(18). С. 222.

47 Там же.

48 Там же. Д. 3. Ч. 107. Лит. Б. Л. 21.

49 Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1912. Д. 285. Л. 5.

50 Там же. Ф. 102.ОО. 1907. Д. 37. Л. 760.

51 Там же. 1907 г. Д. 37. Л. 756.

52 Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 239. Л. 2-30; ОО 1910. Д. 17. Л. 1—29. См.: Первые шаги легализованного профессионального движения в России. Публ. Р. Кантора // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. 2. С. 108-109. Публикация неполная.

53 См.: Аврех А.Я. Столыпин и третья дума. М., 1968. С. 219-220; ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 251. Доклад о профессиональном движении в империи. Письма Л.А. Тихомирова к статс-секретарю Столыпину.

54 В состав Особого совещания при Министерстве внутренних дел вошли представители от Главного управления землеустройства и земледелия, Министерства юстиции, Министерства финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, народного просвещения, внутренних дел, се.и.в.к. по учр. императрицы Марии. См.: ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1910. Д. 14. Ч. 1. Л. 1—284. Материалы Межведомственного совещания по выработке Закона об обществах и союзах.

55 ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 239. Л. 205-215.

56 См.: Соединенный журнал совещания по выработке Закона об обществах и союзах заседаний 11, 18 и 22 мая 1910 г. ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 239. Л. 155—162. Замечания на проект Закона об обществах и союзах Блажчука. См.: ГА РФ СССР. Ф. 102. 2 д-во. 1910.. Д. 14. Ч. 1. Л. 21-22, 34-38, 40-41.

57 «Утро России». Москва, 1910. 3 октября.

58 Газ. «Neue Loder Zeitung». ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1910. Д. 14. Ч. 1. Л. 232.

59 ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 236. Ч. 1; 2 д-во. 1913. Д. 13. Ч. 10.

§ 2. Департамент полиции и новые направления в искусстве

Политическая полиция стремилась держать под своим контролем практически все области общественной жизни. Не была исключением и культура. Под постоянным наблюдением находились многие писатели, поэты, журналисты, артисты. Обилие материалов Департамента полиции, с которыми пришлось иметь дело при работе по составлению и рецензированию справок для Энциклопедии русских писателей конца XIX — начала XX в., позволяет сделать вывод о поистине всепроницающей слежке, которую осуществлял Департамент над писательской средой¹.

В наследство от Департамента полиции на его документы осталась огромная картотека, насчитывающая 2,5 млн. карточек на 2 млн. человек. Помимо деятелей революционного движения картотека включает имена лиц, причастных к искусству и оппозиционно настроенных к правительству. Здесь семья Стасовых, в квартире которых часто собиралась молодежь и деятели культуры, многие писатели и поэты, артисты, принимавшие участие в разрешенных и неразрешенных вечерах. Неоднократно мелькает в документах фамилия актрисы Лидии Яворской, часто выступавшей с декламацией в студенческих аудиториях.

Даже вышедшие порой с разрешения официальной цензуры, книги, спектакли, вызывавшие повышенный интерес

316

широкой публики, привлекали внимание Департамента, который настаивает на ужесточении цензуры, вмешивается в репертуар театров. Как правило, представители политического сыска имели бесплатные билеты в театр, присутствовали на спектаклях. По их настоянию, в частности, были сняты пьесы Гауптмана «Ткачи», «Вечерняя заря» и др.

В материалах 2-го, 3-го делопроизводств и Особого отдела Департамента отложилась переписка о литературных произведениях, научной литературе, театральных постановках. Идет наблюдение и за прессой², о чем имеется достаточно обширная литература.

Контроль распространялся как на российских авторов, так и на иностранцев. Сохранилась достаточно большая переписка, связанная с пребыванием в России американского путешественника, географа и писателя Д.Кеннана^{2а}, автора книги «Сибирь и ссылка». В 1906 г. его книга вышла на русском языке. Однако впоследствии по инициативе Департамента была запрещена.

Интересен циркуляр, изданный Департаментом полиции 2 сентября 1909 г. (подписанный директором Департамента Н.П. Зуевым), направленный губернаторам и градоначальникам по поводу выступлений другого иностранца — шведского композитора и собирателя песен сибирских ссыльных В.Н. Гартевельда. В циркуляре указывалось, что им издана брошюра «Песни каторги, бродяг, заводского населения и сибирских инородцев» в типографии П.П. Рябушинского с разрешения Московского комитета по делам печати. В разных городах, отмечалось в циркуляре, автор устраивает концерты с исполнением песен и особенным успехом пользуется «Кандальный марш», хоровое исполнение которого сопровождалось звоном кандалов.

«Вследствие сего, — предписывалось в документе, — и принимая во

внимание, что подобное исполнение означенного марша, внося нежелательное возбуждение в общественную среду, может вместе с тем вызывать сочувствие к преступным элементам, подвергшимся за свою деятельность законному возмездию, имею честь, согласно приказанию Господина Министра внутренних дел, уведомить Ваше превосходительство, что дальнейшее исполнение помянутого «Кандального марша» на концертах не должно быть допускаемо³.

Жесткие меры за устным и печатным словом шли по уже достаточно разработанной методике. Существовали списки произведений русской и иностранной литературы, которые по тем или иным причинам считались литературой «тенденциозного» содержания. Отработанные формы контроля существовали и над другими видами художественной продукции.

317

Значительно сложнее обстояло дело контроля и цензуры над появившимся в конце XIX в. новым видом искусства – кинематографом, а также над получавшими все более широкое распространение граммофонными записями. Учитывая слабую изученность деятельности Департамента по надзору над этими видами искусства, автор решила сосредоточить свое внимание здесь на анализе данного направления надзора.

С самых первых шагов Министерство внутренних дел столкнулось в этой новой для него сфере деятельности с рядом трудностей. Как контролировать киноленты, валики и пластинки?! На кого возложить задачу такого контроля?! По каким критериям определять лояльность фильмов и записей, не нанесут ли они вред нравственности? А если на валиках записаны агитационные и противоправительственные речи?! Кто конкретно должен всем этим заниматься? Во всем этом надо было срочно разобраться и выработать соответствующие правила и рекомендации.

Первыми забили тревогу таможенные службы, так как через границу стали перевозить оптом пластинки и киноленты. По существующим правилам почтовые посылки не подлежали цензурному рассмотрению. Что касается багажа отдельных лиц, то вначале было решено, что цензуру лент и записей должна осуществлять таможня. Но это была настолько большая, сложная и требующая специальных знаний и времени работа, что таможня очень скоро заявила, что это не ее дело.

Предполагалось привлечь к проверке пластинок и кинолент так называемую «иностранную цензуру», специализировавшуюся на просмотре материалов, поступающих из-за рубежа. В конце концов Министерство внутренних дел поручает контроль над пластинками и

кинематографом Главному управлению печати МВД. В соответствии с данным указанием к кинолентам и пластинкам были применены те же правила надзора, как и к печатной продукции⁴.

Инспектора на местах руководствовались в своей работе «Уставом о цензуре и печати». Фабрики граммофонных пластинок были приравнены к типографиям и литографиям, а места их продажи — к книжным магазинам. Но так же, как и с контролем над печатной продукцией, без участия Департамента, эту работу осуществить не удастся. В 1902 г. в Департаменте полиции во 2-м делопроизводстве заводится специальное дело под заголовком «О цензурном контроле валиков и кружков для граммофонов и т.п. инструментов, воспроизводящих целые пьесы и речи»⁵. Однако данный заголовок не раскрывает всего содержания дела. Помимо грамзаписей, значительное, а в последующие годы и основное место в деле заняли материалы, связанные с кинематографом.

318

В Департаменте понимали, что с развитием кинематографа, который становился все более популярным, с увеличением числа выходящих пластинок, которые проигрывались в чайных, пивных, увеселительных заведениях и стали модным развлечением, установить централизованный контроль не удастся. Поэтому с самого начала целый ряд вопросов контроля был передан местным губернаторам и градоначальникам, которые, в свою очередь, издавали «обязательные постановления» об устройстве и содержании театров-кинематографов.

Тем не менее, значительная часть вопросов продолжает оставаться в центре. Между местными властями, с одной стороны, Министерством внутренних дел и Департаментом полиции — с другой, постоянно шла переписка. Периодически вопросы культуры решал и Святейший Синод. В 1898 г. вышло постановление Синода, в котором говорилось «о воспрещении при устройстве зрелищ показывать путем живой фотографии священные изображения Христа Спасителя, Пресвятой Богородицы, святых Угодников Божьих»⁶.

6 сентября 1902 г. был издан циркуляр Департамента полиции, который напомнил о постановлении Святейшего Синода и в котором запрещались также граммофонные записи духовного содержания⁷.

До 1907 г., как правило, киноленты ввозились из-за рубежа. В 1907 — 1908 гг. выходят уже первые отечественные художественные фильмы: «Сцены из боярской жизни», «Понизовская вольница»⁸. В это же время Министерство внутренних дел издает циркуляр по Главному управлению печати, в котором предусматривалось при разрешении «публичного

демонстрирования картин сообразоваться как с сюжетом последних, так и с действующими узаконениями», причем указывалось, что «не могут быть разрешаемы, например, картины противные нравственности и благопристойности» (ст. 45 Устава о наказаниях и 1001 ст. «Уложения о наказаниях»), картины кощунственные (ст. 73 — 74 Угол. Улож.), возбуждающие к учинению бунтовщического или иного преступного деяния (ст. 129 Угол. Улож.) и (согласно ст. 138 Уст. о предупрежд. преем.) картины, публичное демонстрирование коих будет признано неудобным по местным условиям⁹.

Но порой жизнь ставила перед губернаторами такие вопросы, которые они не могли решить самостоятельно. В 1910 г. между Департаментом полиции и николаевским градоначальником идет переписка по поводу открытия иллюзиона в г. Николаеве. Сложность вопроса была в том, что церковь возражала против его открытия, считая, что кинотеатр слишком близко расположен от церкви (25 сажень)¹⁰. В связи с этим перед властями города встала проблема взаимоотношений церкви и

319

кино. Как близко может находиться кинематограф, чтобы не мешать богослужению, в какие дни можно демонстрировать фильмы, чтобы не отвлекать верующих, особенно молодежь от церковных служб? Встал вопрос и о репертуаре, о том, можно ли изображать библейские сюжеты, демонстрировать фильмы в Великий пост?

Открытие иллюзиона было разрешено, так как согласно законодательству имеющееся расстояние допускало подобное соседство. Но владельцу кинематографа было поставлено условие, чтобы музыка и игра на музыкальных инструментах не производились в часы богослужений¹¹.

Товарищ министра внутренних дел Курлов, отвечая на обращения Николаевского градоначальника, циркулярно указал всем губернаторам и градоначальникам на возможность самостоятельных действий в определенных рамках и необходимость инструктажа подведомственных губернатору чинов местными властями. В циркуляре указывалось: «разрешение каждого ходатайства в отдельности всецело зависит по местным условиям от его усмотрения., чтобы во вверенных ему местностях отнюдь не было допускаемо публичного демонстрирования картин, могущих по своему содержанию, общим или местным условиям, вызывать нарушение общественного порядка, оскорблять религиозное, патриотическое или национальное чувство зрителей, или противных нравственности и благопристойности»¹².

Далее в циркуляре указывалось, что «безусловно не могут разрешаться к постановке картины, изображающие эпизоды последних Лиссабонских событий, картины, в коих представители воинского звания выводятся в обстановке, могущей оскорбить чувства тех, кому дороги достоинство и честь русской армии, сцены из жизни духовенства, направленные к умалению престижа лиц духовного звания, шаржи на политически злободневные темы, представляющие в карикатурном виде представителей правительства и т. п.¹³.

Подобные циркуляры призваны были направлять деятельность полицейских властей на местах. Однако с развитием кинематографа возникали все новые и новые вопросы, и точное следование циркулярам становится уже невозможным. В этих случаях губернаторам давалось право действовать по собственному усмотрению. При этом иногда они понимали эти полномочия достаточно широко. Так, в 1910 г. московский губернатор вопреки мнению церковников разрешил демонстрацию фильма «Легенда о храбре Георгии», в котором путем «живой фотографии» повествовалось о подвигах преподобного Георгия Победоносца¹⁴.

320

Достаточно часто Департамент полиции берет на вооружение опыт работников-практиков на местах, в том числе и в случаях, когда некоторые из них шли дальше имевшихся предписаний по поводу цензуры. Старший инспектор типографий и книжной торговли в Одессе, кроме установления надзора за фабриками граммофонных пластинок, установил надзор за «продавцами этих пластинок». Департамент санкционировал действия старшего инспектора и рекомендовал эти методы в своей переписке с полицейскими чинами других губерний. Порой Департамент при издании циркуляров использует в них,; уже апробированные на местах «обязательные постановления», губернаторов и градоначальников.

Старший инспектор д.с.с. Плаксин из Одессы, исходя из местных условий, выработал «Правила для г.г. владельцев театр-иллюзионов и других заведений, демонстрирующих кинематографические ленты». Правила включали 12 параграфов и касались многих вопросов, возникавших при организации кинематографа. Сделал он это, основываясь на статьях Уголовного Уложения, Устава о наказаниях, распоряжениях Департамента полиции и Одесского градоначальника. В «Правилах» автор указывал, что владельцы иллюзионов обязаны представлять в канцелярию старшего инспектора по надзору за типографиями и книжной торговлей «для просмотра и подписи программы картин, предназначенных к демонстрированию, причем указывать точно те названия, которые даны

фабриками, выпустившими картины, и прилагать подробные печатные описания сюжетов». В пункте № 5 указывалось, что «программы должны быть четко написаны и заключать в себе лишь те картины, которые предназначены для репертуара и подписаны владельцем...». В правилах говорилось, что «программы картин должны быть предъявляемы заблаговременно... не позже двух дней до их постановки», подробно описывался характер картин, которые не допускались к «публичному демонстрированию»¹⁵.

Особо были выделены пункты, касавшиеся демонстрирования лент с изображением императорского двора и дома Романовых. Для многих губернаторов эти картины создавали массу неудобств, они часто обращались в Департамент за разъяснением на сей счет, спрашивали, кто может разрешить демонстрацию этих фильмов, как она должна быть организована.

Исходя из циркуляров и предписаний, Плаксин в своих правилах четко указывал, что фильмы могут демонстрироваться только с разрешения министра императорского двора. Кроме того, отдельный пункт гласил: «при демонстрировании картин, разрешенных г. министром императорского двора, следует показывать ленты под особо внимательным наблюдением

321

заведующего кинематографом, ручным способом и с такой скоростью, чтоб движения и походки изображаемых лиц не могли вызывать никаких замечаний»¹⁶. Те же правила предусматривались в отношении изображения духовных лиц.

В переписке Департамента полиции вопросы кинематографа чередуются с вопросами звукозаписи. 31 октября 1910 г. Департамент полиции на запросы губернаторов и Департамента таможенных сборов по вопросу цензуры поступающих из-за границы граммофонных пластинок и посылки их в цензуру по одному экземпляру или партиями, указывал, что «при настоящем интенсивном развитии граммофонного дела, цензурный досмотр присылаемых из-за границы граммофонных пластинок является не только желательным, но и необходимым, в видах предотвращения распространения при посредстве таковых безнравственных произведений, а также нежелательных с точки зрения государственного порядка речей и песен»¹⁷. Этим циркуляром уже более определенно ставится вопрос о цензуре зарубежной граммофонной продукции. Одновременно Департамент указывал ряду градоначальников и губернаторов на необходимость наблюдения за фабриками, изготавливавшими граммофонные пластинки и напоминал, что такие фабрики должны быть приравнены к

заведениям, производящим произведения тиснения, а места продажи — к книжным магазинам»¹⁸.

5 апреля 1911 г. в Департаменте полиции был подготовлен и подписан товарищем министра внутренних дел Курловым еще один циркуляр, свидетельствующий о растущей озабоченности властей проблемами контроля за грамзаписями. «За последнее время в разного рода общественных местах, — говорилось в циркуляре, — где скопляется значительное количество публики, получили сильное распространение граммофоны и т.п. механические инструменты, передающие, благодаря усовершенствованиям в этой области техники, с полным успехом и вполне ясно не только музыкальные произведения, но даже целые речи. Подобным способом передачи могут быть свободно распространяемы разного рода нецензурные и порнографические рассказы и песни, а также вредного и даже преступного содержания речи политических агитаторов... Ввиду изложенного и принимая во внимание, что передача, путем граммофона, разного рода недопустимых пьес и речей, по своему вредному влиянию на слушателей, стоит несравненно выше, чем распространение их путем печати, и что пластинки и валики, служащие для демонстрирования этого рода произведения, обыкновенно значатся под вымышленными наименованиями, я прошу Ваше Превосходительство сделать незамедлительно распоряжение подведомственным Вам чинам полиции о проверке

322

демонстрируемых в публичных местах, а также предназначенных в продажу граммофонных пластинок...»¹⁹

Хотя во многих циркулярах Департамента кинопродукция и грамзаписи приравнивались к печатной продукции, многие чины на местах стали все чаще выражать сомнение в правомерности такого подхода. Примечательно, что и рассматривавший этот вопрос в 1912 г. Правительствующий Сенат также не нашел «полной аналогии между типографиями, литографиями и т. п. заведениями и граммофонными фабриками».

В заключении Сената говорилось: «... Несмотря на всю важность и желательность подчинения фабрик граммофонных пластинок и мест продажи их изданным специально для типографий и т.п. заведений и книжных магазинов узаконениям, надлежит, тем не менее, признать, что такое подчинение может иметь место лишь в законодательном порядке, а не путем толкования установленных в Уставе о цензуре и печати правил»²⁰.

7 марта 1912 г. Департамент полиции своим циркуляром потребовал от

губернаторов установить более строгий контроль за отечественным кино. Были разосланы предписания во все губернии с просьбой сообщить об имеющихся в губерниях фабриках для изготовления кинематографических лент. Губернаторы должны были проверить наличие фабрик, мастерских и, дать ответ²¹.

8 августа 1912 г. произошло важное перераспределение функций контроля над кинопроизводством. В Департамент полиции из Главного управления по делам печати было передано право надзора за фабриками, изготавливающими ленты «для кинематографических аппаратов и местами продажи таковых»²². С этого года в Департаменте стали формироваться специальные дела «о кинематографах»²³.

Периодически Департамент издает на этот счет циркуляры. В одном из них 11 января 1913 г. за № 9413 подтверждались предыдущие циркуляры и говорилось о необходимости «особливого наблюдения» за «сильно развивавшимися кинематографическими заведениями с тем, чтобы чины полиции предварительно... лично проверяли предполагаемые к публичному демонстрированию кинематографические картины»²⁴. По мере распространения кинопроката на территории России у полиции стало вызывать все большую озабоченность использование кинотеатров для так называемых побочных мероприятий, сопровождавших кинокартины, которые никем не контролировались. В этой связи представляет интерес изданный в ноябре 1913 г. Департаментом полиции за подписью товарища министра внутренних дел Джунковского специальный циркуляр, в котором, в частности, говорилось: «За последнее время повсеместно

323

наблюдается значительное увеличение числа кинематографических театров, которые в большинстве случаев остаются по тем или иным условиям без надлежащего надзора со стороны чинов полиции. Между тем такого рода театры, в коих, наряду с демонстрированием кинематографических картин, допускаются для привлечения публики обычно разного рода другие развлечения, нередко даже с злободневными прибавлениями, требуют особого и тщательного надзора со стороны чинов полиции. Ввиду изложенного я считаю необходимым просить Ваше Превосходительство преподать по сему вопросу соответствующие указания чинам подведомственной Вам администрации и если по местным условиям или же ввиду малочисленности состава полиции установить соответствующий надзор за деятельностью кинематографических театров представляется затруднительным — не допускать в этих театрах, в соответствии со ст. 138 Т. XIV Уст. пред. преет., других, кроме книг

матографических, представлений»²⁵.

После того, как на Департамент полиции был возложен надзор за кинопродукцией, объектом его внимания становятся отдельные фильмы, вызывавшие большой общественный интерес. В числе таких фильмов оказывались как документальные, так и художественные ленты. При этом Департамент полиции выступал не только в роли цензора-запретителя, но иногда прямо поощрял распространение тех или иных фильмов. Наглядным примером тому явилась лента, выпущенная акционерным обществом «А. Ханжонков и К^о» под названием «Пьянство и его последствия». Фильм был сделан по заказу Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников и был приурочен ко дню проведения в апреле 1913 г. Всероссийского праздника трезвости. Фильм состоял из 4-х частей, демонстрировался в продолжении 2 часов. Его демонстрация сопровождалась комментарием доктора Вержбицкого. В общедоступной форме в фильме было показано разрушительное действие алкоголя на все органы человека и последствия его — преступность, наследственные недуги и т.д. Никандр, епископ Нарвский, даже разрешил в течение 2-х вечеров демонстрацию фильма в одном из храмов. Одна из петербургских газет писала: «Картина эта производит сильное впечатление на зрителей, давая им наглядное понятие, как спиртные напитки губят физическую и нравственную мощь человека»²⁶.

В циркуляре, изданном по поводу этого фильма, Джунковский 22 декабря 1913 г. предписывал губернаторам и градоначальникам: «Святейший Синод... признал возможным разрешить акционерному обществу «А. Ханжонков и Ко» демонстрацию в течение 4-ой недели Великого поста кинематографической картины «Пьянство и его последствия», строго научного

324

характера, ...считаю долгом присовокупить, что демонстрация этой картины в течение указанной недели Великого поста не должно сопровождаться какими-либо другими представлениями, а также музыкой или пением»²⁷.

Чувствуя пропагандистские возможности кинематографа, правительство начинает использовать кинематограф в своих целях, и далеко не последняя роль отводится при этом Департаменту. Когда в 1916 г. выпускался займ на сумму в два миллиарда рублей, то было решено... «прибегнуть к услугам кинематографа». Компании «Русская лента Б.С. Глаголин и Ко» было поручено изготовление картин соответствующего содержания. Циркуляр Департамента полиции от 4 марта 1916 г. сообщал

губернаторам и градоначальникам о выходе двух пьес «Заветная кубышка» и «Все для войны» с предписанием сообщить владельцам кинотеатров, что эти фильмы можно показывать на четвертой неделе Великого поста²⁸.

Далеко не всегда, однако, Департамент и представители духовенства действовали в полном согласии. Если Департамент исходил из того, что даже во время постов народ надо было чем-то занимать, то часть духовенства придерживалась более консервативной позиции. Так, в январе 1916 г. Епископ Сарапульский Амвросий обратился в Городскую Думу с ходатайством, чтобы под праздничные дни не работал кинематограф и другие увеселительные учреждения, «так как это отвлекает значительную часть слабовольных людей от посещения церковных богослужений». Как писал Амвросий, «справедливо кинематограф называют "великий немой". Этот "немой", однако, сильнее дурной книги, вернее худого театра развращает всех: и грамотных, и безграмотных»²⁹.

Департамент и местные власти, хотя и прислушивались к такого рода обращениям, часто вынуждены были искать компромиссные решения. Тем более, что к ним поступали ходатайства иного рода. Так, уже после начала войны, Скобелевский комитет, производивший много съемок на театре военных действий, ходатайствовал о разрешении демонстрировать картины научного и патриотического характера на 1-ой и 4-ой неделе поста. Свою просьбу он мотивировал, в частности, тем, что доходы с кинопроката шли на помощь увечным воинам. В числе картин, предлагавшихся к демонстрации, выделялись такие фильмы, как «Великая война народов», «В поисках экспедиции капитана Шредера», «Подвиг рядового Василия Рябова», «Семь смертных грехов», «Взятие Гуниба (подвиг Архипа Осипова)», «Экспедиция вершины Альп», «Пчеловодство», «Пчелы», «В мире насекомых» и т.д.³⁰ Иногда по вопросу о разрешении издавались специальные циркуляры³¹.

325

В Департамент полиции поступали и другие ходатайства с просьбой разрешить демонстрацию картин на 4-ой неделе Великого поста. Уже упоминавшееся акционерное общество «А. Ханжонков и Ко» в своем прошении писало: «Нами приобретена кинематографическая картина "Величайшая в мире экспедиция в Аляску миллиардера Вандербильда", снимки сделаны с натуры и все животные почти ловятся живыми. Перед зрителем проходит ряд редких пород животных, масса птиц, пингвинов и пр.»³² Тогда же они просили разрешить демонстрацию ряда других фильмов «Кавказ — его богатство и красоты», «Нарымский край (чукчи) — его население и промысел». Представляли свои ходатайства Российское

кинематографическое акционерное общество и иностранные предприниматели: «Бр. Пате», акционерное общество «Паризиана»³³.

Примечательно, что большинство этих ходатайств встречало положительную реакцию. Почти по каждому из них издавались циркуляры, в которых губернскому начальству рекомендовалось допустить демонстрацию фильмов в 1-ю и 4-ую неделю Великого поста. При этом делались обычные оговорки относительно недопущения музыкального сопровождения, других выступлений и даже внешнего освещения кинотеатра.

С ходатайствами обращались и отдельные лица. После окончания съемок фильма из жизни экспедиции Седова к Северному полюсу, вдова Седова обратилась в Департамент с просьбой о разрешении демонстрировать фильм на 4-й неделе Великого поста. Разрешение было дано. Еще одно обращение личного плана, но уже другого свойства, поступило от жены прославленного военного летчика штабс-капитана П.Н. Нестерова. Вдова летчика была шокирована содержанием фильма о ее муже, вышедшем на экраны вскоре после его гибели. «Картина изображает частную жизнь и боевые подвиги мужа, — пишет Нестерова, — представляет один сплошной пасквиль», фамилия заменена на «Бестеров». Она просит запретить фильм, как «оскорбляющий память мужа». В Департаменте была наложена резолюция «Спешно, воспретить»³⁴.

Значительно более сложные коллизии возникали при появлении фильмов острого общественно-политического звучания. Примером может служить фильм, снятый во время похорон Л.Н. Толстого.

С ходатайством о разрешении демонстрации этого фильма в Министерство внутренних дел и Департамент полиции обратилось несколько человек, и в том числе губернский секретарь Зеленский. В телеграмме на имя министра внутренних дел он писал: «Милостивое внимание и горестная отметка государя императора на докладе вашем о кончине великого писателя позволяет мне надеяться на положительный ответ»³⁵. (На докладе

326

министра Николай II написал: «Скорблю о смерти великого писателя, а в вопросах религии Бог ему судья»³⁶). Несмотря на известное неприятие личности Толстого православными иерархами, реакция Департамента на это и другие ходатайства была положительной.

Как уже отмечалось, особое разрешение требовалось для демонстрации фильмов с участием «Его величества и Высочайших особ». С появлением кинематографа Романовых снимали на различных

торжествах не только фотожурналисты, но и кинематографисты. Но закон для всех отснятых лент был одинаков — необходима предварительная цензура и разрешение Министерства императорского двора. Однако это решение было принято несколько позже, уже после того, как появились такие ленты. Летом 1905 г. иркутским предпринимателем, владельцем местного кинотеатра, К.В. Пузыревым был приобретен в Париже фильм «Убийство великого князя Сергея Александровича». В своем ходатайстве перед Департаментом полиции Пузырев указывал, что «все снимки в картине были заимствованы с гравюр, снимков, помещенных в газетах». Тем не менее, Департамент в своем ответе указывал, что он «находит неудобным демонстрирование этой картины» и просил местные власти вернуть картину и взять с владельца подписку о том, что «картина не будет демонстрироваться перед публикой»³⁷.

Как известно, члены царской семьи, включая самого императора, еще с конца прошлого столетия увлекались фотографией. Почти все члены семьи — дети и взрослые — имели фотоаппарат фирмы «Кодак», много фотографировали³⁸. Примечательно, что личный фотограф семьи Ган (Александр Карлович Ягельский) делал не только фото-, но и киносъемки. Как пишет А.А. Мосолов (начальник канцелярии Министерства императорского двора и уделов) в своих воспоминаниях, «смотреть кино было любимым занятием в царской семье»³⁹.

В дневниковых записях Николая II мы также находим подтверждение этому факту⁴⁰. После 1909 г. семья Романовых все чаще попадает в объектив киножурналистов, присутствовавших на различных торжествах.

К 300-летию Дома Романовых были сделаны две ленты. Одна — акционерным обществом «А. Ханжонков и Ко», другая — А.О. Дранковым и А.Г. Талдыкиным. Стоит отметить, что это были конкурирующие фирмы. Фильм Дранкова назывался «Трехсотлетие царствующего Дома Романовых», он состоял из нескольких частей. Вначале были показаны в художественном исполнении годы Смуты, затем события, связанные с избранием на престол Михаила Романова. В других частях подробно воспроизводились сюжеты с ключевыми событиями истории династии Романовых.

327

Демонстрация фильма была разрешена министром императорского двора, который санкционировал демонстрацию (или запрещал таковую) фильмов, касающихся царствующих особ. Однако после выхода фильма на экраны Москвы, в Департамент поступают запросы от местных властей относительно разрешения его демонстрации. Откликнулась на

демонстрацию этого фильма периодическая печать. В числе таких материалов была заметка князя Кудашева — письмо к издателю, опубликованная в «Московских ведомостях» за № 52 от 3 марта 1913 г.⁴¹ Князь Кудашев возмущался фильмом. Его недовольство вызвала особенно первая часть картины, посвященная смутному времени. Возможно ли артистам одеваться в одежды прошлой эпохи?!, играть патриарха Гермогена, снимать фильм в церковной обстановке, в священных стенах Троице-Сергиевской лавры? Автору заметки все это кажется кощунственным. Таков был смысл его обращения в редакцию. Заметка эта, в соответствии с установившейся практикой, была переслана Главным управлением по делам печати в Департамент полиции.

Департамент отреагировал на эту заметку, как и на официальные обращения властей с мест ссылкой на то, что решение относительно демонстрации таких фильмов входит в компетенцию министра императорского двора. В дальнейших переписках Департамента полиции вопросы, связанные с фильмами о царствующих особах, практически отсутствуют.

К 1916 г. Департамент полиции довольно легко ориентировался в фильмах, представлявших научный интерес, несмотря на то, что их было достаточно много и среди них немало оригинальных и интересных. Что же касается художественных фильмов, то они были для него своего рода камнем преткновения. По мере расширения сети кинотеатров учебные заведения, церковь, педагогические советы, родительские комитеты требовали усиления цензуры, считая, что «современный промышленный кинематограф» вредно влияет на подрастающее поколение.

В связи с тем, что Департамент полиции и Министерство внутренних дел дало определенную свободу в решении вопросов относительно демонстрации фильмов местным губернаторам, то наиболее активные из них вместе с представителями общественности и местной полиции нередко решали вопросы демонстрации фильмов самостоятельно.

Так, нижегородский губернатор сообщал министру внутренних дел, что для «ограждения молодежи от разлагающего влияния кинематографов» на представительном совещании было решено: «а) воспретить владельцам кинематографов допускать на обычные представления в театры подростков и детей, как учащихся, так не учащихся в средних и низших учебных заведениях; б) предоставить владельцам кинематографов право...

устроить для молодежи специальные кинематографические представления два раза в неделю ... по предварительном одобрении

программы представлений особой комиссией ... однако, чтобы сеансы для подростков и детей в виде общего правила не затягивались позднее 10 часов вечера»⁴².

В то же время некоторые губернаторы проявляли осторожность и оглядывались на Департамент полиции. Так, в марте 1910 г. смоленский губернатор сообщал в Департамент, что публика охотно посещает кинематограф, но в некоторых фильмах «попадают иногда сцены тенденциозного содержания. Так, например, недавно в Смоленске были поставлены картины под названием "Провокатор" и "Честь женщины", в которых жандармы, чины полиции, войска, офицеры и генералы были изображены совершающими крайне предосудительные поступки, благодаря коим невинно страдают "жертвы произвола"».

Докладывая в Департамент, губернатор спрашивает «не будет ли признано возможным возбудить вопрос об установлении общих правил цензуры картин»⁴³.

Отечественные предприниматели порой обращались в Департамент с ходатайством о разрешении «фабрикации» кинематографических лент, особенно на сюжеты, в которых они не очень были уверены. Присяжный поверенный В.Ф. Довагелло, к примеру, обращался с просьбой разрешить постановку и демонстрирование в России картин «Санин» по роману Арцыбашева, «Черные вороны» по пьесе Протопопова, «Анатэма» по пьесе Л. Андреева. В просьбе ему было отказано⁴⁴.

Большая переписка возникла в связи с фильмами по произведениям А.И. Куприна. Все началось с заметки, помещенной в газете «Новое время» публициста М.О. Меньшикова под заголовком «Еврейские проделки». Меньшиков возмущался демонстрировавшимся в Москве фильмом «Поединок» по повести Куприна. Он недоволен был рядом сцен из фильма, особенно сценой суда общества офицеров, считая, что он изображен настолько тенденциозно и карикатурно, что является оскорблением чувств «не только представителей воинского звания, но вообще всех тех, кому дорого достоинство отечественной армии»⁴⁵.

В Департаменте после этого был подготовлен грозный циркуляр, запрещающий фильм, но в таком виде он не был подписан товарищем министром. Возможно, здесь сыграло роль письмо московского градоначальника Адрианова в Департамент полиции, который встал на защиту московской полиции, разрешившей фильм. Он сообщил, что лично смотрел этот фильм в конторе Бр. Патэ в Москве и «должен заявить, что ничего позорящего офицеров я в ней не нашел; артисты, изображавшие офицеров, для ленты по происхождению все русские и были приглашены

из труппы императорского Малого театра и частных театров Корша и Зимина. Суд общества офицеров...

329

изображен не так, как он обычно происходит, а в более торжественной обстановке. Судьи одеты в парадную форму, чего в действительности не бывает». Далее градоначальник сообщил, что фильм протестов зрителей не вызывал⁴⁶. Резолюция на проекте грозного циркуляра гласила, что доложено тов. министру [Курлову] и его превосходительство предложило проект доработать, придать ему общий характер без ссылки на статью Меншикова. В конце концов запрет на фильм так и не состоялся.

Гораздо серьезнее обстояло дело с другим фильмом, поставленным в 1915 г. по произведению Куприна «Яма». Фильм еще не дошел до местных властей на предмет его разрешения и демонстрирования, а в Министерство внутренних дел уже поступило прошение за подписью «отцы и матери своих детей» без даты и обратного адреса. В прошении говорилось, что Василий Функе снял картину «Яма» по роману Куприна «на всякий случай» в трех экземплярах «с ярко выраженной жизнью проституток в заведении». Авторы прошения сообщали, что в Москве предполагается картину разрешить, «надеются добиться разрешения и в Петербурге». Ввиду того, что «синематограф служит лучшим и любимым развлечением подростков и детей, а картина «Яма» Куприна сплошной разврат — покорнейше просим обратить внимание на картину и не допустить наших детей до такого ужаса, чтобы они смотрели «Яму»»⁴⁷.

С ходатайством за разрешением обратился сам Куприн, который доказывал, что в картине не показаны «все резкости оригинала» повести и поэтому картина «не может быть вредна для юношества», что фильм «вышел поучительным и трогательным». Поэтому он просит выпустить эту ленту, которая будет одним «из средств в борьбе с проституцией»⁴⁸. Одновременно с ходатайством обратилось Русское кинематографическое товарищество. От его имени директор-распорядитель Л.И. Пирогова писала: «Материалом инсценировок мы признали литературные произведения только известных писателей, притом таких, которые были признаны Академией наук, русской читающей публикой и за границей. Выбор наш остановился на писателе А.И. Куприне: чтимый в России, изданный таким семейным журналом, как "Нива", переведенный на все европейские языки и, наконец, получивший премию Академии наук, А.И. Куприн как раз удовлетворял всем трем этим основным условиям. Русское кинематографическое товарищество инсценировало его известную повесть "Яма", тем более что она встретила просвещенное к себе отношение со

стороны московской прокуратуры»⁴⁹. Пирогова считала, что «картина не может вредно влиять на юношество, но как раз наоборот —

330

принесет огромную пользу обществу потому, что явится нужным предостережением для спасения многих девушек, идущих в большой город на заработки»⁵⁰. Однако ответ Департамента был отрицательным. Картина «Яма» к демонстрации допущена не была.

Нужно сказать, что чем дальше развивался кинематограф, тем сложнее было Департаменту нести ответственность за тот материал, который демонстрировался в разных городах России. Порой запрещенный в одной губернии, фильм под другим названием мог идти в другой. Владельцы кинотеатров имели большие доходы, и им трудно было отказаться от картин, которые запрещались полицией, но пользовались популярностью у населения. Все больше поступало жалоб к губернаторам, а через них в Департамент полиции от родителей, учащихся, педагогических советов о «вредном влиянии современного промышленного кинематографа на подрастающее поколение», с предложением усилить контроль за фильмами, установить для учащихся определенные дни и сеансы.

Как видно из информации, поступившей в Департамент полиции от вятского губернатора уже после начала войны, власти на местах все чаще связывали рост подростковой преступности не только с призывом родителей в армию, но и с влиянием кинематографа, «где дети видят картины из быта преступников, сыщиков, действующие развращающим образом»⁵². Назывались такие фильмы, как «Сашка — семинарист», «Сонька — золотая ручка», «Новый Рокамболь»⁵³, «В золотой паутине Москвы»⁵⁴, «Марья Лусьевна»⁵⁵ и др.

В марте 1916 г. оренбургский губернатор представил в Министерство внутренних дел ходатайство Троицкой городской думы с просьбой запретить фабрикам, «вырабатывающим кинематографические ленты, выпускать картины преступного и порнографического содержания» и установить за картинами строгую цензуру. В обоснование своей просьбы представители городской думы прислали выписку из журнала заседаний, в которой указывалось: «Повсеместное увлечение кинематографом в последнее время доходит до крайних пределов. Дешевизна и доступность дают возможность часто пользоваться этим сомнительным суррогатом искусства, которое потрясает воображение самыми грязными зрелищами, тревожит нервы и повышает настроение. Кинематографические картины со сценами различных преступлений, картинами порнографического содержания рельефно запечатлеваются в молодых умах, возбуждая в них

стремление к подражанию. Кинематограф не развивает вкуса толпы, не смягчает ее грубых инстинктов, а развращает ее»⁵⁶.

331

Оренбургский губернатор, присоединяясь к ходатайству Троицкой городской думы, писал: «Со своей стороны я вполне присоединяюсь к означенному ходатайству, как заслуживающему особого внимания, когда прекращена продажа алкогольных напитков, кинематограф явился излюбленным местом посещения народа и представлялось бы весьма желательным, чтобы население в кинематографах получало разумное и серьезное развлечение, а не картины из уголовных романов или безнравственные»⁵⁷.

Вопрос о кинематографе становится вскоре предметом рассмотрения правительства. Министр финансов 28 января 1916 г. подал на высочайшее имя доклад о необходимости введения в империи государственной монополии на кинематограф. Министр внутренних дел А.Н. Хвостов нашел это предложение «весьма желательным», считая, что при этом кинематограф может быть не столько развлечением, сколько средством образовательного и воспитательного воздействия на население⁵⁸.

Активную позицию занял в этом вопросе директор Департамента Климович, считая необходимым собрать межведомственное совещание, на которое, помимо представителей МВД, пригласить ответственных лиц от военного министерства, морского и народного просвещения, а также от дирекции императорских театров. В памятной записке на этот счет он писал о необходимости «воспитания населения в духе требований русской государственности»⁵⁹.

При всем том внимании, которое Департамент полиции уделял вопросам контроля над кинопродукцией и грамзаписями, вопросы эти все же остались на периферии его активности. Отчасти это объяснялось тем, что во 2-м делопроизводстве, в ведении которого находилась эта деятельность, не было квалифицированных кадров, способных осуществлять эффективный контроль. Функции делопроизводства мало сопрягались с такого рода общественной деятельностью, а чиновники этой структуры, хотя и своевременно реагировали на поступавшие к ним запросы, по большей части ограничивались стандартными разъяснениями и ссылками на права и компетенцию местных властей. Однако главной причиной достаточно спокойного отношения Департамента к новым видам искусства было то, что они так и не стали, как того опасались власти, в фокусе противоправительственной деятельности. Революционные организации, видимо, оказались не готовыми к тому, чтобы использовать

оба эти вида искусства (кино и грамзаписи) в своей агитационно-пропагандистской деятельности.

Как бы то ни было, новые виды искусства в основном развивались без вмешательства извне, а где-то и с поощрения властей.

Примечания

1 См.: Русские писатели 1800—1917 (биографический словарь). М., Т. 1. 1989; Т. 2. 1992; Т. 3. 1994; Т. 4. 1999.

2 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1898. Д. 13.-13. Ч. 45; Д. 14.-14. Ч. 72. 2а Там же. Д. 15. Ч. 46.

3 Там же. Ф. 102. 2 д-во., 1902. Д. 83. Л. 16.

4 ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1902. Д. 83. Л. 7, 10, 38.

5 ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1902. Д. 83. Л. 1-410.

6 См. циркуляр Департамента полиции № 2094 от 2 мая 1898. См.: ГАРФ. Ф.102. 2 д-во., 1902. Д. 83. Л. 177, 168-169.

7 Там же. Л. 191.

8 Зоркая Н.М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900-1910. М., 1976. С. 268-269.

9 ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1916. Д. 74. Л. 177об.-178.

10 ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1902. Д. 83. Л. 42-49.

11 Там же. Л. 57-59, 99, 104.

12 Циркуляр от 17.04.1910, № 23333.

13 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1902. Д. 83. Л. 31об.

14 Там же. Л. 210.

15 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1912. Д. 74. Л. 28.

16 Там же.

17 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1902. Д. 83. Л. 38об.

18 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1902. Д. 83. Л. 38.

19 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1912. Д. 74. Л. 5-5об.

20 Там же. Л. 182-182об.

21 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1902. Д. 83. Л. 248-264.

22 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1916. Д. 74. Ч. 1. Л. 7.

23 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1912. Д. 74; Д. 74. Л. А.

24 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1902. Д. 83. Л. 366 об.

25 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1912. Д. 74. Л. А. Л. 55.

26 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1912. Д. 74. Л. 122.

27 Там же. Л. 135.

28 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1916. Д. 74. Л. 78-78об.

29 Там же.

30 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1912. Д. 74. Л. 311-312; 1916. Д. 74. Л. 4-5.

- 31 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1916. Д. 74. Л. 10, 117.
32 Там же. Л. 91.
33 Там же. Л. 117, 52, 22, 130.
34 Там же. Ф. 102. 2 д-во. Д. 74. Л. А. Л. 12.
35 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1902. Д. 83. Л. 64, 74.
36 Там же.
37 ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во., 1905. Д. 65. Л. 1-4.
38 Барковец А. И. Император Николай II. «Остановленное мгновение»
// Николай И. Семейный альбом. М., 1998. С. 19-26.
39 Мосолов А.А. При дворе последнего императора. М., 1993. С. 60.
40 Дневники императора Николая II, М., 1991.
41 ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1912. Д. 74. Л. 51.
42 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1916. Д. 74. Ч. 1. Л. 9-9об.
43 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1902. Д. 83. Л. 27.
44 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1916. Д. 74. Л. 56, 60.
45 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1902. Д. 83. Л. 30-30об.
46 Там же. Л. 77-78.
47 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1912. Д. 74. Л. А. Л. Б.
48 Там же. Л. 17-18.
49 Там же. Л. 27.
50. Там же
51 Там же. 1916. Д. 74. Ч. 1. Л. 9 – 9 об.
52 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1916. Д. 74. Л. 68.
53 Там же. Л. 21.
54 Там же. Л. 3.
55. Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1912. Д. 74. Л. А. Л. 23.
56. Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1916. Д. 74. Л. 134-135.
57 Там же. Л. 132 об.
58 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1916. Д. 74. Ч. 1. Л. 2.\$
59 Там же. Л. 4-5.

Раздел 3. В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ?

Глава 9.

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

§ 1. Кадры Департамента полиции и учреждений политического сыска на местах.

(Общая характеристика)

С созданием Департамента полиции Лорис-Меликов, имевший прямое отношение к его комплектованию, взял в состав нового учреждения ряд лиц из III Отделения (21 чел.) и Департамента полиции исполнительной.

Большинство из них не имели специальной подготовки (в основном это были работники «для письма», переписчики, алфавитчики, имевшие домашнее или гимназическое образование). Единицы имели высшее юридическое образование. Однако при комплектовании руководящего состава Департамент Министерства внутренних дел вплоть до 1902 г. стремился брать в штат преимущественно лиц с юридической подготовкой. Директора Департамента полиции, вице-директора, чиновники особых поручений, прикомандированные к Департаменту, руководители структур (делопроизводств), как правило, имели высшее юридическое образование¹.

Некоторые руководители более низкого ранга, заведующие отделениями в структурах Департамента также имели юридическое образование. В то же время среди них были лица, окончившие только курс гимназии. Многое зависело от способностей и опыта сотрудника.

Например, И.А. Зыбин², работавший в Особом отделе и возглавлявший отделение перлюстрации, окончил курс С.-Петербургской классической гимназии. Поступив в Департамент чиновником для письма, он в силу своих необыкновенных способностей по расшифровке криптограмм продвинулся по службе. И это был не единичный случай.

Исключением из правил было появление на должности заведующего Особым отделом Департамента осенью 1902 г. С.В. Зубатова, не окончившего даже гимназию. Но путем самообразования он встал вровень со многими своими коллегами, а порой превосходил их своими познаниями. Как было сказано

337

выше, именно с появлением в Департаменте Зубатова начали приглашаться на службу в Департамент розыскные офицеры из корпуса жандармов. Затем это повторилось уже при директоре Департамента М.И. Трусевиче и вошло в практику Департамента. Но, как правило, жандармские офицеры служили и одной структуре Департамента — Особом отделе.

Все же ГЖУ, ЖПУ ж.д, охранные и РОО возглавлялись и имели основной состав работников из офицеров Штаба корпуса. Сам Корпус жандармов, в свою очередь, пополнялся за счет армейских офицеров.

Существовали правила приема офицеров в корпус жандармов, которые утверждались министром внутренних дел, шефом жандармов. Правила периодически пересматривались на предмет уточнения и изменения некоторых позиций.

Первоначально в корпус принимались лица, окончившие юнкерские училища по первому разряду, прослужившие в строю не менее 3-х лет, не

выше чина штабс-капитана или штаб-ротмистра армии. Исключения допускались при замещении высших должностей, при рассмотрении и решении этого вопроса командиром корпуса жандармов³.

Не допускались на службу лица, «бывшие в штрафах по суду и следствию», имевшие казенные и частные долги, «равно лица польского происхождения, католического исповедания или женатые на католичках, а также евреи, хотя бы и крещенные»⁴. (Но это не распространялось на Департамент полиции.) Лица, пожелавшие вступить в Корпус, ходатайствовали через своего начальника, который представлял в Штаб корпуса послужной список с характеристикой на офицера. В ней указывались не только деловые, но и нравственные качества кандидата, «репутация у начальства и товарищей, образование и т.д.». Затем это лицо вносилось в список кандидатов, проходило собеседование в комиссии, организованной при штабе⁵.

При предварительных испытаниях кандидат должен был выполнить письменную работу на заданную тему. При собеседовании обращалось внимание на его общее развитие, способности, знакомство с иностранными языками, а также языками по месту службы (польский, латышский, финский и т.д.). Выдержавшие экзамен впоследствии прикомандировывались к Штабу корпуса и под руководством опытных офицеров проходили курс обучения по ведению делопроизводства, приобретению практических навыков их будущей работы. «Преимущественное» внимание обращалось на разрешение практических задач. Затем офицеры подвергались повторным испытаниям. Те, кто признавался «соответствующим» для службы, по усмотрению командира корпуса назначались на вакантные должности ⁶.

338

Определенные послабления были сделаны офицерам, поступавшим в жандармские дивизионы, так как охотников до этой службы было меньше, а потребность в них больше. Для них требовался меньший стаж армейской службы (2 года), и они не подвергались предварительным испытаниям.

Со временем правила приема в корпус жандармов усложняются. Более специальными становились письменные работы (по истории, или литературе, или вопросам юриспруденции). Строже стало проводиться и собеседование. Главное же новшество состояло в том, что офицер, прошедший все эти стадии, заносился в список на прохождение специальных курсов, организованных при Штабе корпуса жандармов⁷.

§ 2. Курсы Штаба корпуса жандармов

Курсы готовили офицеров к их будущей служебной деятельности,

давали определенные навыки и знания в их будущей профессии⁸. Обучение продолжалось разные сроки, в среднем от 3 до 6 месяцев. Программа была рассчитана так, чтобы число учебных часов было не менее 100⁹.

О серьезности отношения руководства корпуса и Департамента полиции к подготовке личного состава свидетельствовал и тот факт, что список преподавателей и программа курсов согласовывались и утверждались на уровне товарища министра внутренних дел. Первое, с чем знакомились офицеры, — это устройство Корпуса жандармов, права и обязанности его чинов в строевом, инспекторском, хозяйственном, военносудном отношениях; права и обязанности по производству дознаний и переписок, производимых в порядке положения об охране; специальные права и обязанности чинов жандармско-полицейских управлений железных дорог; политический розыск; история революционного движения. На устройство корпуса жандармов отводилось 4 часа, столько же на «производство дознаний». Железнодорожная полицейская служба — 6 часов, розыск и революционное движение — по 8 часов.

«Второстепенными предметами» считались кодексы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. На них отводился всего час времени. Мало уделялось внимания изучению общей части Уголовного Уложения и очень коротко проходили русское государственное право. Несколько позднее был введен курс современной регистрации преступников (антропометрия, дактилоскопия), изучение системы шифров, которыми пользовались в переписке ГЖУ, охранные отделения, система шифров и «переписка между арестантами».

339

Посещение занятий офицерами было обязательным.

Особые сложности были с курсом по истории революционного движения, так как первоначально не было пособия по этому курсу. В то же время для слушателей был разработан «Вопросник по истории революционного движения». Он был на 46 страницах и содержал 179 вопросов¹⁰.

Вопросник был составлен следующим образом: справа вопросы, слева короткие ответы. Первый вопрос: «Первоначальное революционное движение в России». Ответ: «Выразилось в декабристском движении 14 декабря 1825 г.». Ставились вопросы и теоретического порядка: что такое социализм, коммунизм, нигилизм, аграрный социализм, анархизм и т.д.

Интересен ответ на вопрос: кто родоначальники социализма? Ответ: родоначальниками социализма, принявшего в начале прошлого столетия

осязательную форму, явились во Франции — Сен-Симон и Фурье и в Англии — Оуэн. Социализм утопический; а затем Карл Маркс и Энгельс, создавшие социализм научный, и затем кант-социализм классический.

«Когда впервые социализм проник в Россию?». В ответе упоминаются Герцен, Петрашевский, Чернышевский.

Вся история революционного движения XIX — начала XX в. нашла воплощение в вопросах и ответах. Здесь и отношение революционных кружков к освобождению крестьян, издание прокламации «Великорусе», и «Письмо государю», возникновение «Земли и воли», покушение Каракозова, начало студенческих волнений, программа Нечаева; что такое Интернационал; кто такие Бакунин и Лавров и т.д.

В вопроснике серьезно ставятся темы, связанные с социал-демократической партией, с партией эсеров, Бундом, социал-демократией Латышского края. Идет детальная разработка вопросов, связанных со съездами этих партий. Достаточно подробно говорится о съездах и их решениях, где и в котором году был II съезд РСДРП, из кого состоял, чем закончился, какие требования предъявлял Ленин на съезде, обязанности ЦК, что произошло после II съезда.

И далее: что такое Советы рабочих депутатов, с какой целью и когда был созван IV съезд РСДРП, какие вопросы разбирались на IV съезде, какая резолюция съезда, какие постановления вынес съезд по отношению к войскам, партизанским выступлениям, профсоюзам и т.д.

Авторство «Вопросника» не установлено. Но можно предположить, что он был создан не ранее конца 1910 г. В его подготовке принимали участие некоторые чиновники Департамента полиции. Имеющийся в нашем распоряжении экземпляр выполнен на гектографе, имеет правку, принадлежащую начальнику

340

Эстляндского губернского жандармского управления Белинскому Евгению Еркулановичу.

В материалах архива сохранялись также программы занятий по ряду предметов, изучавшихся на курсах¹¹. Особенно детально был разработан курс по истории революционного движения, начиная с первых революционных организаций.

На курсах изучалась марксистская литература, партийные издания. В материалах Департамента полиции сохранились конспекты, составленные полковником И.В.Горленко. На ротапринте была издана его разработка на 13 страницах, посвященная Манифесту Коммунистической партии. На первых 2,5 стр. было изложено краткое содержание работы, основные идеи,

время издания на русском языке, далее следовал конспект работы¹².

Другая разработка Горленко — конспект книги К. Дилля «Социализм, коммунизм и анархизм»¹³. Известно, что изучалась «Эрфуртская программа», конспектировались статьи из газеты «Искра»¹⁴.

Экзамены на курсах проводились по 12-балльной системе. Ответ, оцененный ниже 6 баллов, считался неудовлетворительным. Офицеры, успешно окончившие курсы, могли быть назначены адъютантами жандармских управлений.

На курсах был подобран довольно сильный состав преподавателей — специалистов в своей области. Разное время на курсах преподавали: Беклемишев — Государственное право и русское государственное право; уголовное законодательство — читали вице-директор Департамента полиции Виссарионов и Харламов; железнодорожная служба и все вопросы, связанные с деятельностью ЖПУ ж.д., — Тимофеев; теорию розыска читали генерал-майор Герасимов и полковник Еремин; производство дознаний — Савицкий; устройство корпуса — Яворский; антропометрия — В.И. Лебедев¹⁵; шифры и секретная переписка — И.А. Зыбин¹⁶, известный специалист по дешифровке документов; историю революционного движения преподавали Спиридович ¹⁷, Рожанов ¹⁸, «жандармы-историки» — так впоследствии их именовали в литературе.

Безусловно, наличие такого большого количества предметов, ограниченность времени не способствовали прочности знаний. Недаром сами преподаватели порой были недовольны, так как приходилось преподносить предмет в «сжатой форме», офицеры же «выходили со слабой теоретической подготовкой»¹⁹.

В 1912 г. Белецкий подает записку о необходимости более глубокого изучения «второстепенных предметов». В ней он писал: «Учитывая более чем скромный запас знаний гг. офицеров, переходящих в Отдельный корпус жандармов, предстоящие

341

им собеседования с революционными деятелями в области государственного и уголовного права, я прихожу к заключению, что курсы того и другого права не могут иметь второстепенного значения» ²⁰. Кроме того, он предлагал ввести курс полицейского и административного права.

В это время встает вопрос о создании особых повторных курсов при Департаменте полиции по теории и практике политического розыска.

На июльском совещании 1912 г., проведенном в Департаменте, говорилось о том, что переход офицеров в Отдельный корпус жандармов следует «обставить более тщательно», пропускать нравственно

устойчивых, надежных и работоспособных лиц, поднять уровень их знаний.

В связи с этим в декабре 1913 г. были внесены некоторые изменения в «Положение о приеме офицеров в Отдельный корпус жандармов». Последние, действовавшие до этого, правила были утверждены еще шефом жандармов В.К. Плеве в 1903 году. Главное и основное изменение было связано с возрастными ограничениями. Статья 2 Правил звучала: «В корпус жандармов переводятся из войск всех родов оружия, или определяются из запаса, или отставки только офицеры, прослужившие в офицерских чинах в строю не менее 3-х лет и имеющие от роду не менее 24-х и не более 33-х лет»²¹. Это мотивировалось тем, что ранее принимавшиеся подпоручики и корнеты, едва достигшие 21 года с «неустановившимся характером и не умеющие разбираться в своей собственной жизни, не могут ориентироваться в сложных вопросах, выдвигаемых политической жизнью»²².

Исходя из того, что были нарекания на моральный облик некоторых офицеров, и это подтвердила проведенная Виссарионовым инспекция, ужесточается проверка кандидатов, подававших заявление о желании служить в корпусе жандармов.

Начальники управлений, которые должны были «негласно» собирать сведения об облике этих офицеров, перепоручали эту работу нижним чинам. При таких условиях, отмечалось в записке Виссарионова, добыть что-либо достоверное было трудно. Не выяснялись причины перехода в корпус, образ жизни, семейное положение, даже оговоренное в правилах приема в корпус наличие казенных и частных долгов. Довольно часто командиры частей, желая избавиться от непригодного офицера, умалчивали о многих обстоятельствах жизни своих подчиненных ²³. В Департаменте с 1912 по 1917 год стали заводится дела с заголовком «По запросам штаба Корпуса жандармов о благонадежности офицеров, поступающих в Корпус жандармов»²⁴.

342

Как отмечалось на упомянутом июльском совещании 1912 г., ряд офицеров, желающих перейти в корпус жандармов, «обнаруживают весьма слабое развитие и сообразительность и часто не могут разбираться в самых простых вопросах, которые им предлагают на предварительном испытании. Конечно, никто не требует, чтобы офицер был энциклопедистом, но раз офицер не умеет спокойно и здраво разбираться в тех познаниях, которые он ранее приобрел в военно-учебном заведении, он не может быть допущен в корпус »²⁵.

В связи с этим вводились более серьезные испытательные экзамены по предварительной программе, которая рассылалась тем, кто подавал документы о желании поступить в корпус жандармов.

Согласно этой программе, от претендентов требовалось иметь общее понятие о праве: право и его значение, закон, административное распоряжение. Им предлагались вопросы по государственному праву, по русскому государственному праву, по русскому уголовному праву, по полицейскому праву, по финансовому праву, по международному праву. Экзаменаторы ставили вопросы, связанные с политической экономией. Обязательным было знание русской истории с древнейших времен и до современности. Кроме того, были вопросы, связанные с историей Великой французской революции и новейшей историей Западной Европы. Требовалось в общем плане знание географии Российской империи²⁶.

Такой предварительный и серьезный экзамен требовал от офицеров самостоятельной работы и подготовки. В декабре 1913 г. начальник Генерального штаба полковник Никольский представил шефу жандармов новые правила приема в Корпус жандармов, с приложением программы, по которой проводились собеседования и «испытания»²⁷. Одновременно вводился новый предмет — телеграфное дело. Было увеличено число часов на ознакомление с Уголовным Уложением.

По распоряжению тов. министра Джунковского 6 февраля 1914 г. в состав первоначальной испытательной Комиссии вводился представитель Департамента полиции, который обязан был провести «проверку познаний» офицеров по русскому уголовному и гражданскому праву. Таким представителем был назначен директор Департамента Кафафов²⁸.

Забегая вперед, необходимо отметить, что Корпус продолжал пополняться и в период Первой мировой войны. Однако в связи с военным временем было издано «Временное положение об офицерских жандармских курсах», сокращено количество изучаемых предметов и до 8 недель сокращен срок обучения²⁹.

В октябре 1912 г. было разработано «Положение о повторных курсах», их целью было «повысить познания в области

343

розыска» офицеров корпуса жандармов, предназначенных к службе в розыскных учреждениях в должностях помощника начальника ГЖУ и уездных жандармских управлений. Курсы были рассчитаны на 2 — 3 месяца. В первую очередь на эти курсы приглашались те, кто показал лучшие успехи на экзаменах на курсах при Штабе корпуса жандармов по розыску и истории революционного движения. На повторных курсах

предполагалось по этим предметам углубить знания. Особое внимание уделялось событиям 1905—1907 гг., подробно изучались две партии социал-демократов и эсеров, состав организации, программа, устав, издания, заграничные организации, местные партийные организации. Особо уделялось внимание внутрипартийным разногласиям между большевиками, меньшевиками, отзовистами, ликвидаторами, ультиматистами. Подробно изучались национальные партии³⁰.

Курсы были организованы при Департаменте полиции.

Несмотря на то, что офицеры проходили первичные и повторные курсы, многие из них чувствовали недостаток профессиональных знаний. Особенно это касалось вопросов, связанных с общественным движением.

В одной из записок, автора которой установить не удалось, предлагалось учредить в Петербурге «образцовую библиотеку-читальню по истории общественных движений в России в самом широком смысле. Библиотека должна была располагать не только всеми легальными, но и нелегальными изданиями». Библиотека-читальня должна была иметь на своих столах всю «новейшую, свежую оппозиционную и революционную литературу».

«Офицеры корпуса, попадающие в С.-Петербург со всех концов земли русской, будут иметь возможность познакомиться со всеми новинками в этой области, — пишет автор. — На столах читальни они найдут как бы иллюстрацию к тем очеркам по истории революционного движения, которые дает Департамент полиции в своих циркулярах. Для желающих совершенствоваться в своем самообразовании дана будет к тому возможность»³¹.

Автор далее говорит о необходимости учредить серьезные библиотеки-читальни в меньших размерах, «в районных центрах, как, например: Москва, Варшава, Киев, Тифлис, Томск, Иркутск», которые должны снабжать книгами и журналами свои районы. А также создавать библиотеки при охранных отделениях и жандармских управлениях и «поставить их более официально и правильно». Последнее указывало на то, что несмотря на распоряжение Департамента в 1908 г. учредить во всех учреждениях политического сыска библиотеки из нелегальной литературы, распоряжение это не выполнялось. Кроме

344

того, автор предлагает ввести сперва в Петербурге, а затем и в других крупных центрах обязательные в течение зимнего сезона сообщения и рефераты жандармских офицеров на темы «по общественному движению вообще и революционному в частности».

«Вопрос о рефератах и сообщениях считаю, — пишет он, — весьма важным. Доказательством может служить то, что в каждой строевой войсковой части введено обязательное производство сообщений г.г. строевыми офицерами на темы, задаваемые начальством по всем очередным злободневным вопросам. Почему же в корпусе жандармов, личный состав которого должен быть, безусловно, хорошо специально образованным и не имеет права отставать от идущего вперед общественного движения, до сих пор таковых сообщений не делается. Они должны быть заведены. Они разбудят провинцию, дадут толчок к самообразованию офицеров корпуса»³².

Проявляя заботу о «повышении квалификации» жандармских кадров, Департамент полиции регулярно рассылал на места не только учебные пособия, но и оригинальные документы. Были заведены специальные дела «О рассылке Департаментом полиции нелегальных изданий начальникам охранных отделений и другим начальствующим лицам ³³. Судя по этому делу в разное время жандармами запрашивались различные нелегальные издания. Периодически Департамент полиции высылал своим подопечным выписки из нелегальных газет с наиболее важными сведениями о жизни той или иной партии.

28 августа 1910 г. Департамент полиции, направляя начальнику Московского охранного отделения Обзоры революционных партий, рекомендовал выдавать их «каждому офицеру по той партии, изучением коей он занят в данное время» и под расписку³⁴.

Стоит отметить, что обзоры пользовались большим спросом и среди работников суда и прокуратуры. 7 октября 1909 г. прокурор Новочеркасской судебной палаты писал в Особый отдел Климовичу: «Уважаемый Евгений Константинович. Приношу Вам мою благодарность за присланный мне крайне интересный и систематический обзор партий анархистов.

Очень Вам буду признателен, если Вы найдете возможным сделать распоряжение о высылке мне тех обзоров революционных партий, которые будут выпускаться Особым отделом Департамента»³⁵.

Изучение программ политических партий, их прессы порой было сложным для восприятия. В одной из докладных записок за декабрь 1912 г. указывалось, что с точки «зрения интересов правительственной борьбы... было бы полезно располагать

345

надлежащей в справедливом освещении составленной фактической историей революционного движения»³⁶.

В той же записке указывалось, что революционеры изучают свой опыт,

свои ошибки и неудачи, ими уделяется большое внимание изданию в России и за рубежом сочинений, очерков истории революционного движения отдельных периодов.

«Между тем до самого последнего времени с правительственной стороны... почти ничего не сделано»³⁷. Автор докладной не совсем прав, т.к. еще в 1907 г., как указывалось выше, начальником Московского охранного отделения Климовичем была подготовлена работа «Краткая таблица важнейших политических партий России».

О необходимости иметь соответствующие пособия несколько позднее писал А.И. Спиридович: «Чтение лекций на жандармских курсах по истории революционного движения показало мне, сколь велика жажда у поступающих на курсы жандармов-офицеров к познанию тех элементов, на борьбу с которыми они себя обрекают. Своя же личная служба в Корпусе, особенно в первые годы, показали мне, сколь беспомощны офицеры в отношении изучения революционного движения, благодаря отсутствию соответствующих пособий.

Указанные обстоятельства побудили меня, — продолжал Спиридович, — начать составлять очерки о деятельности главнейших революционных партий под общим заглавием "Революционное движение в России", выпуск 1 РСДРП, выпуск 2-ой — Партия социалистов-революционеров и ее предшественники»⁴⁰.

Примерно в это же время началась подготовка Истории революционного движения и в Департаменте полиции. Подполковнику Рожанову, сотруднику Особого отдела, было получено в июне 1912 г. написать историю революционного движения.

Довольно быстро Рожановым была подготовлена работа, охватывающая период с 1793 г. и до «половины царствования Николая I». Книга называлась «Записки по истории революционного движения в России». Печаталась она в типографии Штаба корпуса. Считалось, что эти «Записки...» «будут полезным «подспорьем» в руках жандармских офицеров» и предполагалось, что они будут использоваться на курсах. «Записки» были написаны в короткий срок, чувствовалась поспешность, предполагалось, что впоследствии они будут переработаны⁴¹.

В октябре 1913 г. Рожанов был приглашен читать лекции на курсы Штаба корпуса жандармов. Одновременно он продолжал работу над пособием. В течение 1913 г. работа была закончена. «Записки» были доведены до 1913 г. Книга была отпечатана в январе 1914 г., в связи с чем был издан специальный циркуляр по Особому отделу, в котором говорилось об

этой работе и о том, чтобы «каждый из гг. офицеров Отдельного корпуса жандармов имел под рукой краткое справочное руководство». И хотя «руководство» было кратким, автор его старался коснуться партий и организаций, действовавших в России и за границей, рассказать историю их возникновения, внутреннее устройство. Особое внимание в книге уделялось методам, которыми революционеры «борются с правительственной властью». Джунковский признал пособие полезным «при розыскной и следственной» деятельности офицеров. Но боясь выхода этой работы за пределы Корпуса, потребовал передать все экземпляры в библиотеки управления, чтобы книги не были «собственностью офицеров», «выдавались бы им, как руководство для изучения, или как справочный материал». На курсах они выдавались под расписку⁴².

Интересно отметить, что в 1915 г. Рожанов все еще трудился над своими записками. Но в феврале 1915 г. директор Департамента полиции В.А. Брюн де Сент Ипполит признал необходимым прекратить работу по составлению истории революционного движения, мотивируя это тем, что такая работа для одного лица «совершенно непосильна...», кроме того, указывалось, что если Рожанову даже удастся успешно завершить работу, она будет «лишена всякого практического значения, так как революционное движение в России проявляется ныне путями, ничего общего с более или менее отдаленным прошлым не имеющими»⁴³.

Очевидно, здесь имела место еще и конкуренция с книгой полковника Спиридовича «Революционное движение в России», выпуск 1. РСДРП.

В то время как распространялись «Записки...» Рожанова, доверительно и циркулярно начальники ГЖУ ставились в известность о выходе в свет книги Спиридовича, которая, с точки зрения Департамента полиции, являлась «весьма полезным справочником»⁴⁴. Книга была рекомендована товарищем министра внутренних дел для библиотек жандармских управлений, но «не подлежала (широкому) распространению»⁴⁵.

Книги Спиридовича были более фундаментальными трудами. Первая книга, вышедшая в 1914 г., «Революционное движение в России», выпуск 1, была посвящена истории РСДРП. Автор начал с истории создания «Группы Освобождения труда» и довел изложение до 1910 г. Она имела ряд приложений: Манифест РСДРП, программа, устав, принятый на Лондонском съезде и т.д.

В 1916 г. вышла вторая книга, посвященная партии эсеров и ее предшественникам. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г. Спиридович отрицал, что он изучал дела Департамента полиции при

создании книг, а пользовался

347

только партийной и легальной литературой и официальными документами.

Спиридович написал эти книги по своей инициативе. В Департамент постоянно поступали запросы с просьбой выслать в то или иное ГЖУ книги А.И. Спиридовича. В Департаменте полиции сохранилась переписка между уже генерал-майором Спиридовичем и товарищем министра внутренних дел С.П. Белецким о приобретении у автора этих книг. Спиридович предлагал 2600 экз. 2 выпуска по расчету 4р. 50 коп. за экз. и 1800 экз. выпуска 1 по 2 руб. В январе 1916 г. требуемая им сумма 15300 руб. была уплачена⁴⁶.

Департамент полиции постоянно заботился о том, чтобы пособиями пользовались не только слушатели курсов, но и более широкий круг работников политического сыска.

В июне 1914 г. Департамент полиции направил начальникам ГЖУ, охранных отделений и офицерам ОКЖ, ведающим розыском, циркуляр, в котором сообщалось: «Всемерно озабочиваясь недопущением развития преступной работы революционных партий и, в частности, подобной категории организаций на местах, Департамент полиции просит Вас всесторонне знакомиться с содержанием газет социал-демократического и социально-революционного направления, их изучения»⁴⁷.

Позднее в 1915 г. Департамент полиции начинает рассылку на места обзоров нелегальной литературы различных партий. В одном из циркуляров этого периода дается очень интересная характеристика рецензируемых изданий, которые с точки зрения Департамента полиции «ярко оттеняли» «взгляды руководителей революции вообще и на текущие события в частности». Рассылая такой первый обзор, директор Департамента извещал о возможной периодичности таких обзоров. Одновременно высказывались пожелания познакомиться с литературой офицеров и одновременно опасения в отношении возможно вредного воздействия этой литературы. В циркуляре, прилагаемом к обзору, говорилось, что «Департамент просит по прочтении этого обзора, равно как и имеющих впредь высылаться, отбирать у гг. офицеров расписки»⁴⁸.

Однако усилия повысить профессионализм и компетентность кадров политического сыска не приносили ожидаемого результата. Как указывал в одной из своих записок С.Е. Виссарионов, проверка деятельности охранных отделений и губернских жандармских управлений указывала на «явную неспособность весьма многих чинов жандармского надзора к

розыску»⁴⁹. В корпус же идут многие офицеры не по призванию, а в результате каких-то жизненных обстоятельств «неблагоприятно сложившихся». «Не имея ранее ничего общего с розыском, — пишет автор, — сдав кое-как курсовые экзамены,

348

подобные деятели впоследствии относятся по большей части к делу так, чтобы только не навлекать на себя гнева начальства и отчисления от занимаемых должностей⁵⁰. Проверка привела к самым грустным выводам», «...офицеры были бездеятельны в деле политического розыска, некоторые не знали дела, а некоторые отрицательно — сознательно относились к нему...».

Вопрос о кадрах вызвал много нареканий. Виссарионов в » октябре 1911 г. писал: «Опыт более чем 3-летнего ознакомления с деятельностью охранных отделений, ГЖУ и предыдущая пятилетняя служба в политическом прокурорском надзоре привели к заключению о крайней слабости и явной неспособности весьма многих чинов жандармского надзора к розыску». Он считал, что 50% чинов жандармского надзора непригодны к службе и предлагал «освежение личного состава», указывая на возможные меры — все недостаточное, слабое, старое должно быть изъято из действующих кадров и не путем зачисления в резерв, а путем увольнения в отставку с соответствующей пенсией⁵¹.

Особенно было много претензий при ознакомлении с деятельностью начальников губернских жандармских управлений: они не только не могли «ником и ничем руководить, но сами нуждались в руководстве и помощи», «для поднятия личного состава и для создания розыскных кадров следует переход в Отдельный корпус обставить более тщательно»⁵² — добавлял вице-директор.

Возможно, Виссарионов сгустил краски. Однако, на основании и приведенных им фактов, и ряда других свидетельств можно сделать вывод о том, что к началу революционных событий 1917 года кадры политического сыска не были подготовлены к эффективным действиям в экстремальных обстоятельствах.

Примечания

1 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 295. Д. 25. Л. 2-4, 13; Д. 7. Л. 3.

2 Там же. Оп. 295. Д. 25. Л. 30.

3 Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8331. Л. 5.

4 Там же. Л. 5об.

5 Правила для приема офицеров в Отдельный корпус жандармов. Утв. 26 августа 1894 г. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8331. Л. 4-7. Там же. Л. 8-11. Правила

для приема офицеров в Отдельный корпус жандармов. Утв. 4 апреля 1897 г.
6 ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8331. Л. 4-7об.

7 Там же. Ф. 102.00. 1912. Д. 309.

8 Перегудова З.И. Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением. М., 1990. С. 197—198.

9 Инструкция о порядке ведения учебных занятий на офицерских курсах при штабе Отдельного корпуса жандармов. 1909 // Неизвестная Россия. 1992. № 2. С. 374-378. Публикация З.И.Перегудовой.

10 Вопросник по истории революционного движения // Неизвестная Россия: XX век. 1992. № 2. С. 353 — 374. Публикация подготовлена З.И.Перегудовой.

11 ГА РФ. Ф. 102.00. 1912. Д. 309.

12 Там же. Ф. 102. Оп. 253. Д. 321.

13 Там же. Д. 322.

14 Там же. Д. 323.

15 Там же. Ф. 102. 00. 1906. Д. 46. Л. 17об.-18; Ф. 102. 00. 1908. Д. 46. Л. 52. 248. Там же. 1912. Д. 309. Л. 35.

16 Там же. 1908. 46. Л. 52.

17 Там же. 1912. 159, пр. 1.

18 Там же. 1916. Д. 46. Т. 2. Л. 45.

19 Там же. Л. 81об.

20 Там же. 1912. Д. 309. Л. 45, 46об.

21 Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18310. Л. 16.

22 Там же. Ф. 102. 00. 1911. Д. 148. Л. 61об.-62.

23 Там же. Ф. 102. 00. 1911. Д. 148. Л. 62-62об.

24 Там же. Ф. 102. 00. 1912. Д. 134; 1913. Д. 134; 1914. Д. 134 и т.д. до 1917 г.

25 Там же. Ф. 102. 00. 1911. Д. 148. Л. 62-63.

26 Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18310. Л. 16об.-20об.

27 Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18310. Л. 1об.

28 Там же. Л. 8. 31—31об.

29 Там же. Л. 34об.-35.

30 Там же. Ф. 102. 00. 1911. Д. 148. Л. 66-67об.

31 Там же. Ф. 97. Оп. 3. 1911. Д. 94а. Л. Поб.

32 Там же. Л. 11-12.

33 Там же. Ф. 102. 00. 1902. Д. 1457. Т. 1-3.

34 Там же. Ф. 280. 1910. Д. 5001. Л. 52.

35 Там же. Ф. 102. 00. 1912. Д. 159. Л. 8.

36 Там же. Ф. 102. 00. 1912. Д. 159. Л. 15.

- 37 Там же.
38 ГА РФ. Ф. 102. 00. 1909. Д. 85. Л. 36.
39 Там же. Л. 37-40.
40 там же. Ф. 102. 00. 1912. Д. 159. Пр. 1. Л. 8.
41 Там же. Ф. 102. 00. 1912. Д. 159. Л. 1-4, 8, 11, 18, 21.
42 Там же. Л. 32, 40, 46.
43 Там же. Л. 111.
44 Там же. Ф. 102. 00. 1914. К, Д. 117. Л. 136, 157; 1912. Д. 159. Л. 73-81.
45 Там же. Ф. 102. 00. 1912. Д. 159. Л. 70, 87, 95.
46 Там же. Ф. 102. 00. 1912. Д. 159. Пр. 1. Л. 7-8.
47 Там же. Ф. 102. 00. 1914. К, Д. 117. Л. 140.
48 Там же. Ф. 102. Оп. 253. Д. 324. Л. 1. Циркуляр Департамента полиции № 175207 от 13 ноября 1915 г. В приложенном обзоре давалось содержание газ. «Социал-демократ». № 45 — 47.
49 Там же. Ф. 102. 00. 1911. Д. 148. Л. 1.
50 Там же. Л. 61об.
51 Там же. Л. 4.
52 Там же. Л. 61-61об.
С. 351.

Глава 10.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕФОРМА ПОЛИЦИИ

(по материалам комиссии сенатора А.А.Макарова)

Одновременно с реорганизациями в системе политического розыска, которые начались в 1906—1907 гг. и носили оперативный характер, была задумана реформа всей полиции в целом. Она была органической частью реформ, объявленных Столыпиным, и предусматривала внесение определенных изменений в структуру и методы полицейской службы. Реформа была направлена на то, чтобы сделать полицейский аппарат более гибким и эффективным в борьбе с революционным движением.

Изменившиеся условия политической и общественной жизни требовали преимущественного внимания полиции к делу охраны внутреннего порядка и безопасности граждан.

Необходимость проведения реформы полиции признавалась многими деятелями. Московский генерал-губернатор, а впоследствии товарищ министра внутренних дел Джунковский, принимавший участие в разработке проекта реформы на заключительном ее этапе, в своих воспоминаниях писал: «Россия ждала реформы полиции, не более и не менее как 50 лет... Когда в 1861 г. последовало освобождение крестьян от

крепостной зависимости, то, казалось бы, одновременно следовало бы подготовить и реформу полиции, а между тем она оставалась с екатерининских времен только с некоторыми изменениями»¹.

Строго говоря, Джунковский прав лишь наполовину, вопрос о преобразовании полиции в 44 губерниях России поднимался еще до реформы 1861 г. По высочайшему повелению от 27 марта 1859 г. при Министерстве внутренних дел была организована особая комиссия, которая составила проекты общего учреждения уездной и особого учреждения городской полиции, но в связи с подготовкой реформы губернских и уездных земских учреждений, издание полицейских проектов «в полном их объеме»² власти решили приостановить. Правительство ограничилось тем, что 25 декабря 1862 г. «высочайше» были утверждены временные правила об устройстве полиции в городах и уездах по общему учреждению управляемых.

351

Отдельные попытки реформирования полиции предпринимались и в последующие годы: в 1873 г., 1878 г. (учреждение урядников); в 1879 г., 1881 г. (проект реформы местных учреждений); 1903 г. (введение уездной полицейской стражи). Были пересмотрены штаты полиции в наиболее крупных городах. Определенные изменения должно было внести Особое совещание по пересмотру «установленных для охраны государственного порядка особых законоположений», созданное в декабре 1904 г. и известное как Особое совещание под председательством Игнатьева. Однако вводимые «усовершенствования» не вносили никаких качественных изменений, что касается Особого совещания, то им была проведена большая подготовительная работа, собраны материалы о действующем законодательстве России, материалы по иностранному законодательству, составлен исторический обзор мероприятий общего характера по охране государственного порядка. Совещанием Игнатьева был почти подготовлен проект закона об «исключительном положении», но в связи с революцией правительство не сочло целесообразным рассматривать его. 23 апреля 1906 г. по высочайшему повелению совещание было закрыто.

Полицейская служба России к моменту создания Комиссии Макарова представляла собой сложную организацию без единой и четкой законодательной регламентации. Как было показано выше, она складывалась постепенно и не по одному общему образцу. Входящие в ее состав организации образовывались разновременно, под влиянием потребностей данной исторической минуты, чем «в общем-то и объяснялась ее многосложность»³, бюрократичность и иерархичность.

Лопухин, касаясь вопросов многообразия полиции, делит ее на виды, группы, типы, исходя из стоящих перед ними задач, места службы, способов организации: «Полиция в России делится на общую и жандармскую, наружную и политическую, конную и пешую, городскую и уездную», далее он называет сыскную, фабричную, железнодорожную, портовую, речную, горную, волостную, сельскую, мызную, полевую и т.п. «По способу организации полиция может быть подразделена на пять типов: военную, гражданскую, смешанную, коммунальную и вотчинную»⁴. Часто сами специалисты задумывались над определением видов полиции⁵ и даже над тем, что такое полиция.

Полицейское дело регулировалось множеством разновременно изданных, не всегда согласованных между собой и во многих случаях устаревших узаконений и распоряжения. Так, некоторые постановления «Устава о предупреждении и пресечении преступлений», которыми руководствовалась полиция, относились к XVIII и даже XVII в.

352

Говоря о существующем полицейском аппарате, царившей в нем «неразберихе», отсутствии четких положений, регулирующих и направляющих его деятельность, Лопухин писал: «Отсутствие специального сборника правил об устройстве полиции и ее службы, полицейского устава, составляет пробел в своде законов, особенно существенный ввиду исключительной сложности полицейских учреждений в России. ...Существовали, да могут и теперь оказаться такие, относящиеся до полиции распоряжения законодательной власти, которые в Свод законов и не вносились и даже не публиковались. Случайность их издания и беспорядочность кодификации привели к тому, что не только обывателю, но даже должностным лицам, даже центральному, ведающему дело полиции органу министерства внутренних дел нет иногда возможности определить для какой местности, какие полицейские власти в ней действуют»^Λ.

Границы полицейской власти были более точно определены только по уголовным делам «Уставом уголовного судопроизводства» .

Особая междуведомственная комиссия под председательством товарища министра внутренних дел Макарова приступила к работе осенью 1906 г. В комиссию вошли высокопоставленные представители различных министерств и ведомств: более всего от Министерства внутренних дел, а также от Министерства юстиции, Военного министерства, Государственной канцелярии.

Основной задачей комиссии была подготовка законопроектов по

реформе полиции. Комиссия должна была пересмотреть действующее законодательство, определяющее «условия службы и порядок деятельности чинов полиции», выработать соответствующие времени проекты преобразования полиции, подготовить проект правового регулирования деятельности полиции, завершить работу по подготовленному совещанием Игнатьева проекту «Исключительного положения», принять участие в подготовке проекта закона о неприкосновенности личности.

Своей непосредственной задачей комиссия считала «упорядочение» полиции безопасности как органа власти, призванного обеспечивать «безопасность и спокойствие населения». Комиссия сочла «излишним» входить в существо всех многочисленных технических и специальных вопросов социальной жизни, которые относятся к области полиции⁷.

Первое, на чем пыталась остановить внимание комиссия, — это определение полиции в качестве органа власти, ее устройство, виды, условия службы, направления деятельности, отношение к другим органам управления.

Важнейшим вопросом, который пыталась решить комиссия, был вопрос о соединении полиции с Отдельным корпусом

353

жандармов в центральных и местных учреждениях, а также согласование деятельности офицеров корпуса жандармов с деятельностью членов судебного ведомства при дознаниях по политическим преступлениям⁸. Первоначально комиссия остановилась на проекте, предложенном В.Э.Фришем, бывшим членом Особого совещания Игнатьева и практически подготовившим свой проект еще в «недрах» Особого совещания. Его документ назывался «Проект учреждения Государственной стражи в России». Сущность проекта заключалась в том, что существующие виды полиции: наружная, сыскная, охранная, портовая, речная, Отдельный корпус жандармов, земская стража — объединялись в корпус Государственной стражи, который в строевом и дисциплинарном «отношениях находился в подчинении военного министра, а в отношении несения служебных обязанностей по охранению порядка и безопасности» — министра внутренних дел. Фриш предлагал создать особую должность командира корпуса Государственной стражи. Государственная стража должна была подразделяться на полицию исполнительную (полицию безопасности) и судебную. Полиция «благосостояния» целиком передавалась в ведение городских и земских общественных учреждений.

Предполагалось, что Государственная стража будет организацией военной и комплектоваться из военных чинов действительной службы. Она

должна быть такого состава, который давал бы возможность справляться с волнениями собственными средствами, прибегая к содействию войск только в крайних случаях. Вся Государственная стража, включая и судебную полицию, должна находиться на местах в ведении местных губернаторов, их помощников по наружной части и градоначальников⁹.

Своим проектом Фриш стремился создать полицию на новых военизированных началах. Но этот проект сразу же был отвергнут под предлогом «исключительной трудности проведения в жизнь», потому что вносил коренную ломку в строй всех действующих организаций¹⁰. Пугало членов Комиссии введение «института полицейских комиссаров» по образцу полиции Запада, увеличение штатов. Главное же, что их не устраивало в проекте — это подчинение полиции военному министру, комплектование Государственной стражи из военных.

Для разработки и более деятельного изучения существующего законодательства, а также выработки основных положений более приемлемого проекта в январе 1908 г. была выделена особая подкомиссия под председательством директора Департамента полиции Трусевича.

Подкомиссия Трусевича тщательно изучила действующее законодательство о полиции в России и других государствах

354

(для чего Трусевич был командирован за границу). Используя материалы Сопровождающего Игнатьева, подкомиссия составила огромные перечни обязанностей полиции со ссылками на Свод законов (по всем 16 томам) по законоположениям, не вошедшим в Свод законов, по инструкциям, циркулярам, распоряжениям различных ведомств и т.д. Все эти обязанности были разбиты по группам, детально рассмотрены. Подкомиссией был также составлен подробный перечень вопросов, которыми занималась полиция, но которые не отвечают ее прямому назначению, отвлекая от выполнения главной обязанности — «ограждать и обеспечивать безопасность и спокойствие»¹¹.

Часть обязанностей предполагалось передать городским, земским и другим учреждениям¹², часть обязанностей вообще снималась¹³.

В ноябре 1908 г. подкомиссия Трусевича представила на рассмотрение и обсуждение «Проект основных положений преобразования полиции в Империи»¹⁴. Проект имел три раздела: учреждение полиции, Отдельный корпус жандармов, сложение с полиции некоторых лежащих на ней обязанностей.

В первом разделе давалось определение полиции: «Полиция есть орган правительственной власти. В пределах возложенных на нее

обязанностей, полиция наблюдает за исполнением законов и обязательных постановлений и принимает меры к предупреждению, обнаружению, устранению и преследованию деяний, направленных против государственного и общественного порядка, а равно личной и имущественной безопасности». Это была первая статья проекта. Вторая статья касалась вопроса организации полиции — «Министр внутренних дел, шеф жандармов, есть главный начальник полиции и Отдельного корпуса жандармов»¹⁵.

Согласно проекту ближайшим помощником министра внутренних дел должен стать товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и одновременно являющийся командиром Отдельного корпуса жандармов, начальником полиции в губернии является губернатор, в области — начальник области; в городах — градоначальник. Статья пятая этого проекта при обсуждении вызвала много споров и толкований, она устанавливала новые положения, отсутствовавшие в действующем законодательстве, учреждалась новая должность помощника губернатора по полицейской части. «Ближайшее (под руководством губернатора) заведование полицией, а также начальствование над чинами Отдельного корпуса жандармов в пределах губернии, области или градоначальства принадлежит помощнику губернатора (начальника области и градоначальника) по полицейской части. Объем власти коего подробно определяется издаваемою министром внутренних дел — шефом жандармов

355

инструкцией), а равно поручениями губернатора (начальника области или градоначальника»¹⁶. Производство всех дел по полицейской части сосредоточивалось в особой канцелярии при губернаторе, а губернские жандармские управления (ГЖУ) упразднялись.

Предполагалось, что этой мерой обеспечивалась согласованность в действиях общей полиции и жандармов. Исходя из этого считалось, что не дается никакого предпочтения Отдельному корпусу жандармов, так как верховная власть остается в руках губернатора. В то же время это стало как бы началом постепенного упразднения Жандармского корпуса как отдельной отрасли полицейской организации.

Комиссия считала, что таким образом происходит объединение полиции и устранение нежелательных трений между общей полицией и жандармерией.

Помощнику губернатора давались широкие полномочия. В ст. 8 проекта говорилось: «Помощнику губернатора (начальника области или градоначальника) по полицейской части подчинены, с соблюдением ст. 6:

полицмейстер губернского города (или полицмейстеры в столицах), начальник охранного отделения, начальники крепостных жандармских команд, начальники местных жандармских железнодорожных полицейских отделений (по делам, указанным в ст. 81 проекта) и командиры местных эскадронов»¹⁷.

В предлагаемом проекте полиция, «сообразно характеру выполняемых ею функций, разделялась на полицию: наружную, административную, судебную, розыскную и сыскную»¹⁸. В примечаниях указывалось, что министру внутренних дел предоставлялось право объединять указанные виды полиции в тех местностях, где разделение полиции не могло быть осуществлено в связи с некомплектностью. В предоставленном проекте также были статьи, предусматривающие условия поступления на службу, увольнения, содержания чинов полиции и др.

Власти были обеспокоены поведением полиции в годы революции. Были случаи забастовок полицейских (Екатеринослав, Одесса, Гродно, Харьков, Петербург), предпринимались попытки создания союза полицейских. Недаром в Департаменте полиции, в его Особом отделе были заведены дела «О брожении среди чинов полиции»¹⁹. Основными причинами недовольства служащих полиции были «тягость службы» и материальная необеспеченность.

Второй раздел проекта был посвящен Отдельному корпусу жандармов, который сохранял особую военную организацию. Помощник губернатора по полицейской части назначался из состава офицеров Отдельного корпуса жандармов²⁰.

356

В третьем разделе «О сложении с полиции обязанностей» подробно рассматривались вопросы, которые не отвечали прямому назначению полиции. Это обязанности по проведению денежных сборов, вручению повесток и других документов, исполнению поручений ведомств, а также необходимость присутствия при составлении разного рода актов²¹.

В декабре 1908 г. начинается обсуждение проекта вместе с заинтересованными учреждениями. Во вступительной речи Макаров сказал, что необходимость «реформы полиции настолько очевидна, что не нуждается в особых доказательствах. Россия только что пережила революцию²², весьма тревожное время, причем последнее, с одной стороны, обнаружило крупные достоинства русской полиции, исключительно которой страна обязана победой над революцией, а, с другой, выяснило и ее недостатки: последние выступили особенно резко, когда вследствие наступившего сравнительного успокоения, пришлось

переходить на мирное положение...»²³ «Ряд предпринятых в это время ревизий деятельности полицейских учреждений обнаружил дезорганизацию полиции, склонность ее к превышению власти и расшатанность дисциплины. Результаты упомянутых ревизий послужат критерием для определения отрицательных условий полицейской службы, устранение которых должно составить ближайшую задачу комиссии, хотя необходимо сознаться, что ввести полицию в норму и привести ее деятельность в соответствие с нормальным течением жизни в государстве представляется делом весьма трудным»²⁴.

Таким образом, глава комиссии был настроен далеко не оптимистически и, как видно, отдавал себе отчет в невозможности создания «нормальной», действующей на строго правовой основе полиции в государстве, где нормой является полицейский произвол.

Особенно остро стоял вопрос о соотношении между чинами Отдельного корпуса жандармов и губернской властью, о помощнике губернатора по полицейской части. Интересны были выступления местных губернаторов. Д.Ф. Фон Гагман (могилевский губернатор) назвал помощника губернатора «прослойкой» между губернатором и полицией, благодаря которой «губернатор совершенно устраняется»²⁵ от полицейских дел. Н.Г. Бюнтинг (тверской губернатор) считал, что едва ли стоит полицию лишать самостоятельности и подчинять Отдельному корпусу жандармов. Он считал, что «можно ограничиться тем, что сохранить начальника ГЖУ, поручив ему инспекторскую часть полиции, а также политический розыск и производство дознаний по ст. 1035, но не переводить его в канцелярию». Н.П. Муратов (тамбовский губернатор) считал объединение всей полиции в губернии неразрешимой задачей, «так как нет

357

никакой возможности объединить два совершенно разнородных элемента»²⁶. Очень резко выступил Л.М. Князев (курляндский губернатор). Он напомнил недавнее обсуждение проекта губернской реформы в Совете по делам местного хозяйства, по которой «губернатор — ставится... весьма высоко, практически же отношение реформы к губернаторам может быть выражено формулой "руки прочь"». Таковую же позицию, с его точки зрения, заняла подкомиссия Трусевича²⁷.

Таким образом, губернаторы, не вдаваясь глубоко в то, что несет реформа, и скорее боясь за свою власть, осудили одно из основных положений проекта и практически не внесли никаких реальных предложений. Примерно такие же отзывы получила Комиссия на этот

пункт проекта от начальников ГЖУ 28. И те, и другие в своем большинстве были против слияния полиции общей и жандармской, стремясь сохранить свою независимость.

Комиссия однако по этому пункту проекта проголосовала за выработанное ею положение, не приняв во внимание высказывания губернаторов. После этого обсуждения доработка проекта комиссией в основном свелась к частным, второстепенным попыткам.

В 1909 г. комиссия просит дать заключение Главного управления по делам местного хозяйства по целому ряду вопросов. 9 апреля проходит совместное обсуждение вопросов: об участии городских и земских общественных управлений в расходах по содержанию полиции; пожарной части; порядке составления, издания обязательных постановлений по вопросам, относящимся к общественному благоустройству и безопасности; сложении с полиции некоторых обязанностей и переложении их на органы общественных и сословных учреждений по принадлежности 29.

В результате этого обсуждения проект не претерпел существенных изменений.

Сведения о реформе полиции и подготовленных проектах проникают в газеты. Некоторые из них писали, что реформа полиции, выработанная в недрах Министерства внутренних дел, далеко отстывает от начал, положенных в основу организации лучших из полицейских систем в Европе и указывали, что только отмена исключительных положений, возвращение к нормальному порядку управления, распространение ответственности перед законом на всех граждан без исключения, а также на должностных лиц, являются предварительными условиями, при которых только и возможна реорганизация полиции, все же остальные меры беспомощны и не в состоянии положить конец злу³⁰.

358

В 1909 г. в печати начинают появляться материалы об общих основаниях подготавливаемого законопроекта. Газеты* «либерального» направления критически оценивают его положения. Часть прессы находила, что реформа с технической; стороны разработана, «если не особенно удовлетворительно, то и не без руководящего плана. Центральной частью проекта является объединение всех существующих родов и видов полиции, но проект совершенно не касается тайной охранной полиции, необходимость преобразования которой выдвигается с особой настойчивостью. Она организована на началах полной автономности и даже министр внутренних дел не всегда осведомлен. Реформу следовало бы начать с ограничения ее почти беспредельных полномочий и

сокращения случаев ее вмешательства в личную и общественную жизнь»³¹.

Интересны высказывания газеты «Русское слово», которая писала, что Запад давно уже отказался от деления полиции на общую и специальную политическую, что там установилась система судебно-исковой ответственности полицейских агентов. Проект реформы забыл о двух основных принципах всякой реформы — об ограждении прав граждан и развитии общественной самостоятельности³².

Несколько неожиданными были высказывания и рассуждения о реформе приморского генерал-губернатора, который говорил о взяточничестве полиции, о заслуженном враждебном к ней отношении населения, о том, что «необходимо выкорчевать корень зла, заставивший обывателя потерять к полиции всякое доверие и относиться к ней с нескрываемой враждебностью, а до тех пор полиция и общество будут составлять два враждебных лагеря, и это неестественное явление не изменится к лучшему, не только частичным увеличением содержания отдельных чинов, но и многократным увеличением этого содержания. Пусть кто-нибудь не подумает, что обыватель не любит полицию за то, что в большинстве случаев от нее можно откупиться. Да обыватель задохнулся бы под гнетом наших полицейских законов, если бы не возможность откупиться от них. Создайте новые, соответствующие времени полицейские законы, облеките полицию полной властью, но отдайте эту власть не под контроль административный, а суда, создайте законы о неприкосновенности личности под защитой того же суда и будьте уверены, это доверие общества к полиции сразу появится»³³.

Вопрос о доверии полиции, об улучшении ее материального положения активно обсуждался на страницах печати. Большое внимание этому вопросу уделяла и сама Комиссия. С одной стороны, ей хотелось создать прочную, заинтересованную, «интеллигентную» полицию, но, с другой — она боялась больших расходов и, как это выяснилось впоследствии, не напрасно.

359

Окончательный проект преобразования полиции был рассмотрен Советом Министров 12 июля 1911 г. и 31 января 1912 г. На рассмотрение Совета министров были представлены три документа: проект «Учреждения полиции»; проект «Устава полицейского» и «Заключение».

В первом документе излагалась организация реформированной полиции, определялись ее виды; нормы личного состава полицейских чинов, их оклады; источники финансирования.

Проект преобразования полиции был значительно дополнен по сравнению с обсуждавшимся в декабре 1908 г. В некоторых случаях он существенно детализирован, количество статей возросло в два раза (230 статей). В проекте отсутствовал ранее представлявшийся документ «Об Отдельном корпусе жандармов». В проекте отсутствовало также определение полиции и ее места в политической системе государственной власти. По этому проекту общее заведование полицией возлагалось на одного из товарищей министра, в то же время указывалось, что его должность «может быть совмещена с должностью командира Отдельного корпуса жандармов». В предыдущем проекте эти должности совмещались обязательно.

Вопрос об объединении всех видов полиции под властью МВД так и оставался открытым, хотя Макаров и убеждал, что создание должности помощника по полицейской части при губернаторе ведет к объединению полицейской службы.

Оставалась не подчиненной министру внутренних дел особая подведомственная полиция — дворцовая; городская в дворцовых городах, в военных портах; казенная лесная стража, также никак не решался вопрос о выборной сельской полиции.

Второй документ «Устав полицейского» представлял собой свод узаконений, определяющий служебные права и обязанности чинов полиции. Этим Уставом предполагалось заменить действующий, но явно устаревший «Устав о предупреждении и пресечении преступлений». В проекте Устава в некоторых пунктах конкретно указывались «условия и порядок исполнения» полицией возложенных на нее обязанностей, в некоторых пунктах была отсылка к своду законов, где определялись особые обязанности полиции. В числе нововведений особого внимания заслуживал институт карательных постановлений и правила о полицейском надзоре. Сущность института карательных постановлений (заимствованного из западноевропейской практики) заключалась в том, что классным полицейским чинам, не ниже станового пристава и соответствующему ему чиновнику городской полиции, предоставлялось право по маловажным поступкам, при очевидности совершения определенными лицами, предлагать виновным уплатить штраф и тем искупить свою

вину, в случае отказа — привлечь их к судебной ответственности на общем основании. Что касается правил о полицейском надзоре, то целью их ставилась борьба с туеядством, нищенством и «ограждение» населения от преступных посягательств со стороны таких лиц, которые, «отвыкнув от

труда и живя попрошайничеством, часто впадают в преступление лишь бы иметь возможность предаваться праздности»³⁴.

Что же касается надзора политического, то в него не вносилось никаких изменений, поскольку реформа практически не затрагивала Отдельный корпус жандармов, его структуру и функции. В краткой обстоятельной записке к заключению Комиссии указывалось, что комиссия не считает своей компетенцией касаться постановлений и правил, на которых зиждется Корпус жандармов³⁵.

Определенный интерес представлял третий документ — «Заключение», которое намечало порядок осуществления реформы полиции. В нем предусматривалось, что проектируемое переустройство полиции следует вводить пока в 50 губерниях, которые управляются по «общему учреждению губернскому с присоединением к ним губернии Севастопольской, чтобы новые узаконения вошли в силу одновременно в этих губерниях». В этой же части предусматривались необходимые изменения и дополнения к действующим законоположениям, перечислялись обязанности, снимаемые с полиции и передаваемые в другие ведомства и организации.

В представленных материалах было собрано все законодательство, регулирующее служебную деятельность полиции и ее отношение к населению. Обсуждение этих материалов 12 июля 1911 г. в Совете министров прошло без особых осложнений, если не считать возражений министра финансов Коковцева, который считал, что основная цель задуманной реформы — объединение полиции, в действительности не достигается, а создается «исключительно привилегированное положение для высших чинов жандармского корпуса, из числа коих должны обязательно назначаться помощники губернатора по полицейской части». По проекту окажется, говорил он, что «вся местная полицейская сила сосредоточится в руках старших чинов корпуса жандармов, отчего влияние их возрастет, конечно, в чрезвычайной степени в ущерб значению общей полиции. И это поведет не столько к объединению общей полиции с жандармской, а к поглощению общей полиции жандармским корпусом»³⁶. Вместе с тем, Коковцев не настаивал на изменении этого пункта. Очень серьезные возражения были им высказаны по финансовой стороне реформы. По данным Министерства внутренних дел на содержание реформированной полиции необходимо 118 млн. руб. (то есть необходимо увеличить рас-

проведении реформы только в 50 губерниях, а если считать всю Россию, то расходы могут выразиться в дополнительных 30 млн. руб. Коковцев предлагал проводить реформу не сразу в 50 губерниях, а в несколько очередей, постепенно, по отдельным районам. Он также опасался, что предлагаемые оклады могут послужить прецедентом для повышения содержания служащих других ведомств.

Совет министров не считал необходимым вносить в проект какие-либо серьезные изменения и, отвечая на замечания Коковцева, считал возможным оставить статьи, касающиеся «общего положения полиции в том виде, как это предусматривалось проектом, только с некоторыми уточнениями». Что же касается финансовой стороны реформы, то Совет министров «счел себя обязанным изыскать все приемлемые способы к всемерному облегчению вызываемой финансовой тяготы, не нарушая главных оснований настоящего преобразования»³⁷.

Совет министров считал, что вопрос об окладах содержания полицейским чинам «один из наиболее важных в обсуждаемой реформе, ибо само собою ясно, что нельзя иметь хорошей полиции, не оплачивая труда достаточным содержанием. Вместе с тем, по условиям и обстановке, в которых протекает полицейская деятельность, последняя наиболее тягостная из всех гражданских служб, а по соединенной с нею опасности для полицейских чинов мало чем уступает военной службе». Полицию можно по справедливости назвать армией мирного времени, «ограждающею государство от внутренних врагов», но в отличие от военной службы, полицейская деятельность не пользуется тем общественным уважением, которое по праву принадлежит военному сословию. Совет министров полагал, что надлежащее вознаграждение полицейских служащих является первым условием правильной полицейской организации.

В результате обсуждения было создано Особое совещание из представителей Министерства внутренних дел, Министерства финансов, Государственного контроля под председательством государственного контролера П.А.Харитонов для обсуждения и выработки законопроекта с установлением окладов полицейским чинам. На этом совещании между ее членами было достигнуто соглашение не по всем пунктам. При рассмотрении предложений комиссии Макарова Особое совещание внесло некоторые изменения. Так, оклады содержания чинов полиции были несколько понижены и распределены не на четыре разряда как предполагалось, а на пять³⁸.

В 1912 г. проекты комиссии Макарова, одобренные Советом

министров, доработанные по замечаниям, были отправлены на рассмотрение Государственной думы.

362

Довольно интересно заключение Совета министров, в котором указывалось: «...В существе своем они (проекты) заслуживают полного одобрения как серьезный шаг к коренному преобразованию нашего обветшалого полицейского строя, не соответствующего уже усложнившимся запросам текущей жизни»³⁹.

Что же принципиально нового вносил этот проект? Главными моментами предлагаемой реформы были: упразднение ГЖУ; создание особой канцелярии при губернаторе, на которую возлагались все дела по полицейской части; введение новой должности помощника губернатора (градоначальника) по полицейской части, который должен заведовать особой канцелярией. Принципиальное значение имела оговорка, что помощник губернатора назначался из офицеров Отдельного корпуса жандармов.

Уездные исправники переименовывались в уездных начальников, предполагалось упразднить уездные и городские полицейские управления и заменить их канцеляриями при уездных начальниках и полицмейстерах. Учреждались новые должности старших офицеров полицейской стражи, вместо инспекторов, и новые должности помощников станowych приставов. Околоточные надзиратели переименовывались в полицейских надзирателей с повышением класса должности. Что касается сельской полиции, то волостные старшины, сельские старосты и десятские только формально включались в состав полиции.

Для определения численного состава полиции в каждом городе или уезде предполагалось установить особые нормы соотношения между численностью населения и полицией. Для лиц, желающих занять, полицейские должности, устанавливался образовательный ценз. Для подготовки лиц к полицейским должностям учреждались особые курсы и полицейские школы. В связи с тем, что очень часто стоял вопрос о различных проступках полицейских и их моральном облике, был введен пункт, что вопросами увольнения со службы чинов полиции «за неслужебные проступки или по неспособности к исполнению своих служебных обязанностей» будут заниматься особые присутствия под председательством губернатора (градоначальника).

Значительно увеличивалось содержание чинов полиции, оплата шла в зависимости от разряда местности, в которой шла служба. Столичная полиция находилась вне разряда. За «прослужение» в одной должности 5

лет чины полиции, за исключением уездных начальников и полицмейстеров, должны были получать 10% прибавку к жалованью.

363

С полиции снимались обязанности не свойственные ей и передавались в другие учреждения.

Несмотря на огромное количество конкретных предложений и мер, призванных повысить эффективность полиции, проектом практически не обеспечивалось главное — единство полиции. Различные виды полиции оставались в ведении разных ведомств. Так, полиция дворцовых городов оставалась в ведении министра императорского дворца, а на местах — в ведении губернаторов. Сохранялась полиция речная, ярмарочная, портовая, фабричная, заводская. В ведении главного управления земледелия и землеустройства оставалась казенная лесная стража. Сохранились также полевая и охотничья стража; выборная сельская полиция; полиция, нанимаемая на частные средства. Практически без изменений оставался Корпус жандармов.

Проведение этого проекта в жизнь натолкнулось на серьезные препятствия. Проект на первом этапе имел очень сильного защитника в лице Столыпина. Но готовился он чрезвычайно долго и со смертью Столыпина заинтересованность «высших сфер» в нем резко упала. Сказалась и общая обстановка в России.

16 декабря 1912 г. глава Комиссии и к этому времени министр внутренних дел Макаров ушел в отставку, новый министр; внутренних дел Н.А. Маклаков сразу же вернул проект реформы из Государственной думы для нового обсуждения и доработки⁴⁰.

Примечательно первое совещание, открытое Маклаковым по обсуждению проекта реформы. Речь его была выдержана в недоброжелательных тонах. Он сказал: «Полицейская реформа разрабатывается с 1907 г., но по исключительным условиям своим она только недавно доползла до Совета министров. Когда я ознакомился с основаниями проекта этой реформы, я сразу почувствовал, что дело это мы сделали не так, что если мы его проведем по выработанному проекту, то мы сами себе свяжем руки».

Н.А. Маклаков считал, что проект реформы ничего не дает в смысле объединения полиции и в «этом отношении проект представляет собой несколько шагов назад»⁴¹. Он приветствовал создание института «карательных постановлений», заимствованного от полиции Запада. Вопросы проекта, не вызывающие споров, были одобрены, например, особая инструкция стражникам. Более всего замечаний (13) было

высказано по первому документу проекта «Учреждение полиции». Вынашиваемая Макаровым мысль о создании должности помощника губернатора по полицейской части была отклонена. И соответственно были изменены статьи, связанные с этой должностью и касающиеся взаимоотношений между чинами полиции и

364

жандармерии. Исключены были также некоторые статьи о правах и обязанностях жандармской полиции, как повторяющие действующее законодательство, несколько смягчен пункт об образовательном цензе для занятий полицейских должностей. Он не распространялся на личный состав служащих ко времени издания «Учреждения полиции». Маклаков считал также целесообразным исключить несколько статей проекта, связанных с существованием «особых присутствий», созданных для решения вопросов увольнения от службы чинов полиции, ссылаясь на то, что 27 июня 1905 г. «высочайше утвержден» специальный «Устав о служебных проступках», хотя еще и не введенный в действие. Были внесены некоторые уточнения положения полиции, нанимаемой на частные средства. Если по предложениям Макарова нельзя было трогать эту полицию без согласия их нанимателей, то по новому проекту чины «частновладельческой полиции» должны находиться «в полном распоряжении начальника местной полиции», причем указывалось, что размер «содержания» их не должен превышать окладов со? ответствующих должностных лиц общей полиции. Что касается уездных исправников, то решено было их сохранить, не переименовая⁴². В результате было сокращено более 44 статей, внесены некоторые редакционные поправки. В конце марта проект был представлен в Совет министров, а осенью — в Государственную думу.

13 ноября 1913 г. открылось первое заседание Особой комиссии Государственной думы для рассмотрения представленного Маклаковым законопроекта о реформе полиции. Докладчиком думской комиссии был октябрист Д.П. Капнист. Им был поднят отвергнутый проект Фриша о создании корпуса Государственной стражи, вопросы о помощнике губернатора по полицейской части и Отдельном корпусе жандармов. Много говорилось о реорганизации корпуса жандармов, о снятии с него полицейских обязанностей. Некоторые члены комиссии называли корпус жандармов «Государством в государстве»⁴³. Однако, несмотря на эти рассуждения, комиссия оставила в силе позиции русского жандарма.

Работа думской комиссии затянулась на многие годы. Практически комиссия работала почти десять лет. За период ее деятельности, начиная с

1908 по 1916 г., принималась масса временных узаконений по усилению полиции в различных местностях России, которые приходилось периодически продлевать до окончания работы комиссии и проведения реформы⁴⁴.

По сведениям за 1916 г. проект о преобразовании полиции находился еще на рассмотрении в Государственной думе. Усилившееся революционное движение побудило Министерство

365

внутренних дел срочно форсировать лишь те предложения, которые могли усилить надежность полиции.

Решающим моментом для принятия решения об усилении полиции и увеличении ее содержания была забастовка полицейских в Москве. В связи с этим срочно проводится частичная реформа, касающаяся исключительно вопросов личного полицейского состава, причем преобразование проводится и упрощенном и ускоренном порядке.

26 сентября 1916 г. Министерство внутренних дел вносит в Совет министров законопроект, в котором говорится о безотлагательном усилении полиции и увеличении присваиваемого им содержания⁴⁵. 30 октября 1916 г. Николай II утверждает положение «Об усилении полиции в 50-ти губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов⁴⁶.

Этой частичной реформой устанавливался численный полицейский состав в соответствии с численностью населения, повышались оклады содержания, вводился образовательный ценз⁴⁷.

В конечном итоге попытки создать учреждение для более успешной борьбы с революционным движением практически ничем не окончились. Задача оказалась очень сложной и неразрешимой. Одни боялись власти губернаторов, другие — ослабления жандармерии. Общие причины, связанные с провалом политики Столыпина, сказались и на провале этой реформы.

В условиях новой революционной ситуации, начавшейся войны, правящие круги явно охладели к реформе.

В конечном итоге работа комиссии свелась не столько к поискам более современных способов и форм организации полицейской службы, сколько к борьбе различных группировок внутри полицейского аппарата. Что же касается Думы, то она оказалась бессильной повлиять на ход работы Комиссии и тем более вывести ее из тупика.

Примечания

1 Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 135.

2 Объяснительная записка о главных началах для устройства полиции. НБ ГА РФ. № 110393.

3 Краткая объяснительная записка и заключение Межведомственной комиссии под председательством сенатора А.А.Макарова по преобразованию полиции в империи. СПб., 1911. С. 17.

4 Лопухин А.А. Из итогов служебного ответа. Настоящее и будущее Российской Империи. М., 1907. С. 10.

5 Вестник полиции. 1907. № 1. С. 14.

6 Лопухин А.А. Указ. работа. С. 9—10.

7 Вестник полиции. 1911. № 29. С. 674.

8 Курлов. Конец русского царизма. М., 1923. С. 117—118.

9 Объяснительная записка к проекту схемы организации Государственной стражи в России. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 261. Д. 203.

10 ГА РФ. ф. Ю2. Оп. 262. Д. 74. Л. 11.

11 Курлов. Указ. работа. С. 119.

12 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 41-47, 49.

13 Там же. Л. 48.

14 Там же. Ф. 102. Оп. 262. Д. 33. Л. 1-140; Д. 35. Л. 1-395; Ф. 102. Оп. 261. Д. 173, 186, 187.

15 Там же. Ф. 102. Оп. 261. Д. 186. Л. 3.

16 Там же. Л. 4.

17 Там же. Л. 5.

18 Там же. Л. 9-13.

19 Там же. Ф. 102. 00. 1905. Д. 1074

20 Там же. Ф. 102. Оп. 261. Д. 186.

21 Там же. Л. 29-32.

22 При редактировании протокола слово «революция» было вычеркнуто.

23 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 28. Л. 1-2.

24 Там же. Л. 3.

25 Там же. Л. 10.

26 Там же. Л. 11.

27 Там же. Л. 14.

28 Там же. Ф. 102. Оп. 262. Д. 81. Л. 1-6.

29 Там же. Ф. 102. Оп. 262. Д. 28. Л. 1.

30 Вятская речь (газета). 1908. 29 сентября; Вятское слово (газета Х 1908. 13 декабря.

31 Слово (газета). 1909. 3 января.

32 Русское слово (газета). 1909. 3 января. :

- 33 Живое слово (газета). 1909. 17 января.
- 34 ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1907. Д. 14. Л. Г, 78об.
- 35 Краткая объяснительная записка к заключению Межведомственной комиссии под председательством А.А.Макарова по преобразованию полиции в империи. С. 26.
- 36 ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1907. Д. 14. Ч. 4. Л. Г, 80.
- 37 Там же. Л. 85.
- 38 Там же. Ф. 102. Оп. 262. Д. 71. Л. 23; Д. 58.
- 39 Там же. Ф. 102. 2 д-во. 1907. Д. 14. Ч. 4. Л. Г, 79.
- 40 Вестник полиции. 1913. № 2. С. 32.
- 41 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 71. Л. 22.
- 42 Там же. Ф. 102. Оп. 262. Д. 68.
- 43 Там же. Ф. 102. Оп. 262. Д. 313. С. 17.
- 44 Там же. Ф. 102. Оп. 262. Д. 75. Л. 199; Оп. 302. Д. 673. Л. 50-62; 7 д-во. 1916. Д. 50; Вестник полиции. 1915. № 44; Собрание узаконений. 1912. Ст. 1379; 1914. Ст. 1351.
- 45 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 313. Ст. 17. Л. 1.
- 46 Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1916. № 307. Ст. 2426.
- 47 Вестник полиции. 1916. № 41—42.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чем ближе автор продвигалась по ходу исследования и изложения к последним годам существования Департамента полиции, тем все сильнее у нее возникало ощущение, что где-то мы это «уже проходили» и что история повторяется. И в самом деле, разве не напоминает в чем-то бесславный и драматический конец Департамента столь же бесславный, хотя и менее драматический конец III отделения собственной его императорского величества канцелярии? Как то, так и другое учреждения оказались неспособными выполнить свое основное предназначение. III Отделение не смогло воспрепятствовать разгулу терроризма, Департамент полиции — спасти трон. Оба они оказались в состоянии конфронтации с обществом, «утратили доверие обывателя», который стал относиться к полиции «с явной враждебностью». Слова эти были сказаны в отношении Департамента полиции, но в полной мере их можно отнести и к III отделению.

Аналогии эти можно продолжить и в более конкретном плане. Разве характеристика самых высоких должностных лиц, данная на последнем этапе существования Департамента многим его чиновникам, не совпадает почти буквально с той, которую давали представители противоположных

лагерей служащим? Да и тот разнбой, и великое множество зачастую мешавших друг другу и соперничающих (а иногда и враждующих) друг с другом полицейских служб, вскрытых комиссией сенатора Макарова, лишь в более широких масштабах повторяет тот ведомственный сепаратизм, который послужил едва ли не главной причиной ликвидации. Весьма схожи и характеристики крайне невысокого состояния полицейской морали, дававшиеся современниками обоих учреждений. Бросается в глаза и неспособность властей как в том, так и в другом случаях сколько-нибудь кардинально изменить ситуацию и привести полицейские учреждения в соответствие с требованиями времени.

И, наконец, главное. Как в том, так и в другом случаях причина неэффективности, «застоя» и упадка была отнюдь не в самих полицейских учреждениях, а в режиме, в рамках которого им приходилось действовать. Сами основы и принципы этого режима обрекали на неудачу любые попытки даже не либерализации, а рационализации этих учреждений. И то, что Зубатов и «зубатовщина» оказались как бы зажаты и буквально

368

раздавлены прессом со стороны уповавших на силу репрессий властей и сил, нацеленных на насильственное сооружение режима, — лучшее тому подтверждение. Еще более наглядно убеждают в этом и годы бесконечных словопрений, в которых утонули даже далекие от радикализма предложения и проекты, возникавшие в комиссии сенатора Макарова.

Очевидно, аналогии, особенно частного порядка, можно было бы продолжать и далее, однако вряд ли это добавило бы что-то существенное к уже сказанному. Больше того, увлечение такими сопоставлениями могло бы нас завести слишком далеко по пути чисто механического сравнения и отвлекло бы от куда более важного дела, а именно выяснения своеобразия деятельности Департамента полиции, которое делало его в чем-то неповторимым и даже уникальным учреждением.

Автор, конечно же, далека от того, чтобы завышать оценки и характеристики работы Департамента, его отделов и делопроизводств, а также находившихся под его управлением полицейских структур как внутри страны, так и за рубежом. И тем не менее, она считает необходимым высказаться здесь по поводу того огромного опыта профессиональной деятельности, который был накоплен за годы его существования. Ибо хотим мы того или нет, опыт этот делает и сам Департамент, и его структуры органической частью процесса государственного строительства России, которое, сколь бы противоречивым оно ни было, является частью нашей истории, и не только

истории, но и в какой-то мере нашего будущего.

Собственно, если говорить об основном направлении исследования, то оно и было нацелено, как в этом мог убедиться читатель, на выявление именно этой, профессиональной стороны деятельности Департамента, а также тех усилий, которые предпринимались для ее отработки и совершенствования.

Какими бы бесперспективными в конечном итоге ни оказывались многочисленные реорганизации Департамента и его структур, в чисто служебном, прагматическом плане они производились для более успешного выполнения его специфических функций и задач приспособления всей его деятельности к постоянно меняющейся ситуации. Тому же способствовал и постоянно накапливавшийся опыт розыскной деятельности, будь то в области наружного или внутреннего наблюдения, специализации и профессионализации «личного состава» и его элиты, перлюстрации, делопроизводства и организации заграничной агентуры.

Как архивист автор не могла, естественно, пройти и мимо той огромной работы, которая была проведена в Департаменте по упорядочению и систематизации документально-информационной базы, в значительной мере благодаря которой уже не

369

одно поколение историков имеет возможность изучать по первоисточникам общественно-политическую жизнь дореволюционной России.

Здесь нет нужды «подытоживать» сказанное в отдельных главах и тем более извлекать те или иные уроки из проделанного анализа. При желании читатель может сделать это и сам, а профессионалы в области государственного строительства и системы правоохранительных органов, наверняка, сделают это много лучше, чем автор.

И все же один урок или вывод, который автору представляется главным и который в полной мере может быть отнесен и к современной России, ей хотелось бы в заключение всей работы сделать. Состоит этот вывод в том, что сколь бы большое значение не имели усилия по совершенствованию, профессионализации и рационализации отдельных видов государственного управления, добиться даже минимальных успехов здесь невозможно, если эта деятельность не является органической частью общих усилий по совершенствованию и «осовремениванию» (в самом широком смысле этого слова) всей системы государственной власти. Сказанное, безусловно, относится ко всем учреждениям и органам государственного управления, однако, пожалуй, деятельность ни одного из

них не обусловлена столь органично состоянием «системы» в целом, как органов правопорядка.

Приложение № 1.

Список директоров Департамента полиции со времени его образования до 1917 г. в хронологическом порядке

№ п/п	Фамилия, имя, отчество и краткие сведения о перемещениях по службе	Дата пребывания в должности директора Департамента полиции
1.	<p>Велио Иван Осипович (6 октября 1827 — 30 января 1899) из дворян, окончил Александровский лицей. В 1847 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел, сентябрь 1861 г. — переведен на службу в МВД.</p> <p>С ноября 1861 г. по декабрь 1866 г. исполнял должности херсонского вице-губернатора, затем губернатора, бессарабского гражданского губернатора, одесского градоначальника, симбирского губернатора. В декабре 1866 г. назначен директором Департамента полиции исполнительной МВД. С 1867 г. занимался вопросами тюремного ведомства. С июня 1868 г. — директор почтового департамента, 17 августа 1880 г. — 12 апреля 1881 г. первый директор Департамента государственной полиции.</p> <p>РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 77. Л. 58-81.</p> <p>Альманах. Из глубины времен. 1995. № 4. С. 132—</p>	17 августа 1880 г —12 апреля 1881 г.

143.

Плеве Вячеслав Константинович (8 апреля 1846 — 15

июля 1904), из дворян, окончил Московский университет, вышел со степенью кандидата юридических наук, в 1867 г. поступил на службу в Московский окружной суд; в 1879 г. назначен прокурором Санкт-Петербургской судебной палаты;

в 1881 г. — директором Департамента государственной полиции;

15

2. в 1884 г. — сенатором; апреля 1881 г.
в 1894 г. государственным секретарем; -20 июля 1884
в 1899 г. назначен министром, статс-секретарем г.

княжества Финляндского,

с 1902 г. — министром внутренних дел и шефом жандармов;

в 1904 г. убит социалистом-революционером Е.Сазоновым в С.-Петербурге.

РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 419. Л. 163-177.

Альманах. Из глубины времен. 1995. № 4. С. 144—151.

Дурново Петр Николаевич (1843 — 11 сентября 1915), из

дворян, окончил Морской кадетский корпус и военно-юридическую академию, с 1872 г. занимал должности

товарища прокурора Владимирского и Московского окружного суда и Киевской судебной палаты; с 1881 г. —

21 июля

3. управляющий судебным отделом Департамента 1884 г. - 3
полиции; в февраля 1893
г.,

1884—1893 гг. — директор Департамента полиции; в 1900—1905 гг. — товарищ министра внутренних дел; в 1905 г. назначен министром внутренних дел и членом Государственного Совета.

РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 190. Л. 82-109.

Альманах. Из глубины времен. 1995. № 4. С. 151 — 165.

- Петров Николай Иванович (20 октября 1841 — 24 декабря 1905), из дворян, окончил Константиновское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба, с 1884 по 1893 г. — начальник штаба
4. отдельного корпуса жандармов; с 1893 г. — директор Департамента полиции; в 1896 г. был начальником Главного управления почт и телеграфов.
РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 409. Л. 93—117.
Альманах. Из глубины времен. 1995. № 4. С. 166-177.
- С. 374. Сабуров Николай Николаевич (1846? — ?), из мещан, окончил Московский университет — юридический факультет, секретарь при прокуроре Московского окружного суда, товарищ прокурора Тульского окружного суда, прокурор Пензенского окружного суда (с 1875), прокурор Петербургского окружного суда (с декабря 1877), обер-прокурор I Департамента Правительствующего Сената (4 марта 1881). В 1885— 1895 гг. вице-директор Департамента полиции, с 1895 г. — директор Департамента полиции.
5. РГИА. Ф. 1284. Оп. 51, 1885. Д. 16. Л. 99—110.
Альманах. Из глубины времен. 1995. №5. С. 173-177.
- Добржинский Антон Францевич (1844? — 8 августа 1897), из потомственных дворян, окончил Киевский университет — юридический факультет. Поступил на государственную службу в марте 1868 г. по судебному ведомству, был товарищем обер-прокурора Сената и одновременно заведующим временной канцелярией при Министерстве юстиции по производству особых уголовных дел, с 1896 г. — директор Департамента полиции.
6. РГИА. Ф. 1363. Оп. 8. Д. 941. Л. 9-7. Альманах.
- 10 февраля 1893 г. - 22 июля 1895 г.
- 22 июля 1895 г. – 17 апреля 1896 г.
- 23 мая 1896 г. – 7 августа 1897 г.

Из глубины времен. 1995. № 5. С. 177—181.

- Зволянский Сергей Эрастович (1855? — 2 марта 1912), из дворян, окончил Императорское училище правоведения, участвовал в русско-турецкой войне 1878 г. В июне 1883 г. утвержден в должности секретаря при директоре ДП, 12 июня 1887 г. делопроизводитель ДП. В 1889—1895 гг. делопроизводитель 4-го делопроизводства, а в 1895—1897 гг. вице-директор Департамента полиции, с 1897 г. директор Департамента полиции. РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 4825. Л. 49—64. Альманах. Из глубины времен. 1995. № 5. С. 182-189.
7. 1887 г. делопроизводитель ДП. В 1889—1895 гг. делопроизводитель 4-го делопроизводства, а в 1895—1897 гг. вице-директор Департамента полиции, с 1897 г. директор Департамента полиции. РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 4825. Л. 49—64. Альманах. Из глубины времен. 1995. № 5. С. 182-189.
- 14 августа 1897 г. — 9 мая 1902 г.

- Лопухин Алексей Александрович (1864—1928), из дворян, окончил Московский университет — юридический факультет, кандидат правоведения, с 1886 г. служба по судебному ведомству. В 1896 г. поступил на службу в Министерство юстиции, с 1889 г. — прокурор Московского окружного суда, с 9 мая 1902 г. и.о. директора Департамента полиции; 6 мая 1903 г. — директор Департамента полиции. РГИА. Ф. 1284. Оп. 52. 1892. Д. 9а. Л. 51-54; 65-69. Альманах. Из глубины времен. 1996. № 6. С. 176—179.
8. 1889 г. — прокурор Московского окружного суда, с 9 мая 1902 г. и.о. директора Департамента полиции; 6 мая 1903 г. — директор Департамента полиции. РГИА. Ф. 1284. Оп. 52. 1892. Д. 9а. Л. 51-54; 65-69. Альманах. Из глубины времен. 1996. № 6. С. 176—179.
- 9 мая 1902 г. — 4 марта 1905 г.

- С. 375. Гарин Николай Павлович (1861 — после 1935), из 19 июля потомственных дворян, окончил Императорское 1905 г. — 9 училище правоведения. Службу начал с мая ноября 1905 г. 1882 г. младшим помощником секретаря 4-го Департамента Правительственного Сената, 19 июля 1905 г. — 9 ноября 1905 г. чиновник в Кодификационном отделе при Государственном Совете, член различных Комиссий по законодательству, ревизующий сенатор, апрель 1916 г. помощник военного министра. РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 35. Альманах. Из глубины времен. 1996. № 7. С. 196-203, 209.
10. чиновник в Кодификационном отделе при Государственном Совете, член различных Комиссий по законодательству, ревизующий сенатор, апрель 1916 г. помощник военного министра. РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 35. Альманах. Из глубины времен. 1996. № 7. С. 196-203, 209.
- 19 июля 1905 г. — 9 ноября 1905 г.

Вуич Эммануил Иванович (1849 — ?), сенатор, из 9 ноября дворян, окончил Петербургский

- университет – юридический факультет, с декабря 1871 г. служба по 13 июня 1906 г. судебному ведомству, член главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия, в 1905 г. назначен директором Департамента полиции. РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 2553. Л. 1—7. Альманах. Из глубины времен. 1996. № 7. С. 203-209.

9 ноября
1905 г. – 13
июня 1906 г.

11.
- Трусевич Максимилиан Иванович (3 июля 1863 — ?), из дворян, 13 июня 1906 г. окончил Императорское училище правоведения, поступил на государственную службу в 29 марта 1909 г. 1885 г.; с 1889 г. товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда; с 1906 г. директор Департамента полиции и член главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия; с 1909 г. — сенатор; с 1914 г. — член Государственного совета. РГИА. Ф. 1341. Оп. 548. Д. 253. Л. 2 — 9. Альманах. Из глубины времен. 1997. № 8. С. 195-198.

13 июня
1906 г. – 29
марта 1909 г.

12.
- Зуев Нил Петрович (9 марта 1857 — 1918), из дворян, 29 марта окончил Императорское училище правоведения, служил 1909 г. — по судебному ведомству с 1879 г., с 1903 по 1909 гг. 21 февраля вице-директор Департамента полиции; член главного по 1912 г. фабричным и горнозаводским делам присутствия; с 1909 г. назначен директором Департамента полиции, а с 1912 г. - сенатором. РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 4991. Л. 1 — 14. Альманах. Из глубины времен. 1997. № 8. С. 199-206.

29 марта
1909 г. – 21
февраля 1912
г.

13.
- Белецкий Степан Петрович (1872 — 5 сентября 21 февраля 1918), из мещан, окончил Киевский университет — 1912 г. — юридический факультет, сенатор, с 1909 г. 28 января 1914 г. вице-директор Департамента полиции; с 1912 г. — директор Департамента полиции; в 1915 г. — товарищ министра внутренних дел; в 1916 г. назначен иркутским генерал-губернатором; состоял членом

21
февраля 1912
г. – 28 января
1914 г.

14.

совета по делам страхования рабочих от
Министерства внутренних дел. РГИА. Ф. 1284. Д. 2.
Оп. 250. Л. 23 — 73. Альманах. Из глубины времен.
1997. № 9. С. 184-205.

- С. 376. Брюн де Сент Ипполит Валентин
Анатольевич (1871— 3 февраля 1918), дворянин
французского происхождения, 1914 г. — окончил
Санкт-Петербургский университет, с 1893 г. по 4
сентября 1915 г. судебному ведомству, товарищ
15. прокурора Нижегородского и Санкт-Петербургского
окружных судов, с 1905 г. — прокурор
Екатеринодарского и 1909 г. Московского окружных
судов, 1912 г. — прокурор Омской судебной палаты,
с 3 февраля 1914 по 4 октября 1915 г. — директор
Департамента полиции, затем сенатор Судебного
департамента.

3
февраля 1914
г. — 4
сентября 1915
г.

Моллов Русчу (Гавриил) Георгиевич (1867-
1925), болгарин, принял русское подданство,
землевладелец

- Полтавской губернии, окончил училище
16. правоведения, с 1889 г. служил в ведомстве
Министерства юстиции; в 1911 г. назначен
прокурором Одесской судебной палаты; в 1915 г. —
директором Департамента полиции; в 1916 г. —
член главного по фабричным и горнозаводским
делам присутствия.

6
сентября 1915
г. — 23 ноября
1915 г.

Кафафов Константин Дмитриевич (1863— ?),
сын
надворного советника, окончил Петербургский.
университет — юридический факультет. С 1888
г. в

- канцелярии V Департамента
Правительствующего Сената, с 1903 г. прокурор
Елецкого, 1904 г. — Орловского окружных судов,
17. 1906 г. — Московской судебной палаты, с 2 апреля
1912 г. — по 27 февраля 1917 г. вице-директор
Департамента полиции, с 23 ноября 1915 г. по 14
февраля 1916 г. и.о. директора Департамента

23
ноября 1915 г
— 14 февраля
1916 г.

полиции, 7 марта 1916 г. назначен членом совета министра внутренних дел с возложением и обязанностей вице-директора Департамента полиции.

Климович Евгений Константинович (1871 — 1932), из

дворян, окончил Полоцкий кадетский корпус, Павловское военное училище. В 1898 г.

назначен

адъютантом Волынского губернского жандармского

управления; в 1901 г. — помощником начальника

18. Петроковского губернского жандармского управления; в 1905 г. прикомандирован к штабу Отдельного корпуса жандармов с назначением в распоряжение виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора; с 23 янв. 1906 г. и. д. нач. Московского охранного отделения; с 7 апр. 1907 г. по 22 июня 1908 г. пом. Московского градоначальника; в 1908 г. — московский градоначальник; в 1908—1909 гг. заведовал особым отделом Департамента полиции; 26 декабря 1909 г. назначен Керчь-Еникальским градоначальником; в 1916 г. назначен директором Департамента полиции, затем — сенатором.

14
февраля 1916
г. — 15
сентября 1916
г.

Васильев Алексей Тихонович (1869— ?), сын чиновника, окончил Киевский университет — юридический

факультет, с 1891 г. служил по судебному ведомству.

19. В 1906—1908 гг. заведовал Особым отделом Департамента полиции; в 1915 г. — член совета Главного управления по делам печати; с сентября 1916 г. назначен директором Департамента полиции.

28
сентября 1916
г. — 28
февраля 1917
г.

На подлинном написано: копия

«Высочайше утверждено. 3-го декабря 1882 г. в Гатчине».

Граф Д. Толстой

С подлинным верно: делопроизводитель

ПОЛОЖЕНИЕ,

об устройстве секретной полиции в Империи

1) Высший надзор за розыскной деятельностью по делам о государственных преступлениях принадлежит товарищу министра, заведующему государственной полицией и осуществляется через Департамент сей полиции.

2) Для ближайшего заведования на местах этими розысками могут быть учреждаемы по распоряжению товарища министра, заведующего государственной полицией, особые розыскные отделения в составе жандармских управлений или в ведомстве общей полиции, по образцу существующих в столицах отделений по охранению общественного порядка и спокойствия.

3) Для занятий в этих учреждениях командировются как офицеры корпуса жандармов, так равно и гражданские чиновники. Последние, в видах предоставления им прав государственной службы, причисляются сверх штата или к Департаменту Государственной полиции, или к тому управлению общей полиции, в состав коей отделение состоит.

4) Все изменения в действующих штатах, существующих в обеих столицах розыскных учреждений, производятся властью заведующего Государственной полицией.

5) Ближайшее руководство деятельностью учреждений секретной полиции, в видах единообразного направления производимых розысков, принадлежит особому инспектору секретной полиции, назначаемому на эту должность товарищем министра, заведующим Государственной полицией, преимущественно из лиц, которое могло бы соединить с исполнением обязанностей по этой должности, заведование С.-Петербургским отделением по охранению общественного порядка и спокойствия.

6) Инспектор секретной полиции действует по особой, преподанной ему заведующим Государственной полиции инструкции, об основаниях коей поставляются в известность те правительственные установления и должностные лица, до коих она может касаться, в том порядке, с коим это признано будет удобным по соображении с интересами розыскного дела.

7) В местностях, где особые отделения по охранению общественного порядка и спокойствия не будут открыты, заведывание розысками по делам о государственных преступлениях, остается на прежнем основании за

чинами жандармских управлений.

377

8) Расходы по содержанию личного состава розыскных учреждений и по розыскам, а также канцелярские и другие издержки покрываются из средств, находящихся в распоряжении Департамента Государственной Полиции. Размер суммы, ассигнуемой на розыски отдельным розыскным учреждениям определяется по представлениям Инспектора Секретной Полиции Департаментом Государственной полиции с утверждения Товарища Министра, заведующего Государственной полицией.

Приложение № 3

Копия

На подлинной написано:

Утверждаю 29 января 1883 г.

П. Оржевский

С подлинным верно: делопроизводитель

ИНСТРУКЦИЯ

инспектору секретной полиции

§1

Инспектору секретной полиции в силу Высочайше утвержденного Положения об устройстве сей полиции (п. 5) принадлежит ближайшее руководство деятельностью указанных в последующем параграфе учреждений оной, в видах единообразного направления производимых ею розысков.

§2

Инспектор секретной полиции, впредь до дальнейших распоряжений, участвует в розыскной по государственным преступлениям деятельности нижеследующих учреждений, заведующих в настоящее время предметами ведомства секретной полиции: а) отделений по охранению общественного порядка и безопасности при управлениях С.-Петербургского и Московского обер-полицмейстеров и б) жандармских управлений: губерниях — Московского, Харьковского, Киевского, Херсонского и городского — в Одессе.

§3

Начальники вышеуказанных жандармских управлений и начальник Московского отделения по охранению общественного порядка и безопасности обязаны сообщать инспектору секретной полиции, по его требованию, сведения как об организации, личном составе и стоимости состоящих в их заведовании агентур, так равно и о ходе розысков.

Примечание: Сообщения эти предпочтительно делаются изустно,

письменными они могут быть только в случае особого заявления о том инспектора.

§4

В силу полномочий, предоставленных инспектору секретной полиции пунктом первым настоящей инструкции, ему предоставляется: а) вступать в непосредственное заведование местными агентствами, б) передвигать часть их личного состава из одной местности в другую подведомственного ему района и в) участвовать в решении вопроса об отпуске на расходы по этим агентствам денежных средств.

379

§5

В случае осложнения розыскных действий, инспектору секретной полиции предоставляется командировать в местности его района особо доверенных им лиц, по преимуществу из числа заведующих агентствами смежных местностей. Требования служебного характера, предъявляемые этими лицами от имени инспектора, подлежат безусловному исполнению.

§6

Инспектор секретной полиции имеет, кроме того, право предъявлять начальникам жандармских управлений, поименованных выше, требования о том, чтобы они в течение известного времени, без соглашения с ним не производили ни обысков, ни арестов, ни вообще гласных следственных действий.

Примечание: Если надобность, однако, в обыске или аресте вытекает из обстоятельств дознания, производимого при участии лиц прокурорского надзора и сим последними будет предложено о производстве означенных действий, начальник жандармского управления обязан изустно ознакомить прокурора палаты с этими соображениями розыскного свойства, коими обусловливается надобность не производить обыска или ареста, и если соображения эти прокурором признаны будут неуважительными, произвести арест или обыск, предварительно однако доведя о возникшем разномыслии по телеграфу до сведения Департамента Государственной полиции и по возможности выждать его ответа.

С подлинным верно: делопроизводитель

ГА РФ. Ф. 102. 3 д-во. 1882. Д. 977. Л. 11-12.

Приложение № 4

ИНСТРУКЦИЯ

филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений

1) Старший филер сообщает письменно Департаменту полиции, на имя заведующего наружным наблюдением Евстратия Павловича

Медникова, не менее двух раз в неделю, краткие сведения по текущему наблюдению: об установке и выяснении наблюдаемых и мест ими посещаемых, о появлении в сфере наблюдения новых лиц, о перемене наблюдаемыми места жительства, об их выбытии куда-либо, о сходках, конспиративных свиданиях, о появлении у наблюдаемых, при их передвижениях и деловых сношениях, каких-либо свертков и вообще подозрительных предметов, и о передаче таковых. Независимо от этого, старший филер сообщает заведующему наблюдением о всех выдающихся фактах по наблюдению — немедленно.

2) Филер, выехавший из места постоянного пребывания с наблюдаемым, при первом удобном случае телеграфирует заведующему наблюдением и своему начальнику. Телеграммы должны носить характер торговой корреспонденции, например: «Товар Черного везу Тулу»; подписывать такие телеграммы филер должен собственной фамилией.

3) По прибытии в какой-либо другой город вне своего постоянного места жительства, филер немедленно телеграфирует свой адрес заведующему наблюдением и своему начальнику и письменно сообщает подробно результаты наблюдения ежедневно.

4) Письма отправляются заказными, причем рекомендуется сдавать таковые на вокзалах, или же опускать в почтовые ящики поездов.

5) Желательно, чтобы старшие филеры знали адреса таковых же старших в других пунктах.

6) Все письма из какой-либо одной местности должны иметь общую порядковую нумерацию и указание, когда и где они составлены, в конце подпись.

7) Каждому лицу, вошедшему в наблюдение, дается кличка, как равно и лицам, кои, по мнению филеров, будут представляться интересными или часто встречаться ими по наблюдению.

8) Кличку надлежит давать краткую (из одного слова). Она должна характеризовать внешность наблюдаемого или выражать собою впечатление, которое производит данное лицо.

9) Кличка должна быть такая, чтобы по ней можно было судить, относится ли она к мужчине или к женщине.

10) Не следует давать одинаковых кличек нескольким лицам, и каждый наблюдаемый должен иметь одну кличку, данную ему впервые, когда его узнали.

11) Упоминая новое лицо под кличкой, должно сообщать подробно, когда и как оно появилось, описать его приметы, а также кто из филеров его лучше знает.

12) Приметы должны быть сообщаемы в следующем порядке: лета, рост, телосложение, лицо (глава, нос, уши, рот, лоб), растительность на голове и проч., цвет и длина волос; одежда; особенности в походке, или манерах.

381

13) При сообщении сведений о каждом наблюдаемом, в самом начале должно указывать, где он живет и с какого приблизительно времени, если же в адресе его нет полной уверенности, то следует оговариваться об этом.

14) При посещении наблюдаемыми домов следует точно указывать, помимо улиц, еще номер владения и фамилию владельца, а равно, по возможности, и квартиру (ход, этаж, флигель, окна).

15) Если в одном доме наблюдаемые посещают два или несколько разных помещений, то надлежит каждый раз указывать, куда именно они ходят.

16) Если дом угловой, надлежит обязательно указывать, под какими номерами он значится и с какой улицы существует вход в такой дом.

17) В донесениях не следует писать «пошел» к такому-то, а «пошел в дом» такой-то к такому-то.

18) В донесениях надлежит указывать на места, где наблюдаемые бывают по частным надобностям (обед, занятия, родственники).

19) При посещениях же наблюдаемыми магазинов и мастерских, следует обязательно указывать фамилию владельцев их и улицы, на которых эти заведения находятся.

20) С карточек, находящихся у входов, надлежит записывать все полностью (фамилию, имя, отчество и т.д.).

21) При осуществлении наблюдения необходимо всегда действовать так, чтобы не обратить на себя внимания, не ходить заметно тихо и на одном месте в течение продолжительного времени не оставаться.

Подписал: директор Лопухин

С подлинною верно: за заведующего Особым отделом Трутков

31 октября 1902 года.

ГА РФ. Ф. 102. 00. 1902. Д. 825. Л. 114-115.

Приложение № 5

Проект

Инструкция

чинам, состоящим в распоряжении Директора

Департамента Полиции по заведыванию охранными пунктами

§ 1

Охранные пункты учреждены: а) для производства политического

розыска в целях обнаружения: нелегальных, эмигрантов, пропагандистов, агитаторов, демонстрантов, транспортировщиков нелегальной литературы, тайных типографщиков, производителей фальшивых паспортов, сборщиков литературного материала и денег на цели нелегальные и т.п. политически преступных лиц; 6) для наблюдения за теми местными явлениями общественной жизни, кои тем или иным образом могут породить политическое недовольство или брожение и в) для производства, при условии заинтересованности в том розыска расследований («переписок») в порядке Положения о государственной охране.

§2

В развитие задач, указанных в предыдущем параграфе, на охранные пункты возлагается: а) наблюдение за учащейся молодежью и учебными заведениями в целях осведомленности на случай могущих быть сходок, демонстраций и иных беспорядков; б) принятие мер к предупреждению и расследованию причин всяких недозволенных законом и административными распоряжениями демонстраций, сходок и собраний; в) наблюдение, в политическом отношении, за клубами, обществами, книжными складами, библиотеками, читальнями, всех типов учебными заведениями, курсами, классами, спектаклями, концертами, публичными чтениями, беседами, конгрессами, съездами и вообще за всеми общественными и частными дозволенными законом учреждениями или предприятиями; г) наблюдение в политическом отношении за рабочим и крестьянским населением, оказание ему содействия по изысканию законных средств к устранению в их среде каких-либо недоразумений, могущих вызвать нарушение общественной безопасности и порядка.

§3

Заведывающие охранными пунктами, состоя в непосредственном подчинении Директору Департамента Полиции, действуют под ближайшим руководством и по указаниям Департамента, донося ему своевременно о всех поступающих в их распоряжение сведениям и давая отчет в расходовании отпускаемых Департаментом, на содержание пунктов, сумм.

§4

Непосредственная деятельность заведывающих пунктами выражается в наружном наблюдении за особо интересными лицами, для определения через их сношения преступных сообществ и ликвидации последних в такой момент, когда деятельность их может быть доказана положительными результатами обыска.

383

Для освещения наружного наблюдения заведывающие пунктами

должны иметь внутреннюю агентуру, каковая может быть названа только Директору Департамента Полиции. По выясняемым наружным и внутренним наблюдениями данным ведутся дневники наблюдения и агентурные записки, сообщаемые периодически в Департамент Полиции.

§5

Районы ведения заведывающих пунктами назначаются Департаментом Полиции и определяются агентурными связями.

Все заведывающие пунктами находятся в живом общении как между собой, так и с Начальниками Охранных Отделений, обмениваясь взаимно сведениями и передавая друг другу наблюдаемых, для дальнейшего обследования их деятельности и сношений.

Все части Губернских Жандармских Управлений обязаны оказывать полное содействие заведывающим пунктами, безотлагательно исполняя [X] служебные требования, а также сообщая им своевременно все поступающие в распоряжение Управления сведения, касающиеся компетенции унтеров. В свою очередь заведывающие пунктами словесно осведомляет Начальников Губернских Жандармских Управлений о существе производимых в пределах данной губернии розысков.

Губернские Жандармские Управления в двух видах своей официальной деятельности особо близко соприкасаются с деятельностью пунктов: во-первых, в деле осуществления официального наблюдения в лице гласного и особого надзоров и, во-вторых, в производстве переписки по запросам политической благонадежности.

В сих видах Начальники Губернских Жандармских Управлений, при осуществлении надзоров, в интересах единства и цельности розысков, действуют по соглашению с заведывающими пунктами, ведущими филерское наблюдение.

Заведывающие же пунктами, имея в виду, что легальная деятельность наблюдаемых, как-то: государственная служба, открытие школ, курсов, книгоиздательство, заведение множительных аппаратов, предприятия по изданию газет, журналов, учебная педагогическая деятель-1сть и т.п. имеет громадное значение для осуществляемого пунктами топического розыска — следят неукоснительно за подлежащим всецело !жандармским Управлениям делопроизводством о политической благонадежности, устанавливая и по сему поводу с Начальниками Управлений «принципы соглашения.

Начальники Губернских Жандармских Управлений, будучи по отношению заведывающих пунктами лицами строго официальными, поддерживают с ними самое тесное общение, не входя, однако, в

обсуждение их действий по существу, так как сии последние подлежат всецело ведению руководству Департамента Полиции.

§ 10

Неся службу строго конспиративного характера и не являясь к тому же лицами официально должностными, заведывающие пунктами ограничиваются в своей переписке исключительно совершенно доверительными сношениями, в форме записок, как между собою, так и с Департаментом Полиции, чинами Корпуса Жандармов и Начальниками Охранных Отделений. С прочими же официальными лицами и учреждениями они сносятся через посредство Начальников подлежащих Жандармских Управлений за отсутствием же сих последних, через их помощников.

§ 11

По обнаружении посредством розыска достаточных данных, заведывающие пунктами, по выработке подробного плана, с ведома Департамента Полиции, приступают к ликвидации. Последние производятся под непосредственным руководством заведывающих пунктами, но от имени Начальников Управлений, которые вместе с тем в интересах розыска и агентуры делают распоряжение по Управлению о направлении имеющих поступить в таковое результатов обысков с актами следственных действий к заведывающим пунктами.

По просмотре данных материалов заведывающие пунктами доносят о результатах ликвидации Департаменту Полиции, сообщая вместе с тем ему о том, в каком порядке имеет быть направлено дело для производства в Жандармском Управлении («переписка» или формальное дознание).

При агентурной в том надобности заведывающие пунктами тогда же испрашивают разрешение Департамента Полиции на производство «переписки» собственными силами.

§ 12

В случаях необходимости производства отдельных следственных действий или принятия каких-либо частных распорядительных мер, заведывающие пунктами обращаются к Начальникам Жандармских Управлений, а где таковых нет — к Помощникам с просьбами для соответствующих распоряжений, от имени которых таковые и производятся.

§ 13

В местностях, где имеются охранные пункты, общие ликвидации, равно как и отдельные следственные действия, как-то: аресты, обыски, осмотры, выемки — производятся в порядке Положения о государственной

охране.

§ 14

Никакие следственные действия, проектируемые по требованию Прокурорского надзора, Жандармских Управлений или вообще по инициативе местных властей, а также собрание негласных путем сведений, справок, выяснения лиц и адресов, как по требованию производящих дознания, так и розыскных органов, не могут быть производимы без предварительного о том соглашения Начальников подлежащих Жандармских Управлений с заведывающими пунктами.

Все результаты обысков в интересах агентуры просматриваются заведывающими пунктами, которые, по их усмотрению, могут производить означенные следственные действия при непосредственном своем участии.

385

§ 15

Все служащие на охранном пункте, в том числе личной состав внутренней и наружной агентуры перемещается, определяется и увольняется заведывающими пунктами, на обязанности которых лежит выбор подходящих людей и распределение между ними обязанностей.

§ 16

На содержание охранных пунктов заведывающие таковыми получают от Департамента Полиции известные суммы, авансом, по третям года, в расходовании которых и отчитываются пред Департаментом Полиции, представляя в таковой, по истечении каждого месяца, оправдательные документы.

§ 17

По вопросам деятельности охранных пунктов, заведывающие таковыми делают доклады Губернаторам и Генерал-Губернаторам через Начальников Жандармских Управлений, при отсутствии же последних — лично.

Канцелярия

Каждый заведывающий пунктом имеет свою канцелярию, делопроизводство которой лежит частью на письмоводителе, частью на самом заведывающем пунктом. В канцелярии ведутся: а) журнал входящих и исходящих бумаг с подробным содержанием таковых, почему копии последних могут не оставляться при канцелярии, что избавит пункт от накопления излишней переписки (ведется письмоводителем); б) справочные листы для внесения в них агентурных сведений, поступающих к заведывающему пунктом, которые заполняются, подкладываются в алфавитном порядке самим заведывающим пунктом, у которого и хранятся;

в) дневники наблюдения, составляемые по запискам филеров, которые (т.е. записки) по использовании находящегося в них материала, сжигаются. По производстве ликвидации, из дневника наблюдения обрабатывается сводка для сообщения в Жандармское Управление, после чего самый дневник может быть уничтожен, раз не содержит в себе неиспользованных материалов. К дневникам прилагаются сводки мест и лиц; г) агентурные сводки, остающиеся как отпуски таковых же, представленных в Департамент Полиции, хранятся у заведывающего пунктом; д) дело текущей переписки, составляемое из всех поступающих на пункт бумаг по розыску; е) дело «к руководству»; ж) дело «особо секретное», состоящее из тех поступающих на пункт бумаг, осведомленных по которым может быть только сам заведывающий. Подобные бумаги вносятся во входящий журнал лишь по № с отметкой откуда получены; з) списки поднадзорных, находящихся в местном Жандармском Управлении; и) алфавит лиц, проходящих по переписке канцелярии пункта с пометкой № входящего журнала и бумаги, где они упоминаются; к) рассылная книжка.

ГА РФ. Ф. 102. 00. 1902. Д. 825. Л. 21-23об.

Приложение № 6

Утверждаю

14 дек. 1906

Совершенно секретно

ПОЛОЖЕНИЕ

о районных охранных отделениях

§ 1

Для объединения и направления деятельности местных органов, ведающих политический розыск в Империи, учреждаются районные охранные отделения, действующие под непосредственным руководством и контролем директора Департамента полиции, через Особый отдел последнего.

§ 2

Районные охранные отделения учреждаются в следующих пунктах:

I. В Петербурге (Северное) — для губерний: Петербургской, Эстляндской, Псковской, Новгородской и Олонецкой.

II. В Москве (Центральное) — для губерний: Московской, Тверской, Ярославской, Вологодской, Архангельской, Костромской, Калужской, Тульской, Орловской, Владимирской, Рязанской и Нижегородской.

III. В Самаре (Поволжское) — для губерний: Самарской, Пермской, Вятской, Казанской, Симбирской, Уфимской, Саратовской, Оренбургской, Астраханской, Пензенской и Уральской области.

IV. В Харькове (Юго-Восточное) — для губерний: Харьковской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Донской области, Черноморской и Екатеринославской.

V. В Киеве (Юго-Западное) — для губерний: Киевской, Черниговской, Полтавской, Подольской и Волынской.

VI. В Одессе (Южное) — для губерний: Херсонской с городом Одессой, Таврической, Бессарабской и для надзора за всем побережьем Черного моря.

VII. В Вильно (Северо-Западное) — для губерний: Виленской, Ковенской, Гродненской, Могилевской, Минской, Витебской и Смоленской.

VIII. В Риге (Прибалтийское) — для губерний: Лифляндской и Курляндской.

§3

Во главе охранных округов стоят начальники районных охранных отделений, каковые должности могут совмещаться с должностью начальника местного губернского жандармского управления или охранного отделения.

Примечание: Впредь до дальнейших изменений, на начальников охранных отделений в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Вильно и Риге, а равно и на начальника Самарского губернского жандармского управления возлагаются обязанности начальников соответствующих районных отделений.

387

§4

Независимо от прав и обязанностей, возлагаемых на начальников районных отделений настоящей Инструкцией, они пользуются всеми правами начальников охранных отделений и руководствуются в своей деятельности по розыску установленной для начальников охранных отделений Инструкцией.

Занятия между служащими в канцеляриях районных охранных отделений должны распределяться по отдельным революционным организациям.

§5

С учреждением районных охранных отделений, временное положение о начальниках охранных отделений, утвержденное 27-го июня 1904 года, остается в силе впредь до изменения, но начальники местных охранных отделений поступают в непосредственное подчинение начальников районных отделений, которые и дают им, по требованию Департамента полиции, служебные аттестации.

§6

В округе районного отделения все органы, ведающие политическим розыском, а именно: губернские, уездные и полицейские жандармские управления и отделения, охранные отделения, начальники крепостных жандармских команд, чины городских и уездных полиций руководствуются, в деле розыска, указаниями начальника районного охранного отделения и исполняют все требования последнего по розыскной части и вытекающим из розыска следственным действиям. При этом начальники районных охранных отделений сносятся с чинами полиции, вне мест их квартирования, по возможности через местных начальников жандармских управлений или охранных отделений.

Все недоразумения, возникающие между начальниками Районных отделений и Жандармских управлений, разрешаются директором Департамента полиции.

§7

Одной из главнейших задач начальников районных охранных отделений является учреждение центральной внутренней агентуры, могущей освещать деятельность революционных сообществ вверенной его надзору области. Указания этой агентуры должны быть использованы для направления деятельности входящих в районы розыскных органов и в особенности тех, которые проявляют недостаточно успешную деятельность.

§8

Начальникам районных охранных отделений, в целях объединения деятельности входящих в район розыскных органов, предоставляется, с особого каждый раз разрешения Департамента полиции, созывать областные съезды лиц, непосредственно ведающих розыском. Вообще же рекомендуется возможно более живое общение розыскных органов и возможно частый личный обмен сведениями лиц, стоящих во главе розыска в соседних местностях, причем неуместная конспирация между лицами, призванными к исполнению одного и того же дела в данном районе, недопустима.

388

§9

Требования начальников районных охранных отделений о производстве обысков, осмотров, выемок и арестов для начальников Губернских жандармских управлений, их помощников и чинов жандармской железнодорожной, а равно общей и сыскной полиций, обязательны, причем арестованные зачисляются за подлежащим

начальником Губернского жандармского управления.

Начальнику Управления или лицу, производшему арест (если оно имеет право самостоятельного производства дознаний), должны быть переданы начальником районного охранного отделения в трехдневный срок все данные, послужившие основанием к задержанию данного лица. В случае неполучения этих сведений в течение семи дней, по отношению к арестованному принимаются меры сообразно имеющимся в распоряжении местной власти основаниям к дальнейшему содержанию его под стражей.

В экстренных случаях, начальник районного охранного отделения обращает требование о производстве обысков, осмотров, выемок и арестов непосредственно к отдельным чинам корпуса жандармов и чинам полиции, помимо начальников жандармских управлений.

§ 10

Агентурные сведения, имеющие значение в общественной жизни или требующие принятия немедленных мер вне округа данного районного охранного отделения, должны быть сообщаемы в Департамент полиции и начальникам районных охранных отделений непосредственно местными розыскными органами, по телеграфу, с добавлением в телеграммах, присылаемых Департаменту, слов: «району сообщено». Все же прочие агентурные указания немедленно доставляются в районные охранные отделения, по каждой организации отдельно, с указанием принятых мер и результатов разработки, или объяснением причин неисполнения последнего.

Начальники районных охранных отделений, сделав сводки по организациям по всему району, представляют таковые в Департамент полиции один раз в месяц, с изложением результатов разработки района и сделанных ими указаний на места.

§ 11

Начальники районных охранных отделений, при посещении губерний, словесно осведомляют начальников губерний, жандармских управлений и прочих розыскных органов о ходе розыска, о положении революционного движения, сообщая о тех мерах, которые, по их мнению, необходимо предпринять. Этими же приездами начальники районных отделений пользуются для дачи личных указаний и чинам полиции, получив на это предварительно разрешение от губернатора.

§ 12

В интересах розыска начальники районных охранных отделений и командированные ими офицеры и чиновники для поручений пользуются всеми, имеющимися в местных жандармских управлениях, сведениями.

Они имеют доступ по всем делам (в том числе и производящимся во порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд.) и перепискам управления. В случае требования с их стороны, им должны быть известны и секретные сотрудники как управления, так равно и охранных и железнодорожных отделений,

389

и в случае надобности, предоставлена возможность личных переговоров с таковыми. Если начальник районного отделения признает необходимым принять в свое ведение непосредственные сношения с наиболее серьезными сотрудниками, то местные органы оказывают в этом отношении полное содействие.

§ 13.

Для надобностей розыска вне мест расположения районных охранных отделений, начальники последних пользуются назначенными в их распоряжение чиновниками особых поручений, отдельными офицерами корпуса жандармов и филерскими отрядами.

В случае необходимости произвести розыск в означенных местностях, начальники районных охранных отделений, по соглашению с лицами, ведающими местный розыск, временно командируют в их распоряжение упомянутых чиновников, офицеров и филеров (или только филеров), которые и производят розыск, согласно данным им начальником районного охранного отделения указаниям, и в полном единении с местными органами, которые обязаны сообщать старшим из командированных все необходимые им сведения местной агентуры. Все установки лиц и адресов производятся местными властями. О назначении подобных командировок местные начальства обращаются непосредственно к начальникам районных охранных отделений.

§ 14

В целях усиления филерского состава на местах, начальники губернских жандармских управлений обязаны выбрать лучших унтер-офицеров для подготовки к филерской службе, которые ни в каком случае не должны уже надевать форму. Таких унтер-офицеров-филеров должно быть не менее 2-х человек при 10 унтер-офицерах штатного состава, а при большем составе, не менее половины всех остальных. В случае серьезной огласки деятельности таких филеров, таковые немедленно, распоряжением начальника районного отделения, перемещаются в другие | управления и отделения по представлению начальника районного отделения, директору Департамента полиции, для сношения со штабом корпуса жандармов.

§ 15

В районных охранных отделениях, губернских жандармских управлениях и в охранных отделениях должна вестись, по установленным на сей предмет Департаментом полиции образцам, регистрация данных розыска:

а) Дневники агентурных сведений, доставляемых секретными сотрудниками, отдельно по каждой организации, и к ним отдельный листковый алфавит лиц, упоминаемых в этих дневниках.

б) Дневники наружного наблюдения, с соответствующими сводками, отдельно по каждой организации.

в) Листковый алфавит лиц, сведения о коих имеются в данном управлении или отделении, а также и разыскиваемых лиц, по установленной форме.

г) Листковый алфавит домов, проходящих по наблюдению, агентуре или переписке, с выписками из домовых книг. (На листках трех цветов.)

390

д) Особые наряды по каждой организации отдельно, с образцами всех прокламаций данной фракции.

е) Особые дела по каждой организации отдельно (комитетские), куда подшиваются в хронологическом порядке все бумаги, имеющие значение для освещения деятельности данной партии и принимаемых против нее мер.

ж) Фотографический архив.

з) Схемы.

и) Библиотека нелегальных изданий, с алфавитным к ней каталогом. Образцы описанной регистрации при сем приложены.

§ 16

Начальники районных охранных отделений избираются директором Департамента полиции из числа штаб-офицеров корпуса жандармов, или других известных ему лиц, и утверждаются в должности шефом жандармов.

Примечание: В случае необходимости, директору Департамента полиции предоставляется право представлять к возложению исполнения этих должностей на местных начальников губернских жандармских управлений.

§ 17

Начальники районных охранных отделений, если они в то же время не состоят в должности начальников губернских жандармских управлений, при назначении их на эту должность, откомандировываются в непосредственное распоряжение директора Департамента полиции; для

получения же содержания от Интендантства, офицеры, занимающие означенные должности, зачисляются в списки подлежащих жандармских управлений.

Офицеры, для замещения других должностей в районных охранных отделениях, назначаются тем же порядком и, по прибытии к месту служения, поступают в непосредственное подчинение начальника районного отделения.

§ 18

О лицах, назначенных на должности начальников районных охранных отделений, Департамент полиции сообщает штабу корпуса жандармов, для объявления в приказах по корпусу.

§ 19

Начальники районных охранных отделений, а равно и заведующие таковыми начальники жандармских управлений, пользуются должностными печатями и бланками служебной переписки, присвоенными местным управлениям и отделениям, при коих учреждены Районные охранные отделения. Представления свои в Департамент полиции начальники Районных отделений адресуют на имя директора Департамента по I Особому отделу, что обязательно отмечается и на конвертах.

§ 20

Начальник районного охранного отделения имеет право отлучаться из места его квартирования в пределах района, не испрашивая разрешения, а лишь сообщив о цели и месте поездки в Департамент полиции. В случае же надобности выезда из пределов района, испрашивает разрешение директора Департамента полиции.

391

§ 21

Личное присутствие начальников районных охранных отделений при обысках предоставляется их усмотрению. Кроме того, начальникам отделений предоставляется право командировать для присутствия при обысках и подведомственных им чинов, с правом давать в потребных случаях необходимые указания лицам, производящим обыски.

§ 22

Начальники районных отделений и командированные классные чины отделения, при разъездах по делам службы, получают прогонные деньги на общем основании, через Департамент полиции, по представлении установленных маршрутов поездок.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 16. Л. 1-4.

Приложение № 7

Секретно

На подлинном написано:

«Утверждаю».

Министр внутренних дел,
шеф жандармов П. Столыпин

9 февраля 1907 года.

ПОЛОЖЕНИЕ

об охранных отделениях

§ 1

В тех местностях Империи, где представляется необходимым создание отдельных розыскных органов, негласные расследования по делам о государственных преступлениях возлагаются на особо назначаемых для этой цели офицеров корпуса жандармов или состоящих при Департаменте полиции чиновников, с образованием при них, в случае надобности, канцелярии, именуемой охранным отделением.

Примечание: Положение упоминаемых в этой инструкции лиц гражданского ведомства, назначаемых к должностям для розыскного дела, определяется особыми правилами.

§ 2

Район деятельности отделения составляют город, где оно находится, и те местности губернии, относительно коих последует особое указание Департамента полиции.

§ 3

Начальники охранных отделений, при определении на должность, назначаются в распоряжение директора Департамента полиции (1 п. 689 и 701 ст. III кн. Св. Воен. Пост.); для получения же содержания от Интендантства офицеры корпуса жандармов, занимающие означенную должность, зачисляются в списки подлежащих губернских жандармских управлений, приказами по корпусу жандармов.

§ 4

О назначении на должности начальников охранных отделений Департамент полиции сообщает подлежащим лицам и учреждениям.

§ 5

Начальники отделений осуществляют свои обязанности под высшим руководством Департамента полиции, который, ввиду лежащей на нем по закону (ст. 362. Т. I. Ч. 2 Свода законов и 656 ст. III кн. Св. Воен. Пост.; обязанности, ведает делами по охранению общественной безопасности и порядка и дает общее направление розыскной деятельности, распоряжаясь всем личным составом отделений. Вмешательство других учреждений и

лиц, кроме Департамента полиции и начальников районных

393

охранных отделений, в деятельность местных охранных отделений не может иметь места.

Примечание: Охранные отделения в гг. С.-Петербурге, Москве и Варшаве состоят в ведении подлежащих главных начальников полиции.

§6

Начальники охранных отделений в тех местностях (округах), где учреждены районные охранные отделения, подчиняются начальникам сих последних, руководствуются в своей деятельности их указаниями и исполняют все служебные требования начальника районного охранного отделения, согласно утвержденному 14 декабря 1906 г. Положению о районных охранных отделениях.

§7

Департамент полиции отпускает в непосредственное распоряжение начальников охранных отделений потребные суммы на содержание канцелярии, секретных и наблюдательных агентов и прочие расходы по розыску.

В израсходовании отпускаемых сумм начальники охранных отделений представляют отчеты непосредственно в Департамент полиции ежемесячно, не позже 15-го числа следующего месяца.

§8

Начальники отделений имеют в своем распоряжении письмоводителя и других служащих, согласно особым для каждого отделения расписаниям. Кроме того, в распоряжение начальников отделений, в случае надобности, могут быть командированы Департаментом полиции офицеры корпуса жандармов или чиновники, для исполнения отдельных поручений.

Для практического ознакомления с делом политического розыска, в охранные отделения могут быть назначаемы офицеры корпуса жандармов и чиновники полиции, по соглашению с их начальством.

§9

Письмоводитель отделения (где таковые положены) и старшие служащие избираются начальником отделения и определяются на службу с разрешения директора Департамента полиции. Прочие служащие избираются и определяются на службу начальником отделения, которому предоставляется право входить в Департамент с ходатайством о зачислении чинов отделения на государственную службу.

Лица, привлекавшиеся к ответственности по государственным преступлениям, а также состоявшие секретными сотрудниками, не могут

быть допускаемы к занятию должностей в охранных отделениях.

§ 10

О всех переменах в составе служащих отделения сообщается Департаменту полиции, с указанием звания, происхождения, имени, отчества и фамилии лиц, принимаемых вновь на службу.

394

§ 12

О всех отлучках из постоянного места пребывания начальники охранных отделений доводят до сведения начальника районного охранного отделения, с указанием своего временного адреса. Для выезда за пределы губернии требуется разрешение Департамента полиции по предварительном сношении с начальником районного отделения.

§ 13

Начальники охранных отделений принимают все меры к сосредоточению в своих руках всего розыскного дела. Чины корпуса жандармов и общей полиции, получая из негласного источника сведения, относящиеся к политическому розыску, сообщают таковые начальнику охранного отделения для разработки и производства обысков, выемок и арестов, каковые меры не могут быть применяемы без ведома начальника охранного отделения.

О должностных лицах, не принадлежащих к составу охранных отделений и оказавших существенные услуги делу розыска, начальник охранного отделения представляет их начальству или Департаменту полиции, на предмет их поощрения.

§ 14

Начальники отделений с Департаментом полиции, начальниками районных охранных отделений, жандармских управлений и их помощниками, а равно губернскими и уездными учреждениями и между собою — сносятся непосредственно. Письменные сношения ведутся записками на личных бланках начальника охранного отделения. Представления свои в Департамент полиции начальники охранных отделений адресуют на имя директора Департамента по Особому отделу, что обязательно отмечается и на конвертах.

§ 15

Начальники охранных отделений принимают все зависящие меры к установлению правильных отношений с начальниками управлений, офицерами корпуса, производящими дознания, а равно с прокурорским надзором и судебными следователями, в видах оказания содействия успеху дознаний и следствий, а также для извлечения из этих производств всех

сведений, полезных для розыска.

О всех случаях обнаружения следствием или дознанием секретных сотрудников отделения, или приемов его агентурной деятельности и о разногласиях с упомянутыми чинами судебного ведомства и корпуса жандармов начальники охранных отделений подробно доносят Департаменту полиции.

§ 16

Начальники охранных отделений осведомляют начальников губернских жандармских управлений об обстоятельствах, интересующих начальников означенных управлений по производимым в последних дознаниям.

§ 17

В интересах розыска начальники отделений, кроме данных агентуры и наблюдения, пользуются также и всеми имеющимися в местных

395

жандармских управлениях сведениями и с разрешения начальников сих управлений могут обозревать дела, производящиеся в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. и в порядке Положения об охране, а равно и по негласному розыску. Все сведения, дающие основания к принятию мер негласного розыска в местах нахождения охранного отделения, должны быть немедленно направляемы начальниками управлений к начальнику охранного отделения, без принятия мер предварительного исследования.

§ 18

Начальники отделений, по делам их должности, с разрешения генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, имеют непосредственные с ними сношения и докладывают им лично все то, что необходимо знать высшим представителям административной власти в целях охранения государственного порядка и общественной безопасности в крае.

§19

Агентурные сведения, имеющие значение в общественной жизни, или требующие принятия мер вне сферы деятельности охранного отделения, должны быть сообщаемы в Департамент полиции и соответствующим начальникам районных охранных отделений непосредственно местными розыскными органами, с добавлением в телеграммах, присылаемых в Департамент полиции, слов: «району сообщено». О том же начальники охранных отделений словесно докладывают губернаторам и градоначальникам.

Все же прочие агентурные указания начальники охранных отделений, в пределах, определяемых начальником районного охранного отделения,

сообщают последнему по каждой организации отдельно, с указанием принятых мер и результатов разработки, или объяснением причин неисполнения последнего.

§20

Регистрация данных розыска в охранном отделении должна быть так поставлена, чтобы начальник отделения в каждый данный момент мог дать все сведения о преступной деятельности известного отделению лица. В этих целях надлежит обратить особое внимание на систематическое составление сводок всех сведений (агентурных, наружного наблюдения, по сообщениям других розыскных учреждений и т.п.) на каждое отдельное лицо, известное отделению. Сведения эти начальник отделения должен тщательно изучить, предварительно решения вопроса об обыске и особенно о личном задержании данного лица.

§ 21

В районных охранных отделениях, губернских жандармских управлениях и охранных отделениях должна вестись по установленным на сей предмет Департаментом полиции образцам регистрация данных розыска:

а) Дневники агентурных сведений, составляемые со слов секретных сотрудников, отдельно по каждой организации, и к ним отдельный листковый алфавит лиц, упоминаемых в этих дневниках.

б) Дневники наружного наблюдения с соответствующими сводками, отдельно по каждой организации.

396

в) Общий листковый алфавит лиц, сведения о коих имеются в данном управлении или отделении, а также и разыскиваемых лиц, по установленной форме.

г) Листковый алфавит домов, проходящих по наблюдению, агентуре или переписке, с выписками из домовых книг (на листках трех цветов).

д) Особые наряды, по каждой организации отдельно, для образцов всех изданных ею прокламаций.

е) Особые дела, по каждой организации отдельно (комитетские), куда подшиваются в хронологическом порядке все бумаги, имеющие значение для освещения деятельности данной партии и принимаемых против нее мер.

ж) Фотографический архив.

з) Схемы текущего наружного и внутреннего наблюдения.

и) Библиотека нелегальных изданий с алфавитным к ней каталогом.

§22

Начальники отделений в исследовании государственных преступлений и политической благонадежности отдельных лиц руководствуются Уставом уголовного судопроизводства и Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (прил. I к прим. 2 к ст. I. Т. XIV Св. Зак.), а также инструкцией, изданной в развитие означенных законов.

§23

Начальники отделений, при получении сведений секретной агентуры, предварительно их использования, обязываются тщательно проверять таковые и основательно разрабатывать их наружным наблюдением. При этом надлежит иметь в виду, что розыскные органы должны руководить секретными сотрудниками, а не наоборот. Направлять внутреннюю агентуру и наружное наблюдение должно таким образом, чтобы попутно с обследованием обстоятельств дела, выяснялись и отмечались с особенною точностью те факты, которые в дальнейшем, при ликвидации или формальном расследовании, могли быть установлены как улики следственными действиями. В этом отношении начальники охранных отделений обязаны руководствоваться тем соображением, что главным мерилом успешности их деятельности будет всегда не количество произведенных им ликвидаций, а число предупрежденных преступлений и процентное отношение обысканных лиц к количеству тех из них, которые подвергнутся судебной каре.

§24 В деятельности охранных отделений должны быть различаемы:

а) расследования в видах предупреждения и обнаружения преступных деяний государственных (ст. I и 103—127 Уст. о пред. и прес. преем. Т. XIV Св. Зак. и 250-261!3, 1035 и ел. ст. Уст. Угол. Судопр.) и

б) исследования политической благонадежности отдельных лиц (32 и ел. ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия).

§25

В отношении предупреждения и обнаружения государственных преступлений начальники охранных отделений руководствуются правилами, указанными в 250 — 261!3 и 1035 и ел. ст. Уст. Уголов. Суд. При этом

397

собираение сведений о замышляемом или совершенном преступлении политического характера производится способами, указанными в 251 ст. Уст. Угол. Суд., то есть путем розысков (секретная агентура), словесных расспросов и негласного наблюдения (через секретных сотрудников и

филеров).

§26

Если начальником охранного отделения получены достоверные сведения о совершившемся уже преступном деянии государственном, то он немедленно сообщает о сем подлежащему начальнику жандармского управления или его помощнику, а также прокурорскому надзору (250 ст. Уст. Угол. Суд.).

§ 27

В случае возбуждения по указанному в предшествующей статье поводу предварительного следствия или дознания, начальник охранного отделения сообщает производящим таковые должностным лицам все имеющиеся у него сведения, сообразовывая полноту таковых с интересами ограждения внутренней агентуры и приемов деятельности отделения.

§28

Если поступившие к начальнику охранного отделения сведения не дают оснований к немедленному возбуждению формального дознания и следствия, то начальник отделения приступает, на основании 253 ст. Уст. Угол. Суд., к проверке и разработке означенных указаний путем негласного расследования, причем, если событие или состав преступления не подтверждаются, то может по данному делу не было составляемо формальных актов, расследование остается без дальнейших последствий, в противном же случае производство направляется: 1) в местное губернское жандармское управление, если перепискою выяснена политическая неблагонадежность кого-либо, вызывающая только необходимость дальнейшего дознания для внесения дел в Особое совещание, образованное на основании 33 и 34 ст. Положения об охране, и 2) в губернское жандармское управление в порядке 103510 ст. Уст. Угол. Суд. для направления прокурорскому надзору, если для принятия мер, указанных в п. I нет достаточных оснований, причем дальнейшее расследование, если таковое окажется необходимым производится жандармским управлением.

§29

Если произведенное негласное дознание приведет к положительным результатам, то начальник охранного отделения руководствуется в дальнейшем нижеследующим: а) если расследование обнаружило основательные указания на готовящееся преступление (покушение на чью-либо жизнь, ограбление с политической целью, приготовление к демонстрациям и т.п.), то начальник охранного отделения принимает меры к предупреждению такового, путем задержания заподозренных лиц и отобрания орудий преступления и б) если негласное расследование

установило совершающееся преступление (существование революционного сообщества (102, 124, 126 и др. ст. Угол. Улож.), тайной типографии (132 ст. того же Улож.), лаборатории взрывчатых веществ (закон 9 февраля 1906 г.), склада преступной литературы (132 ст. Угол. Улож.) и т.д., — то

398

начальник охранного отделения, на основании 257 и 258 ст. Уст. Угол. Суд., если на месте не находятся судебный следователь, начальник жандармского управления или его помощник, принимает все не терпящие отлагательства меры, как-то: осмотры, освидетельствования, обыски и аресты, руководствуясь в этом отношении Уст. Угол. Судопр.

§30

Время производства обысков и арестов должно быть строго сообразовано с возможностью наиболее полного обнаружения уличающих вещественных доказательств, для чего начальник охранного отделения должен обстоятельно осветить этот вопрос внутренней агентурой и наружным наблюдением.

§31

При невозможности выполнить означенные выше следственные действия своими силами, начальник охранного отделения обращает требование об исполнении таковых к чинам общей полиции или входит в соглашение с начальником губернского жандармского управления (или железнодорожной жандармской полицией) о командировании на указанный предмет офицеров корпуса жандармов. При этом в требовании чинам полиции должно быть указано следующее: а) если обыск касается исследования политической благонадежности, то в ордере означается 21 и 29 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия; б) если обыск делается в виду сведений о нахождении у заподозренного предметов, уличающих его в государственном преступлении, то в поручении полиции указывается, что обыск производится в порядке 258 и 10351 ст. Уст. Угол. Суд.

§ 32

О предполагаемых к одновременному производству многочисленных обысках и арестах (ликвидациях) надлежит, по возможности заблаговременно, входить в соглашение с начальниками районных охранных отделений, если данное охранное отделение входит в охранный район. Списки лиц, намеченных к обыскам и арестам, с указанием имеющихся о них кратких сведений и предполагаемых мер пресечений, совершенно доверительно передаются начальнику жандармского

управления и его помощнику, а за отсутствием их, начальник охранного отделения предупреждает старшего начальника полиции о числе предстоящих обысков и арестов, с таким расчетом, чтобы было время для назначения необходимых полицейских и жандармских нарядов, приготовления арестантских помещений и других предварительных распоряжений. Со своими предположениями о готовящихся ликвидации рекомендуется своевременно совершенно доверительно ознакомливать и местного начальника губернии или градоначальника, а в необходимых случаях просить содействия последних.

§33

Личное присутствие при обысках начальника Отделений — предоставляется их усмотрению. Начальникам Отделений предоставляется право командирования для присутствования при обысках состоящих в их распоряжении лиц, с правом давать в нужных случаях соответствующие указания чинам, производящим обыски.

399

§ 34

Все протоколы следственных действий (а равно и поручения, даваемые полиции) должны быть составляемы с соблюдением установленных законом форм. Таким образом — а) если обыск произведен исключительно в видах исследования политической благонадежности заподозренного лица и не дал никаких результатов, то в протоколе должно быть отмечено, что обыск сделан на основании 21 или 29 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, и б) если при производстве обыска, сделанного хотя бы и в порядке предшествующего пункта или на основании указаний на наличность у обыскиваемого вещественных доказательств, будут обнаружены предметы, уличающие обыскиваемого в преступлении государственном или общеуголовном, то в протоколе, на точном основании 258 ст. Уст. Угол. Суд., обозначается, что таковой составлен в порядке этой статьи (а если оказались признаки государственного преступления, — то и 1035 — ст. того же Устава).

§ 35

В тех же протоколах должно быть самым точным образом обозначено, где именно найдены предметы, приобщаемые к протоколу, причем, если таковых отбирается немного, то все они должны быть поименованы отдельно в протоколе. Если же перечисление всех вещей потребовало бы слишком много времени, то они распределяются по группам (напр., брошюры, письма, карточки и т.п.), с обозначением количества предметов, входящих в каждую группу, и затем печатаются при обыскиваемом

лице (или его заменяющем) и при понятых.

§36

По окончании обысков, протоколы таковых со всеми вещественными доказательствами доставляются в Охранное отделение, где начальник такового или его помощник, имеющие право производства следственных действий, делают, в случае надобности, на основании 258 и 259 ст. Уст. Угол. Судопр., осмотр вещественных доказательств в присутствии обысканного лица, если к этому не представляется особых препятствий. По поводу этого осмотра составляется особый протокол, в котором обозначается, что осмотр произведен в порядке 258 ст. Уст. Угол. Суд., а также излагаются следующие сведения: 1) какой печатью был опечатан вскрытый пакет; 2) краткое описание (в форме описи) предметов, оказавшихся в пакете; 3) распоряжение об оставлении при отделении до востребования вещей, неудобных для перевозки к следователю или в жандармское управление или не могущих во всяком случае иметь значение для дела; 4) обозначение печати, коей опечатан пакет, в который заключены вновь вещественные доказательства в охранном отделении и 5) подписи производившего осмотр, а равно понятых и других лиц, присутствовавших при таковом.

§37

Осмотры вещественных доказательств должны быть произведены с наибольшею быстротою, причем из них должны быть извлечены все сведения, необходимые для дальнейшего негласного расследования. Если заключающиеся в вещественных доказательствах данные не требуют

400

принятия немедленных мер, то об этих обстоятельствах должно быть особо указано в сообщении судебному следователю или жандармскому офицеру с отметкой, что данные эти не использованы.

§38

В отношении принятия мер пресечения против лиц, подвергшихся обыскам, начальники охранных отделений должны избегать заключения под стражу лиц, лишение коих свободы не вызывается необходимостью в видах воспрепятствования им возможности уклониться от преследования или скрыть доказательства преступления. При этом начальники охранных отделений должны соблюдать требования, указанные в 416—421 ст. Уст. Угол. Судопр.

§39

По поводу составлений постановлений о заключении под стражу должны быть соблюдаемы нижеследующие правила:

1) Если обыски произведены лицами, имеющими право арестований на основании 21 и 29 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (начальники полиции, начальники губернских жандармских управлений и их помощники), то постановления составляются теми же лицами.

2) Если обыски или задержания произведены без заранее условленного планами лицами, не пользующимися правами, указанными выше В п. I, то лица эти составляют постановления в порядке 257 ст. Уст. Угол. Суд и передают задержанных в распоряжение начальников жандармских управлений, или их помощников, или по предложению прокуратуры, — судебным следователям.

3) Если обыски и задержания происходят на основании законного негласного расследования, то, если означенными мерами руководит лицо, пользующееся правами, описанными в п. I сей статьи, оно же и подписывает постановления об арестах в порядке 257 ст. Угол. Суд., или 29 ст. Положения об охране, сообразно тому, будет ли подлежать дело немедленной передаче судебной власти или дальнейшему исследованию

4) Если распоряжения об указанных мерах делаются начальником охранного отделения, его помощником или чиновником особых поручений и притом все эти лица не обладают означенными в I п. правами, то списки подлежащих задержанию лиц, с кратким объяснением имеющих против них данных расследования, представляются местному начальнику губернского жандармского управления или его помощнику, коим затем и подписываются надлежащие постановления об арестах обвиняемых, зачисляемых дальнейшим содержанием за теми же должностными лицами, причем, ввиду единства власти и действий чинов розыскных органов, упомянутые требования начальников охранных отделений обязательны.

§ 40

Подлинные постановления об аресте должны быть обязательно предъявляемы при самом задержании лицам, заключаемым под стражу, а копии сих постановлений доставляются неукоснительно в место заключения в течение 24 часов с момента ареста.

§41

Начальники охранных отделений или уполномоченные ими лица должны в течение суток с момента ареста заподозренного допросить его

14 - 560

401

по существу падающего на него обвинения, причем, если опросу подлежит значительное количество лиц, то начальники охранных

отделений обращаются за содействием к начальнику жандармского управления, который командирует для опроса офицеров корпуса жандармов, осведомляемых начальником отделения с обстоятельствами дела, касающимися данного арестованного.

§42

Тотчас по окончании расследования и обысков, удостоверивших наличность государственного преступления, начальник охранного отделения не позднее как в течение 24 часов дает знать об этом начальнику жандармского управления или его помощнику и прокурорскому надзору о сущности обнаруженного деяния государственного и о подвергнутых аресту лицах. Вместе с тем начальник охранного отделения немедленно изготавляет и подробное сообщение по данному делу, включая в него все агентурные сведения (кроме могущих повредить агентуре) и указания на значение существенных вещественных доказательств и тех свидетелей, которые могут дать полезные для расследования показания. При этом не должно быть допускаемо присвоение значения агентурных сведений результатам обысков, а также голословных характеристик обвиняемых (вроде фраз «член комитета», «главарь партии», «пропагандист» и т.п.), так как сообщение начальника охранного отделения должно служить основанием для разрешения вопроса о привлечении заподозренного к формальной ответственности и избрания против него соответствующей меры пресечения. Поэтому в отзыве начальника охранного отделения должны быть по возможности указаны все факты, удостоверяющие проявление преступной деятельности данного лица.

§43

Ни в каком случае не следует соединять в одной записке или сообщении сведения о деятельности разных партий, а тем более не соединять такие сообщения с посторонними делу данными (как, например, с денежными требованиями и отчетами и т.п.). О лицах, принадлежащих к разным партиям и организациям, а равно о разных отдельных проявлениях революционной деятельности надлежит составлять отдельные же сообщения.

§ 44

Если в течение 7 дней начальник жандармского управления или его помощник, за коими зачислены лица, арестованные охранным отделением, не получают от последнего сообщения для приступа к дознанию в порядке 29 ст. Положения об охране или 1035 и следующих статей Уст. Угол. Судопр., то названные жандармские офицеры поступают в дальнейшем сообразно имеющимся у них сведениям, немедленно освобождая тех задержанных, к

дальнейшему аресту коих нет достаточных оснований.

§45

Все распоряжения о производстве обысков и арестов по делам политического характера, основанные на постановлениях местных жандармских и полицейских властей или вытекающие из отдельных требований,

402

должны приводиться в исполнение не иначе, как по предварительному сношению с начальником охранного отделения или жандармским офицером, ведающим самостоятельно розыском в данной местности. В случае возникших по сему предмету неустраимых разногласий, о таковых, до исполнения следственных действий, доносится немедленно Департаменту полиции, если требование исходит от жандармской или полицейской власти, и прокурору палаты, если подлежит исполнению постановление судебной власти, причем о сем факте доводится до сведения названного Департамента, с указанием, на распоряжение какого прокурора палаты представлено возникшее пререкание.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 23. Л. 1-5.

Приложение № 8

ИНСТРУКЦИЯ

начальникам охранных отделений

по организации наружного наблюдения

§ 1

Одним из средств негласного расследования является наружное наблюдение за лицами, прикосновенными к революционному движению, я каковой цели назначаются особые лица (филеры).

§2

Наружное наблюдение представляется средством, большей частью вспомогательным, а потому, при отсутствии освещения со стороны внутренней агентуры, оно лишь в исключительных случаях может дать самостоятельный материал для выяснения сообществ. Поэтому наибольшую пользу из наружного наблюдения можно получить только при строгом образовании его с указаниями внутренней агентуры на значение наблюдаемых лиц и намеченных филерами событий.

§3

При отсутствии попутного освещения со стороны внутренней агентуры не следует допускать чрезмерного развития наружного наблюдения, так как будучи весьма растяжимо, оно может давать весьма обширный, но непонятный материал, крайне затрудняющий работу

филеров и отделения.

§4

Подробные правила для деятельности филеров изложены в особой инструкции.

§5

В видах более успешного наблюдения, филеры должны быть приучены к возможно тщательному запоминанию лиц наблюдаемых, а не к определению их по одной одежде.

§6

Начальники охранных отделений, кроме денег, назначаемых по их усмотрению и выдаваемых только за дни действительной службы, возмещают филерам также и расходы, вызываемые осуществлением наблюдения (трактиры, извозчики, квартиры и т.п.) по представляемым ими счетам, по мере действительной надобности. Расходы эти покрываются из выпускаемых на каждого филера 15 рублей «суточных» денег.

§7

В отношении предоставления филеров для допроса в качестве свидетелей при дознании, надлежит в точности руководствоваться правилами,

404

изложенными в циркулярном предписании начальникам губернских и областных жандармских управлений от 20 марта 1903 года № 2821.

§8

Заведующий наружным наблюдением в охранном отделении разрабатывает все поступившие сведения по наблюдению, выбирает из них наиболее серьезные и заслуживающие внимания и представляет таковые, через начальника отделения в районное охранное отделение, по каждой организации отдельно, один раз в неделю. Никаких переписок помимо: начальника отделения с другими учреждениями и лицами, а также Департаментом заведующие наблюдением вести не имеют права.

§9

Все сведения по наружному наблюдению за каждым отдельным лицом записываются филерами ежедневно в вечерние рапортички.

В дальнейшем, сведения по наблюдению за лицами, принадлежащими к одной и той же организации, переписываются и соединяются в дневники наблюдения за определенный период времени (форма Б.). При этом, прежде внесения в дневник, сведения выверяются соответственно позднейшим данным и делаются установки лиц и домов, которые в день наблюдения не были выяснены.

Независимо от этого по каждой организации отдельно составляются сводки лиц и домов, проходящих по наблюдению (форма Б.).

§ 10

Для более быстрого ориентирования в домах, проходящих по наблюдению, в отделении должен иметься листковый алфавит сведений о домах, так называемая «дуга домов», на которую нанизываются листки трех цветов в порядке номеров домов по каждой улице особо.

Первый — красный (форма Г.-I), на который заносятся вкратце все сведения о данном доме по агентуре, делам и проч. (например, «живет социалист-революционер» «Артур» — см. регистр. СР. № 1; собираются сходки социал-демократов в квартире № 6 (агент. № 4); входящий № 168, исходящий № 379 и т.п.). Если дом проходит по наблюдению, то на красном листке ставится штампель того месяца, когда дом проходил по наблюдению: «Наблюдение, январь 1906 г.». Взяв соответствующую сводку, можно видеть, кто посещал этот дом.

Второй лист — зеленый (форма Г.-II), является сводкой наружного наблюдения по этому дому. На нем, в соответствующих графах, по каждой организации отдельно, отмечается: кто, когда и кого посетил в данном доме. В верхней части этого листка (где нет граф) выписываются фамилии, имена, отчества и звания лиц, к которым, по предположению, могло относиться посещение. Зеленые листы, если дом проходит в данное время по наблюдению, находятся у заведующего наблюдением и представляют из себя черновую сводку домов текущего наблюдения. По окончании же наблюдения за данным домом, зеленые листы помещаются на дугу для справок.

Третий лист — белый (форма Г.-3), представляет из себя выписку из домовых книг лиц, живущих в означенном доме, к квартирам которых, по предположению, могли относиться посещения, агентурные сведения или сведения по переписке.

Все три листа на один дом кладутся по порядку один под другой.

405

Сводки к дневникам наблюдения (без дневников) к 5-му числу каждого месяца начальники охранных отделений представляют в районные охранные отделения, в Департамент же полиции представляются ими ежемесячно к 5-му числу следующего за отчетным месяца списки лиц, находивших по наблюдению в этом месяце, по каждой организации отдельно, с полной установкой наблюдаемых (фамилия, имя, отчество, звание, лета, вероисповедание, занятие, кличка по наблюдению и в организации) и кратким указанием причин, вызвавших наблюдение.

Наиболее серьезным (центральным) лицам следует давать вкратце характеристику особом примечании к этому списку.

Заведующий наблюдением в районах и старшие филеры в отделениях должны знать адреса таковых же всех других охранных отделений и пунктов для посылки условных телеграмм и писем. Адреса эти и все перемены их сообщаются начальникам всех охранных отделений и заведывающему Особым отделом Департамента полиции.

Филерам должны быть заранее отданы приказания о том, кого из наблюдаемых надлежит сопровождать в случае выезда их из города.

Сопровождать наблюдением в иногородних поездках следует только: а) в отношении коих имеются специальные на этот предмет распоряжения Департамента полиции, б) заведомо нелегальных, в) подозреваемых в террористических злоумышлениях и г) относительно которых доподлинно известно, что поездка их имеет революционную цель.

Для сопровождения наблюдаемых в иногородних поездках командировются не менее двух агентов, так как только в этом случае может быть обеспечен успех наблюдения и устранены нежелательные случайности утери, провал и т.п.).

Филер, выехавший из места постоянного пребывания с наблюдаемым, при первом удобном случае телеграфирует заведующему наблюдением в районе и своему начальнику. Телеграммы должны носить характер торговой корреспонденции, например: «Товар Черного везу Тулу» или другую, установленную районными отделениями форму.

В случае выбытия наблюдаемого в сопровождении филеров в район наблюдения другого охранного отделения или управления — начальнику последних надлежит немедленно телеграфировать о том шифром, с обязательным указанием: какого числа, каким поездом и какой дорогой, в вагоне какого класса и за каким номером, до какого пункта выехал наблюдаемый, как его фамилия, или, если он не установлен, кличка; кто именно его сопровождает; к какой организации он принадлежит; какое значение он имеет для розыска и что требуется в отношении его предпринять (неотступное наблюдение, установка личности, задержание). В этих телеграммах желательно указывать условные признаки, по которым можно узнать сопровождающего филера.

§ 18

В случаях переездов лиц, причастных к преступной деятельности, наблюдательные агенты передают наблюдаемого, для дальнейшей проделки, тотчас по прибытии в район первого же на пути охранного отделения или жандармского управления филерам этих учреждений. Если же лицо

остановилось на более или менее продолжительное время в местности, где филерских отрядов не имеется, то старшему из прибывших филеров вменяется в обязанность явиться к подлежащему жандармскому начальству, если таковое есть в данной местности и, доложив о цели своего прибытия, продолжать наблюдение силами своего отделения до получения распоряжения своего начальника.

В то же время начальник отделения сообщает начальнику управления, в район коего проведен наблюдаемый, необходимые о последнем сведения, входит с начальником управления в соглашение относительно дальнейшего наблюдения, то есть или о передаче наблюдаемого местным органам или о продолжении наблюдения филерами отделения, причем последнее, если это возможно по состоянию сил отделения, должно предпочитаться.

§ 19

О выезде всякого наблюдаемого в сопровождении филеров безотлагательно сообщается начальнику районного охранного отделения с подробными сведениями о личности выехавшего и основаниях, послуживших к сопровождению его.

Если наблюдаемый не будет в дальнейшем передан на ответственность розыскных органов другого района, то о результатах проследок, а равно о прекращении таковых, сообщается дополнительно.

§ 20

О принятии в наблюдение приезжего лица, доставленного иногородними филерами, в течение суток уведомляется соответствующий начальник охранного отделения и одновременно сообщается в районное отделение, а после того, дополнительно, сообщается о результатах последующего наблюдения.

§ 21

Расходы по разъездам филеров по делам службы вне постоянного местопребывания их, покрываются Департаментом полиции, которому и представляются счета по этому поводу с отметкой на представлении и конверте: «по 3-му делопроизводству».

407

§ 22

О каждой иногородней командировке надлежит представлять в Департамент полиции по Особому отделу, по окончании командировки сведения о причинах, вызвавших сопровождение наблюдаемого" результате, достигнутых наблюдением, числе дней командировки и количестве

Приложение № 9
Министерство Циркулярно
внутренних дел
Департамент
общих дел
Отделение IV
стол 2
28 января 1908 г. № 4
Г.г. Губернаторам и Градоначальникам

Учрежденные в порядке, установленном законом 4 марта 1906 г., многочисленные частные, так называемые просветительные, общества разных наименований и в особенности «Общества Народных Университетов», ставящие, согласно их уставам, своей задачей распространение общего и профессионального образования в народных массах, за последнее время, как это явствует из сведений, имеющихся в Министерстве Внутренних дел, стали заметно уклоняться от деятельности, обозначенной ими в их уставах, и все более обращаются в сторону энергичной пропаганды, путем народных чтений и бесед, крайних политических учений, в то же время направляя имеющиеся в их распоряжении силы и средства к сплочению народных масс для противоправительственной деятельности.

Как видно, например, из данных о деятельности С.-Петербургского Общества Народных Университетов, устав которого зарегистрирован 10 октября 1906 г., Общество это, открыв в начале чтения на темы преимущественно учебные — об электричестве, теплоте, дыхании, растительной жизни и т.п., вскоре начало постепенно вводить в круг чтений темы экономического характера, после чего весьма быстро остановило свое особое внимание на вопросах, которые давали бы повод внушать слушателям необходимость решительной борьбы с существующим государственным и экономическим строем и возбуждали бы массы к неповиновению законам. Соответственно с этим определялся и подбор лекторов, в качестве которых часто выступали лица, неоднократно замечавшиеся в противоправительственной агитации и даже привлекавшиеся к ответственности за государственные преступления.

Той же основной чертой отмечена деятельность и Московского Общества Народных Университетов, чтения и беседы которого, за редкими исключениями, лишены всякого научного характера и с большей или меньшей осторожностью, но почти исключительно посвящены задачам воспитания в слушателях духа революционного протеста и озлобления

против существующего государственного и экономического строя.

Совершенно те же черты наблюдаются и в деятельности значительной части других таких же и им подобных обществ. При этом везде доступ на устраиваемые чтения и беседы ничем не ограничен, так что, следовательно, занятия эти неизменно ведутся перед аудиториями, совершенно неспособными отнестись критически к предлагаемым взглядам и суждениям.

409

Имеющиеся в Министерстве Внутренних дел данные не позволяют сомневаться, что все означенные обстоятельства не могут обсуждаться случайные или разрозненные действия отдельных агитаторов, или вообще, как проявление политических увлечений отдельных деятелей на поприще просвещения народных масс. В настоящем случае, как усматривается из тех же данных, различными политическими группами, объединившихся для этой цели, несмотря на все различия партийных программ, осуществляется заранее выработанный общий план действий, веющий целью, под предлогом просвещения народных масс, создать из среды самих же масс агитаторов и пропагандистов и таким образом вызвать революционное брожение.

К тому же убеждению приводит и ознакомление с деятельностью задавшего в Петербурге в начале сего Января «Всероссийского съезда представителей Обществ Народных Университетов и других просветительных учреждений частной инициативы». Хотя публичные заседания съезда были отмечены лишь немногими случаями отклонения от его непосредственных задач, причем немедленно тут же принимались и меры для восстановления законного порядка, но не представляется сомнительным, что значительнейшая часть участников съезда преследовала цели, весьма далекие от тех, во имя которых, согласно заявлению организаторов, съезд был разрешен Правительством. Это усматривается с совершенной определенностью не только из тех подчас исключительно резких заявлений, которые неоднократно делались различными участниками съезда время заседаний отдельных секций и подсекций, но и из ряда проектов резолюций, иные из которых представлялись слишком крайними же для большинства съезда. Между тем нельзя не отметить, что съезд, составу своему представлялся собранием лиц, охотно пользовавшихся таким случаем подчеркнуть яркую тенденциозность своих общих политических настроений и воззрений. В этом отношении заслуживают особого внимания все те доклады, а также прения и постановления по ним, которые ставили своей задачей выяснить, в какой

мере цели народного освещения, как их понимают деятели съезда, противоречат государственным видам Правительства, и какими путями надлежит идти, дабы обойти возможные в данном случае препятствия. То же значение имеют не многочисленные доклады, которые устанавливали, как надлежит подавать, дабы при всех случаях удавалось наиболее полно использовать чествующие условия в интересах тех политических стремлений, которые, по мнению значительного числа участников съезда, одни должны искать в основе деятельности так называемых «просветительных обществах инициативы».

Относясь с полным вниманием и сочувствием к деятельности просветительных обществ, в том числе и «Обществ Народных Университетов», суда таковая остается в пределах уставами определенных задач — содействовать распространению в массах общих и профессиональных знаний, — я, ввиду всего вышеизложенного, не могу, однако, не обратить внимания Вашего Превосходительства на необходимость иметь за этими обществами строгое наблюдение и, в случае уклонения их в сторону политической пропаганды и агитации, а также от обязательных для них, уставам, условий деятельности, принимать решительные меры, гать до закрытия этих обществ в установленном законом порядке, строжайшим образом, Вам надлежит при разрешении вопроса о допущении устраиваемых подобными обществами чтений и лекций, обращать

410

внимание как на избранную тему, так равно и на личность лектора. В случае если тема лекции или чтения не отвечает прямым задачам, осуществление которых предоставлено данному просветительному обществу, а также если личность лектора дает Вам основания к убеждению, что лекция не останется в рамках избранной темы и перейдет в политическую пропаганду, Вам надлежит, на точном основании ст. 7-ой Отдела 4-го марта 1906 года о собраниях, возлагающей на Начальника Полиции обязанность не допускать устройства публичных акций, угрожающих общественному спокойствию и безопасности, воспрепятствовать устройству означенной лекции или чтения.

Подписал: Министр Внутренних Дел, Статс-Секретарь П. Столыпин.

Скрепил: Директор А. Арбузов.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 126. Л. 4-5.

Приложение № 10

М.В.Д. Секретно

Департамент полиции Циркулярно

По Особому отделу
5 ноября 1908 года

Начальникам губернских жандармских управлений, охранных отделений и № 141386 жандармских полицейских управлений железных дорог

В целях всестороннего ознакомления с деятельностью враждебных русскому государственному строю элементов, Департамент полиции просит Вас, Милостивый Государь, на будущее время по обнаружении Вами при обысках и по получении агентурным или другим каким-либо путем противоправительственных изданий как подпольных, так и выпущенных за границей, а равно изданных революционными организациями преступных воззваний и листов — таковые, независимо от приложения к соответствующим донесениям, препровождать в количестве 3 экземпляров каждое, в Департамент, адресуя их в существующую при IV делопроизводстве Департамента библиотеку, где сосредоточиваются произведения радикальной и революционной прессы.

Подписал: за директора С. Виссарионов

Скрепил: заведующий Отделом, полковник Климович

Верно: помощник делопроизводителя

412

Приложение № 11

За министра внутренних дел

Циркулярно

Конфиденциально

Милостивый Государь,

В циркулярах от 28 января 1908 г. за № 4 по Департаменту Общих Дел и 30 апреля и 6 сентября 1908 г. за № 65173 и 67313 (по Департаменту Полиции) Министерством Внутренних Дел было обращено внимание местных административных властей на незакономерное направление деятельности просветительных обществ частной инициативы и на необходимость энергичной борьбы с этим явлением, представляющим несомненную угрозу государственному порядку и общественному спокойствию. В настоящее время Департаментом Полиции получены нижеследующие сведения об отношении к делу просвещения народных масс и к помянутым выше просветительным обществам конституционно-демократической партии.

За последнее время названная партия решила обратиться к работе прежних либералов 1890-х годов и, направив свою деятельность на

культурно-просветительные цели, вести эту культурно-просветительную работу по строго определенной программе и подчинить ведению местных своих комитетов. Подобным образом действий партия имеет в виду достигнуть двух целей: 1) организовавшись и воплотившись в различных слоях населения, она этим как бы легализируется, при каковом условии несомненно будет облегчено ее руководство и деятельность вообще и 2) направив всю свою деятельность на культурно-просветительные цели, партия рассчитывает приобрести и симпатии общества и вместе с тем, путем настоящего общения, устройством лекций, собраний и т.п., быть всегда в курсе настроения масс и этим облегчить работу и пропаганду своим членам. По тем же соображениям кадетская партия ныне занята организацией, под флагом беспартийности, «Союза учителей и учительниц» и, чтобы сплотить остатки бывшего «Всероссийского союза учителей и учительниц» (имевшего революционный характер), обратила свое внимание на почти бездействующее, со времени последнего учительского съезда, «бюро» по устройству «учительского дома»; входившие в состав этого «бюро» кадеты, во главе с литератором Н.В. Тулуповым, завели связи с провинцией и возродили эту организацию, долженствующую ныне стать центром «Всероссийского союза учителей и учительниц», а чтобы еще более сплотить и объединить учительский персонал, партией в 1909 г. были сформированы экскурсии за границу, а в текущем году намечен был ряд таких же экскурсий по России. В организации этих экскурсий особенно живое участие принимает графиня Варвара Николаевна Бобринская, являющаяся видным партийным работником по г. Москве. Наряду с этим, благодаря щедрой материальной поддержке видных партийных деятелей, ныне переведен из Киева в Москву журнал «Народный Учитель», который и явится собственным легальным органом будущего Союза». По имеющимся сведениям, подавляющее большинство просветительных

413

учреждений в настоящее время уже находится под безусловным воздействием кадетской партии.

Независимо кадетской партии, просветительные организации в рабочей среде являются предметом серьезных вождений и для социально-демократической и социально-революционной партии. На общепартийной конференции «Российской социал-демократической рабочей партии» в декабре 1908 г. признано существенно необходимым обратить особенное внимание на использование, в партийных интересах, укрепление существующих и учреждение новых нелегальных, легальных и

полулегальных организаций в рабочей среде, которые могли бы служить социал-демократической партии опорными пунктами для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс, причем среди этих организаций определенно указаны клубы и просветительные общества. На V Съезде совета партии социалистов-революционеров в мае 1909 г. также признано необходимым проникать в легальные просветительные общества для использования их в партийных целях.

Сообщая доверительно приведенные данные Вашему для сведения и соображений в дополнение к указаниям, изложенным в помянутых циркулярах, я имею честь покорнейше просить Вас ознакомить с таковыми и местный жандармский надзор в целях соответственного наблюдения за деятельностью просветительных организаций на местах.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в отличном моем к Вам уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Курлов.

№ 62773.

13 октября 1910 г.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 126. Л. 2-3.

Приложение № 12

Министерство Внутренних дел

Департамент полиции

По Особому Отделу

18 ноября 1910 г.

Совершенно секретно

Циркулярно

Начальникам Губернских

Жандармских Управлений

и Охранных Отделений

В циркуляре Департамента Полиции от 2-го марта 1908 года за № 126034 Начальникам Губернских Жандармских Управлений были даны указания о необходимости приобретения в сельских местностях секретных сотрудников и вспомогательных агентов, причем было указано на неправильное употребление филеров, выразившееся в сосредоточении их в губернских городах для ведения затяжной слежки за лицами «неблагонадежными»; в этом же циркуляре (п.п. 4 и 5) были даны указания о командировках филеров для секретного освещения губернии, для разработки агентурных сведений и для свиданий с вспомогательными агентами, а в исключительных случаях и с менее серьезными секретными

сотрудниками; при этом было сказано, что командируемые филеры должны законспирировать цель своего приезда торговыми или другими целями и не останавливаться перед некоторыми сыскными приемами, являясь на места под видом крестьян, мелких торговцев и т.п.

Издавая указанный циркуляр Департамент Полиции имел в виду, что с приобретением серьезной агентуры у Начальников Управлений явится необходимость в подобных командировках филеров, так как, кроме необходимости свиданий с вспомогательными агентами и менее серьезными сотрудниками, будут встречаться случаи, когда одного агентурного освещения деятельности местных групп или кружков будет недостаточно и потребуются особая разведка через удачно избранных филеров. Обращение же значительного числа унтер-офицеров, и притом лучших, к филерской службе давало право надеяться, что среди них найдутся люди способные и развитые, секретные командировки которых под видом торговцев, книгонош, коммерческих агентов и т.п. могут принести серьезную пользу делу политического розыска.

К сожалению, многие из Начальников Губернских Жандармских Управлений и до настоящего времени не озаботились приобретением солидной агентуры и отсутствие ее пытаются восполнить командировками филеров. Не имея, за отсутствием агентуры, никаких сведений о деятельности революционных партий в губернии, Начальники Управлений посылают филеров наугад в разные уезды для наведения справок о настроении населения и выяснения деятельности революционных организаций. При этом не только не обращается серьезного внимания на надлежащий выбор филеров, но, зачастую, филеры командировются просто по очереди. Конспирация же командировок выражается лишь в одевании филерами статского платья.

При таких условиях командировки филеров в уезды являются совершенно бесполезными и лишь приносят значительный ущерб казне. Являясь на места без строго определенной цели и без надлежащей

415

конспирации, филеры производят опрос первых попавшихся на глаза крестьян или чинов полиции и, ничего не выяснив, возвращаются с докладом о том, что настроение крестьян спокойное или приподнятое и что никаких организаций не существует; иногда же помещают в свои доклады сведения, не имеющие никакого отношения к делу политического розыска.

Кроме такого, чисто формального выполнения требований Департамента Полиции, изложенных в вышеупомянутом циркуляре, некоторые Начальники Управлений командировуют филеров в сельские

местности для проверки сведений об отдельных лицах (в большинстве случаев по доносам и анонимным письмам), каковые командировки, обыкновенно кратковременные и недостаточно законспирированные, также всегда являются безрезультатными. Даже в тех случаях, когда филеры представляют донесения о полной неблагонадежности указанных им лиц, доклады эти, при отсутствии точных сведений о партийных связях и положении в организации данных лиц, обыкновенно остаются неиспользованными.

Кроме указанных командировок, основанных на неправильном понимании циркуляра от 2 марта 1908 года за № 126034, некоторые Начальники Управлений рассылают филеров, уже без всяких оснований, для сбора сведений по запросам о нижних чинах, командируемых на укомплектование частей С.-Петербургского гарнизона, и о лицах, поступающих на службу по Дворцовому ведомству. В некоторых Управлениях были случаи командировок филеров для производства негласных расследований о грабежах, убийствах, аграрных волнениях и проч.

Ввиду изложенного Департамент Полиции считает необходимым вновь напомнить Начальникам Губернских Жандармских Управлений, что в основу их розыскной деятельности должно быть положено изыскание способов приобретения секретных сотрудников, так как без надлежаще поставленной агентуры Начальники Управлений никогда не будут в курсе революционной деятельности местных организаций, а следовательно, и не будут в состоянии принимать соответствующие меры к парализованию этой деятельности. Филеры также должны быть использованы как для наружного наблюдения, так и для командировок, но на эти последние необходимо смотреть только как на вспомогательное средство и иметь в виду, что пользу они могут приносить лишь в тех случаях, когда будут умело законспирированы и когда Начальники Управлений, будучи достаточно ориентированы в деятельности революционных организаций, будут посылать филеров, надлежаще инструктируя их и ставя вполне определенные и возможно более узкие задачи; причем особое внимание должно обращаться на надлежащий выбор филеров. К командировкам филеров для свиданий с вспомогательными агентами и второстепенными сотрудниками следует прибегать лишь в тех случаях, когда по местным условиям г.г. офицеры лишены будут возможности видаться с ними лично; на надлежащий выбор и подготовку филеров и при этих командировках должно быть обращено самое серьезное внимание.

Командировки филеров для производства расследований о

совершившихся преступлениях должны быть прекращены как совершенно бесполезные и лишь ведущие к обнаружению филеров. Равно должны быть прекращены и посылки филеров для собирания сведений о нижних чинах, подлежащих командированию на укомплектование частей С.-Петербургского гарнизона, и о лицах, поступающих на службу по Дворцовому ведомству, так как «специальные обследования» (циркуляр Департамента Полиции от 25 ноября 1907 г. № 141462), состоящие в наведении справок о судимости и опросе местного населения, могут и должны

416

поручаться чинам общей полиции и жандармским унтер-офицерам в форме, а никак не филерам.

Помимо вышеизложенного Департамент Полиции должен еще отметить, что многие Начальники Управлений не сообщают Департаменту Полиции по Особому Отделу о результатах командировок филеров, как это требуется

§ 22 Инструкции по организации наружного наблюдения, совершенно ошибочно полагая, что этот параграф относится лишь к командировкам филеров для сопровождения наблюдаемых. Хотя в указанном параграфе и говорится «о причинах, вызвавших сопровождение наблюдаемых», но необходимо иметь в виду, что до издания циркуляра от 2 марта 1908 года № 126034 филеры предназначались исключительно для наружного наблюдения, а потому и другой редакции указанного параграфа Инструкции, изданной до выхода упомянутого циркуляра, и не могло быть. Но само собою разумеется, что если требуются донесения о каждой командировке филеров, посылаемых для сопровождения наблюдаемых, то тем более необходимо представлять сообщения о результатах более серьезных командировок, установленных циркуляром 2 марта 1908 года № 126034. О сделанных сообщениях по Особому Отделу надлежит обязательно отмечать в отчетах, представляемых по 3-му Делопроизводству.

Преподанные указания и разъяснения Департамент Полиции просит принять к руководству и исполнению в дополнение к циркуляру от 2 марта 1908 года за № 126034.

Директор Зуев

Заведующий Особым Отделом, Полковник Еремин

ГА РФ. Ф. 102. Он. 314. Д. 8. Л. 34-37.